

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.А. Забияко

**Литература
дальневосточного
зарубежья**

Учебное пособие

Благовещенск
Издательство АмГУ
2020

ББК 83.3 (2 Рос=2 Рус)

З 12

*Рекомендовано
учебно-методическим советом Амурского государственного университета*

Рецензенты:

*Агеносов В.В., заслуженный деятель науки РФ, академик РАН; докт. филол. наук,
проф. кафедры журналистики и литературы ИМПЭ (г. Москва).*

Ли Иннань, профессор Университета Иностранных языков (г. Пекин, КНР)

Забияко А.А. Литература дальневосточного зарубежья: Учебное пособие для аспирантов по направлению подготовки 45.06.01 [Электронный ресурс]. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. – 317 с.

Издание предназначено в качестве учебного пособия аспирантам филологических направлений подготовки, изучающим дисциплину «Литература русского зарубежья».

Учебное издание обеспечивает раздел дисциплины, посвященный литературному процессу дальневосточного зарубежья, этносоциальному, этнокультурному, этнорелигиозному социо-политическому контексту формирования литературы восточной ветви; содержит вопросы для самостоятельной работы и самопроверки аспирантов, методические рекомендации, список дополнительной литературы.

Может быть использовано в качестве дополнительного учебного издания для преподавателей, работающих с бакалаврами и магистрами, и ведущих дисциплины «История русской литературы XX в.», «История литературы русского зарубежья», спецсеминары по литературе, а также занимающихся научно-исследовательской деятельностью со студентами по данной проблематике.

Пособие создано с учетом требований Государственного стандарта для высшего образования.

© А.А. Забияко, 2020

© Амурский государственный университет, 2020

Введение

Данное пособие адресовано, в первую очередь, аспирантам филологических направлений подготовки, изучающих дисциплину **«История литературы русского зарубежья»**.

Цель дисциплины в целом предполагает получение знаний об особенностях и специфике литературного процесса русского зарубежья в целом, ознакомление с тенденциями литературного развития в центрах «западной» и «восточной волн» русской эмиграции, изучение связи литературных процессов в метрополии и эмиграции, получение знаний о современном научном уровне изучения литературного наследия русской эмиграции.

Задачи дисциплины:

- дать представление об основных этапах и направлениях развития литературы русского зарубежья;
- определить место литературы русского зарубежья в культурном наследии русской эмиграции и метрополии;
- представить основные методологические принципы и методические приемы исследования данной области истории литературы;
- дать представление о литературе русского зарубежья волны как части русской литературы XX в.
- показать специфику литературного процесса в дальневосточной эмиграции в условиях дальневосточного фронта.

Данное пособие раскрывает содержание раздела курса, посвященного **литературному процессу дальневосточной эмиграции**, этносоциальному, этнокультурному, этнорелигиозному социо-политическому контексту формирования литературы восточной ветви. Этот раздел дисциплины относится к региональному компоненту; непосредственно связан с научным направлением кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета «Литература и культура дальневосточного зарубежья в контексте отечественной россики», определяет тематику и концептуальные основы диссертационных исследований аспирантов. Данная часть раздела входит

в качестве блока вопросов к Государственному итоговому экзамену и экзамену по специальности 10.01.01 «Русская литература».

Содержание данного раздела носит авторский характер. Основу лекционных и семинарских занятий составляют результаты научных (архивных, источниковедческих, текстологических, историко-литературных и теоретических) исследований и методических решений автора пособия и научного коллектива, работающего под его руководством в «Центре изучения дальневосточной эмиграции». Каждая тема сопровождается терминологическим аппаратом, определяющим авторскую концепцию развития литературного процесса в дальневосточном зарубежье.

В качестве способа формирования умений и навыков в учебной программе аспирантов предусмотрены лекции и семинарские занятия. Навыки, приобретаемые при прослушивании лекций, подготовке и участии в семинарских занятиях, включают в себя: способность к ведению исследовательской работы, абстрактному логическому мышлению, использованию методов индукции и дедукции. Поэтому организация и проведение практических занятий является одной из приоритетных направлений в обучении истории литературы русского зарубежья аспирантов.

Разделы пособия отражают содержание лекционных и семинарских занятий по темам:

1. Литературная жизнь дальневосточной эмиграции.
2. Лирика восточной ветви зарубежья. Традиции и новаторство харбинских поэтов.
3. Проза восточной ветви русского зарубежья. Проблематика и поэтика.

В настоящее время актуальным становятся требования к личным качествам современного аспиранта – умению самостоятельно пополнять и обновлять знания, вести самостоятельный поиск необходимого материала, быть творческой личностью. Обучение в аспирантуре предполагает, в первую очередь, самостоятельную работу аспирантов над учебным и научным материалом,

формирующим методологическую базу будущего специалиста-филолога и преподавателя-исследователя. Данное учебное пособие предполагает:

- 1) самостоятельное изучение аспирантами текста предлагаемых лекций;
- 2) изучение аспирантами дополнительных источников, представленных в ссылках;
- 3) изучение терминологического аппарата, сопровождающего каждую лекцию;
- 4) подготовку к семинарским занятиям, конспектирование литературы, предложенной в списке;
- 5) чтение художественных текстов;
- 6) подготовку рефератов как основу научных докладов по предложенным темам;
- 7) выступление с научными докладами.

Учебное пособие содержит также вопросы для самостоятельной работы и самопроверки аспирантов, методические рекомендации, материалы для исследования, список дополнительной литературы.

Материалы для исследования содержат публикации современных российских и зарубежных исследователей литературного процесса дальневосточного зарубежья, осуществленные в тематических сборниках («Россия и Китай на дальневосточных рубежах», «Русский Харбин, запечатленный в слове»). Данные публикации носят дискуссионный характер и рассчитаны на самостоятельный эвристический поиск аспирантов, определение ими проблемных вопросов по данной теме.

Список дополнительной литературы составлен с учетом теоретических, историко-литературных, текстологических, источниковедческих аспектов современного литературоведения и его междисциплинарных связей с историей, лингвистикой, фольклористикой, религиоведением.

Основная литература

Учебники, учебные издания, сборники художественных текстов, научно-популярные фильмы, электронные ресурсы

1. Агеносов, В.В. История русской литературы XX века в 2 ч. Ч. 2 : учебник для академического бакалавриата / В.В. Агеносов ; отв. ред. В.В. Агеносов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во «Юрайт», 2017. – 687 с. – (Серия: Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978-5-9916-3490-8. – Режим доступа: www.biblio-online.ru/book/2B4B86CD-BAD7-430A-B5E9-935BF6E11A01
2. Буслакова, Т.П. Литература русского зарубежья: Курс лекций / Т.П. Буслакова. – М.: Высшая школа, 2003.
3. Литература русского зарубежья. Восточная ветвь [Электронный ресурс]: хрестоматия: в 4 т. / сост., ред., подгот. текста А.А. Забияко, сост., библиогр. ст., подгот. текста Г.В. Эфендиева, подгот. текста И.А. Дябкина, К.А. Землянской, А.А. Юрьевой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2013 – Т. 1: Проза: в 3 ч. – 1263 с.
4. В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Научное издание: В 3-х т. Т. 1 (в 2-х ч.) Материалы к творческой биографии/ Сост. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой; подгот. текстов И.А. Дябкина, А.А. Забияко, К.А. Землянской, Г.В. Эфендиевой; комментарии А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015.
5. Забияко, А.А. История литературы русского зарубежья (сборник учебно-методических материалов для направления подготовки 45.06.01 «Языкознание и литературоведение»). – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2017. – 25 с. – Режим доступа: http://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/AmurSU_Edition/9707.pdf
6. Забияко, А.А. Культура русского зарубежья (сборник учебно-методических материалов для направления подготовки 45.06.01 «Языкознание и литературоведение»). – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2017. – 23 с. – Режим доступа: http://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/AmurSU_Edition/9706.pdf

7. Цикл научно-популярных фильмов «Русские и китайцы: истории приграничной жизни» (Амуринфо – АмГУ; авт. сценария А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева, Н. Овсийчук).

8. Научно-популярный фильм «Модерн»: живая душа старого Харбина» (АмГУ – ООО Корпорация «Модерн», правительство г. Харбина; авт. сценария А.А. Забияко).

9. Сайт Научного музея Амурского государственного университета:
<http://old.amursu.ru/museum/>

ПРИМЕРНЫЕ ПЛАНЫ ЛЕКЦИОННЫХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Литературная жизнь дальневосточного зарубежья

1. Историческая судьба литературного наследия дальневосточного зарубежья.
2. Исторические, социокультурные, общественно-политические, геополитические условия формирования дальневосточного зарубежья. Строительство КВЖД, русская культура по линии отчуждения.
3. Дальневосточный фронтир: географическое, политическое и этнокультурное измерение.
4. Два центра дальневосточной эмиграции.
5. Литературный быт русского Харбина. Литературно-художественные кружки и издания.

Цель: сформировать представление об исторических, социокультурных, общественно-политических, геополитических условиях формирования дальневосточного зарубежья.

Задачи:

- раскрыть содержание понятий «фронтир», «дальневосточный фронтир», «фронтирная ментальность»;
- определить этнокультурные, социокультурные, общественно-политические условия формирования дальневосточной эмиграции;
- раскрыть специфические черты литературного быта русского Харбина.

Ключевые вопросы:

1. Что такое фронтир и каков смысл понятия «дальневосточный фронтир»?
2. Какие литературно-художественные объединения работали в русском Харбине.
3. В чем состоит специфика литературной жизни в Харбине и Шанхае?
4. Какие исторические условия определили специфику развития литературного процесса в русском Китае?

Тема 2. Лирика восточной ветви зарубежья. Традиции и новаторство харбинских поэтов

1. Творчество старших и младших поэтов эмиграции. «Серебряный век» и поэзия метрополии.
2. Поэтические декларации и сборники.
3. «Молодая Чураевка» как литературная школа.
4. Творчество А. Ачаира в оценках современников и современных ученых.
5. Творчество А. Несмелова в оценках современников и современных ученых.
6. Творчество А. Паркау в оценках современников и современных ученых.
7. Творчество М. Колосовой в оценках современников и современных ученых.
8. Творчество Л. Ещина в оценках современников и современных ученых.
9. Творчество Н. Щеголева в оценках современников и современных ученых.
10. Творчество Л. Андерсен в оценках современников и современных ученых.
11. Творчество Г. Гранина в оценках современников и современных ученых.
12. Творчество В. Перелешина в оценках современников и современных ученых.
13. Образ Китая и России в лирики эмиграции.

Цель: дать монографический обзор лирического творчества поэтов дальневосточной эмиграции.

Задачи:

– охарактеризовать специфику взаимодействия традиций «серебряного века» и советской лирики в поэзии дальневосточной эмиграции;

– охарактеризовать деятельность «Молодой Чураевки» как литературно-художественной школы поэтов эмиграции;

– охарактеризовать художественные миры лирики старших и младших поэтов восточной ветви русской эмиграции.

Ключевые вопросы:

1. В чем состоит специфика складывания лирического корпуса литературы восточной ветви?

2. В чем состоит своеобразие поэтических деклараций поэтов дальневосточного зарубежья?

3. Как биография поэтов отразилась в их лирическом творчестве.

Тема 3. Проза восточной ветви. Проблематика и поэтика.

1. Художественная этнография в прозе Н. Байкова, П. Шкуркина, Б. Юльского.

2. Проза А. Несмелова: проблематика и поэтика.

3. Мистика Востока в прозе А. Хейдока.

4. Проза русского Шанхая (М. Щербаков, П. Качоровский, Г. Кочуров и др.).

Цель: дать монографический обзор прозаического творчества дальневосточных писателей-эмигрантов.

Задачи:

– раскрыть понятие «художественная этнография» на материале прозы дальневосточного зарубежья;

– определить художественное своеобразие прозы Н.А. Байкова и П.В. Шкуркина как открывателей художественной этнографии;

– обозначить художественное своеобразие прозы А. Несмелова;

– охарактеризовать взаимодействие религиозного и художественного начал в прозе А. Хейдока;

– определить специфику развития прозаического творчества в русском Шанхае.

Ключевые вопросы:

1. Что такое художественная этнография?
2. Кто из русских писателей конца XIX – начала XX вв. стоит у истоков художественной этнографии?
3. Как творчество Вл. К. Арсеньева связано с творчеством Н.А. Байкова и П.В Шкуркина?
4. Какова специфика прозаического творчества А.Н. Несмелова?
5. Как биография А. Хейдока предопределила своеобразие его прозаического творчества?

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЛЕКЦИЙ

Тема 1. Литературная жизнь дальневосточной эмиграции

Художественное наследие восточной ветви русской эмиграции вошло в сознание отечественного читателя в самом начале 90-х гг. прошлого столетия¹. Читатель узнал имена Арсения Несмелова, Валерия Перелешина, Алексея Ачаира. После выхода в свет издания «Русская поэзия Китая» любители поэтического слова познакомились с творчеством Лариссы Андерсен, Николая Щеголева, Ольги Тельтофт и многих-многих других, вспомнили о забытом Венедикте Марте, узнали новое о Сергее Алымове². К середине двухтысячных начался настоящий публикационный бум поэзии восточной ветви русского зарубежья³. Стало ясно, что глубокая лакуна отечественной культуры восполнилась самоценным художественным явлением, отличным от того, что знали о лирике западной эмиграции⁴.

Однако еще два десятка лет назад специалисты-филологи, историки литературы и просто – заинтересованные читатели – вообще слабо представляли себе литературную жизнь дальневосточных беженцев, и трудом могли назвать одного-двух писателей русского Китая. Как случилось, что жизнь наших соотечественников-эмигрантов в Китае прошла стороной мимо истории страны и канула в Лету?

¹ Несмелов А. Без Москвы, без России. М., 1990. Вернуться в Россию – стихами... 200 поэтов эмиграции: Антология / сост., автор предисл., коммент. и биограф. сведения В. Крейда. М.: Республика, 1994. 388 с.; Мы жили тогда на планете другой...: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990 (первая и вторая волна): В 4 кн. / сост. Е.В. Витковский; коммент. Г.И. Мосешвили. М.: Московский рабочий, 1994-1995; Поэтессы русского зарубежья / сост. В.В. Агеносов, К.А. Толкачев. М.: Советский спорт, 1998. 448 с.

² Русская поэзия Китая: Антология / сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М.: Время, 2001. 720 с.

³ Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ», 2003. 416 с.; Слободчиков В.А. Земля отцов. Владимир: Маркарт, 2003. 85 с.; Ачаир А. Стихотворения: В 2 т. Сан-Франциско: Изд. Музея русской культуры, 2004; Ещин Л. Собрание стихотворений. М.: Водолей Publishers, 2005. 80 с.; Андерсен Л. Одна на мосту. Стихотворения. Воспоминания. Письма / сост., вступ. ст. и примеч. Т.Н. Калиберовой; предисл. Н.М. Крук; послесл. А.А. Хисамудинова. М.: Русский путь. Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2006. 472 с.; Несмелов А. Собрание сочинений: В 2 т. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006.

⁴ Об этом, например: Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (художественный мир лирики русского Харбина). Научное издание. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. 434 с.; Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. Научное издание. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. 352 с.

В отличие от западного крыла эмиграции, после 1945 года русская цивилизация в Китае практически закончила свое существование. И главные свидетели этой части российской истории и культуры – книги, газеты, журналы – в своем основном корпусе были утрачены. Ю.В. Крузенштерн-Петерец вспоминала: «Вступление советских войск в Маньчжурию сопровождалось невероятными книжными ауто-да-фе. Многие книги жглись самими авторами, книгопродавцами, библиотекарями из боязни репрессий; многие сжигались победителями за ненужность»¹. Одна из группы хабаровских архивистов, приехавших осенью 1945 г. в Харбин в поисках печатных изданий, В.И. Чернышева, вспоминала: «Мы прибыли в Харбин через месяц после капитуляции правительства Маньчжоу-Го; двор, где размещалась японская военная миссия, был покрыт пеплом»².

Но процесс рассеяния, распыления и уничтожения книжной продукции русского Харбина начался задолго до падения Маньчжоу-Го. Еще в 1926 году все желающие вернуться на родину были ознакомлены с документом, согласно которому они не имели права ввозить в страну «вредные для СССР в политическом и экономическом отношении документы, печатные произведения, клише, фотографические снимки, киноленты, рукописи, чертежи и рисунки»³. По пути следования возвращающихся на Родину железнодорожное полотно не единожды усеивалось книгами – политическими трактатами, экономическими прогнозами и анализами, публицистикой, стихами и прозой.

Последующие скитания по странам и континентам, аресты добровольных и вынужденных репатриантов в СССР, их боязнь за судьбы близких людей неизбежно привели к тому, что многие художественные тексты «русских китайцев» были утрачены. С сохранившимися материалами (зачастую не самыми

¹ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 52.

² ГАХК Ф. Р.-266. Оп. 1. Д. 11. Л. 4,5. Цит. по: Хисамутдинов А.А. Русские книги из Китая // Мир библиографии. 2006. № 4. С. 57–60.

³ Доброхотов Н.М. Справочный отдел (Товары, запрещенные к ввозу в СССР) // Доброхотов Н.М. Спутник коммерсанта: Ежегодн. экон., железнодорож., администр. и обществ. справ. по Сев. Маньчжурии и по г. Харбину. 1926–1927 гг.: Вып. 1. Харбин: Изд. Н.М. Доброхотова, 1926. С. 26. Цит. по: Хисамутдинов А.А. Русские книги из Китая. Указ. изд. С. 57.

лучшими) знакомы были единицы – родственники писателей, собиратели коллекций и исследователи-подвижники.

Кроме того, над самим понятием «литература дальневосточной эмиграции» с самого начала довлело клише: «провинциальная». Представление о «провинциальности», «мелкотемье», в общем – «второсортности» литературы дальневосточного зарубежья сформировалось давно и не без участия западно-европейской эмигрантской критики¹. В самокритике и самоумалении с первых лет формирования института эмиграции весьма преуспевали и сами дальневосточники. «Дураков нет. Все в Харбин уехали», – ерничали над собой в 1920 году харбинские журналисты². «Литературе на Дальнем Востоке не повезло в том отношении, что все "старшие писатели" эмигрировали на Запад, в Европу, и та литературная жизнь, которая зародилась на Востоке, была предоставлена самой себе. Здесь не оказалось никого из крупных писателей, кто бы мог так или иначе объединить молодежь, влиять на нее, руководить ею», – писалось почти через двадцать лет в шанхайско-парижских «Русских записках»³. «Судьба нас обделила, – спустя годы, вторя западным и местным критикам, сетовала Ю. Крузенштерн-Петерец. – К нам на восток попали после революции прекрасные артисты драмы и оперы, художники, музыканты. Мы были избалованы симфонией, камерными концертами, театром, роскошными декорациями, но больших писателей у нас не было. Они ушли на Запад. Контакта с ними не было, молодежи нашей учиться было не у кого»⁴.

Мнение о том, что на «Западе» (в первую очередь – в Париже) создавалась «высокая литература», а на «Востоке» (в Харбине и Шанхае) процветала продукция «второго ряда», бытовало многие десятилетия и в отечественной

¹ Терапиано Ю. Перечитывая «Антологию» // Журнал Содружества. 1936. № 3; Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж, 1984.

² Дионис Евич. Долой футуристов! Да здравствуют дети! // Маньчжурия. 1920. № 23. С. 3.

³ И.Ф. Эмигрантские писатели на Дальнем Востоке // Русские записки. Общественно-политический и литературный журнал. Париж. 1937. №1. С. 322–330.

⁴ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания... // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 65.

россиике¹. Далеким от архивов и частных коллекций филологам трудно было не поверить авторитетным суждениям знатоков на слово.

Сегодняшние изыскания (в том числе, автора учебного пособия и его коллег-единомышленников) позволяют определить уникальные обстоятельства формирования и развития литературного процесса в дальневосточном зарубежье.

Географические открытия второй половины XIX в., внешнеполитические интересы Российской империи, постепенная ориентация отечественной этнографии за пределы России, безусловно, способствовали тому, что к началу XX века Дальний Восток, граничащие с ним государства и населяющие их народы стали открываться для сознания русского человека. Русско-китайский договор 1896 г. о строительстве КВЖД открыл новые возможности в развитии межэтнических контактов на территории Северной Маньчжурии. И хотя боксерское восстание 1898–1901 гг. и русско-японская война 1904–1905 гг. стали определенной помехой для массового продвижения русского населения в эти земли, однако военные действия на этих территориях убедили правительство в необходимости более глубокого изучения геополитических особенностей данного края.

«Маньчжурия – дикая страна, покрытая дремучими лесами. Здесь растет знаменитый *женьшень*, водятся *тигры* и добывается трава для обуви – ула»), – писалось об этих местах в дореволюционных учебниках². Николай Байков, уже будучи прославленным писателем-натуралистом, художественной мыслью возвращался в Маньчжурию начала XX в.: «Здесь была своя *особенная жизнь*, и сохранился *древний быт*, очень далекий и чуждый современной культуре и цивилизации. Здесь доминировал "*Закон тайги*", жестокий с точки зрения обыва-

¹ Как пример негативной инерции по отношению к литературе дальневосточного зарубежья укажем издания только последнего десятилетия: Азаров А. Диалог поверх барьеров. Литературная жизнь русского зарубежья: центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918–1940). М., 2005; Буслакова Т.П. Литература русского зарубежья: Курс лекций. Учеб. пособие. 2-е изд. М., 2005.

² Строки из дореволюционного учебника (Байков Н.А. Записки заамурца. Воспоминания // Россияне в Азии. 1997. № 4. С. 49).

тельской морали, но рациональный и неизбежный. Властелином здесь был не человек, а *дикий зверь*, которому подчинялось все живое, не исключая и человека»¹. Ларисса Андерсен вспоминала самые яркие впечатления маньчжурской жизни: «Все-таки *зверский* там был *быт*. Как я, такая ”чувствительная“ ба-рынька, оттуда вышла? *Хунхузы, тигры* на окраинах городов, медведь в церкви, и еще на фоне нашей "гражданской"»². Можно сказать, что перед нами – динамичный образ восприятия дальневосточными писателями того обширного маргинального пространства Северо-восточного Китая, на котором на протяжении тысячелетий скрещивались разные этносы, культуры и религии, – пространства дальневосточного фронта.

Фронтир (от англ. frontier) – граница; теория фронта была разработана в начале XX в. Ф. Дж. Тёрнером (как «встреча дикости и цивилизации») (Turner 1962). Фронтир – термин, синонимичный русскому понятию «порубежье»³, которым определяется контактная зона между странами, народами или культурами. Понятие «дальневосточный фронтир» обозначает контактную зону в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В этой контактной зоне в атмосфере тесного межэтнического взаимодействия с середины XIX в. соединились судьбы русского и китайского, корейского, тунгусо-маньчжурского населения; сформировались психологические, языковые и культурные границы совместимости этносов. Именно **дальневосточный фронтир** определил специфику формирования литературы и культуры дальневосточного зарубежья, **отразивших ментальность человека дальневосточного фронта**. Под **ментальностью дальневосточного фронта** понимается духовная формация, отражающая идейно-психологические представления жителей дальневосточного фронта. Фронтирная ментальность основана на синкретизации этнорелигиозных, этнопсихологических, этносоциальных традиций и установок жителей дальневосточного фронта (русских, китайцев, корейцев, монголов, тунгусов, маньчжуров); от-

¹ Байков Н.А. Дань Великому Вану // Австралиада. 2003. № 34. С. 43–45.

² Письмо Л.Н. Андерсен Ю.В. Крузенштерн-Петерец от 12 апреля 1969 г. Цит. по: Андерсен Л.Н. Одна на мосту. Указ. изд. С. 333–334.

³ Забияко А.П. Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9. Благовещенск, 2010. С. 5–10.

ражена в языковых процессах (китайско-русский воляпюк, пиджин дальневосточного фронта); формирует народную интерпретацию развития исторического процесса в условиях приграничья и т.д.

Дальневосточные эмигранты сразу стали задумываться о том, что собой представляют. Вопрос: «Что же это за штука – Харбин: Европа или Азия?»¹ – жители Харбина и Северной Маньчжурии стали задавать себе с начала 20-х годов. Но риторический вопрос, обозначенный в архитектурно-художественном журнале, для многих звучал более определенно: «Харбин – это Россия или Китай?» Большинство для себя негласно решило: Россия. Потому культурные установки жителей Харбина были направлены, в первую очередь, на реставрацию образа утраченной Родины.

А широкие пространства вокруг Харбина были засеяны не пшеницей, а гаолянном, шумящим под ветрами с Гоби. Совсем рядом пугала своими дубрями и тиграми не уссурийская и не амурская – маньчжурская тайга. Не случайно проживавший в начале 20-х гг. в Харбине В. Март подметил: «Мы за китайской стеной быта»². В 1926 г. уже другой харбинский автор сетовал: «Привыкши считать Харбин за самую настоящую Россию, мы проглядываем его специфические особенности, как проглядываем подобные местные термины»³. И китайским языком русские в Харбине, как правило, не владели. «Не мы учили кит<айский> язык, а китайцы – «*пусть ходи*⁴ приспособляются, по-нашему

¹ Васильев М. Панорамы жизни. Облик Харбина // Архитектура и жизнь. 1921. № 3–4. С. 128.

² Март В. Желтые рабыни // Копейка. № 123. Публикация цикла В. Марта и комментарии к тексту: Забияко А.А., Левченко А.А. Этнические миграции и социокультурные реалии Северной Маньчжурии в первой половине XX в. (В. Март. Цикл «Желтые рабыни») // Россия Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11 / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на кит. и англ. Е.В. Сенина. Благовещенск: Амурский гос. университет, 2015. С. 329–339.

³ Доктор Финк. Фоб-Дайрен (рассказы К. Сабурова). Указ. изд.

⁴ Ходи (ходя – ед.ч.) – просторечное именование китайцев на русском Дальнем Востоке.

маракуют»¹, – читаем в неопубликованной рукописи черновика автобиографического романа Н. Щеголева «Перекресток», посвященного русскому Харбину².

Да, дети эмигрантов учили и в совершенстве овладевали французским, английским языками, а китайский выучили совсем немногие. Тому есть простое объяснение. В те годы в Харбине сложился специфический социокультурный состав китайского и маньчжурского населения – в основном, состоящий из обслуживающего персонала и торговцев, которые, в силу этнической предприимчивости, действительно, быстро осваивали чужой язык и чужие бытовые привычки – конечно, на уровне «пиджина» (твоя-моя, мало-мало), весьма редко овладевая литературным языком³. Художественной и литературной китайской элиты, ориентированной на культурные диалогические отношения с русскими, в Маньчжурии в это время еще не сложилось.

Хотя населяющие Маньчжурию китайцы в большинстве не владели книжной культурой – ее духовные основания издревле наполняли их обыденное сознание, определяли жизненную философию и бытовое поведение. Правда, историк харбинской культуры Е. Таскина с этим не согласна: «надо всегда помнить, что говорить о влиянии китайской культуры, – литературы в частности, – на русскую зарубежную литературу следует с большой осторожностью (В. Перелешин – исключение, и то в плане тематическом). Материальная культура – одно, духовная культура – другое (еще раз повторяю этот тезис)»⁴.

Культура – многослойное явление, предполагающее сложные пути и механизмы взаимодействия элитарного и народного, материального и духовного уровней. Наши беженцы попали в Харбин не из дворцов и не во дворцы, а зачастую жили и питались бок о бок с китайцами и маньчжурами, охотились с ними, работали в мастерских, ресторанах и типографиях. Китайские, маньчжур-

¹ Щеголев Н.А. Тетрадь №1. Рукопись черновика романа «Перекресток» (1957–1962) Л. 3. // Архив литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточного зарубежья». Амурский государственный университет, кафедра литературы и мировой художественной культуры.

² Там же.

³ Об этом, например: Ли Мэн. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96–103.

⁴ Таскина Е.П. Письмо А.А. Забияко от 6 мая 2004 г. // Личный архив А.А. Забияко.

ские, русские дети играли вместе во дворах. Праздники тоже были общими: Пасха и Чуныцзе, день Полнолуния и Рождество¹. А когда в семье не было денег, китайские лавочники давали русским продукты в долг – до лучших дней. Для многих эти дни наступали очень не скоро...

Кроме того, – об этом мало пишут русские исследователи, – китайское население Харбина благодаря присущей китайской переимчивости весьма быстро «цивилизывалось», усваивая европейские стиль и стандарт жизни в его «русском изводе». Многие родители хотели выучить детей русскому и английскому языкам, и нигде, кроме как в Харбине, потом не говорили так чисто китайцы по-русски. Наряду с русской частью города появился и быстро стал расти китайский поселок Фудзядянь, ставший потом частью Харбина и до сей поры представляющий загадку происхождения своей «барочной» архитектуры. «Злачный» характер многих заведений Фудзядяня не мешал тому, что там работали китайские театры и кинематограф, развивалась индустрия китайской моды. И, как показывают архивные разыскания последних лет, повседневные контакты русской интеллигенции с китайским населением и русский культуроцентризм, заставляющий проявлять известную «всемирную отзывчивость» по отношению к мощной инокультурной традиции, в своем сочетании не могли не способствовать общей маргинализации русской культуры в Китае, и, в частности, возникновению особых – «восточных» – черт в культуре русского Харбина².

Но все же в центре литературы дальневосточного зарубежья – *русский человек*, бывший гражданин Российской империи, а затем насельник Северной Маньчжурии, бывший герой Первой мировой войны, наследник былой славы русского оружия, а позже – эмигрант, униженный революцией, поражениями в Гражданской, истерзанный Ледяным походом, или же – выросший без родины и отечества русский мальчик, знающий, что такое Россия только по рассказам и воспоминаниям. Этот русский, наряду с китайцами, корейцами, маньчжурами,

¹ Иванов Вс.Н. Китайский Новый год // Гун Бао. 22.01.1928.

² Подробно об этом: Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров. Русские писатели в Маньчжурии. Указ. изд.

проживал на территории *дальневосточного фронта* – в Северной Маньчжурии, в Харбине. Ему была присуща своя особая религиозность, вбирающая и русский, и инокультурный элемент, свои представления о пространстве и времени, о молодости и старости, о войне и мире, о жизни и смерти, о детях и будущем

Все социокультурные особенности формирования харбинской среды располагали к тому, чтобы в «удивительная власть литературы» стала силой, интенсивно движущей восточный центр русского зарубежья вперед¹. В Харбине, воссоздавшем в миниатюре по образцу и подобию модель ушедшей России, во-первых, сформировались все условия для того, чтобы заново «проиграть» сценарий недавней литературной эпохи, возвращенной в Петербурге. Для харбинских сочинителей это было тем более актуально, что, находясь в относительной изоляции от своих парижских собратьев, они во многом развивались собственными силами. В то время как первое поколение западной эмиграции задавалось мучительными вопросами самопознания и осознания своей исторической миссии в философских трудах², публицистике, харбинские изгнанники на первых порах использовали практическую возможность воссоздать по дореволюционным образцам русскую культурную среду. До революции будучи отстраненной от столичных центров, от эстетических исканий «серебряного века», (в силу своего социального происхождения либо географической удаленности), сформированная в начале 20-х гг. харбинская интеллигенция испытывала мифологизаторское отношение к эпохе русского модернизма. Она с радостью неопита открывала для себя поэзию А. Блока, А. Белого, А. Ахматовой, в меру возможностей постигая и зачастую впервые переживая изыски салонной культуры:

Россия. Петербург. Нева.

¹ Об этом подробно: Забияко А.А. Русский Харбин: мифогенное пространство и художественное мифотворчество // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» Художественный мир лирики русского Харбина. Благовещенск, 2008. С. 18–39.

² Например: Степун Ф.А. Мысли о России // Современные записки. Париж. 1923. № 17; Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993; Федотов Г. Зачем мы здесь? // Современные записки. Париж. 1935. № 8; Адамович. Г. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж, 1961 и др.

Как не зови их, смысл все тот же.

Душа забудет все слова,

Но этих позабыть не сможет.

(С. Сергин «Заветные слова», 1935)¹.

Так писал поэт, никогда не бывавший в Петербурге, не выезжавший никуда за пределы Харбина. В то время как русский Париж декларативно обозначил свою дистанцированность от культуры «серебряного века», обвинив Блока и его последователей в скифстве и разрушительной азиатчине², дальневосточные беженцы именно в литературе той поры искали духовную опору. Потому в интеллигентской среде Харбина просыпается жажда творчества – настоящая «жадность к поэзии» (В. Слободчиков). Писать начинают все – не только представители дворянского сословия, но и бывшие военные, их жены и дети, домохозяйки, железнодорожные служащие, дети железнодорожников, танцовщицы, чиновники, журналисты, архитекторы и т.д. В мифопоэтической утопии литературного Харбина, невероятными темпами проживающего свою историю, сходятся и ожидание «легендарного Героя», и потребность сакрализации недавнего прошлого, в романтизации жизни, и жажда мифологизации бытия русского человека в инокультурном окружении.

«Харбинская нота» – такое метафорическое определение закрепилось по отношению к поэзии восточной ветви русского зарубежья с середины 90-х гг. прошлого века. С одной стороны, его обоснованно не принимают некоторые исследователи, утверждая: «говорить в отдельности о харбинской или шанхайской ноте невозможно. К тому же это даже не два периода, разделенных во времени, хотя литературный Шанхай и просуществовал на два, на три года дольше. Независимо от города в Китае, где жили поэты, их творчество отличалось определенной тональностью. Их редко спутаешь с поэтами других культурных центров эмиграции – Берлина, Парижа, Праги, Белграда, Варшавы, Риги, Ревеля. Из всех культурных центров русский литературный Китай отличался наибольшей изоли-

¹ Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М., 2001. С. 485. Далее ссылки на это издание: РПК с указанием страниц. С. 485.

² Адамович Г. Александр Блок // Адамович А. Одиночество и свобода. М., 1996. С. 287–297.

рованностью, даже провинциальностью (хотя не в такой степени, как довоенная Америка) и наименьшим следованием литературной моде»¹. В данном издании мы не разделяем лириков на харбинских и шанхайских – многие из поэтов начинали в Харбине, а продолжали в Шанхае (как, например, Н. Щеголев, Н. Петерс, Л. Андерсен). Кто-то вообще смог состояться только в Шанхае. По большому счету, лирика русских эмигрантов-дальневосточников развивалась в общем художественном пространстве, под покровительством «ласковой мачехи» – Китая, в пространстве «двух островков русской культуры» – Харбина и Шанхая (В. Перелешин).

С другой стороны, литература, родившаяся в русском городе в сердце Маньчжурии, отличалась рядом особенных черт и развивалась своеобразными этапами – даже по сравнению с литературными явлениями в Шанхае. Трудно оспорить тот факт, что очагом поэтического «заражения» в дальневосточной эмиграции стал именно русский Харбин. Культурная и географическая своеобразность Харбина определила специфику лирического наследия «русских китайцев».

Первостепенную роль в литературном обеспечении широких кругов харбинской публики играл иллюстрированный, многоцветный альманах «Рубеж»². Он имел большую читательскую аудиторию (в лучшие годы тираж составлял около двух с половиной тысяч). Главными адресатами журнала являлись средней руки чиновники, служащие, домохозяйки. Реноме «глянцевого журнала» определяло тематический, проблемный и стилистический облик «рубежных» материалов. Как правило, они были представлены стихотворением местного поэта, рассказом общим объемом 2-5 страниц, растянутым на 8-16 из-за рекламы, многочисленных фотографий, развлекательных статей на разные темы. Казалось бы, многие из них сегодня могут представлять интерес лишь в качестве

¹ Крейд В. Все звезды повидав чужие... // Русская поэзия Китая: Антология. М., 2001. С. 32.

² В Харбине выходило огромное количество периодических изданий, на страницах которых публиковались художественные произведения; наиболее известные – газета «Заря», «Рупор», «Гун Бао», журнал «Луч Азии». Весьма содержательной в художественно-эстетическом отношении была «Чураевка» (поначалу – «Молодая Чураевка»), орган одноименного литературного объединения.

культурных фоновых знаний (разнообразные психологические тесты, модные анонсы, кулинарные рецепты, перепечатки зарубежной прозы и т.д.). Но эти публикации как раз и создают портрет целой эпохи. Статьи же политической направленности, сводки военных действий характеризуют общие настроения дальневосточной эмиграции и отражают сложные перипетии политической борьбы внутри Маньчжурии¹. Этнографические заметки самих харбинцев (А. Ачаира, А. Хейдока, В. Логинова, Н. Байкова и др.) несут ценнейшую информацию о нравах, обычаях и верованиях коренных народов Востока Азии и обнажают интерес писателей-эмигрантов к окружающей их экзотике². Особого внимания заслуживает рубрика «Книжные новинки» с критическими обзорами той литературы, что поступала на полки харбинцев. Каждый номер «Рубежа» является, таким образом, миниатюрным слепком недельной жизни читающего среднего харбинца.

Главный контингент сотрудников журнала составляли харбинцы-беллетристы и целая армия поэтов и поэтесс³, авторы самых разных художественных дарований и эстетических ориентиров. Их творчество обеспечивало читательской аудитории доступ к литературе, чтению как способу организовать свою жизнь в отрыве от родины, оставленных там близких людях, разрушенного привычного уклада жизни.

Еженедельный выпуск «Рубежа» предполагал появление, как минимум, двух рассказов местных авторов. Как правило, с такого рассказа журнал открывался – соответственно, требовался и заголовок, который привлечет внимание потенциального читателя еще на стадии покупки и пролистывания «Рубежа». Название выполняло функцию манкой афиши (К. Чуковский). Достаточно пе-

¹ Об этом, например: Трубилова Е.М. Периодика Дальнего Востока // Литература русского зарубежья. 1920-1940 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Отв. ред. Ю.А. Азаров. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 463–518.

² Ачаир Ал. У священного озера (Спец. корреспонденция для «Рубежа» из Ханьчжоу) // Рубеж. 1929. № 6. С. 11; Хейдок А. Город предрассветных сумерек (Впечатления о Гирине) // Рубеж. 1929. № 45. С. 3; Кедров И. Дикари под боком у Харбина // Рубеж. 1933. № 10. С. 3–4; Забайкалец. Соколиная охота в Китае // Рубеж. 1929. № 48. С. 6; На отрогах Хингана (Результаты научной экспедиции) // Рубеж. 1931 (?). № 11. С. 5–6 и т.д.

³ Крузенштерн-Петерец Ю.В. О «Рубеже» // Русский Харбин / Сост. Е.П. Таскина. М., 1998. С. 96.

речислить их наугад: «Портсигар желтой кожи» (Ю. Крузенштерн), «Поэтический жулик», «Трагедия одного дня», «Чужая жена», «Честный муж»; «Кисть женской руки» (Я. Лович), «Банкротство» (Н. Резникова) и т.д., и т.п. Особенно преуспел в «номинативной броскости», на мой взгляд, Л. Никитин¹: «Тень отравительницы», «Неужели я развратна», «Ценой своего тела», «Почему я убил свою жену? Дневник инженера Петрова», «Филе из человечины» и т.д. Очень часто в основу произведений с «бьющими не в бровь, а в глаз» названиями были положены немудреные истории с мелодраматической завязкой, «неожиданными» перипетиями и, как правило, «хэппи-эндом». «Сколько было в нем пустячного, легкого!», – писала позднее об этой стороне любимого «безалаберного "Рубежа"» одна из его сотрудниц и авторов-беллетристок Ю.В. Крузенштерн-Петерец².

При всех перечисленных недостатках, определяемых требованиями «рубежного формата», на страницах самого популярного в дальневосточном зарубежье издания печатались произведения разного художественного уровня. Основатели «Рубежа» считали, что «держа русскую читательскую аудиторию в курсе событий, происходящих в мире, "Рубеж" призван теснее связать читательскую массу с русской культурой, русским литературным творчеством <...>, дать пишущей братии возможность проявить свои дарования, а с другой стороны, дать *читательской массе* хороший литературный журнал»³.

Публикация в «Рубеже» становилась наиболее верным способом не только заработать на «хлеб насущный», но и вообще – найти читательскую аудиторию. Напечататься в отдельном издании, несмотря на более благоприятные, чем в Европе условия, было все-таки дороговато, сложно обстояло дело и с реализацией книжной продукции. Работа в «Рубеже» давала поденный шанс не

¹ Л. Никитин – псевдоним Людмилы Николаевны Никифоровой, супруги Н.В. Никифорова, известного харбинского архитектора и издателя журнала «Архитектура и жизнь». Об этом: Крадин Н.П. Н.В. Никифоров – издатель архитектурного журнала в Харбине // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 5. Благовещенск, 2003. С. 268–274. О творчестве Л. Никифоровой: Неваленная Т.А. Поэтика юмора в рассказах Л. Никифоровой // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 2. Благовещенск: АмГУ, 2008. С. 98–104.

² Крузенштерн-Петерец Ю.В. О «Рубеже». Указ. изд.

³ 500 «Рубежей» // Рубеж. 1937. № 35. С. 1.

остаться голодным. Благодаря «Рубежу» и его редактору М.С. Рокотову в читающей среде русского Китая, а с 30-х гг. и – русской Европы стали известны имена Несмелова, Хейдока, Иванова, Юльского и многих других прозаиков.

«Не пиши мне фраз из рубежных рассказов!» – взывает юный герой рассказа Г. Гранина к своему коллеге-сочинителю¹. Однако жанр рассказа, регламентированный границами журнального объема и специфическим соцзаказом, сыграл двойное значение в развитии дальневосточной беженской прозы. За броскими названиями («Черт» Б. Юльского, «Призрак Алексея Бельского» А. Хейдока, «Золотой зуб» А. Несмелова и мн. др.), динамичными фабулами, мистическими мотивами или столь наскучившим «местным бытом» (Ю.В. Крузенштерн-Петерец) зачастую скрывались более глубокие явления. Отчасти вынужденная, малая форма нацелила сочинителей не только на острые наблюдения над единичным эпизодом, событием, частной судьбой, но и пробудила интерес к их «провинциальному» бытию, заставила обратить внимание на инокультурную проблематику, определить своеобразную повествовательную стратегию. Именно «Рубежу» обязаны «вторым дыханием» специфические беллетристические жанры «по случаю», столь популярные в дореволюционной России: «рождественский рассказ», «святочный рассказ», «пасхальный рассказ» и др. Сама ситуация востребованности такого рассказа в праздничные дни рождает, в свою очередь, новый, сугубо «региональный» жанр – «харбинскую быль» (А. Несмелов «Сторублевка»).

Круг чтения русских харбинцев расширялся стремительно, и постепенно он стал необыкновенно разнообразен². Знаменитые библиотеки КВЖД³,

¹ Гранин Г. Монна Ванна // Россияне в Азии. 1996. № 3. С. 30–45.

² Об этом, например: Эфендиева Г.В. «Что читал русский Харбин?» (О литературных пристрастиях русского восточного зарубежья 1920–1930 гг.) // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. Указ. изд. С. 182–195.

³ Библиотека Харбинского железнодорожного собрания считалась одной из самых богатых и старейших в городе (она была образована в 1902 г.). Об этом: Бердин Д.В. (Сост.) Краткая инструкция по библиотечной технике: Применительно к библиотеке Харбинского железнодорожного собрания. Харбин, 1923; В.Р. О библиотеке института и ее создателе П.А. Казакове // Политехник. 1973. № 5. С. 9–10.

ХСМЛ¹ и Д.Н. Бодиско предоставляли читателям и русскую классику, и литературу русского модернизма, и модные оккультные романы: в анонсах новых поступлений стояли Конрад Принц «Во власти кармы», В.И. Крыжановская «Вампир», М. Осоргин «Чудо на озере», новинки литературы метрополии (М. Зощенко «Воспоминания о Мишеле Синягине», Б. Пильняк «Старый дом»), и образцы современной зарубежной литературы (Э.М. Ремарк «Обратный путь») и т.д.

Из литературных обзоров «Нашего пути»², грешащих, разумеется, тенденциозностью, узнаем о том, что харбинцам были знакомы, например, последние произведения Ю. Олеши³.

В местных библиотеках корреспонденты газеты проводили мини-опросы читательских предпочтений и приходили к выводу о том, что «интерес к серьезной литературе среди читательских масс повышается» (к серьезным авторам в одном ряду были причислены в 1930-33 гг. Алданов, Краснов, Гуль – в то время как в метрополии они отнесены вместе с Булгаковым к «вагонным» писателям)⁴. Чураевские авторы, делая соответствующие опросы в собственной библиотеке ХСМЛ, «большого книжного мира, вмещающего 19 тысяч томов по всем отраслям знания»⁵, выясняли, что читали харбинцы, имеющие отношение к ХСМЛ. Из классиков – «по необходимости» (очевидно, он тщательно изучал-

¹ ХСМЛ – Христианский Союз Молодых Людей (YMCA – Young Men's Christian Association), организация, задачами которой являлось «воспитание молодого поколения в духе христианства и культурная помощь» и «гармоническое развитие человеческой личности» (Христианский Союз Молодых Людей (ред. статья) // Чураевка. 1932. № 6; Ачаир А. (Грызов А.А.) Бог, Родина и Честность // Чураевка. 1933. № 4. 14 ноября. В этой статье Алексей Ачаир (А.А. Грызов, русский секретарь маньчжурского отделения ХСМЛ) определял ХСМЛ как «независимый национальный центр культуры христианского, рыцарского, русского братства».

² Газета «Наш путь» была органом харбинского отделения Всероссийской фашистской партии.

³ Баталов Ю. В красных зажимах. Горькая доля советских литераторов // Наш путь. 1934. 7 мая. № 143.

⁴ Седов И. Читатели Харбина. Книжки-кумиры вчера и сегодня // Заря. 1930. №261. С. 7; Что и как читает харбинская молодежь? Летучее обследование «Зари» // Заря. 1931. № 146. С. 14; Яблоновский А. Читатели и писатели: Фельетон // Заря. 1931. №99. С. 7; Какими книгами увлекаются харбинцы? На первом месте «Сердце царевича» О. Бебутовой // Заря. 1933. № 135. С. 13; Что читают харбинцы // Наш путь. 1936. 14 июня. № 149.

⁵ С.С. (Сергин С.). Мир книг // Чураевка. 1934. № 6 (12). С. 6.

ся в гимназии ХСМЛ) Достоевского; молодежь предпочитала «легкую литературу» – Уоллеса, Оппенгейма. И, наконец, из «беллетристов больше всего читают Куприна, Алданова, Шмелева, Цвейга, Бунина (в связи с получением им нобелевской премии), Осоргина, Сирина»¹. К 1934 году падает интерес к Краснову, но возросла популярность Минцлова и Наживина. Дамы перестают столь увлекаться Бебутовой и Лаппо-Данилевской, Крыжановской, Уэдсли – но зато расхватывают книги Шавровой и Наваль².

Но это срез «массового читателя». А что читали «взыскующие» молодые люди³? Весьма содержательны в этом отношении разнообразные рецензии, обзоры и передовицы «Молодой Чураевки» (затем «Чураевки»). В заметках одного только Н. Щеголева (но ведь нельзя забыть и увлекающегося Г. Гранина, и «книжного червя» Н. Петереца, и пресловутого «Сигму» Валерия Перелешина) была проявлена подробная карта начитанности образованного харбинского юноши: здесь Бунин, Достоевский, Пильняк, Яновский, Белый, Пруст, Голсуорси, Ремизов, Эренбург...

Весьма характерно замечание: «нарасхват идут литературные журналы западной эмиграции – "Современные записки", "Иллюстрированная Россия", есть свой круг читателей у журнала "Путь"»⁴. В «Книжных новинках» «Рубежа», рубрике «Библиография» «Молодой Чураевки», в других изданиях то и дело появлялись анонсы-рецензии на новые произведения западных собратьев по перу. Проза западной эмиграции была не только доступна харбинцам, но и подвергалась критическому разбору – например, роман В.С. Яновского «Мир» (Берлин: Изд-во «Порабола», 1931)⁵. Обнаружив у автора многочисленные влияния русских авторов – Бунина (как «остатки литературной выучки, внешнего лоска»), Достоевского, Андреева («Жизнь Василия Фивейского»), Пильняка

¹ Там же.

² С.С. (Сергин С.). Мир книг // Чураевка. 1934. № 6 (12). С. 6.

³ «И вы, взыскующий поэт, не можете без метронома?» – фраза из стихотворения А. Ачаира «Форма» (1937), адресованного, скорее всего, Н. Щеголеву. Об этом: Забияко А.А. Николай Щеголев: харбинский поэт-одиночка // Новый Журнал. Нью-Йорк, 2009. № 256. С. 310–324.

⁴ С.С. (Сергин С.). Указ. соч.

⁵ Там же. С. 4.

(«Голый год») (вплоть до обнаружения буквального совпадения некоторых натуралистических образов из последнего), Николай Щеголев завершает свой обзор двусмысленно и иронично: «Уходишь от романа с одним иллюзорно утешительным выводом о живучести людей, ухитряющихся существовать даже при таких физических и психических условиях, созданных автором этой нужной, своевременной, но почти отталкивающей книги»¹. В заметке Н. Резниковой 1937 г. читаем: «Рассказ В. Сирина "Озеро, облако, башня" очень слаб по сравнению со всем тем, что пишет этот талантливый, своеобразный писатель. Вполне очевидно, что написан он очень давно, так как в нем намечаются мотивы, разработанные позднее гораздо более остро и оригинально». Три годами позднее дело доходит и до оценки фабулы: «"Отчаяние" В. Сирина оставляет двойственное впечатление. Как всегда, буквально очаровывает смелость, свежесть стиля и выдумки молодого писателя. Но фабула кажется недостойной такого блеска и совершенства, и это раздражает»².

Впрочем, Н. Резникова, скорее всего, в своих оценках ориентировалась, на парижскую критику. У большей же части молодого поколения харбинских писателей стилевые новации Набокова находили поддержку. Валерий Перелешин вспоминал: «за живое брали книги шумевшего тогда Вл. Сирина: "Защита Лужина", "Король, дама, валет", "Camera obscura", "Возвращение Чорба". Впрочем, шампанское, которое падало в гортань "холодными звездочками", обжигало не одного меня. И Щеголев, да и все мы, были потрясены и очарованы этими беспощадными панорамами жизни, как она есть, безо всякого морализирования или учительства»³. В.А. Слободчиков подтверждал эти слова: «Современными прозаиками интересовались мало. Больше других, пожалуй, нравился Владимир Сирин (тогдашний псевдоним Набокова)»⁴. Скупая инфор-

¹ Молодая Чураевка. 1932. 24 июля. С. 1.

² Н.Р. (Резникова Н.) Книжные новинки. Русские записки. Общественно-политический и литературный журнал. Книга II. Париж – Шанхай, 1937 г. [рец.] // Рубеж. 1937. № ?; Н.Р. (Резникова Н.) Книжные новинки. Современные записки. Книга 55-я. Париж, 1934 [рец.] // Рубеж. 1940. № 15.

³ Перелешин В. Два полустанка (фрагменты) // Литературная учеба. 1989. № 6.

⁴ Слободчиков В.А. «Чураевка» // Русский Харбин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 73–74.

мативность этих строк, тем не менее, свидетельствует о том, что литературный Харбин интересовался Набоковым и что «механика чуда» «набоковских» приемов интриговала харбинских сочинителей.

В своей статье Иванов призывал «беллетристов» отрешиться от старого мира воспоминаний и обратиться к «тяготам настоящих дней», потому что до сих пор «в них упорно не видят ни человеческой воли, ни человеческой правоты, ни острых тех переживаний, которые заставляют поставить на карту все – жизнь, близких и так далее и брести проводником, а часто и так, по компасу, взыскуя лишь одного – воли, воли, воли от невыносимого гнета во что бы то ни стало»¹. Но к концу 1920-х гг. эти тенденции уже вызревали в сознании многих дальневосточных писателей. Едва-едва обустроившись в своем эмигрантском бытии, отойдя от тягот бесконечных переходов и переездов, воспрянувшие от бывшего и новоиспеченные, харбинские сочинители, наконец, почувствовали скрытые толчки литературных импульсов. Не случайно именно в эти годы в русском Харбине начинают создаваться подобия литературных салонов и возникать литературные объединения (литературный салон А. Паркау, кружок ХСМЛ-журнала, впоследствии – «Молодая Чураевка»). Провинциальное бытие потворствовало возникновению беспрецедентного в зарубежье опыта «вращения» молодых литературных талантов, созданию совершенно особого литературного быта².

¹ Иванов Вс.Н. Об эмигрантской литературе. Указ. изд. С. 240.

² Об этом: Слободчиков В.А. «Чураевка». Указ. изд.; Ли Мэн. Харбинская «Чураевка» // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. Указ. изд. С. 167–182.

Тема 2. Лирика дальневосточного зарубежья. Традиции и новаторство харбинских поэтов

Пока торжествовали революционная неразбериха и постреволюционная сумятица, культура русского Харбина словно выпала из исторического времени – почти на десятилетие¹. Когда русский модернизм уже вступил в новую, авангардную, стадию своего развития, в Харбине только-только осваивали эстетику «серебряного века». И все же «харбинская нота» не состоялась бы без творчества тех, кто стоял у истоков ее формирования (С. Алымов, Т. Баженова, Ф. Камышнюк, В. Март). Это были строки, навеянные увлечением модернистскими изысками – например, поэмами Игоря Северянина:

Тривиальный диван, словно замок в сирени,
Где цветы и любовь только в нас и для нас. –
Не дадим никому белокурых мгновений!
Никого не введем в наш сиреневый час!..

(С. Алымов. В фойе. «Киоск нежности»)²

Салонность лирики Алымова импонировала всеобщему харбинскому увлечению «серебряным веком». В провинциальном городе Харбине это увлечение носило зачастую ретроспективный, эпигонский характер, а между тем русская культура и литература за пределами КВЖД были ввергнуты в водоворот революционных потрясений и гражданской войны. Когда в Северную Маньчжурию хлынул поток беженцев из разных уголков бывшей царской империи, литературная жизнь в Харбине стала медленно, но неустраимо наполняться новыми темами, сюжетами, стилевыми манерами.

Те, кто были призваны формировать харбинскую эмигрантскую литературу (как, кстати, и многие писатели новорожденной советской республики), относились к одной генерации, которую мы можем определить несмеловской

¹ Об этом: Забияко А.А. Тропа судьбы Алексея Ачаира. Благовещенск, 2005.

² Алымов С. Киоск нежности. Харбин: Окно, 1920.

формулой: «дети восемнадцатого года» («Встреча первая»)¹. Они оказались отрезанными от России, многие – навсегда. Жизненный опыт у всех был разный, но многие прошли фронты Первой мировой и гражданской войн. У одних за плечами был Геттингенский университет (Вс.Н. Иванов), у других – незаконченный Московский государственный университет (Л. Ещин) и Петровско-Разумовская сельскохозяйственная академия (А. Ачаир). Кто-то еще до Первой мировой попробовал себя в писательском ремесле (Н.А. Байков, А.И. Несмелов, П.В. Шкуркин), к кому-то вдохновение стало приходить в период «омского сидения» (Вс.Н. Иванов) и дни страшного Ледяного похода (А. Ачаир). В. Март и М. Щербаков стали писателями во Владивостоке, один – до революции, другой – при интервентах.

Александра Паркау почувствовала себя поэтессой сразу после тревожных событий 1917 г. в Харбине. Ее семья, проживавшая в казенной квартире Гарнизонного Собрания, захваченного в 1917 г. местным Совдепом, находилась в положении заложника. Переживания за «смертельно больную родину» были сильнее страха перед «обнаглевшими ополченцами и неизвестными типами с красными бантами»², разгуливающими по коридорам Собрания. И она понесла контрреволюционные стихи в белую газету. А потом в ней проснулось истинное лирическое дарование.

Особенной чертой развития поэзии в русском Харбине было и то, что там не возникло «незамеченного поколения», давшего особое звучание знаменитой «парижской ноте» русского зарубежья. Отчасти это было обусловлено тем, что поэты и писатели, которые в русском Париже прослыли «молодыми» и «незамеченными», в русском Харбине оказались «старшими», а главное – с большим жизненным опытом за плечами. Как было сказано выше, это был военный опыт – Первой мировой и Гражданской войн. Алексей Ачаир, будучи ровесником Антона Ладинского, Александра Гингера (1897 г.р.), на четыре года моложе Ан-

¹ Несмелов А. Собр. соч.: В 2 т. Владивосток: Рубеж, 2006. Т. 1. Стихотворения и поэмы. С. 108. Современник Несмелова и его владивостокский приятель, В.К. Арсеньев, назвал бы их детьми «солдатской эпохи».

² Крузенштерн-Петерец Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 46.

ны Присмановой и Юрия Терапиано, становится духовным вдохновителем «Чураевки». Арсений Несмелов был старше своих поэтических «учителей» – М. Цветаевой, Б. Пастернака, В. Маяковского. Возрастным характеристикам молодых харбинских поэтов (Н. Щеголев – 1910 г.р., В. Перелешин, В. Слободчиков, Г. Гранин – 1913 г.р.) из «незамеченных» парижан может условно соответствовать только А. Штейгер (1907 г.р.).

«Незамеченного поколения» в русском Харбине не было и по той причине, что молодежь в русском Харбине имела возможность реализовать свои силы и художественные интенции на уровне *школы, объединения* и, самое главное, – *публикации*¹. Разговор об объединении и школе в понимании этих терминов как «литературного сообщества» и «обучения мастерству», освоения некоей суммы знаний, преемственности поэтологических навыков будет вполне уместен по отношению к феномену «харбинской ноты». Несмотря на то, что в Харбине в течение двух десятилетий существовало несколько литературных объединений («Кольцо», «Кружок имени поэта К.Р.», кружки им. генерала Краснова, им. Н.С. Гумилева, им. Ф.М. Достоевского, им. А.К. Толстого)², ведущая роль в формировании молодого поколения принадлежала знаменитой «Чураевке», организованной А. Ачаиром.

«Молодая Чураевка» (впоследствии – «Чураевка») была создана в 1926 г., просуществовала девять лет и объединила под своим началом несколько десятков человек. Даже после ее распада чураевские поэты продолжали испытывать духовную зависимость от своего «чураевского питомника» (Ю. Крузенштерн-Петерец). Все поэты, так или иначе приобретшие известность в восточной ветви, имели к «Чураевке» самое непосредственное отношение (А. Ачаир, Н. Щеголев, Г. Гранин, В. Перелешин, Л. Андерсен, Л. Хаиндрова, В. Слободчиков). «В недрах "Чураевки" зародилось фактически все дальневосточное литературное движение», – констатировала Ю. Крузенштерн-Петерец³.

¹ И.Ф. Эмигрантские писатели на Дальнем Востоке... С. 322-330.

² Об этом: Ясько Т.Н. Литературные кружки русских эмигрантов в Харбине в 20–40 гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 2. Благовещенск, 2001. С. 180–182.

³ Крузенштерн-Петерец Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 52.

Не входившие в объединение А. Несмелов и М. Колосова были частыми гостями в кружке, их произведения читали, обсуждали, им подражали или, наоборот, не принимали каких-то позиций. Сам принцип организации «Чураевки» при ХСМЛ предполагал воспитание молодого поколения, подготовку его к дальнейшей жизни в эмиграции на патриотических началах, роль кружка рассматривалась как символ «накопления творческих национальных молодых сил за границей»¹.

«Чураевка» вошла в историю эмигрантских объединений как совершенно уникальное образование, где вопросы художественного мастерства поднимались наравне с вопросами духовного воспитания, где закладывались основы будущей самостоятельной деятельности питомцев (не случайно Ю.В. Крузенштерн-Петерец назовет свои воспоминания «Чураевский питомник»)². Роль Ачаира как доброго наставника харбинских «птиц певчих»³ трудно переоценить. Собрав под своим отеческим крылом молодых ребят, в ситуации безвременья ищущих применение своей энергии, он обеспечил идеальные условия для их творческого развития и самовыражения. Ачаир органично воспроизвел атмосферу «серебряного века» в ее харбинско-чураевской миниатюре, продолжил салонную культуру с мелодекламациями, чтением стихов своих и чужих, докладов о художественном творчестве с их последующим обсуждением⁴. В.А. Слободчиков, сам поэт-декламатор, до конца жизни сохранял в памяти одну из лучших, по его мнению, ачаиловскую мелодекламацию:

В ночную мглу глядит созвездье Веги,
Горят в лучах узорные хребты,

И вдруг с рассветом в этом человеке

Узнаю я, что человек тот – ты⁵.

¹ Дiao Шаохуа. Харбинская «Чураевка» // Рубеж. 2003. № 4. С. 219–229.

² Крузенштерн-Петерец Ю.В. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // Возрождение. 1968. № 204. С. 45–70.

³ Ачаир А. Птицы певчие (О харбинских поэтах и поэтессах) // Харбин в зеркале прессы. 1939. № 2. С. 6–7.

⁴ Об этом: Забияко А.А. Тропа Судьбы Алексея Ачаира: Монография. Благовещенск, 2005.

⁵ Слободчиков В.А. Интервью с А.А. Забияко. Москва, 2003, октябрь-ноябрь // Личный архив А.А. Забияко.

В «Чураевке» работала литературная студия, художественный сектор (куда приглашались все известные в городе художники, курирующие «молодых работников, изучающих живопись»), театральная студия (где «опытными театральными работниками» читались доклады «по вопросам театрального искусства»), а также музыкальная и вокальная секции, проводившие свои показательные открытые вторники, посвященные отдельным композиторам (Григу, Скрябину и т.д.)¹. Позднее была открыта общественно-научная секция. Все, кто был мало-мальски одарен – в сочинительстве, музицировании, пении, художественном чтении, – имел возможность проявить себя и услышать либо восторженную похвалу, либо доброжелательную критику. «Так сочетаются в одно целое – Литература, Наука и Искусство. И так – творческая молодежь продолжает культурную традицию нашей любимой Родины, Традицию Национальной Культуры...» – отмечал в восьмую годовщину «Чураевки» ее организатор².

Декларативно деятельность «Чураевки» определялась идеологической платформой ХСМЛ (УМСА), идеей о том, что «быть христианином – значит верить во Христа и жить согласно его учению, следовательно, не только личная жизнь человека, но и социальная и экономическая жизнь народов должна быть согласуема с христианскими принципами»³. Алексей Ачаир же как русский секретарь считал руководящими принципами «Чураевки» идеи сибирского регионализма, неотделимые от «Живой Этики» Н. Рериха⁴. Но в практической плоскости весь спектр идейных ориентиров преломлялся в многоуровневой системе воспитания и образования русских ребятишек в духе добра, справедливости и уважения к своим национальным корням.

¹ [Б.п.] Работа по студиям // Чураевка. 1932. № 7 (1), 27 дек. С. 5.

² Ачаир А. Перед началом // Чураевка. 1933. № 10 (4), 14 нояб. С. 1.

³ Лякер Н. Христианский Союз Молодых Людей // Чураевка. 1932. № 7 (1), 27 дек. С. 6.

⁴ Об этом: Забияко А.А., Крыжанская К.А. Переписка А. Ачаира и Г. Гребенщикова: Идеи «сибирского регионализма» в контексте индивидуальной религиозности харбинского поэта // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Вып. 9. Благовещенск: Амурский гос. университет, 2010. С. 197–219.

Литературная студия собиралась еженедельно по вторникам в 8 часов вечера в здании ХСМЛ. «Присутствуют желающие из действительных членов кружка, члены-сотрудники и иногда специально приглашенные из посторонних. Обычно сначала прочитывается проза, затем стихи <...> Благодаря порядку, выработавшемуся в течение ряда собраний, автор получает почти исчерпывающую оценку своих произведений присутствующими членами кружка», и хотя эти оценки «не всегда бывают лестными для авторов, но здоровая атмосфера дружеской, хотя подчас и суровой критики, почти никогда не нарушается», – писалось в газете «Чураевка»¹. В разные годы в состав Литературной студии входили Н. Светлов, Н. Петерец, Г. Гранин, Л. Андерсен, Л. Хаиндрова, Вл. Слободчиков, О. Тельтофт, М. Волин, В. Перелешин и др. Валерий Перелешин, пришедший в «Чураевку» в 1932 году, вспоминает атмосферу тех встреч:

Я, будущий поэт российский,
там изучил в короткий срок
мірок харбинско-олимпийский,
тепличный маленький мірок.
Во дни чураевских парадов
не слушал тошных я докладов,
но за стихи – зоил, не тронь! –
бросался в воду и огонь.
Вот Щеголев сухой и едкий,
вот Гранин томный, вот Сергин –
красивый пустельга один,
другой – взволнованный и меткий.

(Песня первая, строфа XXXVIII)²

¹ Работа по студиям. Указ. изд.

² Перелешин В. Поэма без предмета / Под ред. и с предисл. С. Карлинского. Холиок: Нью Ингланд Пабблишинг К., 1989. С. 54. Характеристики, данные Перелешиним Г. Гранину и С. Сергину, вряд ли стоит принимать серьезно, по крайней мере – однозначно. С данными поэтами у автора «Поэмы без предмета» были сложные личные отношения. Об этом пишет,

Соединение в «харбинской ноте» звучания двух поколений обеспечивало «харбинской ноте» «единство в разном». Так, наиболее «авангардными» из всех поэтов «харбинской ноты» оказываются юный Николай Щеголев и самый старший из «старших» Арсений Несмелов. При этом один из самых молодых, Владимир Слободчиков, в своих ритмических и стилистических предпочтениях – наряду с Алексеем Ачаиром – демонстрирует самый отъявленный «консерватизм». Отталкиваясь от «региональных» настроений А. Ачаира, звучания «белой музыки» Л. Ещина, А. Несмелова и М. Колосовой, харбинская молодежь, тем не менее, обнаруживала свою творческую зависимость от художественного опыта старшего поколения.

Известно, что юная поросль харбинцев, зачастую вообще не знавшая России, не вполне понимала Ачаира: «сибирские идеи» руководителя «Чураевки» не были ей близки. Постепенно ретивые чураевцы стали томиться под отеческим покровительством наставника. В общем, возникла хрестоматийная коллизия тургеневских нигилистов и их долготерпеливых родителей¹. По воспоминаниям Ю.В. Крузенштерн-Петерец, во главе группы «революционеров» стояли Николай Петерец и Николай Щеголев, «считавшие, что для роста поэтов недостаточно одних открытых вечеров с аплодисментами дружественно настроенной публики, и что *необходимы серьезные студийные занятия*. Было много споров и относительно направления. Почему именно – Чураевка? Сибиряками молодые поэты себя совсем не чувствовали, имя Гребенщикова их вовсе не влекло. Но за кем же идти? За футуристами? За символистами? За акмеистами? Во всем этом заплеталось слишком многое – Маяковский с его большевизмом, Блок с его вопросами, никогда не разрешенными, либо задушенными смертью, – выбор языка – у кого учиться – у “московской просвирни” или у “блистательного Санкт-Петербурга”? В конце концов, остановились на Петербурге и на акмеистах – поэзия для поэзии, строгая школа, мужественное стремление к “ак-

например, М. Волин в своих воспоминаниях: Волин М. Гибель «Молодой Чураевки»: Воспоминания / Публ. Э. Штейна // Новый журнал. 1997. № 209. С. 216–240.

¹ Подробно об этом: Забияко А.А. «Дело о «Чураевском питомнике» (новые штрихи к известной истории харбинского поэтического объединения) // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 170–186.

мэ”, пусть недостижимому, – всё равно, чем труднее, тем лучше. Так в Чураевке создалась литературная студия “*Цех поэтов*”, с Гумилевым – духовным вождем и императором, управлявшим, из-за гроба, крошечной монархией внутри либеральной республики [курсив мой. – А.З.]»¹.

Этим воспоминаниям вторит В. Перелешин: «Большой переполох вызвало создание Петерецем параллельной “Чураевке” организации – Круга поэтов, которая собиралась там в те же часы, что и “Чураевка”, но имела другое руководство. В этот момент “Чураевка” окончательно вырвалась из-под благоклонной опеки Ачаира, фактического основателя, устроившего для нее приют в помещении ХСМЛ и всячески ей помогавшего»².

Крузенштерн-Петерец реконструирует события: «в начале марта 1933-го А. Ачаир, прочитав доклад “Опыт Чураевки”, заявил о том, что он слагает с себя обязанности руководителя, после чего *Н. Щеголев и Г. Гранин вышли из состава руководства*»³. Сегодня вполне очевидно, что именно мудрое руководство Ачаира дало такую свободу мысли и обеспечило развитие «иноного» вкуса «харбинских юнцов» («шантрапы», по выражению Ачаира), выбор ими альтернативных, по сравнению с «отцами», путей развития. И связаны эти ориентиры были, несмотря ни на что, с русской литературой и культурой⁴. И хотя мифологизаторский пиетет молодые стихотворцы испытывали перед парижскими поэтами, художественные тексты (на уровне образности, ритмики, названий стихотворений и языковых клише) «выдавали» их истинные авторитеты – пост-символистские и харбинские.

Почин пробуждения харбинской музыки принадлежал **Алекサンドре Паркау**⁵. Ее «акварельные стихи», не укладываясь в рамки какого-то определенного лите-

¹ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Чураевский питомник. Указ. изд. С. 63.

² Перелешин В. Два полустанка. Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. Amsterdam, 1987. С. .

³ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Чураевский питомник. Указ. изд.

⁴ О работе «Чураевки»: Слободчиков В.А. «Чураевка» // Русский Харбин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 73–77; Ли Мэн. Харбинская «Чураевка» // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. Благовещенск: Амурский гос. университет, 2012. С. 167–182; Забияко А.А., Крыжанская К.А. Переписка А. Ачаира и Г. Гребенщикова. Указ. изд.

⁵ Об этом: Эфендиева Г.В. //

ратурного направления, были далеки от творческих экспериментов, новаторских форм русского модернизма. Чаще всего это были поэтические воспоминания:

Былины звонные, и камни говорящие,
И сказки милые – цветы былых веков...
Мне чуждо яркое, шумливое, кричащее,
Печаль осенних зорь и листья шелестящие
Красивей и нежней махровых цветников.

(«Листья шелестящие»)¹.

В творчестве и в литературном поведении другой поэтессы, **Марианны Колосовой**, сложное сопряжение религиозного чувства и лирической эмоции, желание во что бы то ни стало утвердиться в своей *православной русскости* рождали особые формы: в жанровом отношении – молитвы, плачи, гимны, «сатанические» стихотворные инвективы; в области художественных жестов – уподобление кликуше, «неистойой Марианне»². Лирические строки Колосовой заражали своей фанатичной энергией. Но, несмотря на радикальные настроения, за которые ее упрекали и А. Несмелов, и Н. Щеголев, и В. Перелешин, поэтесса могла быть и самоироничной, и пронзительно нежной, и мистически загадочной:

Где вы теперь,
Мой мальчик черноглазый,
Влюбленный паж,
Капризный мой жених?

¹ Рубеж. 1929. № 44.

² Об этом подробно: Забияко А.А. Жанровые истоки «динамитной лирики» М. Колосовой (на материале сборника «Господи, спаси Россию!») // Русский Харбин, запечатленный в слове. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. Вып. 1. С. 22–50; Забияко А.А. Художественные трансформации этнокультурных архетипов: от юродства до фашизма // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии: монография. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2009. С. 195–234; Забияко А.А. Юродство как форма литературного поведения // Религиоведение. 2008. Вып. 2. С. 166–178; Забияко А.А. Литературное кликушество: драма женской души и форма этнорелигиозной идентификации // Религиоведение, 2010. Вып. 1. С. 157–167; Забияко А.А. «Слово мое – разящий меч»: феномен религиозно-художественного радикализма // Религиоведение. 2012. Вып. 1. С. 158–172.

Вы помните,
Как падали алмазы
Из ваших глаз...
И... из моих...¹

– писала Колосова, вспоминая свой роман с красным военкомом Куйбышевым. Несколько лет спустя, когда Куйбышев будет убит в Советской России, появится ее признание, исполненное горечи невозможной утраты:

Этого больше не будет со мной никогда,
Этого больше со мной никогда не случится...
Встреча с одним человеком в былые года
В будущем не повторится...²

Ольга Тельтофт ушла из жизни рано, с невысказанной душевной драмой. Личная неприкаянность, любовный надрыв умножились в ее лирике общей судьбой эмигрантских женщин. В «бранных песнях» О. Тельтофт звучит только один голос – голос лирической героини, с необычайной нежностью создающей портрет своего возлюбленного:

У тебя, как золотые сливы,
Солнцем напоенные глаза.
Для тебя пишу стихи, счастливый,
В танце гнусь, как тонкая лоза.

Ты глубок, мой голубок, и робок.
Я пуста, беспечна и горда,
Из ненужных из-под шляп коробок
Я могу построить города...³

Все дальневосточные лирики в той или иной мере испытали влияние А. Блока. На смерть поэта мгновенно откликнулся **Ф. Камышнюк**:

Ты в поля отошел, светлоликий,

¹ Колосова М. Военком (Песенка не-Вертинского) // Рубеж. 1929. № 35. С. 12.

² «Поздно!» // Рубеж. 1935. № 23. С. 4.

³ О лирике О. Тельтофт: Эфендиева Г.В.

В снеговые поля тишины.
Здесь безумятся черные крики,
Пляшут молнии жуткой весны.

(Ф. Камышнюк. Неизбывной памяти А. Блока)¹

Блоковские мотивы проскальзывают в лирике А. Ачаира, Л. Ещина, А. Несмелова, Г. Гранина, Н. Петереца, В. Слободчикова, Н. Щеголева, М. Визи и др. Данное явление подмечают сегодняшние читатели поэзии русского Китая².

Харбинскую ветвь эмигрантской лирики 20-40-х гг. давно принято определять и как «гумилевскую». В самом деле – экзотическая обстановка, окружающая «русских европейцев» в Китае, должна была питать прогумилевские настроения поэтов-изгнанников. Их увлекало «чувство уверенности в себе и в жизни, сила, широта и смелость порыва» (В. Крейд). Спустя 15 лет после трагической гибели Гумилева его харбинские последователи издали коллективный «Гумилевский сборник». Среди дальневосточных участников в нем значатся имена Алексея Ачаира, Арсения Несмелова, Валерия Перелешина и Лидии Хаиндровой; весьма характерно, что по прошествии стольких лет гумилевская лира вдохновляла наиболее талантливых харбинских сочинителей. Но что это было за воздействие? Фигура «поэта-рыцаря» (В. Набоков), не побоявшегося противопоставить себя большевистскому режиму и мужественно встретившего гибель, стала знаковой для всей русской эмиграции. Трагический образ Гумилева превратился в художественный миф, сформировал своеобразную модель литературного и социального поведения³. Но хотя все исследователи утверждают,

¹ Фиал. Харбин, 1921. Окт. № 1. Цит. по: Русская поэзия Китая. Указ. изд. С. 222.

² Либерман А. Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В. Крейд и О. Бакич; науч. ред. Е. Витковский. М.: Время, 2001. 719 с. [рец.] // Новый журнал. 2002. № 227.

³ Гумилевский сборник. Поэты Харбина в память кровавой даты умерщвления большевиками Н.С. Гумилева. Харбин, 1937. Из рецензии на этот сборник Н. Резниковой: «Поэзия Н. Гумилева и личность самого поэта пленили многих и не раз благотворно влияли на эмигрантскую поэтическую молодежь своим здоровым стремлением к прекрасному и героическому. Этот блестящий творец и стилист через всю свою короткую жизнь пронес страстную веру в великое значение поэзии, любовь к Родине, монархическую идею и непоколебимое убеждение, что каждый должен, забыв себя, бороться за правду, справедливость и за благо»

что наиболее заметным для этих людей был Гумилев, читатели и критики, не знакомые с духовными манифестами харбинских лириков, в самой «материи» стиха обнаруживают, что там гумилевская «интонация едва проскальзывает»¹.

Влияние Гумилева декларативно подчеркивалось, но в поэтике проявилось не столь зримо. Воздействие другой художественной личности было не столь декларативно обнажено, однако растворилась в поэтическом сознании. Речь идет об А. Вертинском, в западном зарубежье вообще не признаваемом за поэта². Произведения Вертинского были на слуху, рождали подражателей в культурной атмосфере восточного беженства, Благодатную почву в Харбине нашло амплуа Вертинского-мелодекламатора – это было связано с «мелодекламационной культурой» русского Харбина, ведь почти каждый сочинитель имел музыкальное образование (например, А. Ачаир, В. Слободчиков, Н. Щеголев). Увлечение «Печальным Пьеро» на харбинской почве принимало самые разнообразные формы и жанровые трансформации – от простого подражания внешнему облику, запоминающейся манере исполнения до литературных стилизаций «со смыслом», доходящих, наконец, до откровенных пародий, вплоть до памфлета. Своеобразное положение Александра Вертинского между высокой поэзией начала XX в. и эстрадой эмигрантских лет определило особенности рецепции этого культурного феномена в поэтической среде русского Китая. Там не был востребован поначалу привлекавший «западную» публику «бананово-лимонный» экзотизм его песенок – инонационального колорита в Харбине было и без того предостаточно. Русским беженцам Китая, в первую очередь, им-

получие своей страны» // Н.Р. Гумилевский сборник. Книжные новинки. Рубеж. 1937. См. также: Глэд А. Ещин и Гумилев // Заря. 27 октября 1932 г. С. 3.

¹ Арутюнов С. Время бесконфликтности // Знамя. 2002. № 4.

² На этот счет симптоматична реплика Ю. Мандельштама о недостатках составления антологии «Якорь»: «Есть и совершенные нелепости: ну, к чему включать лирику Дона-Аминадо, никогда не претендовавшего на звание поэта? Не хватало только ввести Вертинского» (Гамбургский счет) // Якорь. Указ. изд. С. 231.

понировала сентиментальная проникновенность лирико-музыкальных произведений Вертинского¹.

Стилистика, поэтический синтаксис, ритмический рисунок, а главное – столь узнаваемые интонации «печального Пьеро» слышатся во многих стихах Алексея Ачаира, порою достигая трафаретности, например:

Вы ребенок еще; вы хотите романтики;
Ваши щеки не знают румян;
Ваши игры в серсо и наивные фантики,
А на платье у вас, точно бабочки, бантики, –
Одуванчик румяных полян!²

(«Кельнерша», 1937).

Возможно, дело было не столько в подражательных интенциях Ачаира, но и в самой теме, весьма болезненной для русской культуры в изгнании и очень чутко воспринятой Вертинским. Спустя год, практически повторяя ачаиrowsкое название и воспроизводя ту же стилизованную манеру, было написано «шанхайское» стихотворение А. Паркау «Кельнерша» (1938):

Вы знаете шанхайской ночи пьяной
Бессмысленный угар и дикий чад...
Зовут шутя вас Девой Несмеяной
И щедро доллара на чай дарят³.

Однако трансформации жанровых клише песенок Вертинского («Военком» М. Колосовой, 1929) и явная полемика с его стилистическими приемами и моделью творческого поведения («Полдень» Н. Щеголева, 1932) позволяют сделать вывод о своеобразной рецепции образа этого художника на харбинской почве. Тот же В.А. Слободчиков вспоминает строки, известные в поэтической среде Харбина и принадлежащие Щеголеву:

¹ Подробнее об этом: Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Вертиниада русского Китая (образ А. Вертинского в литературе восточного зарубежья) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2004. № 4. С. 152–162.

² Ачаир А. Кельнерша // Рубеж, 1937. № 37. С. 1.

³ Текст цит. по: Русская поэзия Китая: Антология/ Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М., 2001. С. 378–379.

Вертинский, я опять всю ночь не сплю.
Ведь это Вами про нее пропето:
Не потому, что я ее люблю,
А потому, что с ней не надо света¹.

Гумилев и Вертинский как крайнее выражение совершенно полярных эстетических систем в «харбинской ноте» становятся свидетельством своеобразного пути развития литературы восточной эмиграции, в которой поэтический анахронизм, салонная «жантильность» парадоксальным образом уживались с акмеистической точностью и подозрением к «перегибам» и «декадентству». Но надо подчеркнуть – у каждого поэта были свои предпочтения: у Л. Ещина – Маяковский, у А. Несмелова – М. Цветаева и С. Есенин, у Н. Щеголева – Лермонтов и Маяковский и т.д.

Немаловажное значение для развития поэтического мастерства поэтов восточного зарубежья имело не только сообщение с предшествующей поэтической традицией, но и со стиховедческими новациями в метрополии. В то время как в русском Париже опыт советских поэтов воспринимался как «дурновкусие», навязанное «декретированным миропониманием» (Вл. Ходасевич, Ю. Терапиано и др.)², в русском Китае он был востребован и творчески развит. Сравнительный анализ тенденций развития лирики некоторых харбинцев (М. Колосовой, А. Несмелова, Н. Щеголева) и талантливых советских поэтов (А. Ахматовой, Н. Тихонова, Э. Багрицкого, М. Светлова), при полярности их идеологических платформ, позволяет выявить типологически сходные черты не только в поэтике, метрических приоритетах, но и в жанровых предпочтениях, и самом художественном пафосе.

Итак, лирика «харбинской ноты» дальневосточной литературы (1926–1945) складывалась под воздействием сразу нескольких художественных тенденций. В ее формировании сошлись традиции русской классической поэзии

¹ Полевой дневник А. А. Забияко. Интервью с В. А. Слободчиковым. Москва, 2003, октябрь–ноябрь.

² Ходасевич В. Книжки и люди: «Якорь» // Возрождение. 1935. № 3844; Терапиано Ю. Перечитывая «Антологию» // Журнал Содружества. 1936. № 3 (39).

(А. Пушкин, М. Лермонтов, Ф. Тютчев, Н. Некрасов, А. Фет), традиции «серебряного века» (А. Блок, Н. Гумилев, М. Волошин, Б. Пастернак), лирика местных авторов (С. Алымов, Ф. Камышнюк, а затем – А. Несмелов), лирика западных собратьев (Г. Иванов, Вл. Ходасевич, А. Ладинский, М. Цветаева, А. Штейгер, Л. Червинская), и, наконец, творчество поэтов метрополии (М. Алигер, Н. Асеев, А. Ахматова, Э. Багрицкий, С. Есенин, В. Инбер, В. Маяковский, М. Светлов, И. Сельвинский, Н. Тихонов, В. Шершеневич и др.).

При этом «врастание» в необычную инокультурную среду сопровождалось художественными попытками этнокультурного самопознания. Первыми признали это китайские исследователи. Профессор Ли Иннань замечает: «китайские мотивы и образ Китая, озвученные в русских рифмах, создают неповторимую "харбинскую ноту", придают своеобразие произведениям даже второстепенных харбинских поэтов»¹.

Китайским языком русские в Харбине, как правило, не владели. «Не мы учили кит<айский> язык, а китайцы – «пусть *ходи*² приспособляются, по нашему маракуют»³, – читаем в неопубликованной рукописи черновика автобиографического романа Н. Щеголева «Перекресток», посвященного русскому Харбину⁴. В анонимной реплике персонажа (или повествователя) озвучено расхожее для простых жителей Харбина представление о языковой самоидентификации русских беженцев. Да, дети эмигрантов учили и в совершенстве овладевали французским, английским языками, а китайский выучили совсем немногие.

Тому есть простое объяснение. В те годы в Харбине сложился специфический социокультурный состав китайского и маньчжурского населения – в основ-

¹ Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения. М., 2002. С. 272. Ли Иннань (Инна Ли), дочь легендарного китайского революционера Ли Лисаня и русской дворянки Елизаветы Павловны Кишкиной (1914 г.р.) – естественный билингв. Помимо параллельного владения двумя языками, рождающего огромный диапазон психологического и интеллектуального восприятия, она была воспитана в лучших традициях двух великих культур и на лучших образцах двух великих литератур. С точки зрения этнопсихологии Ли Иннань обладает бикультурной компетентностью.

² Ходи (ходя – ед.ч.) – просторечное именование китайцев на русском Дальнем Востоке.

³ Щеголев Н.А. Тетрадь №1. Рукопись черновика романа «Перекресток» (1957–1962) Л. 3. // Личный архив А.А. Забияко.

⁴ Там же.

ном, состоящий из обслуживающего персонала и торговцев, которые, в силу этнической предприимчивости, действительно, быстро осваивали чужой язык и чужие бытовые привычки – конечно, на уровне «пиджина» (твоя-моя, мало-мало), весьма редко овладевая литературным языком¹ (Китайские работники в Харбине. 20-е гг.). Художественной и литературной китайской элиты, ориентированной на культурные диалогические отношения с русскими, в это время в Маньчжурии еще не сложилось.

Хотя населяющие Маньчжурию китайцы в большинстве не владели книжной культурой – ее духовные основания издревле наполняли их обыденное сознание, определяли жизненную философию и бытовое поведение. Правда, историк харбинской культуры Е. Таскина с этим не согласна: «надо всегда помнить, что говорить о влиянии китайской культуры, – литературы в частности, – на русскую зарубежную литературу следует с большой осторожностью (В. Перелешин – исключение, и то в плане тематическом). Материальная культура – одно, духовная культура – другое (еще раз повторяю этот тезис)»².

Культура – многослойное явление, предполагающее сложные пути и механизмы взаимодействия элитарного и народного, материального и духовного уровней. Но наши беженцы попали в Харбин не из дворцов и не во дворцы, а зачастую жили и питались бок о бок с китайцами и маньчжурами, охотились с ними, работали в мастерских, ресторанах и типографиях. Китайские, маньчжурские, русские дети играли вместе во дворах. Праздники тоже были общими: Пасха и Чуныцзе, день Полнолуния и Рождество³. А когда в семье не было денег, китайские лавочники давали русским продукты в долг – до лучших дней. Для многих эти дни наступали очень не скоро.

Кроме того, – об этом мало пишут русские исследователи, – китайское население Харбина благодаря присущей китайской переимчивости весьма быстро «цивилизывалось», усваивая европейские стиль и стандарт жизни в его

¹ Об этом, например: Ли Мэн. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96–103.

² Таскина Е.П. Письмо А.А. Забияко от 6 мая 2004 г. // Личный архив А.А. Забияко.

³ Иванов Вс.Н. Китайский Новый год // Гун Бао, 22. 01. 1928.

«русском изводе». Многие родители хотели выучить детей русскому и английскому языкам, и нигде, кроме как в Харбине, потом не говорили так чисто китайцы по-русски. Наряду с русской частью города появился и быстро стал расти китайский поселок Фудзядянь, ставший потом частью Харбина и до сей поры представляющий загадку происхождения своей «барочной» архитектуры. «Злачный» характер многих заведений Фудзядяня не мешал тому, что там работали китайские театры и кинематограф, развивалась индустрия китайской моды. И, как показывают архивные разыскания последних лет, повседневные контакты русской интеллигенции с китайским населением и русский культуроцентризм, заставляющий проявлять известную «всемирную отзывчивость» по отношению к мощной инокультурной традиции, в своем сочетании не могли не способствовать общей маргинализации русской культуры в Китае, и, в частности, возникновению особых – «восточных» – черт в культуре русского Харбина¹.

Несмотря на языковой барьер, различный образовательный уровень русских эмигрантов и китайцев, проживающих в зоне КВЖД, бурные политические события, – именно в начале 20-х годов начинает создаваться особое лицо «региональной литературы», о которой впоследствии скажет Н. Голенищев-Кутузов.

Первооткрывателями в процессе лирического освоения *чужого* как *своего* явилось старшее поколение писателей и поэтов, и здесь немаловажное значение играл их предшествующий этнокультурный опыт. Среди тех, кто стоял у истоков харбинской литературы, было много выходцев из южных районов Сибири, Забайкалья, Приамурья, Приморья – тех земель, что были исторически близки к Китаю (например, А. Ачаир, М. Колосова, В. Март, Б. Бета, семьи В. Перелешина, Л. Андерсен, В. Янковской). Вместе с особым «чувством ландшафта» дальневосточные изгнанники принесли с собой в эмиграцию и опыт межкультурной интеграции, характерный для народов, населяющих эти территории Российской империи. На сибирских и дальневосточных просторах в течение столетий скрещивались пути самых разных народов, обычаев, языков и ре-

¹ Подробно об этом: Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров. Русские писатели в Маньчжурии. Указ. изд.

лигий, и именно это определило особую духовно-эмоциональную направленность сознания бывших русских «зауральцев», как их именовали в столичных кругах, и членов их семей к тому, что определяется нами как «фронтирная ментальность» (В. Март, А. Ачаир, Б. Бета, В. Перелешин и многие другие). Это относится и к писательскому «клану» семьи Янковских, дети которого проживали сначала в Японии, затем в Корее, а под конец в Маньчжурии. Они выросли бок о бок с китайскими, корейскими и маньчжурскими охотниками, овладели искусством промысловиков, впитали в себя мифологию китайцев и корейцев, овладели языками.

С конца 20-х гг. харбинские сочинители проявляют повышенный интерес не только к региональным особенностям окружающей их Маньчжурии, но и в целом к наследию древнейших культур Востока (Китая, Кореи, Японии), а также к богатейшей литературной традиции этих стран. К тому времени Приморье и Маньчжурия представляли еще единое геополитическое пространство, владивостокцы свободно вояжировали в Харбин, харбинцы – в другую сторону; литераторы могли общаться друг с другом – в частности, в те годы в Харбине побывали и Н. Асеев, и В. Арсеньев и др. Пять лет прожил в Харбине В. Март. Шкуркин дружил с Арсеньевым, Арсеньев переписывался с Байковым. Во Владивостоке с Арсеньевым успели пообщаться Щербаков и Несмелов. Постепенно реалии дальневосточного фронта, неотделимые от мифологических представлений местного населения, захватили практически всех наиболее крупных художников слова, различающихся по возрастным, эстетическим и географическим и социокультурным ориентирам.

Наиболее проявленным считается интерес русских харбинцев к Китаю в лирике. Но обычно разговор об этом ограничивается указанием двух направлений: «Во-первых, осуществлен перевод на русский язык большого числа поэтических произведений разных периодов китайской литературы. Во-вторых, в оригинальных стихах многих поэтов присутствует местный колорит, образность, реалии» (В. Крейд)¹. На наш взгляд, лирика русского Китая в своем «прокитай-

¹ Крейд В. Все звезды повидав чужие... РПК. С. 23.

ском» корпусе – явление более сложное, многогранное. В ней действительно запечатлелся фронтальный дух литературы дальневосточного зарубежья, особенные ментальные установки «русских китайцев». Среди поэтов, испытавших влияние мощного духовного воздействия Китая, Инна Ли, помимо В. Перелешина, называет А. Ачаира, Л. Хаиндрову, Б. Волкова, Ю. Крузенштерн-Петерца, М. Волина и др., восклицая: «Вообще удивительно это проникновение в глубины китайского духа!»¹.

Начали русские поэты с **переводов**. Попыток их осуществить было не так много, и, так как китайский язык был для многих недоступен, делали «**двойные переводы** (через английские переводы китайской лирики). И здесь нельзя обойти вниманием супругов Серебренниковых, которые активно занимались переводами китайских поэтов – преимущественно с английских изданий. В 1938 г. у них вышел сборник «Цветы китайской поэзии» тиражом в сто экземпляров, выполненный в китайском стиле²: обложка книги была переплетена шелком с костяными застежками. Издание имело большой успех у публики. Отзыв на него подготовил А. Несмелов, который отметил высокое достоинство стихотворного перевода: «Стих везде выразителен, упруг и ритмически оправдывает тему. Каждому культурному русскому человеку ясно, какое огромное значение может иметь этот труд для нашего понимания откровенных глубин китайской души. Кроме того, конечно, антология эта является и ценным вкладом в русскую переводную художественную литературу»³.

Помимо супругов Серебренниковых, к переводам обращались и другие авторы. Например, «Песня весны во *дворце*» владевшего английским А. Ачаира (1929):

День вчерашний гас под ветром; ветер с вечером в родстве.

На колодезь пухом бледным падал персиковый цвет.

Круг луны качался в небе в чарах грез и небылиц,

¹ Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина. Указ. изд. С. 278.

² Серебренникова А.Н., Серебренников И.И. Цветы китайской поэзии. Тяньцзинь, 1938.

³ Несмелов А. Отзыв // Харбинская заря. 1939. 19 января.

И роса слетала в блеске на изгибы черепиц¹.

Стихотворение, опубликованное в «Рубеже», имело подзаголовок: «Из китайской лирики. Ван Чанглин (Династии Тангов)». В нем явно ощущаются приемы, в целом характерные для поэзии рубежа веков (звуковые цепочки – *ветер с вечером в родстве, и роса слетала в блеске, качался в чарах и т.д.*; специфическая лексика – *грезы, небылицы, блеск*). Благодаря витиеватой звукописи китайские реалии (*персиковый цвет, изгибы черепиц, звуки лютни, флейты, барабан, шелест шелка, бамбуковые ставни*) приобретали почти осязаемую материальность. Суггестивность подобного звукосемантического сплава тонко передавала дремотность ощущений и созерцательный характер восточного сознания, с «точки зрения» которого и создавался этот текст.

Были у харбинцев и **прямые переводы с китайского**. Наиболее удачными считаются опыты Я. Аракина, Н. Светлова, В. Перелешина. Николай Светлов был одним из немногих, кто выучил китайский язык и пробовал себя в качестве переводчика классической китайской лирики:

Рыболов

Поэта Ли-Бай

И шляпа и рыбачий плащ. И челн.
И удилица согнутая сажень.
И тень горы. И плеск игривых волн.
И лунный блеск осеннего пейзажа.

Вдохновение

Поэта Цин Жун

В руке стакан пьянящего вина.
Мой стол устлал стихотворений ворох.
Я счастлив. Я творю. И не моя вина,
Что не с кем разделить мне радость взоров².

¹ Рубеж. 1929. № 17. С. 9. Слово «во дворце» выделено курсивом не случайно – в других публикациях (Русская поэзия Китая; Русские поэты о Китае // Россияне в Азии. 1995. № 2) напечатано «во дворе», что существенно меняет смысл стихотворения.

² Рубеж. 1931. № 28.

Мастером переводческого искусства китайской лирики считается Валерий Перелешин; он даже издал антологию китайской поэзии «Стихи на веере»¹. Его переводы относятся уже к более позднему времени – концу 30-х гг.:

О, прогоните иволгу скорей,
Чтоб не кричала посреди ветвей:
Крича, она распугивает сны
О небесах моей родной страны.

(Ли Бай)².

ПРИГЛАШЕНИЕ

Прошу, хотя я с вами незнаком,
Зайти и обогреться у огня.
В харчевне пусть нас угостят вином, –
В мешке довольно денег у меня!

(Хо Чжи-чжа)³.

По мнению В.С. Макарова, «его [В. Перелешина] переводы навсегда останутся единственными в своем роде, ибо такое редкое сочетание талантов, как китаевед и поэт, встречается крайне редко»⁴. Следует отметить, что и сам Валерий Перелешин хорошо осознавал значимость своих переводов, а также считал себя первым переводчиком с китайского языка в русской литературе. Об этом он пишет в письме Алле Кторовой: «Скромностью я не отличаюсь. Хорошо понимаю, что я первый в русской литературе переводчик с китайского...»⁵.

Правда, суждение о том, что он был «лучшим переводчиком китайской поэзии», китайская исследовательница Ли Мэн считает «*легендой, придуманной им*

¹ Перелешин В. Стихи на веере: Антология классической китайской поэзии. Франкфурт-на-Майне, 1970.

² Цит. по: Рубеж. 1939. № 6. С. 20.

³ Цит. по: Рубеж. 1941. № 4. С. 1.

⁴ Макаров В. «Русские дальневосточные синологи» // Ковалевский П.Е. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971. С. 92.

⁵ Перелешин В. Три письма Валерия Перелешина / Публ. Аллы Кторовой // Новый журнал. 1999. № 216. С. 108.

САМИМ»¹, а И. Ли находит в его переводах множество неточностей и несоответствий².

Российские синологи-переводчики менее строги, подчеркивая, что Перелешин «имел собственный взгляд на китайскую поэзию и в переводах старался передать не только содержание произведений, но и ритмический рисунок, о чем он пишет в предисловии к сборнику «Стихи на веере»: «...китайский язык – односложный, и ударение приходится делать на каждом слоге. В русской поэзии делались аналогичные опыты, но искусственность их очевидна. Вот, например, из Марины Цветаевой: "Конь рыж, меч ржав; / Кто сей? – Вождь толп"»³.

Обращался В. Перелешин и к **лингвокультурным имитациям** национальной поэзии («Подражание китайскому»):

твой мир прям

хлеб да рты

я не там

я не ты

но и здесь

ложь да спесь

быль же вся

ты не я⁴

Подобные «формальные изыски» Инна Ли совершенно справедливо оценивает невысоко, считая, что более плодотворным является **«переосмысление китайских образов и аллегорий»**⁵. Например, **стилизации китайской и во-**

¹ Письмо Ли Мэн В.В. Агеносову от 17 марта 2005 г. // Личный архив В.В. Агеносова.

² Подробно о мастерстве Перелешина-переводчика: Эфендиева Г.В., Пышняк О.Е. Валерий Перелешин как переводчик китайской классической поэзии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт этнокультурного взаимодействия. Вып. 10. Благовещенск, 2013. С. 256–266; Эфендиева Г.В., Пышняк О.Е. Валерий Перелешин и его опыт стихотворного перевода древнекитайского трактата «Дао Дэ Цзин» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 4 С. 136–140.

³ Перелешин В. От переводчика // Стихи на веере: Антология классической китайской поэзии. Франкфурт-на-Майне, 1970. С. III.

⁴ Там же. С. 409–410.

⁵ Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина. Указ. изд. С. 280.

сточной лирики (А. Ачаир «Ханьчжоу», Л. Андерсен «Нарцисс», «Узенькая дорожка / Бежит по груди откоса...», Вс. Иванов «Японские стихи» и т.д.).

Та же Ли Иннань пишет об Ачаире: «С огромной эмоциональной силой передано растворение в нирване у А. Ачаира, когда в окружении священных буддистских храмов и сказочного пейзажа Ханьчжоу поэт ощущает:

И был только он – только отдых. И сон, и полет в беспредельность,
и скрипки, и лютни, и цитры, и радостный крик окарины,
и дрожь трепетавшего гонга, и млечность, и вечность, и цельность,
и – облачный ладан, и звезды, и путь в поднебесье орлиный.

(«Ханьчжоу»)¹.

Экспериментировали харбинцы и с «**псевдо-стилизациями**», построенными на китаизированном «воляпюке» (имитация китайского языка и реалий, им обозначаемых). Например, «Лайфу» Кшижанны Зороастры (Изида Орлова):

Монотонно плачет струнный тачинкин
В чайном домике, стоящем на углу:
И в фаянсовых посудах чай лянсин
Носит грустный узкоглазый бой Лайфу.

(«Лайфу», 1929)².

В китайском языке нет слов «тачинкин», «канфа», нет чая сорта «лянсин», нет и инструмента под названием «артабаз» (в словообразовательной модели которого больше тюркских, нежели сино-тибетских корней). И все же, несмотря на иронические оценки этих опытов (В. Перелешин), подобное «языковое моделирование» в своей интенции плодотворно, и неоднозначно оценивается современными учеными-филологами³. На наш взгляд, «фантастические» реалии в лирике Изиды Орловой могут стоять в одном ряду с «аонидами», придуманными О. Мандельштамом в духе античной романтики, проповедуемой акмеистами (И. Одоевцева).

¹ Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина. Указ. изд. С. 277.

² Зороастра Кшижанна. Черные иммертели. Харбин, 1929.

³ Ярославцев С. Искусственные и естественные языки // Режим доступа: <http://www.lingvistto.org/artkoloj/lingvoj.html>

Лирика – это, в первую очередь, эмоция и отношение, то, что наиболее точно фиксирует авторскую установку. Поэтическое **«вживание» в глубины национального сознания** китайцев стало следующим этапом на пути художественного проникновения в этнокультурные традиции этой восточной страны. Не случайно современное читательское восприятие, свободное от культурно-исторических стереотипов, интуитивно улавливает необычное свойство всех стихотворений русских поэтов Харбина: «они становятся созерцательными. Вероятно, и время в Китае течет не так, как в России. Даже самые экзальтированные строки звучат немного подсурдиненно»¹.

Лирический Арсений Несмелов в этом смысле – прекрасный образец поэтического **наблюдения за жизнью китайцев со стороны**. Попав в Харбин в самом начале 1920-х гг., он только к началу следующего десятилетия обращается к «китайским картинкам» в лирике. Но и в этих опытах Китай и Маньчжурия для Несмелова – образы по большей части отстраненно-литературные, иногда с налетом футуристической вычурности:

Узкие окна. Фонарики.
Продолговатый лимон,
Выжженный в мреющем паре – как
Вызолоченное клеймо.

Думаешь: тщательно вырисуй
Загнутых кровель углы.
Звезд лиловатые ирисы,
Синее марево мглы.

Небо... Не медными горами
Над перевалом веков –
Храм с девятнадцатью Буддами
Медленных облаков.

¹ Александров В. Срок годности // Независимая газета. 2001. 11 октября.

(«В Китае»)¹.

Можно, конечно, говорить о своеобразном мифологизировании поэтом своего вынужденного китайского бытия путем экстраполяции античного сюжета-архетипа на беженский сюжет:

Была похожа на тяжелый гроб
Большая лодка, и китаец греб,
И весла мерно погружались в воду...
И ночь висела, и была она,
Беззвездная, безвыходно черна
И обещала дождь и непогоду

(«Прикосновения», сб. «Без России», 1931)².

Перевозчик-китаец уподобляется мифическому персонажу, переправляющему душу умершего на тот свет. Во многом этот мотив связан с мотивом перехода границы, своеобразным метемпсихозом лирического героя: умиранием офицера-великоросса, возрождением его в качестве бездомного эмигранта.

Как подчеркивает Ли Иннань, китайская культура, в которой покой является одной из глобальных ценностей, стала желанным спасением от эмигрантской усталости и тоски. Обращение к ней не требовало от русских обязательного кропотливого труда книжников: дыхание этой культуры было растворено не только в самой атмосфере древних дворцов и пагод, но и в ароматах маленьких лавчонок, скромных святилищ³.

Лирические зарисовки китайского быта, в который погружается лирический субъект эмигрантской лирики – прекрасная иллюстрация постепенного душевного вживания русских в этот мир:

Сижу с китайцами в харчевнях,
Ведя бесед несложных ряд,
И странной радостью напоен
Мой каждый в быт Китая взгляд!

¹ Азия. 1932. № 2. Апрель. Т. 1. С. 239.

² Несмелов А. Собр. соч. указ. изд. Т. 1. С. 105.

³ Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина.

(М. Спургот. «Сижу с китайцами в харчевнях...», 1931)¹

Русский поэт приобщается к **созерцанию** этой жизни. В стихотворениях А. Ачаира, написанных в промежуток 1925–1937 гг. («Сунгари», «Как и прежде» и др.), географические координаты и бытовые подробности Китая в сознании русского эмигранта такими же близкими и дорогими, как и самим китайцам:

Над молочной рекою – шафранный закат,
Лижут воду огней языки,
У камней берегов, беспокоясь, лежат
Огневые на поле круги...
Раскатай, раскатай голубую лазурь,
Как лепешку в маньчжурской муке!
Загруженные стаи лениво ползут
По молочной и жирной реке...

(«Сунгари», 1929)².

... Но я, как и прежде,
Скитаюсь по Азии древней.
Цветные одежды.
Кумирни. Пустыни. Дворцы.
Живу, наблюдая.
А жизнь настоящая дремлет.
А в марте, подтаяв,
Вниз падают с крыш леденцы.

(«Как и прежде», 1933)³.

Даже Александра Паркау, столь трудно осознающая себя в чужом пространстве и чужом мире, в умиротворенной повествовательной манере рисует нам «Лунный Новый год»:

Солнце село над кольцом строений,

¹ Спургот М. Сижу с китайцами в харчевнях... // Спургот М. Желтая дама. Шанхай, 1931.

² РПК. С. 76.

³ Там же. С. 80.

Зимний вечер благостен и мирен.
Тонкий дым сжигаемых курений
В окнах фанз и у камней кумирен.
<...>
Не страшат ни свисты, ни раскаты,
Ни ракет оранжевые мушки,
И гремят с заката до заката
Частой дробью шумные хлопушки¹.

Следующим этапом становится **скрещение экзотических реалий и семантических ореолов знаковых метров русского стиха** («Маньчжурские ямбы» Б. Бета, «Беженец» Л. Ещин, «В фруктовой лавчонке» А. Ачаир, лирика Н. Светлова).

Совсем в иных, чем у А. Паркау, красках и ритмах изображен тот же праздник Нового года по китайскому календарю в стихотворении Н. Светлова:

Ночь морозная, крутая...
Завтра – Новый год Китая!
Трррам-там-там!.. Тарам-там-там! –
Раздается здесь и там.
Это лихо в барабаны
От вина и шума пьяный
Бьет китайский весь народ,
Провожая старый год.

(«Новый год Китая»)².

Как вспоминают харбинцы, этот праздник особенно привлекал русских своей красочностью, шумом, обильным столом³. Написанное «веселым» – ча-стущечным Х4, стихотворение не просто воссоздает радостную атмосферу, царящую среди китайцев в их самый главный народный праздник, но выражает и

¹ Рубеж. 1931. № 11.

² РПК. С. 469.

³ Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М., 1994. С. 42.

праздничное сопереживание *русского* лирического субъекта, а вместе с ним – *русского* читателя.

Пример жанрового синтезирования двух литературных традиций – в «Маньчжурских ямбах» Б. Бета (1935):

Не раз задумывался я
Уйти в глубокие края,
И в фанзе поселиться там,
Где часты переплеты рам;
Бумага в них, а не стекло,
И кана под окном тепло.
На скользкую циновку сесть,
Свинину палочками есть,
И чаем горьким запивать;
Потом курить и рисовать...¹

«Маньчжурские ямбы» демонстрируют эффектное наращивание семантического ореола четырехстопного ямба с мужскими рифмами, устойчиво связанного с романтическими поэмами Лермонтова («Мцыри»). Перенос романтической устремленности «уйти в глубокие края» на конкретную «маньчжурскую почву», подробное и соблазнительное умножение деталей, сопровождающих повседневную жизнь китайца, создают образ лирического героя дальневосточного фронта.

В стихотворении «В фруктовой лавчонке» А. Ачаир использует приемом статического нагнетания «восточности», имитирующий принцип даосской созерцательности. Это становится возможным благодаря «скрещению» метрических ассоциаций ореола двустопного амфибрахия в катренах особого типа рифмовки (аввС dbbС) с перечислением онтологических ценностей восточного сознания. Ритмический рисунок хорошо увязан с деталями местного пейзажа, этнопсихологическими характеристиками китайцев и метонимическими обозначе-

¹ РПК. С. 97.

ниями самоцветных камней, традиционно используемых в китайском храмо-
строительстве:

Рыбацкая воля,
купцовая леность,
буддийская вечность
и желтый закат.
И нежные зори.
Кристалльность. Нетленность.
Нирвана. Беспечность.
Нефрит и агат.

(«В фруктовой лавчонке», 1938)¹.

Л. Хаиндрова, хоть и не овладела китайским языком, но отчим домом считала Китай – взрастившую ее землю; с Китаем она ощущала духовное родство². В одном из своих стихотворений она обращается к китайскому земледельцу с наказом беречь дедовские и прадедовские могилы: «Осторожней проходи по пашням: / Мирно спят здесь прадеды твои, / Охраняя твой посев вчерашний / Всем долготерпением любви»³.

Как и многие собратья по перу, Арсений Несмелов также пытался примерить на себя китайскую реальность, вплавляя экзотические мотивы в семантику русских стихотворных размеров:

Китаец, до пояса голый,
Из бронзы загара литой,
Не дружит с усмешкой веселой,
Не любит беседы пустой.

Уронит гортанное слово
И вновь молчалив и согбен –

¹ Там же. С. 82–83.

² РПК. С. 275.

³ Хаиндрова Л. Китайская пашня // РПК. С. 545.

Работы, заботы суровой
Влекущий, магический плен

(«Гряды»)¹.

Ритм стихотворения отсылает семантическую память воспитанного на отечественной лирике читателя к некрасовскому образу русских женщин, их горькой доле и одновременному восхищению их долготерпением. Думается, что такое синтезирование инокультурных реалий и русского версификационного «народничества» (трехстопный амфибрахий) имеют общий корень, имя которому – *тоска*, «скука». Именно с этим чувством, по-видимому, связаны для поэта и «литературные» воспоминания о своей родине, и недоумение от того, как можно жить только этой непреодолимой рутинной тяжкого труда китайца: «Щетина зеленого лука/ На серой иссохшей гряде. / Степные просторы да скука,/ Да пыльная скука везде...» («Гряды»).

Вдохновение харбинским поэтам дарили и **сюжеты классических китайских текстов** («Дракон, пожирающий солнце» Б. Волкова – поэма Ли Ци, «Ян Гуэй-фэй» Ю. Крузенштерн-Петерец – поэма Бо Цзюи «Песня вечной тоски» и т.д.).

Таким образом, традиции древнейшей поэзии Китая проявились как в тематике, тональности и образности «русских» стихотворений, так и в самой их форме. Китайский исследователь Ли Янлен замечает, что поэзия Харбина испытала влияние философичности и лаконизма китайской поэзии, размывающей грань между настроением и пейзажем и предлагающей краткий философский вывод в заключительных строчках стиха².

«Единство в разном» в пределах одного – молодого – поколения ярко демонстрирует коллективная антология «Остров» (1946)³. История появления этого уникального в своем роде художественного образования тесно связана с возрождением «чураевского братства» уже на шанхайской территории в кружке

¹ Феникс. 1935. № 14. / Цит. по: Несмелов А. Собрание сочинений. Т. 1. С. 249.

² Ли Янлен. Доклад о русской литературе Харбина на научной конференции Китайской ассоциации исследователей русской литературы. Ноябрь, 1999.

³ Бакич О. Остров среди бушующего моря // Новый журнал. 2005. № 239. С. 174–200.

«Пятница». Они собрались в количестве девяти человек: Н. Петерец, Н. Щеголев, В. Перелешин, Л. Андерсен, Л. Хаиндрова, Ю. Крузенштерн-Петерец, М. Коростовец, В. Иевлева, В. Померанцев. Их объединяло общее харбинское прошлое, а за плечами первых пятерых (хотели они это признавать или нет) была чураевская школа. «В “Пятнице” велась серьезная литературная работа и учеба; это была именно рабочая студия»¹; все были еще молоды, а от прозаической действительности за стенами кружка «нужно было бежать, чтобы как-то сберечь себя до того дня, когда войны больше не будет, террора не будет, голода и холода тоже не будет»². Поэтому они бежали – на свой «Остров» поэзии³.

Правда, по воспоминаниям Вл. Слободчикова, служившего в то время во французской полиции и отказавшегося работать в кружке, «Пятница» также была задумана «с пропагандистскими целями» В.Н. Роговым, директором шанхайского отделения агентства ТАСС, обещавшим субсидировать объединение, а в дальнейшем и издание альманаха «на некоторых политических условиях – полная лояльность к Советскому Союзу, к социалистическому реализму и др.». Другие члены кружка этого не знали; Владимир Александрович согласился не говорить об этом В. Перелешину, приехавшему из Пекина и примкнувшему к кружку⁴. Ю.В. Крузенштерн-Петерец, в завуалированной форме намекая на эти обстоятельства в своих воспоминаниях, тем не менее, подчеркивает: «*Стихи были самым главным. Для стихов надо было жить, пережить войны. Но, конечно, не для испанских и не для норвежских. Когда говорилось о стихах, то имелись в виду только русские. Но чтобы они жили, должна была выжить Россия. А то, что было около нас, вокруг нас, над головой, под ногами, было временным – обстановкой, а не жизнью. Мы верили в будущее и так жадно глотали это будущее, что не замечали, как сгорали в настоящем*»⁵.

¹ Бакич О. Остров среди бушующего моря. Указ. изд.

² Перелешин В. Два полустанка. Указ. изд. С. 102–103.

³ Ю.В. Крузенштерн-Петерец пишет о том, что название, сменившее простецкое «Пятница», скорее всего, было придумано Лариссой Андерсен (Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания. Указ. изд. С. 145–148).

⁴ Слободчиков В.А. Письмо О. Бакич. 14 января 2002 // Бакич О.Н. Остров среди бушующего моря. Указ. изд. С. 177.

⁵ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. 2000. № 7. С. 144.

Кем-то из самых отчаянных выдумщиков (Перелешин склоняется к тому, что это либо Ларисса Андерсен, либо Николай Петерец)¹ был придуман вид студийной игры: «Будем опускать в этот стакан бумажки, свернутые в трубочку. На каждой будет написана тема. А потом пусть Виталий (Серебряков <...>) <тянет>. Это и будет тема на неделю. А в следующий раз стихи будут читаться и обсуждаться»². Темы же были такие: Дым, Карусель, Кольцо, Камея, Светильник, Море, Химера, Пустыня, Ангел, Феникс, Сквозь цветное стекло, Кошка, Достоевский, Россия, Дом, Зеркало, Колокол, Мы плетем кружева, Поэт, Джиоконда – всего двадцать, если судить по оглавлению вышедшего в 1946 г. сборника. В случае с «Островом» литературная игра оказалась необыкновенно продуктивна. Многие стихотворения сборника – даже у самого теоретически-холодного из участников, Николая Петереца – отмечены оригинальностью мысли и одновременно трепетным чувством. Очень много удачных и многосмысленных стихов вышло в то время из-под пера Валерия Перелешина и Лариссы Андерсен.

Взыскательный В. Перелешин завершил свои литературные мемуары «Два полустанка»: «Останется от нее [харбинской страницы русской зарубежной литературы. – А.З], может быть, не много, но нельзя будет обойти молчанием <...> стихи Ларисы Андерсен, Елены Недельской, Григория Сатовского-Ржевского, Алексея Ачаира, Фаины Дмитриевой, Марианны Колосовой, Марии Визи, Лидии Хаиндровой, Николая Щеголева, Сергея Сергина»³.

¹ Остров. Шанхай: Дракон, 1946.

² Перелешин В. Два полустанка. С. 103.

³ Перелешин В. Два полустанка (фрагменты)... С. 119.

Тема 3. Проза литературы дальневосточного зарубежья. Проблематика и поэтика

Прозаическое наследие писателей восточной ветви зарубежья долгое время практически никто не знал и не имел возможности узнать. Начиная с середины 80-е гг. характеристика прозы дальневосточного зарубежья ограничивалась резюме: «в основном, беллетристика» (Е.П. Таскина). Что разумелось под этой характеристикой, читатели и исследователи определяли в соответствии с границами своих эстетических горизонтов и представлений о «беллетристике». А, как известно, отечественная традиция эпохи развитого социализма осмысляла данную дефиницию исключительно в категориях критики буржуазно-массовой культуры и «ванькиной» литературы¹. Редкий счастливец, имеющий в наличии антологию «Харбин. Ветка русского дерева», в большинстве представленных там образцов находил подтверждение отрицательным коннотациям понимания харбинской и шире – дальневосточной эмигрантской прозы. Тем более, что составители комментировали: «Да, ни Джека Лондона, ни Ивана Бунина в русском Харбине не было в те годы. Да и позже прозой русский Харбин не был, наверное, примечателен...»².

Да, не был богат романами литературный Парнас русского Китая – теми «реалистическими» романами, на которых воспитано было не одно поколение дореволюционных русских читателей. Но архивные разыскания последнего десятилетия³, публикации художественных текстов известных и малоизвестных

¹ См., например: Чуковский К. Вербицкая // Чуковский К. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1969. С. 16–17; История русской литературы. Т. 10. Литература 1890–1917 годов. М., 1954. С. 607–608; Келдыш В.А. Русский реализм начала XX века. М., 1975. С. 6; Хализев В.Е. Теория литературы. 2-е изд. М., 2000. С. 132–136. Подробно о традиции отождествления беллетристики и «буржуазно-массовой», «бульварной литературы» см., например, в работе А.М. Грачевой «Русская беллетристика 1900-1910 гг.: идеи и жанровые формы» // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 543–588.

² Таскина Е.П. Литературное наследие русского Харбина // Харбин. Ветка русского дерева: Проза, стихи / Сост. Д.Г. Селькина, Е.П. Таскина. Новосибирск, 1991. С. 3–36.

³ Имеются в виду результаты архивных разысканий ученых «Центра изучения дальневосточной эмиграции» в фондах ГАРФ, ГАХК, РГБ, ИМЛИ, Дома Русского зарубежья, провинци-

авторов¹ дают возможность расширить представление о качественном наполнении прозы дальневосточных беженцев². В сочетании с новыми материалами, касающимися литературы западной эмиграции, а также вновь интерпретированными фактами культурного и литературного процесса метрополии 20-30 гг. прошлого столетия³, эти источники создают довольно сложную, противоречивую картину. Главное при ее характеристике – следование синхроническому принципу толкования понятий, внимание к типологии социокультурных реалий зарубежья и метрополии и апелляция к уже современным теориям интерпретации текста сквозь призму эдиционной проблематики, с учетом особенностей творческой герменевтики авторов.

Трактовки беллетристики в 10–30 гг. прошлого столетия постоянно балансировали на границе представлений о «художественном»//«нехудожественном», «элитарном»//«массовом», «скучном»//«занимательном» чтении, важнейшим критерием при этом оставался во-

альной библиотеки г. Харбина (КНР), частных коллекциях В.А. Слободчикова и Л.Н. Андерсен т.д.

¹ Например: Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. / Собиранье оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен. Пекин, 2005; Хейдок А. Маньчжурские рассказы // Рубеж. 2006. № 6 (868). С. 97–121; Юльский Б. Зеленый легион. Рассказы // Рубеж. 2004. № 5 (№ 867). С. 151–176; Байков Н.А. Великий Ван: Повесть; Черный капитан: Роман / Состав. А. Колесова, вступит. ст. Н. Ким. Владивосток: Рубеж, 2009. 528 с.; Щербаков М. Одиссеи без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы/ Сост., комм. и вст. ст. А. Колесова (Серия «Восточная ветвь»). Владивосток: Рубеж, 2011; Хейдок А. Звезды Маньчжурии: Рассказы / Сост. А. Колесова, примеч. Н. Белоглазовой, сост. и вступит. статья А. Лобычева (Серия «Восточная ветвь»). Владивосток: Рубеж, 2011; Юльский Б. Зеленый легион: повесть и рассказы / Сост. и комм. А. Колесова; сост. и вступит. ст. А. Лобычева (Серия «Восточная ветвь»). Владивосток: Рубеж, 2011.

² Наиболее репрезентативное издание прозаических произведений дальневосточных эмигрантов, на наш взгляд, осуществлено составителями данного словаря: Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Хрестоматия. В 4-х т. Т. 1. Проза. В 3 ч. / Сост., общ. ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2013.

³ Эстетическое самосознание русской литературы. 20-е годы XX века: Антология / Сост. Г.А. Белая. М.: РГГУ, 2003. 720 с.; Корниенко Н.В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 504 с.; В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930 годов / Отв. ред. О.А. Казнина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 608 с.

прос адресации произведения и его «идеологической» (в широком смысле) адекватности¹.

В разговоре о беллетристике мы будем, во-первых, разделять два явления: «массовую беллетристику» (она же – «массовая литература») и художественную прозу в целом, включающую прозаические произведения разнообразной жанровой природы, обладающие острой фабулой, занимательные для чтения («беллетристика»), при этом, как правило, небольшого объема. Беллетристика в нашем понимании обладает широким рецептивным потенциалом среди разных читательских слоев, разделенных не только социокультурными, но в идеале – и временными границами².

Подобное внеоценочное, но при этом – продуктивное отношение к явлению беллетристики поможет выявить специфику литературного процесса в дальневосточном зарубежье и его «харбинском крыле» как наиболее ярко выраженном. Развитие харбинской литературы было напрямую обусловлено процессами социокультурного, экономического и политического развития дальневосточного зарубежья в целом.

Сегодняшний взгляд на литературную ситуацию в русском Харбине, лишенный идеологических шор, позволяет обнаружить парадоксальное явление: новоявленные харбинские литераторы-эмигранты оказались в той «особенной ситуации», в которой пребывали и их собратья по перу в метрополии. Ее суть состояла в том, что «постановка (и решение) определенных литературных задач совпала по времени с задачей выработки определенного социального поведения»³.

¹ Подробно об этом, например: Забияко А.А. На проселочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: Хрестоматия: В 4-х т. Т. 1. Проза: В 3-х ч. Часть 1 / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. С. 3–37.

² Традицию осмысления процесса беллетризации, учитывающего разницу социокультурного и эстетического подходов, в отечественном литературоведении продолжает ряд исследователей: Кузнецова Т.Ф., Луков В.А., Луков М.В. Массовая культура и массовая беллетристика // Знание. Понимание. Умение. Эл. журн. 2008. № 4. Сер. «Культурология».

³ Чудакова М.О. Опыт историко-социологического анализа художественных текстов // Чудакова М.О. Литература советского прошлого. М., 2001. С. 291.

И хотя онтологические и идеологические основания формирования литературы «по ту сторону границы и по эту сторону границы» были совершенно полярны, вопросы «как быть писателем?», проблемы «литературного быта»¹ волновали писателей-харбинцев ничуть не меньше, чем их собратьев в метрополии и западно-европейской эмиграции. В речевой практике русских харбинцев явление «беллетристики» коррелирует исключительно с понятиями «поэтическое» и «публицистическое» и абсолютно лишено отрицательных смыслов. «Ремесло беллетриста» в сознании пишущей харбинской братии осмысливается как трудное, требующее не только таланта, но и определенного умения².

«Харбин не читает! Харбину нужно все, кроме книг!» – в 1923 году ругали недавнее прошлое харбинские журналисты. «С 1918 по 1920 Харбин жил без книг. Читатели, по привычке приходившие в книжный магазин, смотрели на пожелтевшие корки случайных изданий, помеченных "1912", "1910" и даже "1906" год, вздыхали и уходили. Медленный процесс отвыкания от книги усиливался»³. «Первыми ласточками» «пестрого каскада книг», характеризующего подъем издательского дела, стали берлинские книжные издания: «Весь 1922 год – сплошной медовый месяц берлинской книги и харбинского читателя. Харбинцы поглощали сотнями толстовские "Любовь – книгу золотую" и "Хождение по мукам". Раскупали "Театр и жизнь". Расхватывали "Жар-птицу"... Харбин вдруг оказался культурным и великолепно поглощал и нового, испытанного Амфитеатрова, и неведомых для Харбина Ремизова с Пильняком».

Итак, в первой половине 20-х гг. харбинские издатели и сочинители словно с «чистого листа» начинают наверстывать потерянное время: они «сближаются с культурой новой эпохи. Они держат в руках Есенина, Пильняка, Лидина, Ал. Толстого, Эренбурга.

Их не отпугивает масютинский рисунок, название "Серапионовы братья", ремизовская вязь словами»⁴.

¹ Эйхенбаум Б. Литературный быт // Эйхенбаум Б. Мой современник. Л., 1929. С. 51.

² Ребринский А. О творчестве беллетриста (Литературный ларец) // Рубеж. 1942. № 18.

³ Менестрель. После разлуки // Гонг. 1923. № 1. С. 18–20.

⁴ Там же.

Иными словами, уже к середине 20-х годов харбинский читатель адекватно воспринимает и «всеядно» поглощает прозу Ал. Толстого, авангардистский сказ Пильняка, орнаментальную вязь Ремизова – все то, что составляет богатое новациями пространство советской беллетристики и новообразованной эмигрантской литературы.

Несмотря на общий рост интереса к книге и знакомство с лучшими образцами прозы метрополии и эмиграции, 20-е годы прошли для харбинцев в творческих поисках. В 1929 г. Вс.Н. Иванов, чей литературный багаж успел стать довольно весомым, а авторитет – солидным, обрушивается на прозаиков дальневосточной эмиграции с провокационными попреками: «Харбинские эмигрантские беллетристы и иже с ними, которые в своих рассказах помещают то лирические переживания при встрече с некоей обворожительной девушкой, то копаются в воспоминаниях, расплываясь в сладкой и теплой водице, не подозревают, в каких возможностях сюжетов они пребывают»¹.

В этой статье прозвучала достаточно трезвая оценка харбинской литературной ситуации тех лет. Но проблема харбинской прозы состояла не в отсутствии талантов. Суровая беженская действительность подвигала русских сочинителей к стремлению применять свои художественные амбиции к жестким условиям рыночных отношений, соотносить меру собственного эстетического вкуса с запросами читающей публики, сопрягать с талантом с его «реализуемостью».

Много богаче литературности была сама дальневосточная реальность. Именно «непреодоленность биографии» становится для харбинских беллетристов мощным источником вдохновения. Трагедия Ледяного похода, тяжелейшие невзгоды, сопровождавшие семьи дальневосточных беженцев на пути в эмиграцию, экзотика русского города посреди маньчжурских болот, процветающий на почве многовластия бандитизм и хунхузничество провоцировали и продуцировали особые темы и сюжеты.

¹ Иванов Вс.Н. Об эмигрантской литературе // Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М: Советский писатель, 1991. С. 239–243.

В воспоминаниях И.И. Серебренникова есть сюжет о встрече в Харбине со старым приятелем-генералом и его супругой. В «долгой душевной беседе» гостеприимная хозяйка поведала «о своих мытарствах, кои ей пришлось претерпеть за последнее время». Женщина теряет следы мужа во время восстания против Колчака. Добравшись до Верхнеудинска и дождавшись прихода каппелевцев, она отправляется в штаб. Чтобы узнать, «смог ли он выбраться из Южной армии и попасть в Омск, остался ли там или пошел с отступающей армией? В штабе ей сказали, что не имеют о ген. Бобрике никаких сведений и ничего утешительного сообщить ей не могут. Взволнованная женщина, подозревая, что от нее утаивают недобрые вести о ее муже, со слезами на глазах вышла из помещения штаба – и на улице встретила своего мужа, целого и невредимого. Можно представить себе этот *исключительный момент!*..» (курсив мой. – А.З.)¹. На этом «одиссея» генеральши не закончилась. Возвращаясь в Харбин из Владивостока, куда она ездила в «бешеной погоне за заработком», но попала «под переворот» (имеется ввиду падение ДВР), женщина вновь оказывается в переделке. «По дороге на поезд, в котором она ехала, совершили нападение хунхузы. Поезд должен был остановиться. Выстрелы, дикие крики хунхузов, вопли и стоны раненных создают необычайно жуткую картину. Убитый пассажир валится с верхней полки вниз, прямо на г-жу Бобрик. Хунхузы отбирают у нее последние деньги. Отважная женщина еще имела мужество в этой кошмарной обстановке перевязывать раненных пассажиров»².

Примечательно резюме мемуариста: «Слушая это скорбное и жуткое повествование и наблюдая за нервным лицом рассказчицы, я думал:

– Какие страшные шутки шутит иногда жизнь! *Никакой фантазии романиста не угоняться за ними...*

Порубежье как временная и социально-философская категория тесно связались в сознании эмигрантов с лихолетьем Гражданской и последующими за этим переменами в их судьбе и художественном сознании. Авантюрными сю-

¹ Серебренников И.И. Мои воспоминания в эмиграции. Т. II. Тяньцзинь, 1940. С. 35–36.

² Там же.

жетами из собственной жизни могли поделиться и сам Вс.Н. Иванов¹, и Альфред Хейдок², Арсений Несмелов³, Алексей Ачаир⁴, Яков Лович⁵...

Но фронтирная (пограничная, порубежная) ситуация была литературогенна и пространственно-географической спецификой. «Загадочная страна Маньчжурия», «дебри маньчжурской тайги» стали художественной мифологией, определяющей, с одной стороны, крайнюю степень отчужденности русского изгнанника от бескрайних просторов российских степей, его «умирания» в качестве *русского* человека, «возрождения» в качестве *эмигранта*, с другой стороны, его особую выделенность в неоднородном пространстве эмиграции в целом.

«Пограничная жизнь – это огромная канва, по которой можно расшивать узоры бесчисленных, весьма запутанных, обремененных сложной фабулярностью, романов... Недаром в доброе старое время писались повести о контрабандистах, о мрачных следопытах-охотниках, о невероятных приключениях, все это – в связи с жизнью на границе», – писал в середине 30-х гг. критик Аргус⁶.

С конца 20-х гг. харбинские сочинители проявляют повышенный интерес не только к региональным особенностям окружающей их Маньчжурии, но и в целом к наследию древнейших культур Востока (Китая, Кореи, Японии), а также к богатейшей литературной традиции этих стран. К тому времени Приморье и Маньчжурия представляли еще единое геополитическое пространство, владивостокцы свободно вояжировали в Харбин, харбинцы – в другую сторону; литераторы могли общаться друг с другом – в частности, в те годы в Харбине побывали и Н. Асеев, и В. Арсеньев и др. Шкуркин дружил с Арсеньевым, Ар-

¹ Иванов Вс.Н. Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1994. № 12.

² Хейдок А.П. Страницы моей жизни. М., 2011. С. 17–42.

³ Несмелов А. О себе и о Владивостоке; Наш тигр, Ленка Рыжая и т.д.

⁴ Ачаир А. Тайна северной тайги // Рубеж. 1937. № 23. С. 3–8.

⁵ Лович Я. Враги. М., 2007.

⁶ Аргус. Роман, написанный жизнью (Книга К. Сабурова «Зеленый фронт», только что вышедшая в Харбине) // Рубеж. 1937. № 17.

сеньев переписывался с Байковым. Во Владивостоке с Арсеньевым успели пообщаться Щербаков и Несмелов.

В эти годы харбинцы уже имели на руках не только художественно-натуралистическую прозу Н. Байкова, но и «Китайские легенды» П. Шкуркина, «Тигровьи чары» В. Марта¹. В 1924 г. выходят в свет этнографические рассказы П.В. Шкуркина «Хунхузы», в 1926-1928 гг. – его же китайская быль «Игроки»². Постепенно реалии дальневосточного фронта, неотделимые от мифологических представлений местного населения, захватили практически всех наиболее крупных художников слова, различающихся по возрастным, эстетическим и географическим ориентирам.

Формируется новое направление – *художественная этнография* дальневосточного фронта – результат *художественного освоения* автором культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта представителей определенного этноса (в первую очередь, русскими – инокультуры), населяющих географические пространства Дальнего Востока³. Художественное освоение предполагает «олитературивание» фактического материала вымыслом, художественной условностью, поэтическим слогом, авантюрной сюжетикой.

Таким образом, мы однозначно дифференцируем научный и художественный текст, как в теории науки различают научный и художественный образ. Но, так как свои корни художественная этнография берет в этнографии научной, в центре изображения писателя-этнографа – представители тех или иных этнических групп в реальных условиях обитания и этнокультурного общения. Соотношение двух начал (научного и художественного) может ба-

¹ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914; Байков Н.А. В горах и лесах Маньчжурии. СПб., 1915; Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь. Владивосток, 1921; Шкуркин П. Китайские легенды. Харбин, 1921; Март В. Тигровьи чары. Владивосток, 1920.

² Хроника основных событий культурной жизни русского Харбина // Русский Харбин... Указ. изд. С. 300–333.

³ Об этом подробно: Забияко А.П., Кобызов Р.А., Аниховский С.Э., Воронкова Е.А., Забияко А.А. Эвенки Приамурья: Оленяя тропа истории и культуры (монография). – Благовещенск: Издательская компания «РИО», 2012. С. 270–275.

лансировать в ту или иную сторону – в зависимости от установки и предпочтений автора, рождая разнообразные жанрово-стилевые формы – от притчи до детектива¹.

Художественная этнография воплощается в образах восприятия инокультуры. Под образом восприятия в литературе мы понимаем художественную проекцию этнического сознания, обусловленную исторической ситуацией, в которой происходит встреча этносов, этническими константами воспринимающих культур, а также этническими, политическими, социокультурными и художественными установками каждого конкретного автора².

Рецепция образов инокультуры и её носителей в русском и китайском сознании находит отражение в научных, публицистических, литературных текстах. Возникают русский и китайский тексты художественной этнографии. Художественные образы восприятия России и Китая, восприятия и самовосприятия русских и китайцев отражают этнопсихологические, этнокультурные, этнорелигиозные, эмоционально-этические и политические установки, сложившиеся в русской и китайской культуре в рассматриваемый исторический период. Художественное воплощение данных образов в русском и китайском текстах художественной этнографии соответствует русской и китайской литературной традиции и металитературной рецепции.

«Тигров больше, чем людей», – словно вынося диагноз всей дальневосточной литературе, резюмировали ее содержание парижские критики³. Иронизировать на этот счет можно было только кабинетным писателям, не бывавшим в дальневосточной тайге, не знакомым с ее обитателями. Ситуация, в которой реально оказались дальневосточные беженцы, в самой малой степени была близка «экзотической романтике», мыслимой и чаемой западным эмигрантам.

¹ Об этом: Забияко А.А. Художественная этнография Дальнего Востока: советский и эмигрантский текст // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: Амурский госуниверситет, 2014. С. 270–290.

² Забияко А.А., Сенина Е.В. Образы восприятия Китая и китайцев в советской литературе и публицистике 1920–1940 гг. // *Rossica Olomucensia* – Vol. LVIII. – Num. 1. – Olomouc, 2019. – С. 67–86.

³ Об этом, например: Голенищев-Кутузов И.Н. Русская литература на Дальнем Востоке // Возрождение. Париж. 1932.

В произведениях Николая Байкова, Павла Шкуркина, Михаила Щербакова, Арсения Несмелова, Бориса Юльского и др. устойчиво либо «редко, да метко» встречаются образ тайги, ее мифического Хозяина – *тигра*, образы *женьшеня* и «таежных людей» – *звероловов*, *женьшеньщиков*, *хунхузов* – «тигров в человеческом обличье». Данное явление, в первую очередь, интересно с точки зрения художественной этнографии, но оно характеризует и «дальневосточную» специфику этнокультурной идентификации эмигрантов, и их личную религиозность¹.

Уникален в этом отношении опыт П. Шкуркина, определивший дальнейшее развитие художественной этнографии Н. Байкова и М. Щербакова (повлиял он в определенной мере и на оставшегося в Советской России В. Арсеньева²). Обращение Шкуркина к религиозно-философской подоплеке социокультурного явления хунхузничества базировалось на первоначальном постижении мифологии и лингворелигиозной картины мира народов Дальнего Востока. Именно Шкуркин в предисловии к «Хунхузам» наметил путь самоценного развития дальневосточной этнографии по пути беллетризации³.

В натуралистических заметках Николая Байкова ученый постоянно соперничает с писателем. Этнограф деловито передает подробности охоты в маньчжурской тайге, научные сведения об «объекте описания», а художник трансформирует эти заметки в поэтизированные зарисовки из охотничьего и военного быта, где мифология играет особую роль. Так, очерк «Корень жизни женьшень» (1926) плавно перетекает в повествование «В делях Маньчжурии» (1934); «Маньчжурский тигр» (1925), «Тигры на Дальнем Востоке» (1927), «Охота на тигра» (1927) переплавляются в «Великого Вана» (1936) и т.д.

Своей дорогой к художественной этнографии пришел Михаил Щербаков. Уже в начале 20-х гг. его воображение занимают центральные мифологемы

¹ Об этом: Забияко А.А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов. Религиоведение. 2011. № 2. С. 154–170.

² О путях становления этого крыла дальневосточной прозы: Забияко А.А. Текстологические тропы дальневосточной этнографии (проблема аутентичности текстов писателей 20–40 гг.) // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5. Указ. изд. С. 84–102.

³ Шкуркин П.В. Хунхузы: Этнографические рассказы. Харбин, 1924. С. 5.

дальневосточного фронта¹. Сборник «Корень жизни»² формировался почти двадцать лет. Туда вошли рассказы, в основном написанные в 1923–1930 гг., – в них можно обнаружить прозаическое развитие стихотворений 20-х гг. Два рассказа датированы 1935 и 1934 гг. В целом же произведения, составившие сборник, разнообразны по жанровому, сюжетологическому наполнению. Среди них и новелла («Корень жизни»), и «корейская легенда» («Озеро богача»), и фантастические рассказы («Утес Дракона», «Джонни молодой мамонт»), и лиризованные зарисовки («Шанхайские наброски») и т.д. Объединяющим началом сборника становится мифология и мифологические воззрения самых разных народов, населяющих Дальний Восток: китайцев, маньчжуров, корейцев, японцев, коряков, пропущенные сквозь призму восприятия русского человека. В 1932 г. он снискал себе весьма меткую эпиграмму от Н. Светлова:

М.В.Щ.

При драке с ним, хоть удивитесь,

Получите ущерб боков.

То – наш Джеск Лондон, храбрый витязь,

Михал Василич Щербаков³.

Переосмысление топосов фронтальной мифологии осуществилось и в творчестве представителя молодого поколения писателей – Бориса Юльского («Возвращение госпожи Цай», цикл «Зеленый легион»). В «очерках» «Зеленого легиона», декларативно нацеленных на «правдивость», мифологический национальный колорит затеняет более глубокий уровень писательской рефлексии. Писатель воссоздает будни лесной полиции. Он, не нюхавший порошу Первой мировой, не прошедший фронты Гражданской, живущий на русском «пятаке» посреди огромного Китая, ощущает себя в ситуации героического служения, борьбы за правое дело. Герои его повествования – хунхузы-китайцы, русские

¹ Забияко А.А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов. Указ. изд.

² Щербаков М. Корень жизни: Сб. рассказов. Шанхай, 1943. 236 с.

³ Чураевцы по белу свету // Молодая Чураевка. 1932. № 5 (30 июля). С. 2.

солдаты – помещены в лиминальную ситуацию «жизнь / смерть». Пограничная ситуация, когда смерть заглядывает человеку, проявляет все скрытые в нем потенции, стирает этнические преграды. Раздвигая рамки «своего // чужого», Юльский активно синтезирует жанровые формы славянского и китайского фольклора, соединяет героев разноплеменных демонологий («Возвращение госпожи Цай», «След лисицы», «Господина Леса» и др.). Подобная синкретизация этнокультурных традиций свидетельствует об уникальном процессе вращивания в чужую среду, характеризующем культурное пространство дальневосточной ветви эмиграции.

В 1929 г. появляются и первые рассказы Альфреда Хейдока («Кошмар степи», «Призрак Алексея Бельского», «Зов пустыни» и др.), соединяющие средневековую мистику и религии Востока¹ в поэтически осмысленной писателем теософской концепции. Впоследствии его художественно-философские штудии воплотятся в сборник «Звезды Маньчжурии» (1936). Для А. Хейдока, переведившего «Тайную доктрину» Е.П. Блаватской, увлечение теософией явилось ступенью на пути к постижению «Агни Йоги» Николая Рериха. С ним Хейдок встречался в Харбине лично, считая знакомство провиденциальным. Идеи Н. Рериха нашли живейший отклик и понимание в душе молодого писателя. В художественной практике Хейдока впечатления жизни на Востоке, идея многократных духовных перерождений, культ мертвых пропущены сквозь сознание европейского человека маргинального сознания. При этом писатель, постоянный автор «Рубежа», делает ставку на динамичную фабулу и мистическое разрешение конфликта. Личный религиозный опыт Хейдока, пронизывающий эмоциональную атмосферу его произведений, отнюдь не вредит их беллетризации: необычайные происшествия, захватывающая интрига этой прозы исподволь погружают читательское сознание в мистический контекст. Используя жанры фольклорной бывальщины, средневековой легенды и «готического рассказа», Хейдок поверяет европейский скепсис восточным все пронизывающим

¹ Об этом: Забияко А.А., Крыжанская К.А. Спиритизм, теософия, масонство: харбинский вариант космополитизма // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009. С. 175–195.

мистицизмом («Призрак Алексея Бельского», «Шествие мертвых», «Маньчжурская принцесса» и др.).

Конец 20-х гг. станет переломным для Арсения Несмелова как прозаика; им будут созданы совершенно разноплановые и разностилевые произведения. События недавних владивостокских лет отразятся в сознательно беллетризованной автобиографии «О себе и о Владивостоке»¹, повести-эсхатопии «Ледяная гибель»², рассказе-анекдоте «Удачный заголовок». Трагический военный опыт выльется в «Короткий удар», вписавший Несмелова в редкий реестр авторов Первой Мировой; опасная и авантюрная работа репортера и жизнь в межреволюционной Москве с ее криминальной атмосферой воплотятся в рассказе «Комаровка». В дальнейшем прозаические искания Арсения Несмелова становятся характерным примером диалектического взаимодействия «конъюнктуры» и «вдохновения» в области жанрологии, повествовательной стратегии, сюжетики и стилистики: это и шпионские истории («Золотой Зуб», «Контрразведчик»), и рассказы в духе булгаковского фантастического реализма («Кольцо Цезаря»), и анекдоты из местного литературного быта («Поэтесса Верочка»), и анекдоты-притчи («Чудесный подарок») и многое другое. Он одним из первых в русском зарубежье проникнет в перспективы уникального жанра «беллетризованной биографии», актуальность которого будет предчувствовать Б. Эйхенбаум. Вначале это будет написанное в жанре письма И. Якушеву³ повествование «О себе и о Владивостоке» (1928), а затем «непреодоленный биографизм» пронизет самые разные жанровые формы – «отрывки из романа» («Ленка Рыжая», «Удачный заголовок»), шпионские истории («Золотой Зуб», «Контрразведчик», «Случай на мосту»), рассказы-анекдоты («Приключение Веры Исаевны», «Поэтесса Верочка»), рассказы-притчи («Чудесный подарок», «Голубое одеяло») и т.д. Метапоэтическая подкладка его художественного мира, явленная в повест-

¹ Об этом: Забияко А.А. Автобиографизм как метажанровая основа прозы А. Несмелова // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 1. Благовещенск, 2006. С. 81–100.

² Об этом: Забияко А.А. «Ледяная гибель» Арсения Несмелова: между «молотом» пропаганды и «наковальной» искусства // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. Указ. изд. С. 132–148.

³ Переписка А.И. Несмелова с И.А. Якушевым // Рубеж. 1995. №2. С. 238–248.

вовании «Наш тигр» (1940), отлична от набоковской и газдановской лирической саморефлексии – активность его автобиографического персонажа указывает на иные перспективы развития прозы XX века.

Уже в 1931 г. в литературно-художественном сборнике «Багульник» О. Штерн с воодушевлением отметит, что «в последние два-три года литературная жизнь Харбина заметно оживилась»¹. В 1932 году многие писатели понимают: *«писать можно о чем угодно, лишь бы после прочтения написанного оставалось впечатление внутренней оправданности книги»*².

Николай Щеголев, критикуя засилье зарубежных детективных романов среди читающей публики Харбина, тем не менее, видит причины дурновкусия современных читателей в том, что «занимательностью современные писатели пренебрегают: они пишут не романы, не рассказы, а какие-то плохо спаянные фрагменты, лирические по большей части». Пути избавления от «кровавых призраков» и «черных ручек» он видит в том, чтобы «начать перестраиваться психологически, будить в себе закосневшую коммерческую жилку», присмотревшись к Пушкину и Достоевскому, «который всегда остро присматривался к бульварным писателям типа Эжена Сю, потому что хотел, чтобы его романы помимо внутренней ценности обладали внешней занимательностью!»³

В русском Харбине находят плодотворное развитие и тенденции модернистской прозы 10-х гг., и прозы военных лет, и новации литературы метрополии. При этом они переплавляются в совершенно особое единство. «Окопная правда» Толстого находит свое развитие в «Рассказах о войне» Несмелова. Традиция романа воспитания продолжена в прозе Н. Веселовского (сборник «Восток и Запад»). Проза, посвященная проблемам женской эмансипации и берущая свое начало в литературе 10-х гг., развивается в творчестве Н. Резниковой. Духом фантасмагорий 20-х гг. (где и Замятин, и Пильняк, и Булгаков) пронизаны «Ледяная гибель», «Кольцо Цезаря» А. Несмелова, роман «Ял-Мал»

¹ Штерн О. О дальневосточных писателях // Багульник: Литературно-художественный сборник. Харбин, 1931. Вып. 1. С. 183–189.

² Читатель. Библиография («Свидетель истории», «Олень», «Побег». Осоргин). Библиотека ХСМЛ // Молодая Чураевка. 1932. № 4 (24 июля).

³ Щеголев Н. О детективных романах // Молодая Чураевка. 1932. № 6 (8 августа). С. 1.

В. Логинова. Народнический посыл Леонида Андреева помножен на «беспочвенный» скепсис в прозе Б. Юльского («Чудесная королева», «Цветок у дороги», «Парашютист»). Натурализм ранних шолоховских рассказов, вплоть до совпадения названий, находит отклик в рассказах о Гражданской Несмелова («Родимое пятно», «Кровь на снегу», «Трудный день поручика Мухина» и др.), в сборнике Д. Загоскина «Казачи», прозе Я. Ловича.

На страницах периодических изданий и в сборниках, печатаемых мизерными тиражами, появляются рассказы, посвященные проблемам этнокультурной адаптации (Н. Резникова «Полукровка», А. Несмелов «Поручик Тахакаси», «Ламоза», «Драгоценные камни», Я. Лович «Покорность», В. Перелешин «Любовь господина Нань»); воспитанию подрастающего поколения (Б. Юльский «Парашютист», «Цветок у дороги»).

Именно «детская тема» становится поводом реализовать самые сокровенные переживания о судьбе родины, ее будущем для А. Несмелова. Но это – литература *не для детей*. Адресуемые взрослым рассказы выстраивают эсхатопическую, «гибельную» перспективу в отношении юной поросли советских детишек (рассказы «Золото», «Вредители», повесть «Маршал Свистунов» и др.).

Героями лучших образцов харбинской беллетристики, как и чаял Вс.Н. Иванов, становятся люди, которые «устраивают [жизнь] наперекор стихиям, наперекор обстоятельствам, бегут из Сов. России, шоферят на трескучих "фордах"», рубят лес на концессиях, укатывают мостовые на вальках, принимают самые разнообразные подданства, вплоть до советского, и через бурю дней проводят начала жизни во что бы то ни стало, жизни цепкой, сильной и умудренной»¹.

В 1937 г. харбинские критики отмечали: «В наше время пограничная обстановка еще более усложнилась. А здесь, на Дальнем Востоке, она стала особенно богата всяческими возможностями. Хунхузы, отряды самообороны, чины ГПУ, тайком пробирающиеся "по сю сторону", всевозможные авантюристы, перебежчики с советской стороны, шпионы, бродяги, искатели приключений, и

¹ Иванов Вс.Н. Об эмигрантской литературе. Указ. изд.

так далее, и так далее. Все эти любопытные разновидности людей создали бурлящую жизнь, полную опасностей, авантур, пылких взлетов идейного героизма, низменных падений в бездны измены и предательства, невероятной алчности в стремлении к золоту и эфемерной власти»¹.

С конца 1920-х по середину 1930-гг. шпиономания захватила европейскую общественность, а в провинциальном Харбине шпионские сюжеты были не просто востребованы – ими была наполнена сама жизнь. Интерес к авантурной сюжетике, в частности – к детективному (шпионскому) жанру также во многом был усилен обстоятельствами приграничного быта, все той же фронтальной ментальностью сочинителей. Двойные агенты советской и японской разведок, детективная подоплека общественно-политической жизни, предгрозовые настроения грядущих военных катастроф – все это было реальностью². Многие писатели – бывшие военные – вспоминали свой предшествующий опыт Первой мировой и шпионские страсти той поры (А. Несмелов, Я. Лович). Томящееся в захолустье дамское общество будоражили истории про известных женщин-шпионок (не случайно с такой страстью откликнулась М. Колосова на заметки о Мата-Хари)³. Заметим, что в советской литературе шпионский сюжет на два десятилетия с лишним утратит свою актуальность. Харбинцы, напротив, склонны видеть в детективах и шпионских историях источник оживления литературы: «Нет, никогда не взойдет в русской действительности новый великий писатель, пока торжествует, с одной стороны, беспочвенное презрение к детективным романам, и с другой, слепое увлечение фабулярностью как таковой, как целью»⁴.

¹ Аргус. Роман, написанный жизнью (Книга К. Сабурова «Зеленый фронт», только что вышедшая в Харбине). Указ. изд.

² Шилов Б. Пестрая сеть шпионажа в Харбине // Заря. 1931. № 92. С. 11; <Б.п.> «Основоположником» женского шпионажа был Бисмарк // Заря. 1934. № 15. С. 2, 7; <Б.п.> Для шпиона война никогда не кончается // Заря. 1934. № 213. С. 3, 6; <Б.п.> Шпиономания // Заря. 1934. №231. С. 2.; Сатовский-Ржевский Гр. Правда о «шпионах» // Заря. 1935. №80. С. 2; Трубников П. Шпионки // Заря. 1938. № 332. С. 4.

³ Колосова М. Мата Хари (поэма) // Рубеж. 1929. № 40.

⁴ Щеголев Н. О детективных романах // Указ. изд.

Так, Несмелов создает целую «трилогию»: «Золотой Зуб», «Контрразведчик», «Встреча на мосту», где, травестируя устойчивые сюжетные схемы, наполняет их каждый раз новыми бытийными и литературными смыслами: то вводя в «шпионскую историю» анекдот о женитьбе («Золотой Зуб»), то рокируя сюжет Первой Мировой с купринской историей о штабс-капитане Рыбникове («Контрразведчик»), то скрещивая шпионский сюжет с эмигрантской рефлексией («Встреча на мосту»). «Женщина из контрразведки» Я. Ловича – своеобразная ироническая реплика на шпионско-эротический рассказ Ал. Толстого «Возмездие» (1916 г.). Ну, а «Ошибка Шерлока Холмса» совсем юного Б. Юльского связала воедино шпионскую историю, иронический детектив и фельетон.

Особо следует сказать о том, что корпус беллетристики русского Харбина во многом создавался поэтами. Алексей Ачаир, не претендующий на крупные прозаические формы, тем не менее, пробовал себя и в рассказах, и в «рассказках» для рубрики «Юный читатель "Рубежа"» и для журнала «Ласточка». Очевидно, вдохновленный мифопоэтической прозой А. Хейдока («Призрак Алексея Бельского»), он пишет рассказ «Тайна северной тайги». Сама ситуация сближает двух авторов. И у того, и у другого топосами разворачиваемых событий становятся святилища восточных народов – языческий склеп у Ачаира и буддийская кумирня у Хейдока. В обоих произведениях герои вступают в поединок с тайгой и с иночеловеческими существами – духами «священных мест». Эта схватка становится поворотным моментом в судьбе главных героев. Однако если Хейдок делает акцент на фабульной остроте повествования и интригует читателя загадками мистических откровений, то Ачаир концентрирует наше внимание на субъекте повествования, его внутреннем мире. Конечно, не все рассказы (из четырех имеющихся) Ачаира столь самобытны, остальные, на мой взгляд, в своем художественном наполнении вполне соответствуют критике Вс.Н. Иванова.

Банальные сюжеты «харбинской беллетристики», осмеиваемые Вс.Н. Ивановым, а затем и Н. Щеголевым, Г. Граниным, А. Несмеловым, становятся для последних не только поводом к созданию сложнейших дискурсив-

ных форм повествования, но и интертекстуальных рокировок, и метапоэтических раздумий¹.

Проза одного из самых молодых сочинителей Георгия Гранина – проза интеллектуальная, перенасыщенная цитатами и реминисценциями, полнейший антипод «рубежным рассказам»². К примеру, Г. Гранин берет одну из расхожих моделей «рубежной беллетристики»: некая барышня-эмигрантка мечтает о светлой и чистой любви, читает Метерлинка³. Она понимает, что все светлое осталось в прошлом: «Все как будто ничего. Все, как пять-семь лет тому назад. Только складки у губ стали чуть тверже, да – чуть глубже едва заметные морщинки у глаз». В настоящем же – престарелый и пренеприятный «Борис Модестович, упорно пожимавший на встрече Нового года вашу руку». В этом рассказе «рубежный» шаблон – лишь повод для раздумий юного Гранина о высокой литературе и путях собственной самореализации, поэтическая уловка противопоставить обыденное и высокое.

Прозаические опыты харбинских лириков обнаруживают сложнейшую систему интертекстуальных пересечений творчества «младших» и «старших» писателей дальневосточного зарубежья (например, их притяжение–отталкивание с Несмеловым), а также уровень их литературоведческих изысканий и схождений с писателями метрополии и европейской эмиграции (с Набоковым, Пастернаком, Цветаевой). Парадоксально, но Набокова (Сирина) харбинцы не просто читали и «почитали», но во многом – и опережали.

Так беллетристика (проза) русского Харбина замыкает в себе разнообразные литературные тенденции первой половины XX столетия и косвенным образом переоценивает ставшие уже общим местом авторитеты.

¹ Под метапоэтикой понимается художественная рефлексия писателем собственного творчества и творческого процесса в целом, воплощенная в тексте через определенный набор тем, особую организацию повествования и использование устойчивых индивидуальных образов – метатропов.

² Подробно об этом: Забияко АА. Проза харбинского поэта Георгия Гранина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2007. № 4. С. 164–173; Забияко А.А. Стихотворение в прозе «Полдень» как опыт метапоэтической рефлексии Николая Щеголева // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 3. Благовещенск: Амурский гос. университет, 2009. С. 104–113.

³ Гранин Г. Монна Ванна. Из цикла «Неврастения» // «Чураевка». 1933. 7 февраля (№ 48).

Если полноценное развитие поэзии русского Харбина насчитывает «четверть века беженской судьбы» (А. Несмелов)¹, то проза интенсивно развивается приблизительно пятнадцать лет. К середине 40-х годов картина литературной жизни русского Харбина, в кратчайшие сроки переживавшего этапы цивилизационного развития, совсем иная по сравнению с 20-ми годами. В это время как в республике Советов на смену литературному многоголосию и творческому поиску уже как десять лет назад приходит руководство партийным циркуляром, а повсеместные чистки заставляют замолчать даже самых нейтральных писателей. Литературный Харбин, хотя и живущий под властью Маньчжоу-го, развивается все же в относительной свободе творческого поиска.

Показательным примером является история публикации откровенно тенденциозных сборников «Избранные произведения писателей народов Маньчжоу-го», устроенной марионеточной администрацией Маньчжоу-ди-Го. В первый, состоящий из 20 участников (японских, маньчжурских и китайских), вошли и два русских рассказа – Бориса Юльского «Обрыв» и Арсения Несмелова «Кровавый след на снегу». Стремление инициаторов сформировать «новое народное сознание», в конечном итоге приводящее к «новой общности» народов Азии, не оказалось поддержанным русскими авторами. Оба рассказа были посвящены русской жизни, события их происходят в России и не имеют «никакого отношения к "строительству" нового "царства гармонии"»². Снискав недовольство «соцзаказчика», русские писатели уже во втором сборнике (теперь уже Б. Юльский в рассказе «Конец Мирона Шибанова» и Н. Байков в рассказе «В отрогах Лао-Лина») вновь проявили свои «старые привычки и старое художественное воспитание»³. Характерно, что последующая за этим критика в качестве положительного примера «строительной» литературы приводила сосре-

¹ См.: Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск: Амурский гос. университет, 2008. 465 с.

² Об этом: Рехо К. Байков // Литература русского зарубежья (1917–1940): Материалы и библиографии / Отв. ред. К.Д. Муратова. СПб., 1993. С. 270–297.

³ Избранные произведения писателей народов Маньчжоу-го. Токио, 1942. Т. 1. С. 10.

алистические образцы – «Цемент» Ф. Гладкова, «Гидроцентраль» М. Шагинян, «Лесозавод» А. Караваевой¹.

В 1941 году в Харбине выходит «Литературный однодневник реалистов-динамистов». «Искусство поступает, как завоеватель: преодолевает сопротивление и берет в плен. Динамизм – это **сила в действии, сила, не уравновешенная сопротивлением, а преодолевающая его.** ...Иногда случается, что знак меняется: то, что сегодня кажется отрицательным, через десятилетия, наконец-то понятое, – уже расценивается как положительное; например, отношение к Лескову четверть века назад и теперь; различное отношение к Пушкину и многое другое» (жир. шрифт – авт.)², – писал один из авторов «Однодневника», Арсений Несмелов. Слова эти перекликаются с более ранними раздумьями Б. Эйхенбаума и К. Мочульского. Течение «динамического реализма» не имело дальнейшего развития, однако собранные воедино метапоэтические декларации харбинских художников слова даже на уровне риторики свидетельствовали о многообразии их творческих устремлений и предпочтений.

«Миг сознания»³, чаемый Эйхенбаумом и его коллегами в далекие 30-е, все же наступил. Время внесло существенные изменения в аксиологию русской литературы первой половины XX столетия, расставило акценты в понимании художественного наследия эмиграции в целом и вслед за этим – литературы дальневосточного зарубежья.

Находясь, в буквальном смысле, на «проселочных дорогах» литературы, дальневосточные беллетристы все же смогли сказать свое слово в развитии отечественной прозы. Казус «провинциальной» эмигрантской беллетристики состоял в том, что в лучших и не обязательно лучших своих образцах она в полной мере смогла уловить тенденции к жанровой перестройке литературы, потребовать региональный материал и не только *отразить* дальневосточный эмигрантский быт, но и *выразить* его в особых индивидуальных манерах.

¹ Сосуму У. О русской белоэмигрантской литературе // Канко Тоа. Токио, 1943. Т. 1. С. 32.

² Литературный однодневник харбинской группы писателей – динамических реалистов. Харбин, Маньчжу-Го. 1941. 21 июля.

³ Эйхенбаум Б.М. Миг сознания // Книжный угол. 1921. № 7.

ПРИМЕРНЫЕ ПЛАНЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Литературный быт русского Харбина.

1. Литературная жизнь Харбина до середины 20-х гг. Возникновение литературных кружков и салонов.
2. Периодическая печать русского Харбина и роль периодических изданий в литературной жизни.
3. Круг чтения русских харбинцев. Харбинские библиотеки. Литературно-художественные объединения.
4. Роль ХСМЛ в культурно-просветительской и литературной жизни харбинцев. А. Ачаир как организатор литературно-художественной молодежи русского Харбина.
5. «Молодая Чураевка» и ее программа. Судьба объединения в мемуарах русских эмигрантов.
6. Развитие литературной критики в Харбине.

Задания:

1. Составьте аннотированный библиографический список российских исследователей литературы и культуры дальневосточного зарубежья.
2. Опираясь на исследования, охарактеризуйте основные черты литературного процесса дальневосточного зарубежья.

Литература по теме:

1. Агеносов, В.В. История русской литературы XX века в 2 ч. Ч. 2 : учебник для академического бакалавриата / В.В. Агеносов ; отв. ред. В.В. Агеносов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во «Юрайт», 2017. – 687 с. – (Серия : Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978-5-9916-3490-8. – Режим доступа: www.biblio-online.ru/book/2B4B86CD-BAD7-430A-B5E9-935BF6E11A01
2. Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. – 503 с.
3. Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. – 447 с.;

4. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы» (художественный мир лирики русского Харбина). – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2008. – 430 с.
5. Забияко А.А. Тропа судьбы Алексея Ачаира: Научное издание. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2005. – 286 с.
6. Забияко А.А. «Дело о Чураевском питомнике» (новые штрихи к известной истории харбинского поэтического объединения) // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 6. – С. 170–186.
7. Эфендиева Г.В. «Что читал русский Харбин?» (О литературных пристрастиях русского восточного зарубежья 1920–1930 гг.) // Русский Харбин, запечатленный в слове. – Вып. 6. – Благовещенск, 2012. – С. 182–195.
8. Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. / Собиранитель оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Яньлен. – Пекин: Изд-во «Китайская молодежь», 2005.

Тема 2. Лирика русского Китая. Традиции и новаторство в творчестве дальневосточных поэтов.

1. Социокультурный облик «старшего» и «младшего» поколения харбинских поэтов. Поэтические сборники русского Китая.
2. Образ восприятия Китая и китайцев в лирике русского Китая.
3. Лирика А. Ачаира, Л. Ещина, А. Несмелова. Поэтические сборники.
4. Религиозные искания в лирике М. Колосовой.
5. Творчество Н. Щеголева.
6. Лирика Г. Гранина.
7. Творчество Л. Андерсен.
8. Лирика «Острова»: судьба молодого поколения в шанхайский период.

Задания:

1. Проанализируйте стихотворение А. Ачаира «По странам рассеянья... (Эмигранты. Моему отцу)». Какой А.Ачаир видит миссию эмиграции?

2. Прочитайте стихотворения А. Несмелова из двухтомника (п. 6). Выберите наиболее понравившееся, сделайте имманентный анализ текста.

3. Прочитайте стихотворения Н. Щеголева из сборника (п. 8). Выберите наиболее понравившееся, сделайте имманентный анализ текста.

4. Прочитайте стихотворения Л. Андерсен из сборника (п. 1). Выберите наиболее понравившееся, сделайте имманентный анализ текста.

Литература по теме:

1. Андерсен Л. Одна на мосту. Стихотворения. Воспоминания. Письма / сост., вступ. ст. и примеч. Т.Н. Калиберовой; предисл. Н.М. Крук; послесл. А.А. Хисамутдинова. – М.: Русский путь. Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2006. – 472 с.

2. Дяо Шаохау. Харбинская «Чураевка» // Рубеж. – 2003. – № 4. – С. 219–229.

3. Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. – 503 с.

4. Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2016. – 447 с.

5. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы» (художественный мир лирики русского Харбина). – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2008. – 430 с.

6. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2009. – 361 с.

7. Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. – М.: Время, 2001.

8. Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. / собиратель оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен. – Пекин: Изд-во «Китайская молодежь», 2005.

9. Несмелов А. Собрание сочинений: В 2 т. – Т. 1. Стихотворения и поэмы. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006.

10. Эфендиева Г.В. «Вот и я, улыбаясь людям, прохожу по земным лугам...» (О поэтессе русского Китая Лариссе Андерсен) // Амур: Литературно-художественный альманах. – Благовещенск: Изд-во БГПУ. – 2006. – № 5. – С. 62–68.

11. Забияко А.А. «Мои это годы, моя это жизнь и судьба!» (Жизнь и творчество поэта Николая Щеголева в контексте судьбы «взыскующих поэтов» дальневосточного зарубежья // Щеголев Н. Победное отчаянье. Сочинения / сост. Вл. Резвый, А. Забияко / под ред. Вл. Резвого. Послесл. А.А. Забияко. – М.: Водолей, 2014. – С. 238–310.

12. Бакич О.М. «Остров среди бушующего моря». История шанхайского литературного кружка «Пятница» // Новый журнал. – 2005. – № 239. – С. 174–200.

Тема 3. Проза русского Китая. Проблематика и поэтика.

1. Теория дальневосточного фронта как методологическая основа понимания литературного процесса в эмиграции.

2. Первые прозаические произведения русских писателей на линии КВЖД. Художественная этнография Н.А. Байкова, П.В. Шкуркина. Своеобразие поэтики и проблематики.

3. Беллетристика русского Харбина: особенности бытования. Жанрово-тематическое своеобразие.

4. Проза А. Несмелова. Проблематика и поэтика.

5. Проза М.И. Щербакова.

6. Проза А. Хейдока.

7. Проза русского Шанхая.

Задания:

1. Выпишите определение понятий «фронтир», «фронтирная ментальность», «художественная этнография», «художественная картина мира», «художественный концепт».

2. Прочитайте очерк Н.А. Байкова «Женьшень». Выделите стилевые и содержательные приметы художественного и научного текста.

3. Прочитайте рассказ П.В. Шкуркина «Как я сделался хунхузом». Проанализируйте особенности повествовательной организации текста. Чем эти особенности объясняются?

4. Прочитайте рассказ М.И. Щербакова «Корень жизни». Выделите черты психоментального комплекса человека дальневосточного фронта в тексте.

5. Прочитайте рассказы А. Несмелова, входящие в двухтомник (п. 5). Определите основные темы прозы писателя.

6. Прочитайте рассказы А. Хейдока из сборника «Звёзды Маньчжурии». Определите, какой из рассказов раскрывает авторскую концепцию сборника?

Литература по теме:

1. Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. – 503 с.

2. Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2016. – 447 с.

3. Забияко А.А. Художественная этнография Дальнего Востока: советский и эмигрантский текст // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. – С. 270–290.

4. Забияко А.П. Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Вып. 9. – 2010. – С. 5–12.

5. Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. / Собиранье оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен. – Пекин: Изд-во «Китайская молодежь», 2005.

6. Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. Ч. 1–3. Проза. Хрестоматия / сост. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой ; подгот. текстов

И.А. Дябкина, А.А. Забияко, К.А. Землянкой, Р.В. Поливан, Г.В. Эфендиевой.
– Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2013. – 950 с.

7. В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов:
Научное издание: В 3-х т. Т. I. Ч. 1, 2. Материалы к творческой биографии /
сост. А. А. Забияко, В.А. Резвый, Г.В. Эфендиева; подгот. текстов Е. Е. Бибик,
И.А. Дябкина, А.А. Забияко, К.А. Землянкой, Г.В. Эфендиевой; комментарии
А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ,
2015. – 850 с.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

В процессе выполнения самостоятельной работы аспиранты совершенствуют:

практические умения и навыки:

- умение реферировать научную литературу по изучаемой дисциплине;
- умение анализировать лирический текст;
- умение анализировать прозаический текст;
- умение анализировать текст маргинальной дискурсивной природы;
- умение анализировать литературно-критический текст.

учебные умения:

- использовать различные информационные источники;
- расспрашивать, описывать, сравнивать, исследовать, анализировать оценивать;
- проводить самостоятельный поиск необходимой информации;

специальные учебные умения:

- осуществлять эффективный и быстрый поиск нужной информации;
- организовывать работу с художественным и научным текстом;
- осуществлять междисциплинарное исследование.

Основной формой самостоятельной работы по данному курсу является **конспект, реферат, доклад, анализ художественного текста** (лирического и эпического).

Методические рекомендации по конспектированию

Конспектирование – процесс мысленной переработки и письменной фиксации информации, в виде краткого изложения основного содержания, смысла какого-либо текста. Результат конспектирования – запись, позволяющая конспектирующему немедленно или через некоторый срок с нужной полнотой восстановить полученную информацию. Конспект в переводе с латыни означает «обзор». По существу его и составлять надо как обзор, содержащий основные мысли текста без подробностей и второстепенных деталей. Конспект носит

индивидуализированный характер: он рассчитан на самого автора и поэтому может оказаться малопонятным для других.

Как конспектировать текст. Выделение главной мысли – одна из основ умственной культуры при работе с текстом. Во всяком научном тексте содержится информация двух видов: основная и вспомогательная. Основной является информация, имеющая наиболее существенное значение для раскрытия содержания темы или вопроса. К ней относятся: определения научных понятий, теоретических принципов, хронологических данных и т.д. Назначение вспомогательной информации – помочь читателю лучше усвоить предлагаемый материал. К этому типу информации относятся разного рода комментарии. Как же следует поступать с информацией каждого из этих видов в процессе конспектирования? Основную – записывать как можно полнее, вспомогательную фиксировать по мере возможности и вызываемого интереса. Содержание конспектирования составляет переработка основной информации в целях ее обобщения и сокращения. Обобщить – значит представить ее в более общей, схематической форме, в виде тезисов, выводов, отдельных заголовков, изложения основных результатов и т.п. Выбор ключевых слов – это первый этап смыслового свертывания, смыслового сжатия материала. Важными требованиями к конспекту являются наглядность и обозримость записей и такое их расположение, которое давало бы возможность уяснить логические связи и иерархию понятий. В процессе чтения следует делать лишь предварительные заметки (тезисы), отмечая вкладышами наиболее важные положения, факты, и только по прочтению всей книги можно приступить к составлению ее конспекта. Наряду с текстом, цитируемым дословно, конспект содержит также соображения и мысли его составителя. Можно включить сюда факты, цифры, таблицы и схемы из конспектируемой книги. В конспекте желательно выделить подчеркиванием или условными значками наиболее характерные места текста, выводы и определения, следует также оставлять поля для дополнительных записей и заметок. Составление конспекта требует вдумчивой работы, затраты времени и усилий. Наконец, конспект включает и выписки. В него могут войти отдельные места,

цитируемые дословно, а также факты, примеры, цифры, таблицы и схемы, взятые из конспектируемой книги. Работа над конспектом только тогда полноценная и творческая, когда она не ограничена рамками текста изучаемого произведения.

Приступая к составлению конспекта, прежде всего, следует указать фамилию автора книги или статьи, полное название работы, год и место издания. Если конспектируется статья, то указывается, где и когда она была напечатана. Полезно также отметить страницы изучаемого материала, чтобы можно было, руководствуясь записями, быстро отыскать в книге нужное место. Конспект подразделяется на части в соответствии с заранее продуманным планом. Пункты этого плана целесообразно записывать в тексте или на полях конспекта. При конспектировании (так же, как и при остальных видах записей) допускаются сокращения слов, но нужно соблюдать известную осторожность и меру. Случайные сокращения ведут к тому, что спустя некоторое время конспект становится непонятным. Недопустимы сокращения в наименованиях и фамилиях. Конспект ведется в тетради или на отдельных листках. Записи в тетради легче оформить, они занимают меньше места, их удобно брать с собой на лекции. Рекомендуется оставлять в тетрадях поля для последующей работы над конспектом, для дополнительных записей, замечаний и пунктов плана. Конспект в тетради имеет, однако, и недостаток: в нем мало места для пополнения новыми материалами, выводами и обобщениями. В этом отношении более удобен конспект на отдельных листках. Из него нетрудно извлечь отдельную понадобившуюся запись, его можно быстро пополнить листками с новыми выводами, обобщениями, фактическими данными. При подготовке выступлений, лекций и докладов легко подобрать листки из различных конспектов, свести их вместе.

Памятка аспиранту по конспектированию текста

1. Внимательно прочитать текст. Уточнить в справочной литературе непонятные слова. При записи не забудьте вынести справочные данные на поля конспекта.

2. Выделить главное, составьте план.

3. Кратко сформулировать основные положения текста, отметить аргументацию автора.

4. Законспектировать материал, четко следуя пунктам плана. При конспектировании стараться выразить мысль своими словами. Записи следует вести четко, ясно.

5. Грамотно записывать цитаты. Цитируя, учитывать лаконичность, значимость мысли. Конспект должен быть легко обозрим и легко читаем. Для этого надо выполнить правила оформления:

заголовок пишется цветной пастой;

левая треть листа отводится под поле для отметок обучающегося, 2/3 справа предназначены для конспектирования;

подзаголовки пишутся темной пастой и подчеркиваются цветной;

в тексте конспекта высота строчных букв 2 мм (бумага в клетку, записи в каждой строке);

абзацы текста отделяются друг от друга пробельной строкой, чтобы облегчить чтение записей;

в каждом абзаце ключевое слово подчеркивается цветной пастой;

в конце изучаемой темы оставляется чистая страница для построения структурно-логической схемы или сжатой информации иного типа.

Методические указания по подготовке реферата

Реферат имеет большое значение в приобретении обучающимися навыков самостоятельной работы над источниками и литературой. В реферате обучающийся должен на основании анализа доступных ему источников и литературы самостоятельно разработать одну из предлагаемых тем. В работе должны быть освещены с возможно большей полнотой все вопросы темы и сделаны обоснованные выводы. Кроме того, реферат должен показать, владеет ли обучающийся литературным стилем и умеет ли он правильно оформлять письменные задания.

Важным моментом в подготовке реферата и в успешном его написании является выбор темы. Тема должна, во-первых, соответствовать интересам обу-

чающегося, во-вторых, быть обеспечена доступными для обучающегося источниками и литературой.

Начиная работу по избранной теме, следует обратиться в первую очередь к литературе общего характера: соответствующим разделам учебников, статьям энциклопедий. Это позволит уяснить место темы в проблематике соответствующего периода, определить ее значимость и актуальность.

Важный этап работы – изучение источников и специальной литературы. Результатом работа с литературой, непосредственно посвященной избранной теме, либо отдельным ее аспектам, должен стать вывод о степени изученности темы.

В процессе изучения источников и литературы из них следует делать выписки на отдельных корточках или в тетрадях на одной стороне листа. На выписках должны фиксироваться данные о книге, из которой они сделаны (автор, название, место и год издания и обязательно страница) – это облегчит оформление научно-справочного аппарата работы.

После изучения литературы и источников следует составить план работы. Обучающийся должен проявить самостоятельность в выборе узловых вопросов темы, уметь развернуть их в подробный план (т.е. выделить подзаголовки к вопросам), целесообразно выбрать для рассмотрения 2-3 вопроса. Работа должна четко раскрывать тему, экскурсы в сторону нежелательны. Содержание реферата должно соответствовать плану.

План помещается в начале реферата (после его названия, приводимого на первом, т.е. титульном листе). Он должен включать: введение, основную часть (вопросы плана), заключение, список использованных источников и литературу.

Во введении обучающийся кратко обосновывает актуальность избранной темы реферата, раскрывает конкретные цели и задачи, которые он собирается решить в ходе своего небольшого исследования. В основной части подробно раскрывается содержание вопроса (вопросов) темы. Основная часть по объему должна занимать не менее 2/3 всей работы. Изложение материала должно идти

четко по плану и иметь соответствующие подзаголовки. В заключении кратко должны быть сформулированы полученные результаты исследования и даны выводы. Кроме того, заключение может включать предложения автора, в том числе и по дальнейшему изучению заинтересовавшей его проблемы.

В приложении (приложения) к реферату могут выноситься таблицы, графики, схемы и другие вспомогательные материалы, на которые имеются ссылки в тексте реферата.

Темы рефератов и докладов:

1. Труды Е.П. Таскиной и Г.М. Мелехова как источник реконструкции социокультурных процессов в дальневосточном зарубежье.

2. Устные истории дальневосточных эмигрантов как источник реконструкции социокультурных и этнокультурных процессов в дальневосточном зарубежье.

3. Мемуары Ю.В. Крузенштерн-Петерек как источник реконструкции литературной жизни дальневосточной эмиграции.

4. Мемуары В.А. Слободчикова как источник реконструкции литературной жизни дальневосточной эмиграции.

5. Общество Изучения Маньчжурского Края и его роль в научных изысканиях русских харбинцев.

6. Деятельность Баранова И.Г. в стенах Юридического факультета г. Харбина. Кафедра китайского языка ХПИ.

7. Обзор российских исследований по проблемам литературы дальневосточной эмиграции.

8. Обзор китайских исследований по проблемам литературы дальневосточной эмиграции.

9. Биография А. Ачаира в контексте литературного и социокультурного процессов дальневосточной эмиграции.

10. Биография А. Несмелова в контексте литературного и социокультурного процессов дальневосточной эмиграции.

11. Биография М. Колосовой в контексте литературного и социокультурного процессов дальневосточной эмиграции.

12. Биография Н. Щеголева в контексте литературного и социокультурного процессов дальневосточной эмиграции.

13. Биография Л. Андерсен в контексте литературного и социокультурного процессов дальневосточной эмиграции.

14. Биография В. Перелешина в контексте литературного и социокультурного процессов дальневосточной эмиграции.

Методические рекомендации по подготовке доклада

Доклад – вид самостоятельной научно-исследовательской работы, где автор раскрывает сущность исследуемой проблемы; приводит различные точки зрения, а также собственные взгляды на нее. Различают устный и письменный доклад (по содержанию близкий к реферату). Выступление с докладом выявляет умение работать с литературой, способность раскрыть сущность поставленной проблемы одногруппникам, ее актуальность; общую подготовку в рамках дисциплины.

Для того, чтобы проверить, правильно ли определены основные ориентиры работы над докладом, студент должен ответить на следующие вопросы:

ТЕМА → как это назвать?

ПРОБЛЕМА → что надо изучить из того, что ранее не было изучено?

АКТУАЛЬНОСТЬ → почему данную проблему нужно в настоящее время изучать?

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ → что рассматривается?

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ → как рассматривается объект, какие новые отношения, свойства, аспекты, функции раскрывает данное исследование?

ЦЕЛЬ → какой результат, работающий над темой, намерен получить, каким он его видит?

ЗАДАЧИ → что нужно сделать, чтобы цель была достигнута?

ГИПОТЕЗА И ЗАЩИЩАЕМЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ → что не очевидно в объекте, что докладчик видит в нем такого, чего не замечают другие?

Отличительной чертой доклада является научный стиль речи. Основная цель научного стиля речи – сообщение объективной информации, доказательство истинности научного знания.

Этапы работы над докладом:

- подбор и изучение основных источников по теме (как и при написании реферата, рекомендуется использовать не менее 4–10 источников);
- составление библиографии;
- обработка и систематизация материала. Подготовка выводов и обобщений;
- разработка плана доклада;
- написание;
- публичное выступление с результатами исследования.

Общая структура такого доклада может быть следующей:

- 1) формулировка темы выступления;
- 2) актуальность темы (чем интересно направление исследований, в чем заключается его важность, какие ученые работали в этой области, каким вопросам уделялось недостаточное внимание в данной теме, почему выбрана именно эта тема для изучения);
- 3) цель работы (в общих чертах соответствует формулировке темы выступления и может уточнять ее);
- 4) задачи исследования (конкретизируют цель работы, «раскладывая» ее на составляющие);
- 5) методика проведения сбора материала (подробное описание всех действий, связанных с получением результатов);
- 6) результаты. Краткое изложение новой информации, которую получил докладчик в процессе изучения темы. При изложении результатов желательно

давать четкое и немногословное истолкование новым мыслям. Желательно продемонстрировать иллюстрированные книги, копии иллюстраций, схемы;

7) выводы. Они кратко характеризуют основные полученные результаты и выявленные тенденции. В заключении выводы должны быть пронумерованы, обычно их не более четырех.

При подготовке к сообщению (выступлению на занятии по определенной проблеме изучаемой темы) необходимо самостоятельно подобрать литературу, важно использовать и рекомендуемую литературу, внимательно прочитать ее, обратив внимание на ключевые слова, выписав основные понятия, их определения, характеристики тех или иных явлений культуры. Следует самостоятельно составить план своего выступления, а при необходимости и записать весь текст доклада.

Если конспект будущего выступления оказывается слишком объемным, материала слишком много и сокращение его, казалось бы, невозможно, то необходимо, тренируясь, пересказать в устной форме отобранный материал. Неоценимую помощь в работе над докладом оказывают написанные на отдельных листах бумаги записи краткого плана ответа, а также записи имен, дат, названий, которыми можно воспользоваться во время выступления. В то же время недопустимым является безотрывное чтение текста доклада, поэтому необходимо к нему тщательно готовиться. В конце выступления обычно подводят итог, делают выводы.

Рекомендуемое время для выступления с сообщением на практическом занятии составляет 7–10 минут. Поэтому при подготовке доклада из текста работы отбирается самое главное.

Способы заинтересовать слушателей доклада:

1. Начать выступление:

- с проблемного или оригинального вопроса по теме выступления;
- с интересной цитаты по теме выступления;
- начать с истории, интересного случая, произошедшего с изучаемым автором или в изучаемую эпоху.

2. Основное изложение:

- обоснование темы, её актуальность, а также научное положение – тезис;
- доклад допускает определенный экспромт (может полностью не совпадать с научной статьей), что привлекает слушателей;
- используйте образные сравнения, контрасты;
- помните об уместности приводимых образов, контрастов, сравнений и мере их использования;
- рассказывая, будьте конкретны;

3. Окончание выступления:

- кратко изложить основные мысли, которые были затронуты в докладе;
- процитировать что-нибудь по теме доклада;
- создать кульминацию, оставив слушателей в размышлениях над поставленной проблемой.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ¹

А.П. Забияко

ПОРУБЕЖЬЕ²

В последние десятилетия в русскоязычную научную лексику прочно вошло понятие фронта.

Фронт (от англ. frontier) – термин, которым обозначается контактная зона между странами, народами или культурами, в сущности, синонимичный русскому понятию порубежье. Однако синонимия понятий «фронт» и «порубежье» не абсолютна. В русскоязычном употреблении «фронт» – достаточно строгий термин политологии, истории и ряда других гуманитарных наук. Для научного дискурса он удобен конкретностью своих пространственных смыслов. Понятие «порубежье» тоже включает в себе вполне конкретные пространственные значения, однако вместе с тем обладает другими смыслами и коннотациями, важными для русской ментальности.

В широком смысле порубежье – не обязательно пространственная категория, конкретизируемая в понятиях региона, зоны, территории. Порубежье – это также и темпоральная категория. Порубежьем может быть период времени, истории, длящийся в границах завершения одной эпохи и становления другой. Это время исторических перемен, иногда постепенных, эволюционных, иногда резких, революционных, но в любом случае это период нестабильности, когда старое уже изживает себя, а новое еще не возобладало. В этом временном континууме порубежья есть отрезок, субъективно фиксируемый и переживаемый как безвременье, когда старого уже нет, а нового еще нет. Всякая целостность отсутствует, черты прошлого и будущего смазаны, а настоящее переживается

¹ В данном разделе представлены материалы, представляющие основные концептуальные положения ведущих ученых Амурского государственного университета, занимающихся изучением литературы и культуры дальневосточного зарубежья.

² Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Вып. 9. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. С. 5–12.

как хаос, смута. В русской литературе и философии порубежье как временной континуум прочувствовано и осмыслено обстоятельно, особенно в отрезке безвременья, – события нашей истории давали материала в избытке. Для многих типов религиозного сознания порубежье как темпоральная категория обладает особым статусом причастности к священному времени – это момент перехода от небытия к бытию, время творения; это также момент обратного перехода от бытия к небытию или сверхбытию, эпоха «конца света», «конца времен» и перехода в вечность. Для религиозного сознания это время крайне значимое, но вместе с тем и страшное.

В своем предельно общем содержании понятие порубежья – категория онтологическая. В онтологическом смысле порубежье – это бытие на стыке своего и чужого, старого и нового. Здесь грань привычного существования, здесь оно заканчивается. Однако заканчивается оно не обязательно потому, что в порубежье иссякают силы привычного бытия. Зачастую в крайней точке излета, действительно, потенции наличествующего бытия истощаются, оно разлагается или мумифицируется. В русской истории и ментальности такая ситуация отлагалась в очень характерных оппозициях центра и периферии, столицы и провинции.

Бытие в центре, столичная жизнь – средоточие могущества, материального и духовного, креативный ресурс всего благого, истинного и прекрасного. Провинциальное существование по своей собственной природе – косность, мертвящая бездеятельность; единственная для него возможность не сгинуть окончательно – светить отраженным столичным светом. Понятно, что чем дальше от столицы–солнца, тем длиннее мрачные тени провинциальных предметов. На крайних рубежах русского мира нормальной (по столичному образцу) жизни, в сущности, нет по причине крайней немощи: здесь не живут – здесь прозябают, стыннут от бессилия. Такой стереотип мышления облекался в формы фольклора, «высокой» литературы, политических и экономических решений, личных жизненных стратегий людей и т.д. Заметим в общем контексте нашей темы, что русская ментальность, выразившая себя в таком стереотипе, отнюдь

не исключительна. Территориально ближайшим подобием ей выступает, что, впрочем, неудивительно, китайская ментальность со своей ключевой мифологемой Чжунго, Серединного государства, и вытекающими геополитическими, культурными, прочими следствиями. Оставим в стороне подробный критический разбор таких схем мышления, важно главное: при некоторой субъективной гипертрофированности сущностных качеств центра и периферии в них отражается типичное объективное неравенство центра и периферии с точки зрения позитивно-творческого потенциала. Действительно, вполне типична ситуация, когда центр, ядро сложившейся целостности заключает в себе мощный позитивно-творческий заряд, энергия которого уменьшается по мере удаления к периферии.

Однако не все типичное – единственно возможное.

Неравенство центра и периферии может объективно складываться прямо противоположным образом. Иногда сила бытия начинает иссякать в самом его сердце. Центр становится источником депрессивных процессов, препятствующих динамике периферийного существования. Русская история и такому неравенству дает достаточно примеров. В народном сознании оно выражено, например, изречением про то, что «рыба гниет с головы». В русской литературе много написано о столичной жизни как видимости подлинного существования, удушающей и мертвящей всякую инициативу.

Провинция в ситуации депрессии центра может продуцировать или, по крайней мере, сохранять какое-то время позитивно-творческий потенциал. Нередко случалось, что порубежье концентрировало избыточный или отторгнутый центром витальный ресурс. В разношерстном конгломерате мигрантов из Европы XVII–XVIII присутствовал чрезвычайно активный и жизнестойкий компонент – протестанты из Англии, Германии и Голландии, в большинстве своем репрессированные по религиозным причинам. Известно, что именно колонистам из этой среды в первую очередь принадлежит заслуга создания того, что стало называться американским фронтиром. Из материала изгоев-протестантов в «плавильном котле» был отлит «типичный американец», позд-

нее гипертрофированный Голливудом и окарикатуренный критикой до образа ковбоя с кольцом в одной руке и с Библией в другой. Однако в нем не отменить главного: именно он создатель и опора супердержавы. В XIX – начале XX в. кризис Цинской империи согнал с места миллионы китайских беженцев из приморских провинций. Покидали родные места, могилы предков не только самые обездоленные, но и наиболее деятельные, не находившие применения своим способностям в слабеющей империи. Осев в Юго-Восточной Азии и Северной Америке, они стали хуацяо, «китайскими эмигрантами» (иначе – «заморскими китайцами», hǎiwài huárèn). Теперь созданное ими самое дальнее порубежье Серединой империи – могучий экономический и культурный ресурс материкового Китая.

Огромную роль в присоединении Сибири и Дальнего Востока к России в XVII–XIX вв. играла политика центра. Однако освоение этих территорий было бы невозможно без потока царевых и вольных переселенцев, отличавшихся крайней витальностью и жизнестойкостью. Двигавшееся с запада на восток порубежье России всегда в своем составе заключало мощный креативный потенциал. Со второй половины XIX в. бурными темпами начало обустриваться дальневосточное порубежье России. Энергия обустройства с особенной силой сказывалась в Маньчжурии при строительстве и эксплуатации КВЖД.

По линии железной дороги и населенных пунктов пролегал узкой полосой среди маньчжурских просторов крайний рубеж русского мира длиною почти в три тысячи верст. После 1917 г., когда в центральной России прежний русский мир пал, именно здесь, прежде всего, в Харбине в течение еще нескольких десятилетий силами эмигрантов поддерживалась позитивная инерция жизни по образцам привычного, близкого русской душе бытия. Маньчжурское зарубежье наряду с парижским, берлинским белградским и иными фрагментами дореволюционного русского мира стало убежищем для той части этого мира, которая не приняла его распада в сердце России и всеми силами стремилась придать ему новый импульс бытия.

Жизнь убеждает, что порубежье – предел определенного типа бытия, но не обязательно состояние его креативной немощи. На границах своего существования бытийствующая реальность может явить впечатляющие образцы витальности и креативности.

По другую сторону порубежья располагается иной тип бытия, явленный иной эпохой, культурой, страной, этнической группой и т.д. Порубежье не только разграничивает две целостности, но и соединяет их, ближайшим образом посредует их взаимодействие. Воздействие одной целостности на другую в порубежье сказывается наиболее отчетливо. Следствием этого являются процессы синкретизации, приводящие к возникновению явлений, сочетающих элементы двух взаимодействующих целостностей. Синкретизация, ассимиляция и сходные с ними процессы отчетливо проявляют свои плоды при взаимодействии в зоне фронта политических систем, культурных и религиозных формаций, этнических групп.

Расселение народа на значительной территории приводит к формированию региональных особенностей в языке, образе жизни, идейно-психологических установках. Зачастую в результате регионализации возникают этнические субкультуры. По отношению к нормативной культуре (при всей условности критериев таковая все же конвенционально может быть определена) этническая субкультура порубежья представляет собой маргинальный тип культуры. Нельзя понимать маргинальность субкультур порубежья лишь как состояние деградации исходных нормативных качеств культурной формации, теряющих свое доминирующее положение и смешивающихся с чужеродными качествами. Маргинализация может развиваться по сценарию утраты субкультурой собственной идентичности. Однако этот сценарий – не императив. В условиях существования субкультуры в тесном контакте с инокультурной средой маргинализация зачастую приводит к резкой интенсификации внутри субкультуры исходных нормативных качеств. Интенсифицируя, иногда вплоть до крайней гипертрофии, качества, осознаваемые как сущностные, носители субкультуры стремятся уберечь свой мир от синкретизации с инокультурным. Не-

редко к этому стимулу добавляется не менее важный: носители субкультуры стремятся доказать, что несмотря на свою маргинальность, именно они являются образцом нормативной культуры. В своем субкультурном, порубежном, маргинальном положении они по отношению к культуре «центра», культуре «большинства» хотят быть, образно говоря, «святее папы римского». Ярким примером такой стратегии маргинальных субкультур дальневосточного порубежья являются староверческие общины Приамурья и Приморья.

Когда народ расселяется на огромной территории, развитие региональных особенностей, субкультурных отличий может привести во фронтальных зонах к возникновению фактически новой этнической группы.

Показательны примеры, явленные заселением Центральной и Северной Америки. Очевидно, что мексиканцы – это уже не испанцы, а янки – это не англичане. При сходстве языка (язык, как известно, одна из наиболее консервативных сторон культуры) мексиканцы и янки существенно отличаются от своих прототипов в образе жизни, в картине мира, в культуре и психологических характеристиках. Эти отличия издавна были осознаны их носителями и стали немаловажной причиной военной, политической борьбы за дальнейшее обособление от метрополии, от этнического и культурного субстрата. Исторические следствия этих процессов нам известны.

На русском Дальнем Востоке этот процесс не зашел так далеко и в современных условиях у него отсутствует перспектива к углублению. Нет, однако, правил без исключений. Один из наших респондентов при опросе русского населения приграничных территорий Дальнего Востока определил себя предельно выразительно: «Я – китаец с голубыми широко открытыми глазами». Сходная самоидентификация среди русских и китайцев в дальневосточном порубежье в прошлом и настоящем отнюдь не единичное явление.

Колоритная фигура «русского голубоглазого китайца» репрезентирует один из многих типажей весьма самобытного явления – человека фронта. Человек фронта – это индивид, во-первых, живущий в условиях порубежья, а во-вторых, являющийся носителем фронтальной ментальности. Антропология

человека фронта – большая и малоисследованная тема, антропология человека дальневосточного фронта еще ждет своего освещения¹.

Е.О. Кириллова

ВЛАДИВОСТОК НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ И ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ²

Начало 1920-х гг. – уникальный период в истории и литературе Дальнего Востока России, связанный с напряженной исторической и общественно-политической ситуацией. Исторические обстоятельства в России, наряду со сложнейшей военно-политической обстановкой в дальневосточном регионе, на протяжении 1917–1922 гг. во многом обусловили активную динамику культурного развития и литературного процесса на Дальнем Востоке. Город Владивосток в эти годы представлял собой крупный литературный и культурный центр всего Дальнего Востока. В этот период именно во Владивостоке в наибольшем объеме проявилось своеобразие литературной и социокультурной ситуации.

Можно с уверенностью утверждать, что 1917–1922 гг. в истории русской дальневосточной литературы обрели черты особого историко-литературного периода. В качестве критериев его выделения можно определить *социально-исторический*: напряженность и драматизм историко-социальной и политической ситуации тех лет, идейное размежевание общества; *собственно-литературный*: актуализация задач создания нового искусства, изменение концепции человека, обновление тематики и проблематики литературы, активность культурной и издательской жизни, средоточие значительных литературных сил, острота литературных дискуссий, наличие разных литературных группировок и течений, интенсивность художественных поисков.

¹ Исторические, социологические и иные данные, конкретизирующие тезисы автора, можно найти, например, в коллективной монографии: Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2009.

² Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. К 70-летию профессора В.В. Агеносова: Сборник научных работ. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. С. 118–132.

Литературная жизнь Дальнего Востока тех лет отличалась большой интенсивностью (здесь, как и во всей стране, доминировала поэзия, преобладали малые поэтические жанры; художественная проза появилась позднее – в середине и второй половине 1920-х гг.), а общественно-исторические факторы наложили отпечаток на сложность социокультурного и литературного процесса дальневосточного региона. Среди них, *во-первых*, миграция населения в России и беженская волна на восток, обусловленные событиями мировой, гражданской войн, социальными катаклизмами в революционной стране, голодом.

События мировой, гражданской войн, голод вызвали небывалые до этого перемещения масс людей внутри России. Война на Западе сразу дала этому передвижению восточное направление. Уже в 1915 г. на Дальнем Востоке появляются беженцы из губерний, задетых войной. Новую волну переселения вызвала гражданская война, обусловившая резкую поляризацию политических сил. Массы дезориентированных, политически индифферентных людей, думая только об одном – спастись от бедствий войны, голода, повышенной опасности смерти, – подались на окраины государства. Следующий поток составили сотни тысяч военнопленных. Причем из 2322378 официально зарегистрированных военнопленных огромная часть репатриировалась через Владивосток¹. Страны Антанты, Красный крест подавали к его причалам пароходы для их возвращения на родину. В частности, печально известный чехословацкий корпус отбыл из России именно через Владивосток. Уже зимой 1915–1916 гг. только в Сибири и на Дальнем Востоке сконцентрировалось в специальных лагерях 240950 военнопленных, из них в непосредственной близости от Владивостока в Никольск-Уссурийском 16500, в селах Спасское 8400, Шкотово 3200, Раздольное 8300².

¹ Летом 1918 г. державы Антанты договорились об организации объединенной интервенции на Дальнем Востоке. Для свержения власти Советов они решили использовать бывших военнопленных чехословацкого корпуса, отправляемых на родину морем через Владивосток. В апреле во Владивосток прибыли его первые отряды; к июню здесь скопилось около 15000 человек. Об этом: История российского Приморья. Владивосток, 1998. С. 107.

² Об этом: Кандыба В.И. История становления и развития художественной жизни Дальнего Востока (1858–1938 гг.). Владивосток, 1985. С. 83–84.

Положение Владивостока как «перевалочного» порта на океане, конечно-го пункта Транссибирской магистрали, центра широчайшей миграции российского населения, репатриации, а также дислокации сил интервентского корпуса разных стран предопределило и обусловило своеобразие сложнейшей картины социокультурного, бытового, политического уклада жизни города 1917–1922 гг. Как ни один из городов Дальнего Востока, он пережил тогда настоящий демографический взрыв – феноменальный рост народонаселения. Уже в начале октября 1919 г., по подсчетам адресного стола, оно составило, «не считая иностранных и русских солдат, 340722 человека»¹. В том же месяце Хабаровск насчитывал всего лишь 45000 человек². В апреле 1922 г. число жителей Владивостока достигло уже 410110 человек³, тогда как в последнем предреволюционном 1916 г. оно составляло 97509⁴. Живой участник событий этого времени, Михаил Щербаков⁵ позже так вспоминал о Владивостоке: «И в этот городок, прилипший ласточкиными гнездами к обрывам сопок, которые выперли то пасухами, то куличами, то просто шишками какими-то, – сколько людей, сколько пламенных надежд лилось в него в двадцатых годах из агонизировавшей России, из ошетилившейся зеленохвойной Сибири, из благодатного Крыма, с Кавказа, из Туркестана, через волнистые барханы Гоби, жженные Монгольские степи и даже окружным путем – по морщинистым лазурным зеркалам тропических морей! Лилось, оставалось, бродило на старых опарах, пучилось, пухло – и вдруг, ух! – и сразу осело. Чего-чего там только не было: и парламенты с фракциями, и армия, и журналы, и университеты, и съезды, и даже – о, архаизм! – Земский Собор. Точно вся прежняя Россия, найдя себе отсрочку на три года,

¹ Приамурье. Хабаровск. 1919. 17 октября // Государственный архив Приморского края (далее – ГАПК).

² Приамурье. Хабаровск. 1919. 14 октября. ГАПК.

³ Восточный курьер. Владивосток. 1922. 27 апреля. ГАПК.

⁴ Известия Владивостокского Совета Рабочих и Солдатских депутатов: орган исполнительного комитета Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов. Владивосток. 1917. 16 ноября. ГАПК.

⁵ Щербаков М.В. – поэт, прозаик, переводчик, редактор владивостокской «Крестьянской газеты»; в октябре 1922 г. после окончательного установления на Дальнем Востоке советской власти, в составе Сибирской флотилии под командованием адмирала Г. Старка проездом через Корею (Сейсин, Гензан, Фузан) эмигрировал в Китай (Шанхай).

микроскопически съежилась в этом каменном котле, чтобы снова расползтись оттуда по всем побережьям Тихого океана, пугая кудластыми вихрами и выгоревшими гимнастерками колониальных мисс и шоколадных филиппинок... Странная жизнь текла тогда во Владивостоке: тревожно острая, несуразная, переворотная, и все-таки, какая-то по-русски вальяжная и не трудная. И каких только людей туда не заносило: вот какой-нибудь бородатый до самых глаз дядя в торбозах и оленьей кухлянке продает ходе-китайцу мешочек золотого песка, намытого под Охотском. А рядом меняет свои лиры оливковый поджарый итальянчик, и мерно работает челюстями над жвачной резинкой точно топором рубленый янки-матрос. И повсюду – неусыпное око – шныркие коротконогие японцы, кишевшие во всех концах города, расползшиеся по всем окрестным пороховым складам и фортам могучей прежде крепости. Точно муравьи на холодеющей лапе недобитого зверя...»¹.

Во-вторых, особый размах гражданской войны на Дальнем Востоке и в Сибири, связанный с интервенцией целого ряда капиталистических государств (Япония, США и др.). Как известно, гражданская война в Приморье оказалась самой длительной в стране. Она закончилась только 25 октября 1922 г. и продолжалась почти пять лет. Война не прекращалась даже в условиях строительства буферной государственности Дальневосточной республики.

Поэт Борис Бета совершенно справедливо, хотя и с долей иронии, писал о Владивостоке тех лет: «И ветер развевает флаги, / Показывая их цвета. / Не город, а какой-то лагерь, / И лагерная суета. / И тут же возле, с ними рядом, / Солдатский косолапый ряд. / Японцы, угольные взглядом, / Опять насмешливо глядят...»² Очевидец тех дней, журналист, литератор, известный историк, ученый-востоковед, преподаватель Дальневосточного государственного университета (ДВГУ, сейчас – ДВФУ) Константин Харнский метко и точно констатировал: «Этот скромный окраинный город был похож на какую-нибудь балкан-

¹ Щербаков М. Одиссеи без Итаки: Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. Владивосток, 2011. С. 243–244.

² Цит. по: Гребенюкова Н. Одиночество в раме. Судьба и творчество Бориса Беты // Словесница искусств. 2010. № 25.

скую столицу по напряженности политической жизни, на военный лагерь по обилию мундиров»¹. А поэт Арсений Несмелов вспоминал: «В городе было оживленно. Военные корабли в бухте, звон шпор на улицах, плащи итальянских офицеров, оливковые шинели французов, белые шапочки моряков-филиппинцев. И тут же, рядом с черноглазыми, миниатюрными японцами, – наша родная военная рвань, в шинелках и френчиках из солдатского сукна... Владивосток до отказа был набит японцами, чехами, французами и еще невесть кем»². Владивосток 1920-х – город несбывшихся грез и рухнувших иллюзий, «город, куда устремились недобитые Красной Армией монархисты и колчаковские офицеры, шпионы и авантюристы всех мастей, деловые люди из всех частей планеты».

В бухте Золотого Рога во Владивостоке стояли военные корабли представителей всех стран Антанты. Подобные факты находили освещение не только в дальневосточной прессе, материалах общественно-политического содержания, но и отражались в творчестве местных поэтов, в том числе фельетонистов. Не лишним было бы процитировать отрывок из поэтического фельетона «Первомайские частушки», подписанного неким Гриз-Ли. За псевдонимом, по нашим предположениям, скрывался известный дальневосточный поэт и журналист Николай Шилов: «Золотой-то, братцы, Рог, / Что с начинкою пирог / Так и пышет паром... флот / Там. Не наш, вишь, только вот!»³ А вот фрагмент еще одного, наполненного сарказмом, стихотворения известного владивостокского поэта-фельетониста Ноэля (наст. фам. – В. Павчинский) «Таинственный транспорт»: «Рог Золотой давно слывет / Гостеприимством, как стоянка, / И потому к нему так льнет / Из стран заморских иностранка»⁴. Или фельетон некоего Краба: «У нас в порту стоят суда / Непрошенных гостей, / И флаги их – совсем беда! / Шестнадцати мастей. / Французский флаг, английский крест / И флаг с яйцом внутри... / От их цветов вода окрест, / Как небо в час зари. / И буферянин (хму-

¹ Владивосток: Атлас. Владивосток, 1995. С. 19–20.

² Несмелов А. О себе и о Владивостоке: Воспоминания; Переписка А.И. Несмелова с И.А. Якушевым 1929–1932 (с сокращениями) // Рубеж. 1995. № 2. С. 229–230.

³ Голос Родины. Владивосток. 1920. 4 мая. ГАПК.

⁴ Голос Родины. Владивосток. 1920. 30 июня. ГАПК.

рый вид!) / Сказал, махнув рукой: / – В глазах, товарищи, рябит / От пестроты такой!»¹

В-третьих, отдаленность от центра страны и образование в 1920–1922 гг. Дальневосточной «буферной» Республики (ДВР), демократического государства. По мнению историков, «созданное из тактических соображений, возглавляемое большевиками, правительство ДВР вынуждено было допустить известную свободу для эсеро-меньшевистской «демократии» и других группировок, добивавшихся предоставления больших прав для буржуазии»².

В-четвертых, политическая нестабильность, проявившаяся в наличии на Дальнем Востоке, особенно в Приморье, представителей всех классов и социальных слоев и борьбе различных политических партий.

С 1917 по октябрь 1922 г. во Владивостоке сменилось семь местных правительств различной политической ориентации. О Владивостоке периода иностранной интервенции вспоминал известный писатель, поэт Вс.Н. Иванов: «Во Владивостоке до двадцати последовательных правительственных переворотов и взятий власти». М. Щербаков поэтично и с особой ностальгией будет вспоминать о царившей тогда в городе атмосфере: «Путешественники и моряки уверяют, что в центре грознейших циклонов всегда остается пространство зеркально-спокойного моря, над которым царит мертвый штиль. Таким-то застывшим островком старой России в смерче революции и оставался крошечный пятачок Приморья с Владивостоком до самого 26 октября 1922 г., когда японцы начали вывозить из бухты Золотого Рога свои последние эшелоны, а красная милиция военкома Уборевича заняла, наконец, город, остававшийся в течение пяти лет болезненным бельмом на глазах РСФСР. И причиной этому были во все не заслуги розовых, белых и черных правительств, произведших в разное время четырнадцать, если не ошибаюсь, переворотов и недоворотов, а просто географическая близость Приморья к Японии и его естественные богатства,

¹ Красное знамя. Владивосток. 1922. 9 ноября. ГАПК.

² Авдеева Н.А. Дальневосточная народная республика (1920–1922). Хабаровск, 1957. С. 12–14.

превращающие эту окраину в слишком лакомый кусочек для ближних и дальних соседей.

Не успели японцы уйти, как Приморье было занято красными, и это было вполне естественно, так как крестьянское население, с помощью которого область могла еще, пожалуй, защищаться, вовсе не симпатизировало белой власти. Крестьянство было на опыте знакомо с шомполами больших и малых атаманов, но никогда не испытывало серьезно на своей шкуре прелестей коммуны. По-видимому, историческая необходимость требовала, чтобы и этот уголок прежней России соблазнился румяным яблочком большевизма, чтобы через него достигнуть познания добра и зла. Город переворотов, город радужных надежд и горьких разочарований доживал свои последние дни»¹.

Десять лет спустя в своем рассказе «Кадет Сева. К десятилетию эвакуации Владивостока», опубликованном на страницах шанхайской газеты «Слово» в 1932 г., М. Щербаков напишет: «Завершилось великое затмение России. Тень неумолимо заволакивала ее всю, всю, целиком. Только один узкий светящийся серпик оставался на Дальнем Востоке. Я был там, когда и он потух. С щемящей горечью и болью вспоминаю последние дни Владивостока... Наступили тревожные дни. Красный пресс все сильнее давил на Приморье, выжимая остатки белых армий к морю. Японцы, которых большевики боялись и ненавидели, окончательно объявили о своем уходе. Правда, город не особенно верил их заявлениям, но слухи о всеобщей мобилизации носились в воздухе, и папаши побогаче срочно прятали своих сынков в спокойный и безопасный Харбин...»²

События гражданской войны на Дальнем Востоке, время жестокой эпохи иностранной военной интервенции и атаманского террора сложно повлияли на литературу. Волны социальных потрясений прибывали в Приморье людей разной общественно-политической ориентации, поэтому не удивительно, что одни шли в партизаны, а затем «занимали города», а другие эмигрировали. Одни писатели и поэты приветствовали революцию, отстаивали власть Советов и завое-

¹ Щербаков М. Одиссеи без Итаки. Указ. изд. С. 315–316.

² Там же. С. 244, 247.

вания Октября в борьбе с интервентами и белогвардейцами, выходили навстречу новой жизни, отразив это новое в своем творчестве. Другие выжидали, проявляя лояльность к быстро меняющимся «правительствам», и в своем творчестве уходили от актуальных общественных и социальных проблем в мир личных переживаний.

В-пятых, характерной особенностью дальневосточной поэзии этого периода явилось обилие новых (часто – малоизвестных) поэтических имен. Одни литераторы прибыли на Дальний Восток по заданию большевистской партии помогать устанавливать здесь советскую власть, других случайно занесла сюда волна революции и гражданской войны, третьи бежали с остатками разбитых колчаковских войск, некоторые только что возвратились на родину из политической эмиграции, куда вынуждены были отправиться из-за преследования царских властей, а другие, наоборот, в эмиграцию уходили. Все это обуславливало довольно бурную и разноречивую поэтическую жизнь края в 1917–1922 гг., а в совокупности со сложной политической обстановкой выразилось в противоречивости творчества многих писателей-дальневосточников, поисках определенной идейно-художественной позиции и новых форм выражения себя и времени в искусстве, непримиримости к инакомыслию своих коллег. Картина литературного процесса нашла свое отражение и в острых литературно-критических дискуссиях, полемиках дальневосточников, которые, в свою очередь, перекликались с общероссийскими дискуссиями по вопросам искусства нового мира. Одновременно в эти годы на Дальнем Востоке, как и по всей России, шел ускоренный процесс политического и творческого размежевания в литературе, в поэзии. В 1917–1922 гг. Владивосток стал городом своеобразной культурной жизни, где столкнулись различные идейно-эстетические стили и направления в литературе.

В-шестых, большое сосредоточие творческой интеллигенции.

Кроме крестьян, военнопленных, на окраине государства оказались инженеры, врачи, юристы и огромный поток творческой интеллигенции. В эти годы Владивосток становится своеобразным «Порто-Франко» – не только зоной

свободной торговли, т.е. городом-портом, в пределах которого правительством страны разрешен беспошлинный ввоз и вывоз любых иностранных незапрещенных товаров, но и – метафорически – «свободной гаванью». Сюда, на Дальний Восток, во Владивосток, с началом революции и гражданской войны за политическим спокойствием и относительной стабильностью из растерзанной России бежала огромная часть творческой интеллигенции, люди культуры и искусства, надеясь найти здесь прибежище, свою «свободную гавань». Как образно пишет Т. Калиберова, «все они – как певец, теряющий голос, как слепнувший живописец, как гурман с неизлечимой болезнью желудка – хотели допеть, дотанцевать, долюбить, словом, пытались продолжить жить». «Порто-Франко» – «гимн золотому времени, когда Владивосток был объявлен вольной гаванью и пышно процветал. Это был праздник жизни, искусства и творчества»¹.

Пятикратный к 1922 г. прирост населения во Владивостоке способствовал повышению культурного потенциала, творческой энергии во Владивостоке. На берега Золотого Рога как бы переместился 300-тысячный город. Во Владивостоке проводились концерты экс-солистов императорских театров, оперные постановки, спектакли-оперетты, сольные выступления музыкантов, симфонические концерты, особую роль играли газетные полемики по вопросам искусства. Немалую часть народонаселения Владивостока составляли артисты, литераторы, поэты, музыканты, профессора, журналисты, художники. Во Владивостоке к середине 1919 г. одних только актеров и музыкантов насчитывалось свыше 600. В 1920–1921 гг. профессиональный союз музыкантов и деятелей сцены объединял около 650 человек². Действовало первое дальневосточное товарищество сценических деятелей³. Во Владивостоке активно проводились художественные выставки, открывавшие новые имена и течения современного искусства. Значительную роль в культурной жизни Владивостока играли театры. К 1922 г. в городе действовали более 20 больших и малых театров и театров-кабаре, около 15 кинотеатров. Городская газета «Новый путь» констатировала в

¹ Калиберова Т.Н. «Порто-франко» во Владивостоке // Владивосток. 2004. 13 февраля. С. 21.

² День РАБИСа. Владивосток. 1923. 9 июля.

³ Воля. Владивосток. 1920. 8 августа. ГАПК.

декабре 1919 г. следующее: «Владивосток становится точно столичным центром художественной жизни Сибири. Тут уже целая армия деятелей всех видов искусств и течений, которые со всех концов волею судьбы причалили к берегам Великого Океана»¹. В меньшей степени то же происходило в других городах дальневосточного региона. Такая стремительная концентрация людей искусства возбудила творческую активность в масштабах, небывалых доселе для Владивостока.

Выделим определяющие факторы высокого культурного уровня дальневосточного региона 1917–1922 гг., подтверждающие, что эти годы обрели черты литературного периода:

во-первых, изменение содержания и форм газетно-журнального издательства.

Для Дальнего Востока, в целом, и Владивостока, в частности, была характерна активность печати, издательской деятельности, особенность которой проявилась в существовании периодики разной политической ориентации: общедемократическая пресса, революционная, т.е. печать социалистических партий (большевистская, меньшевистская, социалистов-революционеров, социал-демократов, анархистов); контрреволюционная; либеральная; «беспартийная» и интервентская печать (т.н. прояпонская или проамериканская). Идейная разноречивость прессы сопровождалась пестротой эстетических взглядов: от проповеди «искусство для искусства» до попыток создать эстетику новой социалистической литературы. Владивостокская периодика 1920-х свидетельствует об активной, богатой литературно-поэтической жизни региона.

Результаты сделанного пересчета свидетельствуют, что только в самом Владивостоке (не считая Никольск-Уссурийского и других городов и поселков Приморского края) в 1917–1922 гг. выходило около 200 газет. Журналов во Владивостоке за указанный период издавалось более 30. Это показательные цифры, если учесть, что всего на Дальнем Востоке до 1922 г. издавалось 70

¹ Новый путь. Владивосток. 1919. 16 декабря. РГИА ДВ.

журналов, включая Никольск-Уссурийский, Благовещенск, Читу, Хабаровск, Харбин, Шанхай и даже Японию.

Особенно активно велась издательская деятельность в крупнейших культурных центрах – Владивостоке и Чите. Из городских типографий Владивостока за довольно короткий период 1917–1922 гг. вышло множество литературных газет и журналов, газет с литературными разделами, сборников и альманахов.

Ускоренный процесс политического и творческого размежевания 1917–1922 гг. сказывался в определенной степени на личности литератора и тематике, идейном содержании его газеты. Многие газеты и журналы редактировались известными общественными деятелями Дальнего Востока, писателями, поэтами разной политической и творческой ориентации: Вс.Н. Ивановым – «Вечерняя газета», Н.Ф. Насимовичем-Чужаком – «Красное Знамя» и «Творчество», С. Третьяковым – «Бирюч», Н. Асеевым – «Великий Океан», «Далекая окраина» и «Дальневосточное обозрение», А. Несмеловым – «Владиво-Ниппо», С. Алымовым – «Рупор». При ближайшем участии Н. Асеева, А. Богданова, Н. Чужака выходил журнал «Неделя», редактором-издателем журнала «Восток» являлся Вл. Силлов.

Во-вторых, издание на Дальнем Востоке (Владивостоке, Хабаровске, Чите, Петропавловске-Камчатском, Благовещенске, Иркутске, Верхне-Удинске [ныне – Улан-Удэ], Харбине, Фудзядзяне, Йокохаме) свыше 100 различных по идейно-художественной направленности сборников стихов. Почти все являются сегодня библиографической редкостью.

В-третьих, наличие значительных литературно-поэтических сил и обилие известных и новых (малоизвестных) поэтических имен, обусловленных феноменальным ростом народонаселения на Дальнем Востоке. По нашим подсчетам, в городе в те годы работало около 150 поэтов, писателей, журналистов.

В-четвертых, ускоренный процесс творческого размежевания и разные подходы в решении задач создания нового искусства.

Поэтическая жизнь Дальнего Востока 1917–1922 гг. характеризовалась специфичностью разнообразных идейно-художественных тенденций, основан-

ных на модернистских и реалистических принципах изображения реальности. Дальневосточную поэзию формировали новые веяния, модернистские течения, характерные для начала XX в. (футуризм, символизм, имажинизм, акмеизм), «белоэмигрантское» направление, или авторы так называемой «белогвардейской» поэзии, и группы т.н. народной массовой поэзии (пролетарской и партизанской). Дальневосточные поэты обращались к коренным вопросам искусства: народность и партийность, свобода творчества и идеологическая заданность, реализм и формализм. Этим обусловлено многообразие литературного наследия, характеризующегося различием авторских убеждений, идейно-эстетических пристрастий и мерой таланта.

Проблематика и поэтика гражданской поэзии отражала борьбу за социальное обновление общества, народовластие, освобождение от оккупантов. Нельзя сказать, что партизанская поэзия (или «поэзии лесов и сопок» – В. Трушкин) обрела черты организованной и ведущей группы, но в ней заслуживает внимания творчество таких авторов, как К. Рослый, В. Кручина, Г. Отрепьев, П. Парфенов, Н. Костарев и др. В литературе времен Гражданской войны на Дальнем Востоке были актуальны произведения тех, кто с оружием в руках защищал Советскую власть от нашествия интервентов и белогвардейцев. Таковы стихи бойцов-партизан Г. Голомбика, Ф. Сергеева, П. Акулова, стихотворные опыты героев-дальневосточников, сражавшихся и погибших за освобождение Дальнего Востока: Вс. Сибирцева, С. Лазо, С. Серышева, П. Постышева.

В дальневосточной поэзии начала 1920-х гг. выделялась группа пролетарских поэтов (или «городская рабочая» поэзия – В. Пузырев), во главе с организатором Пролеткульта на Дальнем Востоке А. Богдановым. В группу входил известный впоследствии поэт-биокосмист А. Ярославский, к группе тяготели поэты С. Шилов, А. Бугославский, Е. Бражнев, В. Рудман, И. Гвоздев, Н. Загарин, И. Дундуков, Н. Курганов.

Наличие самобытных поэтических имен свидетельствует о достаточно высоком уровне литературно-художественных поисков. Однако характерной

чертой литературы данного периода является преобладание разнообразных модернистских приемов в творчестве дальневосточных поэтов В. Рябинина, В. Марта, Г. Фаина, Ю. Галича, С. Алымова, Л. Ещина, П. Далецкого, Л. Чернова, А. Журина, Ф. Камышнюка, Вс.Ник. Иванова, Арс. Несмелова, А. Ачаира, Б. Бета, М. Щербакова, В. Гольцшмидта, В. Силлова, В. Ноэля-Павчинского, Н. Шилова, Е. Грот, В. Статеевой-Перевошиковой, О. Худяковой, О. Петровской и других.

Уникальность поэтической ситуации региона главным образом заключалась и в том, что в Приморье, во Владивостоке доживал свою жизнь Серебряный век русской поэзии. Талантливые поэты, отмеченные несомненной печатью дарования, еще более ярко высвеченного в трагическом ореоле их жизненных судеб, в дальневосточной среде выступали и как олицетворение осколков поэзии Серебряного века, осколков прошлого, остатка столичной недавней жизни 1910–1915 гг., годов расцвета модернистских течений. Стоит признать, что по отдельности многие из авторов не выдержали бы серьезной конкуренции, но все вместе здесь на Дальнем Востоке в самом начале 1920-х гг. они представляли серьезный литературно-поэтический коллектив.

Именно футуризм среди всех дальневосточных модернистских течений начала 1920-х гг. занял лидирующее положение. При серьезной активной поддержке таких авторитетных и крупных представителей русского футуризма, как Д. Бурлюк, С. Третьяков, Н. Асеев, оказавшихся на несколько лет в нашем городе, здесь на Дальнем Востоке это течение стало самым мощным, дееспособным, воинствующим, непримиримым.

Изучение футуризма на Дальнем Востоке представляет сегодня особый интерес, не только литературоведческий, но и культурологический. Его исследование уточняет важные черты литературного процесса начала XX в. в России, оно весьма значимо в изучении истории русской литературы, потому что расширяет современные границы эстетико-этических поисков в области «футуристических игр», сфере их влияния, локусе распространения. Футуризм на Дальнем Востоке возник в 1918 – самом начале 1920-х, т.е. значительно позже,

чем в центральной России. Практика дальневосточной футуристической поэзии определялась двуедино: творчеством авторов, приехавших во Владивосток из центральной России, и местных поэтов, активно участвовавших в довольно бурной, разноликой литературно-художественной жизни города.

В-пятых, главным результатом повышения культурной энергии стала организация во Владивостоке поэтами-футуристами Литературно-художественного общества Дальнего Востока (ЛХО ДВ), с театральной студией «Балаганчик», открытие театра-кабаре «Би-ба-бо». Они сыграли важную положительную роль в становлении культурной жизни города и поэтического искусства в начале 1920-х гг., смогли объединить всю художественную интеллигенцию Дальнего Востока.

Отсутствие идейной совместимости у участников не помешало проведению литературных конкурсов, вечеров, докладов, чтений, дней собеседования по вопросам искусства, «поэзо-лекций», художественных выставок, «Недели футуризма», футурконцертов и перфомансов (нередко в зале Коммерческого училища; сегодня это здание административного корпуса ДВФУ, ул. Суханова, 8); изданию футуристических газет, журналов, коллективных сборников, хрестоматий; образованию студии поэтов. Устраивались уникальные вечера, посвященные целиком одному автору, чаще поэту или литератору (В. Марту, С. Третьякову, Н. Асееву, Д. Бурлюку, А. Блоку, Н. Гумилеву, Тэффи, М. Кузмину, В. Короленко и др.).

Дальневосточный футуризм взял на себя обязанность культурного просвещения масс через пропаганду творчества В. Маяковского, В. Хлебникова и других «будущников». Драматические, декламационные, художественные, музыкальные, архитектурные, декоративные конкурсы, театральные постановки стали иллюстрацией разнообразия творческих интересов участников, взаимодействия поэзии с другими видами искусств и свидетельствовали о важной объединяющей функции ЛХО. Существенно и образовательное направление: открытие при ЛХО Музыкальной и Художественной студий.

В-шестых, владивостокский «исход» и начало формирования поэзии русского восточного зарубежья.

Изучение дальневосточной поэзии начала 1920-х гг., истории и культуры позволяет внести вклад в проблему изучения феномена восточной ветви русской эмиграции, проследить истоки литературы русского зарубежья в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Как известно, в этот период появляются серьезные предпосылки формирования центров русской эмиграции в АТР (Харбине, Шанхае, Гонконге, Сеуле, Токио, Кобе, Йокогаме и др.), начинается серьезное формирование истории российской эмиграции первой волны в Китае. Осмысление того времени дает возможность проследить истоки литературы русского восточного зарубежья, исследовать уникальный, кульминационный, но противоречивый период в истории региональной литературы и тем самым дать возможность исследователям дальневосточной литературы более поздних периодов проследить последствия этого мощного «толчка».

Городу Харбину, как известно, суждено было стать культурным центром русской восточной эмиграции, именно там возникли крупнейшие литературно-поэтические центры («Молодая Чураевка» при ХСМЛ, 1926–1932; «Круг поэтов», 1932 и др.). Построенный русскими на рубеже столетий как административный и экономический центр, он являлся важным узлом КВЖД, через который проходила дорога от Читы до Владивостока. История этого города неизбежно вплетена в нашу отечественную дальневосточную историю. Общественно-политическая, экономическая и культурная жизнь Северной Маньчжурии, Харбина и других районов Китая была тесно связана с российским Дальним Востоком. По справедливому замечанию С.И. Якимовой, Владивосток, Хабаровск и Харбин в начале 20-х гг. XX в. «образовали своеобразный дальневосточный "пяточок", где разыгрывались значительные политические события 1918–1922 гг. По преимуществу во Владивостоке, как портовом и пограничном городе, столкнулись политические интересы многих государств и основных политических сил России. Заметным катализатором, активизировавшим жизнь на Дальнем Востоке, явились остатки золотого запаса России, попавшие в руки

представителей местной верхушки. До 22 октября 1922 г. – времени, когда советская власть пришла в Приморье и, по выражению Вс.Н. Иванова, "пока река Селенга отделяла химерическую дальневосточную демократию от суровой метрополии РСФСР", сообщение между Харбином и Владивостоком было относительно свободным и регулярным, так как оно проходило по территории ДВР»¹. Возможность жить, часто гастролировать сосредоточила в Харбине в конце 1919 – начале 1920-х гг. значительные культурные силы Дальнего Востока. С поэтическими вечерами, презентациями сборников стихов, лекциями, театральными постановками из Владивостока в Харбин приезжали поэты и литераторы. Жившие в Харбине в это время поэты также активно публиковались во владивостокских периодических изданиях. В годы революции и гражданской войны Харбин, как и Владивосток, стал политическим центром дальневосточной жизни. Здесь, как и во Владивостоке, общественные группировки и партии обзаводились печатными органами для защиты и борьбы.

Важный момент заключается в том, что дальневосточная эмиграция в целом, и харбинская эмиграция, в частности, русская поэзия Китая во многом сформировались в тогдашнем Владивостоке начала 1920-х., т.е. до фактической эмиграции, географически еще в России, во Владивостоке.

Если форпостом западного зарубежья была Одесса, то Владивосток стал форпостом зарубежья дальневосточного; по ситуации тех бурных лет судьбы у этих двух городов были очень схожие: из Одессы уходили и уплывали в эмиграцию западную, а из Владивостока – в восточную.

Исследовательской проблемой является восстановление картины жизни и творческого пути поэтов, побывавших в 1917–1922 гг. на Дальнем Востоке и во Владивостоке. Некоторые из них ушли в эмиграцию, вследствие чего их творчество в советское время не получило должной оценки (Арс. Несмелов, Д. Бурлюк, Л. Ещин, М. Щербаков, Е. Яшнов, Н. Светлов и др.), многие в 1930-е гг. были репрессированы и их произведения до определенного времени не изуча-

¹ Якимова С.И. Жизнь и творчество Вс.Н. Иванова в историко-литературном контексте XX века / Дисс. ... докт. филол. наук. Хабаровск, 2002. С. 101.

лись вовсе – были уничтожены или попали в спецхраны (С. Третьяков, В. Март, Евг. Бражнев, Н. Костарев, П. Парфенов, А. Ярославский, А. Богданов, Н.Ф. Насимович-Чужак, В. Силлов, М. Скачков и др.). В обозначенный период для некоторых поэтов Владивосток стал первым этапом на пути в большую эмиграцию (Китай, Япония, Корея, Австралия, Южная Америка, США, Канада), то есть явился в эти годы последним русским, предэмиграционным, городом.

Из всего вышеизложенного можно сделать выводы.

В начале 1920-х гг. литературная жизнь на Дальнем Востоке была интенсивной, ее активизации способствовали в силу разных причин собравшиеся здесь значительные литературные силы. Можно сказать, что появление на Дальнем Востоке такого мощного творческого потенциала – с одной стороны, с другой – напряженность и накал общественно-политической обстановки региона тех лет, политическая неоднородность, особенности гражданской войны и интервенции, сформировали особый социокультурный контекст региона и определили все культурное развитие Дальнего Востока вплоть до его окончательного освобождения от интервентов в 1922 г.

Особенности социокультурной ситуации Дальнего Востока 1917–1922 гг. определялись актуализацией культурной, литературно-общественной, издательской жизни, активностью и энергичной деятельностью поэтов. Специфика литературного движения определилась отсутствием здесь прочных культурных традиций, желанием создать новое искусство, разными творческими подходами в решении этих задач, взаимодействием литературы с другими видами искусства, доминированием поэзии при особой активизации в ее развитии различных модернистских исканий. Литературно-поэтическая ситуация Владивостока, как и политическая, отличалась разнообразием, интенсивностью, сложностью, поэтическим многоголосием, идейно-эстетической неоднородностью литературных сил, приводившей к борьбе различных групп. Это был не стагнационный, а динамично развивающийся процесс. Можно утверждать, что 1917–1922 гг. – особенный знаковый отрезок в истории дальневосточной литературы, время наиболее интересное, яркое по пестроте и разноликости художественной среды

– обрели черты литературного периода, характеризующегося началом, развитием и особой завершенностью.

Дальневосточная поэзия периода гражданской войны характеризовалась высоким уровнем художественных исканий, обусловленных всплеском свободного искусства, временем и местом, особыми условиями. Идеино-тематические и эстетические поиски и эксперименты поэзии развивались в русле традиций и новаторства, в связи с чем поэзия Дальнего Востока 1917–1922 гг. по праву может считаться составляющей русской отечественной поэзии. Владивосток во многом стал городом, который своей социокультурной и литературной ситуацией, по сути, сформировал то, что в дальнейшем в отечественном литературоведении XX в. обрело емкие терминологические определения: «феномен русского Харбина» и «русская поэзия Китая».

Г.В. Эфендиева

О СУДЬБЕ ТВОРЧЕСКОГО И АРХИВНОГО НАСЛЕДИЯ ПИСАТЕЛЕЙ РУССКОГО КИТАЯ¹

«Мало что сохранилось до сего времени от моего богатого архива тех лет...»
(Из воспоминаний В. Перелешина)²;

«Пропали все эти и другие мои рукописи. Пропали семь тетрадей моих стихов. Пропал весь труд моей жизни...»
(Из воспоминаний М. Шапиро)³;

«...Решила посмотреть мой архив, вернее, завал... Часть потеряна где-то в переездах (сгорел целый ящик с бумагами и картинами)...»
(Из письма Л. Андерсен)⁴.

¹ Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5. Проблемы источниковедения и текстологии: Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. С. 8–20.

² Перелешин В.Ф. Два полустанка. Воспоминания свидетеля и участника литературной жизни Харбина и Шанхая. Амстердам, 1987. С. 81.

³ Шапиро М.Л. Харбин, 1945 // Память: Исторический сборник. 1978. Вып. 1. С. 3–92.

⁴ Письмо Л.Н. Андерсен Ю.В. Крузенштерн-Петерец от 6 декабря 1982 г. // Андерсен Л. Одна на мосту. М., 2006. С. 346.

Творческое наследие русских эмигрантов Китая вот уже третье десятилетие привлекает внимание исследователей¹. В настоящее время история литературы русского зарубежья немыслима без изучения поэтических и прозаических произведений представителей ее дальневосточного крыла. Зарубежными и отечественными харбинистами проделана колоссальная поисковая и архивная работа, результатами которой стали диссертационные исследования, научные монографии, библиографические справочники, а также литературно-художественные издания (антологии, собрания избранных сочинений)². Правда, почти все они страдают как фактическими, так и текстологическими погрешностями (в передаче текста, его атрибуции, датировке и т.п.).

Реконструкция личных и творческих биографий, а также истории хранения писательских архивов дальневосточного зарубежья, поиск новых возможных мест хранения личных документов, писем, рукописей, материалов, собиравшихся для литературной работы – вызывает первоочередной интерес для специалистов – литературоведов, историков, музейных и архивных работников.

Однако исследовательский процесс и эдиционную практику осложняют в первую очередь разбросанность художественных текстов по страницам многочисленных газет и журналов, а также разобщенность (а то и полное отсутствие) архивных источников.

Утраченным считается архив знаменитой «Чураевки», который, как сообщает В. Перелешин, хранился у руководителя студии А. Ачаира, «впрочем, не весь, ибо часть его я видел в руках исключенного секретаря кружка, поэта Ге-

¹ В России первые очерки о литературной жизни русского Китая и публикации текстов харбинских авторов появились в конце 1980-х – начале 1990-х гг. См., например, подборки стихов А. Несмелова в журналах: Отчизна. 1986. №.11; Голос Родины. 1987. 9 февраля; Юность. 1988. №. 9. С. 80–82; Знамя. 1988. №. 9. С. 76–86; Октябрь. 1988. №. 9. С. 144–149; Рубеж. 1992. № 1.

² См., например: Харбин. Ветка русского дерева: Проза. Стихи. Новосибирск, 1991; Русская поэзия Китая: Антология. М., 2001; Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. Пекин, 2005; Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток, 2002. 360 с.; Несмелов А. Собр. соч.: В 2 т. Владивосток, 2006 и др.

оргия Гранина, в то время, когда уже не могло быть и речи о возвращении этой части архива Алексею Ачаиру»¹.

Много вопросов связано с личными архивами поэтов Алексея Ачаира, Николая Щеголева, Марианны Колосовой, беллетристов Альфреда Хейдока, Михаила Щербакова, Павла Северного, Владимира Рамбаева... Так, например, архив Всеволода Иванова после его кончины оказался разбросанным – что-то у родственников, что-то в других частных руках, в Хабаровске, Москве, Петербурге². Как справедливо пишет В.В. Иванов-Ардашев, «если вы думаете, что рукописное наследие Всеволода Никаноровича Иванова хорошо изучено и систематизировано, хранится в двух-трех архивах, где вас ждут-недождутся, то вы ошибаетесь. Немало документов еще "блуждает" невесть где, другие же вам просто не выдадут...»³.

Серьезную текстологическую проблему представляет собой творческое наследие поэтов Лариссы Андерсен, Арсения Несмелова. Немалая часть из общего корпуса опубликованных сегодня произведений Несмелова восстановлена по памяти самых разных людей. «Около 30 стихотворений записал по памяти Индриксон, – сообщает Е.В. Витковский. – Глубоко не уверен, что все входили в сборники»⁴. Отдельные тексты реконструированы со слов А. Румянцева – бывшего директора русской гимназии в Шанхае. «Записано в 1954 году в Караганде, – уточняет Е. Витковский в письме к В. Перелешину. – В таком виде это стихотворение ["Последний рубль дорог". – Г.Э.] досталось мне. Откуда оно, что оно – не ведаю. Нет никакого подтверждения, что это подлинный Несмелов – кроме моей уверенности, что никто, кроме него, этого написать не мог, что это его почерк. Если никогда не отыщется более достоверный источник текста – что же, пусть, как десятки стихов Осипа Мандельштама, считается "сохранившимся в памяти" – притом заметьте, я его получил через вторые руки

¹ Перелешин В. Дальний Восток в «Якоре» // Новый журнал. 1973. № 111. С. 298.

² Об этом см.: Букреев Ю. Всеволод Никанорович Иванов (1888–1971) и его литературное наследие // Иванов Вс.Н. Из неопубликованного: Сборник. Л., 1991. С. 304–318.

³ Иванов-Ардашев В.В. Эхо русского зарубежья. Хабаровск, 2007. С. 13.

⁴ Письмо Е.В. Витковского В.Ф. Перелешину // ОР ИМЛИ РАН. Кабинет архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова. Ф. 608. Оп. 2.2. Ед. хр. 15.

– от человека, который ведать не ведал о Несмелове иначе как по этому стихотворению...» (курсив здесь и далее мой. – Г.Э.)¹. В другом его письме читаем: «Как видите, по почерку принадлежность этих стихов ["Выскребает из архивной пыли". – Г.Э.] Несмелову не подлежит сомнению. Тем более, что многие из записанных им стихов нашлись в разных сборниках и в журнальных публикациях. Надеюсь, что и эти стихи когда-нибудь найдутся <...>. Увы, в этих стихах наверняка есть дефекты, а в лучшем – в последнем – даже строфы нет... Однако сие лучше, чем ничего...»²

Многие сочинения Несмелова, как и других дальневосточных авторов-эмигрантов, вообще не сохранились до наших дней. Утерян, например, ряд стихов Евгения Яшнова – известного в Китае экономиста-востоковеда и поэта, который «часто писал на клочках бумаги, на календарных листках или черновиках своих научных работ и мало беспокоился об их сохранности»³. Другие произведения (будучи опубликованными) – были серьезно искажены редакторами, корректорами, наборщиками... Так, в харбинской заметке 1944 г. о выходе в свет новой книги популярного писателя-натуралиста Н.А. Байкова «Таежные пути» сообщается: «...Это сборник его новых рассказов из жизни маньчжур-звероловов, русских охотников и хунхузов, которую так хорошо знает и изучил маститый писатель во время своих многолетних скитаний по горам и лесам Маньчжурии. <...> К сожалению, эта книга, несмотря на свое художественное выполнение и солидную внешность, имеет большой технический дефект, а именно: в рассказе "Зеленка", на стр. 80 и 81 перепутан текст, есть повторения и не хватает значительной части рассказа» (курсив мой. – Г.Э.)⁴.

Любопытные примеры различных вмешательств в авторские тексты содержатся в воспоминаниях журналистки Ю.В. Крузенштерн-Петерец. Так, она пишет: «Самым важным он [Н. Шилов (Коля Шило). – Г.Э.] считал рекламу, и

¹ Письмо Е.В. Витковского В.Ф. Перелешину // ОР ИМЛИ РАН. Кабинет архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова. Ф. 608. Оп. 2.2. Ед. хр. 15.

² Там же.

³ Об этом: Хисамутдинов А.А. Е.Е. Яшнов – ученый и поэт // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 4. С. 169–177.

⁴ <Б.п.> Таежные пути // Время. 1944. 6 января. С. 4.

если для какого-нибудь объявления не было места, то не трудился даже переверстывать страницу. Выгребал из набора мешавшие ему строки и всаживал клише. Потом автор читал в своем рассказе что-нибудь вроде: "По лакированной крышке рояля... громыхала китайская арба"¹. Вспоминая период работы в харбинском журнале «Рубеж», она также сообщает: «Главное его [редактора Г.Н. Шипкова. – Г.Э.] требование к рассказу было – местная тема. В первом своем рассказе я, отступив от правила, расписала драму из шанхайской жизни. Шипков одобрил рассказ, но забраковал город и перенес драму в Харбин. Со всем шанхайским фольклором! Тоже своего рода ноздревщина»².

О факте существования того или иного произведения³ (как и авторской воле), порой, можно узнать лишь из короткой фразы в мемуарах, письмах, газетной рецензии или объявлении. Приведем одно из таких печатных свидетельств – письмо 1922 г. А. Несмелова в редакцию газеты «Владиво-Ниппо»:

«Прошу не отказать напечатать следующее:

Всеволод Иванов заявляет, что я предложил свои услуги в качестве сотрудника "Вечерней газеты". Этого не было. Несколько месяцев назад Всеволод Иванов предложил мне через В.Н. Рябинина, работать в "Вечерней газете". Я передал свой отказ через В.Н. Рябинина и Б.И. Тугаринова.

Позднее тот же Всеволод Иванов предложил мне участие в литературном журнале. Предложение было мне передано через Л.Е. Ещина. Ввиду того, что предполагалось издание литературно-художественного журнала – я дал свое согласие. Стихи были переданы через Л. Ещина.

Одно из стихотворений В. Иванов купил.

Увидев, что вышел не литературно-художественный журнал, а "Serenitas" я через Л.Е. Ещина просил снять мою фамилию из числа участников.

¹ Крузенштерн-Петерц Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 62.

² Там же. С. 64–65.

³ Так, например, о поэме «Опустошенная душа» А. Несмелова см.: <Б.п.> Салон поэтов // Владиво-Ниппо. 1922. 12 октября. С. 3.

Этой просьбы исполнено не было. *Мое же стихотворение Всеволод Иванов разорвал на части, одну часть напечатал в "Вечерней газете", другую в "Serenitas", а третья еще оставалась у него.*

Появление моих стихов в "Вечерней газете" мной своевременно было опротестовано в газетах "Курьер" и "Сумерки". С совершенным почтением, Арсений Несмелов (курсив мой. – Г.Э.)»¹.

Особую трудность для выявления и собирания творческого наследия поэтов и писателей русского Китая создают псевдонимные и анонимные тексты, которыми просто изобилуют харбинские газеты и журналы. Отметим, что принадлежность произведения тому или иному автору может быть доказана не только в результате анализа архивных, эпистолярных или мемуарных материалов². Так, после изучения периодических изданий (сличения текстов, анализа редакторских помет и пр.) нами установлены такие ранее неизвестные литературные имена, как «Арум», «Софит» (псевдонимы С. Алымова в журнале «Гонг»)³, «Л. Казин» (псевдоним Я. Ловича в журнале «Кстати»)⁴, «Загогулинка» (псевдоним Л. Андерсен в журнале «Оккультизм и йога»)⁵ и другие. Интересная история по «разоблачению» псевдонимов А. Несмелова обнаружена на страницах газеты «Восток» за 1925 г., где он выступал как фельетонист «Гри». Одновременно с этим поэт писал фельетоны для газеты «Эхо», используя псевдоним «Коготь». Дабы отвести подозрения, Несмелов несколько раз «сталкивал» своих «Гри» и «Когтя»:

Грязному ногтю

¹ Несмелов А. Письмо в редакцию // Владиво-Ниппо. 1921. 27 ноября. С. 3.

² Подробнее о способах и приемах атрибуции см.: Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 250–278.

³ См., например: Арум. В книжной чаще // Гонг. 1923. № 1. С. 20; Софит. Ха-Ха (харбинская халтура) // Гонг. 1923. № 1. С. 24–26.

⁴ См., например: Казин Л. Татьяна // Кстати. 1940. № 7. С. 2, 4, 6, 8, 17–18, 20; его же. Два мира. Из прошлого // Кстати. 1940. № 12. С. 15, 18–20; его же. Через 19 веков // Кстати. 1940. № 18. С. 3–7; 28–30.

⁵ См., например: Загогулинка. Письмо из Вьетнама // Оккультизм и йога. 1966. №. 36. С. 70–74; ее же. Письмо из Таити // Оккультизм и йога. 1969. № 41. С. 150–152; ее же. Письмо из Таити // Оккультизм и йога. 1970. №. 44. С. 142–143.

Некто «Гри» из «Востока» нацарапал
гнусные стишки о вице-консуле СССР
в Харбине т. Козловском.

Коготь (газ. «Эхо»).

...Вам Гри наверно не понравился,
Попав не в бровь, а прямо в глаз:
Со злобы «Коготь» весь излялся,
Но знают здесь давненько Вас!
Помои лить для «Эхо» – трудно ли,
С Трибуны в сем беря пример;
Но что за дело мне до ругани
Из уст трибунствующих стерв?¹

Правда, когда Несмелов («Коготь») обрушился с критикой на своего коллегу по «Востоку» Колю Шило (после публикации фельетона «Совет советским» за подписью «Лейтенант Глан»):

Пес облезлый – Коля Шило,
Некудышный мелкий бес,
Коля Шило, что без мыла
На «восточный» хлеб залез.
Коля лает, ветер носит,
Коля вздорных виршей «спец»,
Но читатель все же спросит:
– В чем же дело, наконец?
В этом, милый, и загвоздка
(Тут провал продажных душ!)
Ведь, газетчик, пьян до лоска,
Раздраконивает чушь...²

в его адрес моментально последовал ответ:

¹ Гри. Грязному ногтю // Восток. 1925. 7 июня.

² Коготь. Но так, чтобы понял идиот // Эхо. 1925. 14 июня. С. 5.

А вот *Коготь*, грязный ноготь,
Тот, что Шило начал трогать,
Адъютантом в Омске был
И колчаковцам служил.

А потом в «Владиво-Ниппо»
Был он самым правым типом,
Но теперь он левым стал
И поет «Тырнацынал».

Раньше был он *Митропольский*,
Но, но на путь, вступивши скользкий,
Стал *Несмеловым* потом
С продающимся пером.

(курсив мой. – Г.Э.)¹.

Но несмотря на все находки и открытия, в истории харбинской литературы и биографиях отдельных ее представителей неизбежно останется много «белых пятен». До сих пор неизвестны ни точная дата смерти (условная дата – 6 декабря 1945 г.), ни место захоронения поэта Арсения Несмелова, писателя Бориса Юльского и др. Аресты и депортация в 1945 г. целого ряда известных журналистов, литераторов и общественных деятелей породили в свое время огромное количество слухов и домыслов. Так, в 1947 г. на страницах харбинской газеты «Русское слово» вместе с публикацией поэтического текста А. Ачаира (1896–1960) «Уроки истории» редакция поместила следующее примечание: «По рассказам бежавших из Харбина, автор этого стихотворения, Ачаир – Грызов, был посажен в советскую тюрьму, где и сошел с ума» (курсив мой. – Г.Э.)².

Долгое время ничего не было известно о судьбе Марианны Колосовой, Марии Коростовец (после их отъезда из Шанхая). Только в 1990 г., когда на мо-

¹ Курбский А. А при чем тут Коля Шило? // Восток. 1925. 16 июня.

² От редакции // Русское слово. 1947. 15 июля. С. 3.

гилу Колосовой случайно набрел корреспондент ТАСС, выяснилось, что последним пристанищем поэтессы стал Чили (г. Сантьяго)¹. О М. Коростовец В. Перелешин в 1987 г. сообщал следующее: «Мария Павловна с мужем, сестрами и сыном проехала в Австралию еще в пятидесятых годах. Получил я от нее несколько писем о ее потерях: одна за другой умерли ее сестры Елена, Ольга, Вера, а еще до них умер Флавий Иванович Коростовец. Потом письма прекратились. *Прошел слух о смерти Марии Павловны (и тогда я написал о ней некролог, напечатанный в "Новом Русском Слове")*. Позднее, когда я находился у Лариссы Андерсен в Иссанжо (в октябре 1973 года), Ирина Лесная сообщила нам из Парагвая, что Мария Павловна жива, но разбита параличом» (курсив мой. – Г.Э.)². Только недавно (в результате работы с подшивкой парагвайского журнала «Оккультизм и йога») нами были обнаружены точные сведения о последних днях и дате смерти этой поэтессы (публикуем найденную заметку полностью):

«Сообщаю вам, дорогие друзья, печальную весть: в Брисбене умерла Мария Павловна Коростовец, талантливая русская поэтесса и переводчица, сотрудница «Оккультизма и Йоги». После мозгового удара (Apoplexia cerebri) она так и осталась парализованной, не могла передвигаться, почти совсем потеряла дар речи и способность творчества, что было для нее самым важным и значительным, осмысливало ее жизнь. Она тяжело переносила свою беспомощность несмотря на хороший, внимательный и заботливый уход, ее угнетала потеря радости творчества и ей хотелось покинуть физический план своего существования. И вот, наконец, желание ее исполнилось, – она покинула земной мир. Думаю, что за последние годы жизни она вполне искупила свою Карму и выпила чашу свою до дна, хотя не мне об этом судить.

Незадолго до смерти я ей опять читала ее стихи и стихи других авторов, напечатанные на страницах «Оккультизма и Йоги». Она внимательно слушала и, по-видимому, была очень довольна.

¹ См.: Медведенко А. Такая судьба... // Советская культура. 1990. 18 августа; его же. Русский след в Латинской Америке // Эхо планеты. 2001. № 35.

² Перелешин В.Ф. Два полустанка. Указ. изд. С. 129.

По словам матроны госпиталя, Мария Павловна умерла тихо и спокойно, не мучилась перед уходом. Правда, умерла она ночью и в самый момент смерти около нее никого не было. Кончились ее страдания. Слава Богу! Теперь она уже находится в Девакане. Мир ее душе!

День ее ухода: 18 июня 1975 года. Брисбен. Австралия»¹.

Число подобных примеров можно множить до бесконечности... Ясно, что такая (почти патовая) ситуация в литературоведческой харбинистике напрямую связана с самой историей русской колонии в Китае.

После японской оккупации северо-восточной части Китая и продажи Японии КВЖД начался массовый исход русских из Харбина. Судьбы харбинских литераторов сложились по-разному: одни переехали в Шанхай, другие приняли советское гражданство и вернулись на родину, третьи уехали дальше: в Австралию, Америку. Второй исход русских из Китая пришелся на вторую половину 1940-х гг., после окончания Второй мировой войны.

Поступательное развитие русской эмигрантской литературы на Дальнем Востоке было прервано приходом Советской Армии в августе 1945 г.

По воспоминаниям очевидцев, «вступление советских войск в Маньчжурию сопровождалось невероятными книжными ауто-дафе. Многие книги жглись самими авторами, книгопродавцами, библиотекарями из боязни репрессий; многие сжигались победителями за ненужность»². «...Зайдя в Коммерческое Собрание и открыв каталог его богатейшего книгохранилища, я не поверила своим глазам, – писала в мемуарах Е. Рачинская, – это было море красных чернил. Некоторые страницы были вычеркнуты чуть ли не целиком: Алданов, Амфитеатров, Адамович, Бунин, Гребенщиков, Достоевский, Зайцев, Мережковский, Осоргин, Розанов, Леонтьев, Соловьев – да стоит ли перечислять – были изъяты, не говоря уже, конечно, о мемуарах и воспоминаниях русских

¹ Мейя Н.В. Уход М.П. Коростовец // Оккультизм и йога. 1976. № 64. С. 149.

² Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 52.

государственных и общественных деятелей последних десятилетий. Все это было отправлено на свалку. Горы этих зловредных книг были потом сожжены на дворе Коммерческого Собрания <...> Другие харбинские библиотеки, вероятно, постигла та же судьба»¹.

Были разгромлены редакции крупнейших русских газет «Харбинское время», «Заря», журнала «Рубеж». Надо сказать, что на сегодняшний день полного комплекта дальневосточных изданий, в том числе и самого долговечного и популярного харбинского журнала «Рубеж», нет ни в одной библиотеке мира.

«Хуже оказался слух <...>, – вспоминал Валерий Перелешин, – что все вывозимые газетные вырезки и рукописи должны быть сданы на просмотр в одну из полицейских инстанций. "Просмотр" мог занять много времени. Обсудив положение, мама и я решили – с огромной болью сжечь все ее письма ко мне. Я сжег альбомы вырезок, относившихся к моей работе в Харбине в качестве репортера "Гун-бао" и чуть раньше "Рупора", <...> но сберег часть своего литературного архива: вырезки и копии, напечатанных стихов и два альбома вырезок статей о моей малости и серости.

Помню, как мы жгли мамины переводы с английского (часть их была все-таки провезена) и затем все ее письма ко мне, полные отголосков советской оккупации Маньчжурии. А когда ее письма сгорели, она под каким-то предлогом услала меня и писем моих и моего брата не сожгла, а, перевязав их пачками, спрятала среди одежды и белья»². Сегодня одна часть архива Валерия Перелешина находится в библиотеке Лейденского университета (Нидерланды). В ней, кроме документов и материалов, касающихся творчества В. Перелешина, хранятся некоторые фотографии из его альбомов и письма к нему (в частности, от Ю. Иваска, Н. Моршена, Г. Струве, А. Раннита, Я. Горбова и др.)³. Вторая коллекция оказалась в Москве в Отделе рукописей ИМЛИ РАН после его смерти. Наследники передали архив представителям российского посольства в Рио-де-

¹ Рачинская Е. Перелетные птицы. Париж, 1990. С. 187.

² Перелешин В. Письма к матери // ОР ИМЛИ РАН. Кабинет архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова. Ф. 608. Оп. 2.1. Ед. хр. 4.

³ См.: Valeriy Perelesin (1913–1992): Catalogue of His Papers and Books in Leiden University Library. Leiden, 1997. 184 с.

Жанейро. Оттуда чемоданы с бумагами и книгами Перелешина приплыли на корабле в Россию. Среди бумаг – автографы стихов, публикации самого Перелешина и поэтов из его окружения, переписка¹.

Другой дальневосточный поэт-эмигрант, *Михаил Спургот*, возвращаясь в СССР в 1947 г., весь свой литературный архив оставил в Китае с тем, чтобы его потом привезла жена. «Она должна была выехать вслед за мной, однако приехала только через несколько лет. Перед отъездом же сожгла все мои книжки, вырезки напечатанного из газет и журналов и даже рукописи, опасаясь везти с собою, подозревая, что я репрессирован. Так оно и было...»².

Разумеется, не все документы, которые образовались за годы проживания русских в Маньчжурии, были уничтожены (в том числе и японским правительством). Во второй половине 1945 г. – начале 1946 г. в Китае работала большая группа работников государственных архивов советского Дальнего Востока и НКВД. Хабаровским архивистам удалось собрать и вывезти около трех тонн документов, книг, газет, журналов³. Многие годы все эти документы и печатные издания, хранящиеся теперь в Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК), были недоступны исследователям. В 1992–1993 гг. они были переданы с секретного хранения на общее, печатные издания поступили в научно-справочную библиотеку архива. В одном из фондов архива содержатся уникальные документы Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (ГБРЭМ) и в частности личные дела поэтов А. Ачаира, М. Колосовой, В. Перелешина, Л. Андерсен, Л. Гроссе, Н. Резниковой, Е. Рачинской и др. Правда, некоторые из них, побывав в архиве Хабаровского управления КГБ, заметно «похудели» (как, например, дела А. Несмелова или Я. Ловича). Другая часть эмигрантских документов была вывезена в Москву и

¹ Об этом: Кузнецова О. О бразильском архиве Валерия Перелешина; Кириллова Е., Слободчиков В. Архив Перелешина будет передан в Россию // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 3. С. 181–183.

² Цит. по: «Будто нет расстоянья и времени нет...» (Из писем поэтов, бывших эмигрантов, к А.В. Ревоненко). Хабаровск, 2006. С. 48–49.

³ Об этом: Печатные издания харбинской россики: Аннотированный библиографический указатель печатных изданий, вывезенных хабаровскими архивистами из Харбина в 1945 году. Хабаровск, 2003. С. 4–8.

сейчас находится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Там содержатся личные фонды видного общественного деятеля русского Китая И.И. Серебренникова, писателя и публициста Вс.Н. Иванова. Не так давно в ГАРФ поступил личный архив поэтессы Л.Ю. Хаиндровой¹.

Лидия Хаиндрова вернулась в Советский Союз в 1947 г. По стечению обстоятельств (отсутствия жесткой таможенной проверки при въезде в СССР), поэтесса привезла с собой большую часть личного архива: письма, книги, журналы, рукописи и черновики стихов и прозы, автографы литературных деятелей Харбина и Шанхая². Из Находки она приехала в Казань, а в 1950 г. вместе с дочерью переехала в Краснодар. С 1947 г. по 1967 г. стихов Л. Хаиндрова не писала. Только выйдя на пенсию, она вернулась к творчеству. Стала членом литературного объединения, печаталась в альманахах, читала стихи по местному радио, участвовала в поэтических конкурсах. Завела переписку со многими харбинскими поэтами и писателями: Вс. Ивановым (Хабаровск), В. Перелешиним (Рио-де-Жанейро, Бразилия), Л. Андерсен (Моншо, Франция) и др. Переписывалась с собирателями материала о поэтах русского Китая (А. Ревоненко, Е. Витковским). Частный архив Л.Ю. Хаиндровой – ценный источник документов по истории культурной и литературной жизни дальневосточной эмиграции.

В том же 1947 г. в СССР вместе с женой и младшим сыном приехал писатель *Альфред Хейдок*. В 1950 г. он был арестован органами ГПУ: 10 лет с конфискацией имущества «за переписку с буржуазией», которая выражалась в од-

¹ Изначально архив Лидии Юлиановны Хаиндровой находился в Краснодаре у дочери поэтессы – Т.А. Серебровой. Именно она занялась разборкой архива матери и ее рукописей. Передавала отдельные материалы в разные издательства. В 2002 г. с помощью Т.А. Пищиковой выпустила книгу «Сердце поэта», куда вошли стихи Л. Хаиндровой, ее очерки, воспоминания, дневники, отрывки из писем поэтов А. Несмелова, В. Перелешина и др. В 2010 г. объемный литературный архив Л.Ю. Хаиндровой был передан в ГАРФ, образовав фонд 10247. См.: Новые поступления в 2010 году в Государственный архив Российской Федерации // Официальный сайт Государственного архива Российской Федерации. Режим доступа: <http://statearchive.ru/447>.

² Об этом: Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. Калуга, 2003; Солодкая М.Б. Издательская деятельность русской эмиграции в Китае (Харбин, Шанхай: 1917–1947 гг.): АКД. Краснодар, 2006. С. 18–20.

ном-единственном письме Н.К. Рериху¹. В мае 1956 г. Альфреда Петровича освободили по состоянию здоровья, а через несколько лет писатель добился полной реабилитации. Однако весь архив писателя бесследно исчез. «У меня ничего не сохранилось», – вспоминал писатель. Хейдоку вернули два документа: свидетельство о рождении и свидетельство Шанхайского общества советских граждан о том, что он состоял членом Союза советских журналистов и был председателем секции беллетристов. Остальное, и фотографии в том числе, которых у писателя было множество, как ему сообщил следователь, сожгли².

Еще один писатель-дальневосточник – *Павел Северный* – вернулся на родину после почти 30-летнего пребывания на чужбине – в 1954 г. По словам сына (А.П. Северного), у них была возможность выехать из Китая в Австралию, Бразилию, Канаду, но отец настоял на своем: только Россия. «Помытариться пришлось изрядно, – вспоминает Арсений Павлович. – Во-первых, сама дорога. По Китаю еще ничего: ехали с вещами в вагонах второго класса <...>. Китайские пограничники отнеслись к переселенцам лояльно, особо нас не трясли. А вот с советской стороны встречали солдаты с автоматами и собаками – в шеренгу, через каждые 20 метров. Теплушки приказано было задраить, выходить по одному. Само название станции чего стоило – "Отпор"! При осмотре вещей сразу отобрали ящик с отцовскими книгами. Правда, дали расписку. Книги вернули только через полгода и то не полностью. <...> После проверки багажа и документов всех репатриантов – с детьми, стариками, вещами – как есть, погрузили в теплушки. Сразу предупредили: повезут на целину. 13 дней продолжалось путешествие. <...>. Выгрузили, как сейчас помню, на станции Дубиновка. Местом жительства определили совхоз "Бурлыкинский"³. Вскоре вся семья перебралась в город Чкалов (ныне Оренбург), а к концу 1950-х гг. в Подольск (Московская обл.). Начиная с 1956 г., в России у Павла Северного вышло несколько книг: «Топтыгин с Косьвы», «Синий пояс», «Шумит тайга Маньчжурии», «Сказание о старом Урале», «Ледяной смех» и др.

¹ Хейдок А.П. Страницы моей жизни. М., 2011. С. 7, 42.

² Там же. С. 43.

³ Цит. по: Ржевская Н. В прошлое – на трамвае. В гостях у сына П.А. Северного // Подольские новости. 2006. 12 июля.

При этом многое в биографии П. Северного остается неясным, и восстановлению, увы, не подлежит. Сведения о жизненном пути писателя скудны и зачастую больше похожи на легенды. Туманом покрыты годы пребывания Северного в эмиграции, ничего неизвестно об участии в экспедициях Н.К.Рериха, о парижском периоде жизни, о путешествиях в Индию и Японию, о легендарном пешем переходе из Харбина в Шанхай. Его сын признается: «К сожалению, многого я не знаю, так как родители оберегали меня от лишней информации, ибо жизнь жестока и переменчива...»¹.

Судьба поэта-эмигранта *Владимира Слободчикова* сложилась более удачно. В 1953 г. он был арестован китайскими властями и отправлен из Шанхая в Москву: сначала в Бутырскую тюрьму, затем – на Лубянке. Пока его везли – умер Сталин, а вскоре был арестован Берия. В. Слободчикова освободили так же как задержали: внезапно и без объяснения причин. После этого он уехал к сестре матери в Саратов. Там он закончил университет, защитил диссертацию. В 1970 г. переехал в Москву².

Незадолго до своего ареста В. Слободчиков, предполагая уехать в Австралию, упаковал все свои книги, газеты, журналы и передал их в швейцарскую фирму «Бриннер». Спустя 10 лет, в период хрущевской оттепели, он послал запрос в Шанхай и неожиданно получил ответ, что фирма сохранила порученный груз и готова отправить ящики владельцу. После долгих хлопот собрание прибыло в Москву. К сожалению, компетентными органами были изъяты газеты и журналы, имевшие, по их мнению, антисоветскую направленность. Так В.А. Слободчиков снова стал владельцем более чем 250 книг, почти полного собрания поэзии русского Китая.

Наиболее уникальными экземплярами в коллекции Слободчикова являются книги, которые принадлежали писателю Михаилу Щербакову. Из коммунистического Китая он решил уехать во Францию. «Перед отъездом, – вспоминал В. Слободчиков, – он пригласил меня и сообщил, что <...> вряд ли вернется в Китай. Боясь, что имеющиеся у него книги дальневосточных авторов (многие с авторскими

¹ Цит. по: Черникова Л. Мост в прошлое // Черникова Л. Павел Северный: жизнь, творчество, судьба. Режим доступа в Интернет: <http://www.russianshanghai.com/articles/post5326>.

² Об этом: Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М., 2005. 431 с.; Агеносов В.В. Слово о В.А. Слободчикове и его коллекции // Коллекция «русского харбинца»: Каталог собрания В.А. Слободчикова. М., 2006. С. 4–8.

надписями) без него погибнут, а взять их с собой он не имел возможности, Михаил Васильевич передал их мне, сказав при этом, что, если мне удастся их сохранить, он был бы рад, если я пожелал бы когда-нибудь передать их в государственное хранилище в России»¹.

К сожалению, Щербаков сложил свое собрание в подвале, который залило водой. Поэтому В.А. Слободчиков мог спасти только часть этих книг. По мере возможности он продолжал пополнять свое собрание. В 2005 г. Владимир Александрович подарил свое уникальное книжное собрание Российской государственной библиотеке (РГБ)².

Среди других литераторов-репатриантов следует также назвать имена Льва Гроссе, Наталии Ильиной, Александры Паркау, Николая Щеголева, Николая Светлова, Варвары Иевлевой, Владимира Померанцева. Литературным творчеством никто из них (кроме Н. Ильиной) на Родине не занимался. Судьбы многих бывших эмигрантов сложились трагически³, а архивное наследие (в большей своей части) безвозвратно утрачено...

Необратимый урон наследию русской дальневосточной общины нанесла и «культурная революция» в Китае 1965–1976 гг., после окончания которой все архивы оказались наглухо закрыты. Ситуация несколько изменилась после 2000 г. Однако основные русские фонды все еще остаются засекреченными с санкции правительства КНР, и получить к ним доступ практически невозможно. Даже при официальных запросах китайская сторона утверждает, что она не располагает теми или иными материалами.

След библиотечных собраний на русском языке можно отыскать в крупнейших хранилищах страны. В *Шанхайской городской библиотеке* (в научном отделе иностранной периодики «*Жи Ка Вэй*») хранятся русские печатные изда-

¹ Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной... Указ. изд. С. 216.

² См.: Коллекция «русского харбинца»... Указ. изд.

³ См., например: Таскина Е., Мухин И. Русские из Китая: Судьбы репатриантов 40–50-х годов XX века // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 2. С. 91–99.

ния, в том числе полные подшивки газеты «Слово», «Вечерняя заря», «Шанхайская заря»¹.

Пекинская государственная библиотека (ПГБ) постоянно пополняла свое русское собрание, принимая книги, хранившиеся ранее в небольших эмигрантских библиотеках. Судьба самой богатой русской библиотеки КВЖД до сих пор не прояснена.

Часть уцелевших фондов находится в Харбине в плачевных условиях. *Хэйлуцзянский государственный университет*, прародителем которого было Училище русского языка, сохранил в своих стенах не только учебные фонды, но и многочисленную продукцию русских харбинских издательств и часть библиотеки КВЖД. В *Хэйлуцзянской провинциальной библиотеке* тоже есть уцелевшие остатки эмигрантской печати.

Значительная часть архивных документов дальневосточной эмиграции хранится в США (в государственных архивах; в архивах музеев, университетов, библиотек; в архивах и музеях, созданных российскими эмигрантами; в личных архивах эмигрантов и их потомков)².

Именно там находятся личные фонды таких журналистов и писателей, как Ольга Морозова, Евгения Сентянина, Юстина Крузенштерн-Петерец, Таисия Баженова. В *фонде Т. Баженовой* интерес представляет, например, ее переписка с поэтами Б. Бета, А. Ачаиром, М. Колосовой, Вс. Ивановым, А. Несмеловым, М. Волковой и др. В *фонде Ю. Крузенштерн-Петерец*, помимо личных документов (писем, воспоминаний) содержатся статьи о жизни русских в Шанхае и их исходе оттуда после установления коммунистической власти в

¹ Об этом: Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008; Черникова Л.П. Источники по русскому искусству и архитектуре в архивах и библиотеках Шанхая. СПб., 2008. С. 451–452.

² См., например: Россия в США. М., 2001. 352 с.; Музей Русской Культуры в Сан-Франциско: Официальный сайт. Режим доступа: http://www.mrcsf.org/ru_home; Архив Гуверовского института: Официальный сайт. Режим доступа: <http://www.hoover.org/library-and-archives/collections/27565>

Китае. Она собрала немалый материал о русских литераторах в Китае: Арсении Несмелове и Валерии Перелешине¹.

Из личных архивов в США большую ценность имеет коллекция *Павла Васильевича Шкуркина*². В декабре 1942 г., незадолго перед смертью, этот известный харбинский востоковед писал своей невестке И.П. Лапикен: «Отбросим пока всякие сантименты в сторону, и коснемся одной материальной стороны, вернее – одной части ее: моей библиотеки. Вы, вероятно, знаете, что у меня есть редчайшие книги, или даже целые отделы таких книг; для человека знающего, толкового, с мозгами и т.д. – эти книги являются целым сокровищем (не материальным). Но что ожидает эти книги в ближайшем будущем? ...мои книги скоро могут сделаться бесхозным имуществом... И имущества – не жалко; а книг – жалко до слез и обидно за ту массу труда и забот, которые были положены и вложены в них. ...эта проклятая война под корень подсекла мои мечты ... и убила надежду на напечатание целого ряда книг, уже приготовленных к печати. И эти мои работы, плоды многих дум и опытов долгой жизни, – также пропадут бесследно, разбросанные по улицам и пустырям...»³ Вопреки опасениям П.В. Шкуркина, архив его сохранился. После многих лет хранения и расширения членами его семьи он был собран в одно место внуком В.В. Шкуркиным в Сиэтле.

«Дальневосточный архив Павла Васильевича Шкуркина» представляет собой уникальную коллекцию документов, рукописей, опубликованных и неопубликованных научных и литературных работ, фотографий, карт, книг и пе-

¹ См.: Шмелев А.В. К истории русской эмиграции в Китае: архивные фонды Музея русской культуры на микрофильме // Документальное наследие русской культуры в отечественных архивах и за рубежом. М., 2005. С. 176–186.

² Подробнее о нем см.: Хисамутдинов А.А. Синолог П.В. Шкуркин: «... не для широкой публики, а для востоковедов и востоколобов // Известия Восточного института ДВГУ. 1996. № 3. С. 150–160.

³ Письмо П.В. Шкуркина И.П. Лапикен от 28 декабря 1942 г. Цит. по: Бакич О. Вступление // Бакич О. Дальневосточный архив Павла Васильевича Шкуркина: Предварительная опись. Сан-Пабло, 1997. С. 4.

риодики, собранную тремя поколениями породнившихся семей Шкуркиных и Лапикенов¹.

Кстати, в 1930-х гг. некоторые книги из личной библиотеки П. Шкуркина попали и в Европу. Известно, что он «собрал обильную жатву своих книг» для Музея в Праге². В ноябре 1938 г. он сообщал В. Булгакову, что послал «Легенды в истории» (единственный экземпляр, разысканный им в Шанхае), «Историю капитана Догерти», комплект издающейся в Сиэтле газеты «Русский Листок», редактором которой был он сам³. В ответ Булгаков писал: «Лично я должен искренно благодарить Вас за Ваши прекрасные книги о Китае, которые я читаю с большим интересом, просвещаясь насчет великой, ныне такой несчастной страны Востока. Вспоминаю своего незабвенного учителя и старшего друга, покойного Л.Н. Толстого: с каким бы интересом прочел он Ваши "Китайские легенды и истории" или "Картины из древней истории Китая". Верю, что он даже как писатель-художник отозвался бы на эти книги, которых он, к сожалению, не знал. Интерес же его к Востоку был необычайный...»⁴ Булгаков вспоминает и о том, с каким огромным интересом читал он одну за другой книги «Китайские рассказы и сказки», «Легенды в истории», даосское сказание «Путешествие восьми бессмертных за море». В сборнике исторических очерков «Картины из древней истории Китая» (1927) Булгаков неожиданно для себя находит сюжет, который опрокидывает его душевный покой. «Вся эта фантастическая история и почти феерия, с происходящим на сцене взрывом великолепной праздничной палатки, где устроена была выставка, с декламацией, пением и танцами прелестной дочери князя-заговорщика и т.д., и т.д., невольно

¹ См.: Бакич О. Дальневосточный архив Павла Васильевича Шкуркина: Предварительная опись. Сан-Пабло, 1997. 133 с.

² Об этом: Россов В. Кто поднимет цветок небес?.. Заметки к первой публикации пьесы В.Ф. Булгакова «Цветок Небес», или «Выставка Сокровищ» // Ариаварта. 1999. № 3. С. 253–257.

³ Там же.

⁴ Письмо В.Ф. Булгакова П.В. Шкуркину от 28 ноября 1938 г. // ГАРФ. Ф. 6784. Оп. 1. Д. 8. Л. 549. Цит. по: Россов В. Указ. соч.

захватила меня. Написавши эти сцены из древнекитайской жизни, я назвал их по имени главной героини, Цветок Небес...»¹

Как видим, обращение к архивным источникам и документам помогает не только реконструировать основные вехи жизненного пути писателей-эмигрантов, но и дополнить знания об их творчестве, пролить свет на творческую историю отдельных произведений. Надеемся, что текстологический и источниковедческий ракурс дальнейших исследований художественного наследия восточной ветви русской эмиграции позволит еще больше расширить наши представления о литературном процессе в русском Китае и зарубежье в целом.

¹ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь. Рукопись. Часть XXII // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 75. Л. 144. Цит. по: Россов В. Указ. соч.

**«ЧТО ЭТО ЗА ШТУКА ТАКАЯ ХАРБИН:
ЕВРОПА ИЛИ АЗИЯ?»¹**

Как бы парадоксально это ни звучало, жизнь русской диаспоры в Китае значительно отличалась в лучшую сторону от условий существования русской эмиграции в Европе. Харбин, куда устремились остатки армий А.В. Колчака и В.О. Каппеля, был обязан своим возникновением строительству КВЖД со всеми вытекающими отсюда особенностями. «Восточная Москва», «восточный Петербург», «восточный Париж», «восточный Чикаго», «восточный Клондайк», «восточный Сион» – такими противоречащими друг другу перифразами пытались определить сущность и геополитические особенности своего города жители Харбина. В основе образных определений неофициальной столицы Маньчжурии, основанной русскими, лежало, с одной стороны, расположение Харбина, а с другой – его культурный, в том числе – архитектурный облик².

С Петербургом Харбин роднили, в первую очередь, сами названия улиц: Первая Линия, Вторая Линия, Большой проспект, Садовая... «Центральной, – пишет Г.В.Мелихов, – была Военная улица; параллельно шли Ветеринарная, Офицерская, Армейская и Штабная <...> Между Штабной и Охранной улицами находился весьма популярный Городской сад. Между ними пролегали Фуражная, Лагерная, Обозная, Солдатская и многие другие улицы»³. Родственные аналогии с Петербургом определялись и функциональным назначением городов. Используя классическую метафору, скажем, что оба города стали для России «окнами»: Петербург – в Европу, Харбин – в Азию.

«Восточным Парижем» маньчжурский городок стал по праву крупнейшего культурного центра русской эмиграции на Дальнем Востоке, и, в частности,

¹ Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 2. : Литературоведческая россика: Сборник научных статей памяти В.А. Слободчикова / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. С. 6–29.

² Об этом: Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. Хабаровск, 2001; Левашко С.С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века. Хабаровск, 2003.

³ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. С. 74.

был так окрещен за любовь к развлечениям и модным нарядам (Г.В. Мелихов)¹. Именование «восточный Чикаго» Харбин получил за «деловитость и умение принимать верные решения, ведущие к развитию и прогрессу...»², а «восточным Сионом» город прозвали за терпимость его граждан к евреям. «Восточный Чикаго» характеризовал предприимчивость населявших его жителей, а «восточный Клондайк» определял те возможности, что потенциально таила в себе маньчжурская равнина.

Перечисленные именованья Харбина, при всей уникальности городов-«прототипов», указывали на *синтез различных культур*, сплетенных в этом географическом феномене. Это и не удивительно, ведь под маньчжурским небом проживали десятки народов и национальностей – русские, украинцы, евреи, грузины, армяне, китайцы, маньчжуры, корейцы, японцы и др. Разумеется, что такая полиэтническая среда пробуждала интерес к познанию собственной этничности и стимулировала процесс этнокультурной самоидентификации отдельной личности. На формирование этнокультурных представлений харбинцев влияли разные факторы – и тот регион, откуда они прибыли в многонациональный Харбин, и лингвокультурная среда, в которой они были воспитаны, и даже гендерный аспект. Не могли не внести своей специфики в общественную и культурную жизнь всех «маньчжурцев» и национальные диаспоры. Но при этом было нечто общее, что объединяло народы, населявшие этот город.

Но наиболее сущностная перифраза, вмещающая и геополитические, и этнокультурные, и национально-исторические характеристики города, воплотилась в словосочетании «*русский Харбин*». В столице Маньчжурии имелось несколько русских высших учебных заведений, русские театры, русские газеты и издательства. Прибывшие туда беженцы сразу попадали в довольно привычные условия старой России, снимающие часть горечи по утраченной родине.

Грустим по Северной Пальмире,
Но грусть о ней не так сильна,

¹ Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003. С. 375.

² Там же.

Когда с изгнанием горьким мирит

Руссейший облик Харбина, –

писал М. Шмейссер в своем стихотворении¹. Поэт Г. Сатовский, обращаясь к харбинскому кафедральному Свято-Николаевскому собору, утверждал: «Средь холода изгнанья / Ты вознесся в плеске голубей, / Как священное обетованье / Воскресенья родины моей!» (С. 461). Определение Харбина как родного города встречается у многих русских поэтов: «Ты Харбин, родной земли осколок, / Защитил, укрыл от вихрей злых» (Е. Даль «Второй родине». С. 167); русский город, «китайский мой полустанок» (А. Несмелов «Стихи о Харбине», «Уезжающий в Африку или...» С. 327–330); «Наш уютный маленький Харбин» (И. Лесная «Любовь-чародейка». С. 281). Более того, такое отношение распространяется на весь Китай: «И родиной зову Китай» (Э. Трахтенберг «Письмо матери». С. 533-535), «И стал нам родиной второй / Китай с коробки чайной» (А. Серебренникова «Песенка о Китае». С. 496).

Лишь только в стихах М. Колосовой («Рождество на чужбине», «Письмо в Америку», «Елка на чужбине») и А. Паркау («Харбинская весна», «Весна в Харбине») преобладает непреодоленное чувство изгойничества, одиночества. Впрочем, перед отъездом в Шанхай та же Паркау напишет пронзительное стихотворение «Туда – к чужим», в котором не только скажет: «Прощай, мой друг, печальный и невзрачный, / Нескладный беженский Харбин», но и признает, что он «Давал приют уставшим от скитаний / И душу русскую берег» (С. 370).

В Харбине, сформировавшемся по типу «имперского города», представители самых разнообразных уголков Российской Империи ощутили себя в первую очередь *русскими*. Многочисленные выходцы из Российской империи были ориентированы на язык и культуру русской нации. Родиной называли – Россию, себя – «русскими подданными», а после 20-х гг. – «русскими эмигрантами». Этот процесс протекал в харбинской культуре в тесной взаимосвязи с развитием политической мысли и общественного движения русских беженцев.

¹ Русские поэты Китая: Антология. М, 2001. С. 557. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страниц в скобках.

Особенно рельефно обозначенная тенденция проявилась в творчестве поэтов и писателей русского Харбина, которыми богата была эта восточная столица русской эмиграции.

Конечно, «ностальгия» – не русское слово, но оно испокон века определяет неизбывную тягу наших соотечественников к художественной рефлексии своего изгнанничества. Общий для всей русской эмиграции процесс творческого самопознания, связанный с проблемой адаптации в инокультурной среде, на харбинской почве обрел специфические черты. Общее стремление всех эмигрантов сохранить и преумножить достижения русской культуры сплелось в харбинской культуре и литературе вначале с подспудным, затем с осознанным желанием обозначить свою инаковость по отношению к культуре западной эмиграции, которая истоки своего самопознания искала в прошлом России. «Ласковая мачеха» (В. Перелешин) – Китай – поощряла русских харбинцев к активному поиску иных художественных решений через осознание территориальной специфики центра восточного зарубежья.

«Что же это за штука – Харбин: Европа или Азия?»¹, – этим вопросом задавались жители города, в начале XX века ставшего той географической координатой, где удивительным образом сошлись вечные антагонисты – Запад и Восток. Попробуем воспроизвести геополитическую ситуацию, в которой оказались русские дальневосточные беженцы. Примыкающие к КВЖД территории с центром в Харбине можно рассматривать как некое маргинальное пространство, находящееся между Китаем и Советской Россией и определяющее социокультурные стереотипы населяющих его эмигрантов. «Мы оказались *среди двух миров*, – писала в своих мемуарах поэтесса Л. Хаиндрова. – Харбин был китайским городом. Харбин оставался старорежимным русским городом, и о нем можно было сказать «здесь русский дух, здесь Русью пахнет» (курсив наш. – Авт.)². Не случайно в этой столице дальневосточного зарубежья, в отличие от европейских, казался «*слышнее звон Москвы, / Виднее зорька золотая*» (М. Ко-

¹ Васильев М. Панорамы жизни. Облик Харбина // Архитектура и жизнь. 1921. № 3–4. С. 128.

² Хаиндрова Л.Ю. Гимназия // Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. Калуга, 2003. С. 274.

лосова «Письмо в Америку». С. 238) и сильнее было стремление помочь родной стране пережить тяжелые послереволюционные времена. Как правило, такие взгляды развивались неотделимо от идей русского евразийства. Большую роль в их развитии сыграло, во-первых, то, что границы Китая и Советской России были долгое время фактически открыты. Находясь в Китае, русские эмигранты объективно не считали свою территорию *заграницей*. Например, А. Ачаир на вопрос БРЭМ (Бюро по делам российских эмигрантов): «Во время проживания в Маньчжурии выезжали ли за границу», отвечал: «В 1928 в декабре *в Китай* и на Филиппинские острова на два месяца»¹. «Я никогда не был в России, я не видел красот моей родины, и поэтому мне кажется, что лучше и красивее моей родной Маньчжурии нет страны в мире, нет ничего красивее блестящей ленточки полотна дороги, пробивающейся через стройные кедровые или березовые леса, пролетающей через быстрые горные речушки, выбивающиеся между взгромоздившихся сопок», – признавался в своем автобиографическом повествовании В. Петров².

К сожалению, общим местом в отечественной харбинистике стал тезис о культурной самодостаточности русской диаспоры в Китае (В. Перелешин, Сюй Го Хун, Ли Мэн, Ю. Крузенштерн-Петерец, Е.П. Таскина). Принято считать, что имея уникальную возможность соприкоснуться с древнейшей восточной культурой, русские эмигранты не спешили учить разговорный китайский язык, не говоря уже о письменности³. Действительно, на первых порах языковой барьер, а также различный образовательный уровень русских эмигрантов и китайцев, проживающих в зоне КВЖД, усугубляли отстраненность двух культур. Мало способствовали межкультурному взаимодействию и политические события в Китае 20-40-х гг., и дистанцированность от эмигрантских кругов самих китайцев – вследствие большей ориентированности последних на Советскую Россию. Но для обладающих художественным мироощущением дальневосточ-

¹ Государственный архив Хабаровского края. Ф. 803, оп. 3. Дело Грызова А.А. Л. 15.

² Петров В. В Маньчжурии // Литература русских эмигрантов в Китае: в 10 т. Т. 7. Пекин, 2005. С. 233.

³ Сюй Г.Х. (Светлана) Литературная жизнь русской эмиграции в Китае (1920–1940-е годы). М., 2003.

ников прозаичность и сословные барьеры в бытовых контактах с китайцами не стали особым препятствием к пробуждению интереса к культуре Китая. Вопреки «изоляционистской» теории харбинской культуры, можно утверждать, что, начиная с конца 20-х гг. харбинские сочинители проявляют повышенный интерес не только к региональным особенностям окружающей их Маньчжурии, но и в целом к наследию древнейших культур Востока (Китая, Кореи, Японии), а также к богатейшей литературной традиции этих стран. Уже в начале 1920-х гг. пишет «Сонеты» о Китае Вс.Н. Иванов. В 1926-1928 гг. выходят в свет этнографические «Корень жизни» М. Щербакова и «Очерки обитателей тайги» Н.А. Байкова. В 1929 г. появляются первые рассказы А. Хейдока, в художественной форме преломляющие мифологию и философские системы Востока («Кошмар степи», «Призрак Алексея Бельского», «Зов пустыни») и т.д. И хотя Вс.Н. Иванов обвинял русских сочинителей в отсутствии художественного любопытства к Востоку¹, с начала 30-х годов начинается настоящий расцвет беженской литературы, связанный с повышенным интересом русских художников не только к восточным реалиям как таковым, но и к возможности спроецировать богатый культурный фонд Востока на русскую литературную традицию. Во многом заслуга в этом принадлежит именно старшему поколению русских харбинцев.

С одной стороны, «старшие» харбинцы не осознавали своей окончательной оторванности от России, пытаясь всячески наладить с нею связь, с другой – ощущали необходимость приобщения к древней культуре страны, в которой они волею судьбы оказались². На то, каким взглядом смотрели из своего «харбинского окна» на Россию дальневосточные беженцы, влиял, конечно, их социокультурный облик. Духовная среда эмигрантов старшего поколения формировалась, в первую очередь, из тех, кого так или иначе коснулся Ледяной поход и кто начал осознавать свою изгнанническую участь еще в Омске – «столице Сибири» – и Владивостоке (Вс.Н. Иванов, А. Несмелов, А. Ачаир, Б. Бета, В. Март

¹ Иванов Вс.Н. Об эмигрантской литературе // Гун-Бао. 1928. 20 сентября.

² С этой целью, например, в начале 1920-х гг. начали выпускать литературно-художественный ежемесячник с символическим названием «Окно» (вышло, правда, всего два номера), адресованного как эмигрантам, так и читателям в России. Первый журнал с авторграфом на обложке был даже специально отправлен из Харбина в Москву М. Горькому.

и др.)¹. Кроме того, среди них было много выходцев из южных районов Сибири, Забайкалья, Приамурья, Приморья – тех земель, что были исторически близки к Китаю (те же А. Ачаир, В. Март, Б. Бета, семьи В. Перелешина, Л. Андерсен, Н. Щеголева, В. Янковской и др.). Там на протяжении столетий скрещивались пути самых разных народов, обычаев, языков и религий, и именно это определяло, на наш взгляд, особую духовно-эмоциональную расположенность бывших русских «зауральцев» и членов их семей к восприятию инокультуры, а именно – восточной культуры.

Так, Венедикт Март вырос во Владивостоке, где в начале прошлого века китайская речь звучала в любом уголке города. По мнению А. Лобычева, именно это обстоятельство определило то, что этот поэт стал одним из первых использовать в своих стихах восточные мотивы². Другой представитель старшего поколения поэтов, Алексей Ачаир, вырос на Алтае и также весьма органично воспринимал идею этнокультурной интеграции. Его псевдоним, на первый взгляд, основанный на звуко-семантических переключках с образами русской поэзии, на самом деле декларировал его генетическую связь с родными местами – Сибирью, «где, любуясь, готов был звать я / братом мне золотой Памир, / где Никдали и Сарасвати / снова свой воскрешают миф» («На моей земле», «Рубеж». 1933. № 12). На первый взгляд, может показаться, что духовные концепты этого «сибирского казака» (А. Перфильев), «казацкого поэта» (Е. Витковский), старшего секретаря Христианского союза молодых людей должны были быть полярно противоположны самой идее этнокультурного взаимодействия, чреватого культурной ассимиляцией. Но Ачаир не только напрямую связывал с Востоком свою личную судьбу, но и пытался развить эту программу до масштабов молодежного движения в рамках ХСМЛ. В конце 1920-х гг. Ачаир публикует стихотворение «Чаша неба»:

¹ Якимова С.И. Социокультурные предпосылки, духовно-нравственные истоки явления дальневосточной эмиграции // Якимова С.И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока. Хабаровск, 2005. С. 8–18; Лобычев А. Китеж русской поэзии на Востоке (об антологии поэзии русского Китая) // Рубеж. 2003. № 4. С. 367–373.

² Лобычев А. Китеж русской поэзии на Востоке... С. 370.

Я – царевич прекрасный Очир!¹
Это значит – небесная чаша...
Милый брат мой, взгляни на Памир:
и на юг, и на север – все наше!

(«Рубеж». 1929. № 52).

Однако Ачаир, выросший у подножия Тянь-Шаня и взявший себе псевдоним по названию станицы *Ачаирской*, скорее всего, знал о том, что топонимика его родного края неотделима от топонимики народов Южной Сибири, тесно проживающих со славянским населением². Художественная логика Грызова-Ачаира-Очира строилась по аналогии с действием этой архаической топонимической модели интегральной культуры. По-видимому, причиной выбора псевдонима «Ачаир» стала не только любовь к родным местам, усугубленная ностальгией, а уж тем более не его звукосемантическая многозначность, а личное осознание своей культурной миссии в эмиграции. Русские эмигранты на Западе свое предназначение соотносили с пересмотром исторического прошлого России³. Находясь в так называемой «провинции» зарубежья, Ачаир не претендовал на универсализм философских обобщений. Но он – русский секретарь ХСМЛ⁴, покровитель юношеского объединения «Костровых братьев», руководитель молодежного литературного кружка «Чураевка», вероятно, соотносил прочность эмигрантского бытия в Маньчжурии с возможностью синтеза восточного и западного типов сознания.

Предпосылки такой межкультурной и межрелигиозной толерантности были действительно заложены в его сибирском детстве, где естественным образом переплетались быт, нравы казачьего населения и коренного населения Ал-

¹ См.: Очирвани // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т.2. М., 1988. С. 271.

² Курилов В.Н. Топонимия как источник для истории духовной культуры народов Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий: в 2 т. Т. 2. Новосибирск, 1998. С. 269–279.

³ Например: Степун Ф.А. Мысли о России // Современные записки. Париж. 1923. № 17; Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993; Федотов Г. Зачем мы здесь? // Современные записки. Париж. 1935. № 8; Адамович Г. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж, 1961 и т.д.

⁴ Принцип организации ХСМЛ (YMCA) в разных странах состоял в том, что руководил региональным отделением американский секретарь (в Харбине – Г. Хейг), а его помощником был представитель национального объединения.

тая (монголов, татар, казахов и др.). Мало того, семиреченские казаки, к которым и относился род Грызовых, начиная с 60-х гг. XIX в. тесно взаимодействовали с цинскими подданными (калмыками, даурами, маньчжурами и собственно китайцами), зачастую принимающих православие и даже становившихся казаками. И хотя их ассимиляция в русской среде протекала весьма сложно, но опыт межкультурного общения, безусловно, оказывал определенное влияние на формирование этнокультурных концептов¹. Для Ачаира чувство Родины было связано не с центральной полосой России, не с Московией, а с *Сибирью*, которую он воспринимал как своеобразный регион. В стихотворных строках отразилось не просто авторское стремление к частной мифопоэтизации псевдонима, но и явные геополитические амбиции определенной группы людей, соотносящих свое будущее с идеей новой Сибири². Либо Сибирская автономия виделась Ачаиру в целокупности с Маньчжурией, населенной в ту пору большим количеством выходцев из России, либо Маньчжурия рассматривалась как плацдарм для подготовки решительных действий нового поколения русских, воспитанием которых он и занимался.

Во многом эти утопические представления могли быть обусловлены особой формой культурной идентичности Ачаира, сформированного при взаимодействии с ментальностью переходного этноса. Таковым, по мысли историков, являлось к началу XX в. все население региона Южной Сибири, самые разные этносы которого пребывали на пути к культурной ассимиляции³. Не случайно поэтесса «среднего поколения» (В. Крейд) – Марианна Колосова, также уроженка Алтая и также – «казачья поэтесса», истовая ревнительница православия,

¹ Дацышен В.Г. Формирование китайской общины в Российской империи (вторая половина XIX века) // Диаспоры. 2001. № 2–3. С. 36–53.

² «Известно, что Ачаир был связан с Сибирской областной думой, которая после поражения белых в Приморье продолжала действовать в Харбине и Шанхае. Ему, как и членам этого учреждения, была близка идея автономной Сибири, которая возникла бы в случае свержения большевиков» // Кодзис Б. Литературные центры русского Зарубежья 1918–1933: Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание. Мюнхен, 2002. С. 219. Подробнее о деятельности сибирских областников: Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003.

³ Шерстова Л.И. Ментальность переходного этноса (Южная Сибирь в XIX – начале XX века) // Сибирь в панораме тысячелетий. Указ. изд. С. 506–515.

в качестве одного из своих гетеронимов выбирает созвучный «Ачаиру» тюркский этноним «Джунгар»¹. Тюркско-язычное именование «Джунгар» восходит, по одной версии, к этнониму воинственных кочевников, древних алтайских соседей русских, в давние времена населявших территорию современного Западного Китая, по другой же – начиная с XVIII в. обозначает самих жителей Алтая. Эмиграция, в которой оказались бывшие сибиряки, должна была всемерно усугубить тягу к ремифологическому осмыслению смутных обрывков представлений о героическом прошлом их предков, характеризующему переходные этносы, что нашло оригинальное воплощение в художественной практике. Как и в псевдониме «Ачаир», топонимический мифологизм «Джунгара» тесно переплетался с поэтической номинацией, но самое главное – звукосемантические аналогии псевдонимов двух идейно близких людей говорят о явной переключке их социокультурных установок. В стихотворениях, подписанных травестийным псевдонимом «Джунгар», лирическое «я» поэтессы приобретало особый характер. В самом звучании второго имени была слышна тяжелая поступь свободолюбивого кочевника, который «шел не за другими, – / Впереди других» и которому «мир безмерно тесен, / Коротки века!» («Недопетое», 1930). Органично вплетая в мифологию поэтической судьбы региональные мотивы, и Ачаир, и Джунгар-Колосова синтезируют этнорелигиозные представления разных сибирских народов с православными идеями правдоискательства.

Свою *русскость* старшее поколение харбинских поэтов (А. Несмелов, А. Ачаир, А. Паркау и др.) поверяло не только генетической связью с реальными географическими координатами, но и представлениями о былом величии Российской империи, гордостью за историческое прошлое родины, наконец, живыми воспоминаниями об утраченной России². При этом идентификация с рус-

¹ Подробнее о псевдонимах А. Ачаира и М. Колосовой: Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Литературный псевдоним в опыте личной мифологии поэта (Контекст творческих исканий харбинских лириков) // Проблемы художественного миромоделирования в русской литературе. Вып. 7. Благовещенск, 2004. С. 29–53.

² О русскости в творчестве А. Паркау: Эфендиева Г.В. Своеобразие патриотических мотивов в лирике А. Паркау // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века). Благовещенск, 2004. С. 378–382.

ской культурой не мешала им, с одной стороны, принять другую культуру, с другой – понять все опасности, которые таит в себе возможная культурная ассимиляция (о чем с трагическими интонациями писал, например, А. Несмелов в стихотворении «Ламоза»)¹.

Но молодое поколение не понимало драматизма ностальгических настроений поэтов старшего поколения. «Нельзя сказать, – писала годы спустя Л. Андерсен, – чтобы стихи нашего кружка [«Молодой Чураевки». – Авт.] отражали окружающее – ни особенностей нашего города, ни эмигрантской ностальгии в них почти не было. У нас не могло быть много воспоминаний, мы жили теперь и писали о своих переживаниях и чувствах, которые, как и мы сами, росли, требовали выхода» (курсив наш. – Авт.)². Одним из путей спасения от *беспочвенности* и становится «потребность жертвенно работать для России. Потребность стать поэтами русскими» (Н. Петерец)³. Гипертрофированная и одновременно абстрагированная *русскость* находила выход в присущей русскому сознанию категоричности и противоречивости художественных суждений: «Но ты гордый, ты русский, ты проклял сомненья и ропот – / Что с того, что сознание трезвое спит иногда?» (Н. Щеголев «Опыт». С. 563) – «Писать? Для Бога? Для России? Надо ли?» (Н. Петерец «Достоевский». С. 415). Вполне возможно, что именно такие крайние суждения толкали отчаявшуюся молодежь в ряды фашистской партии, призывающую молодежь сплотиться вокруг «русской идеи».

Однако не только императивно провозглашаемая *русскость* определяла пути самопознания и национальной идентичности молодых поэтов русского Харбина. Часто русскость или, вернее, *обрусение* как сознательный выбор наряду с верностью своим национальным корням становилась отличительной чертой этнического самосознания детей эмиграции, рожденных в весьма расплощенных межнациональных браках и воспитанных в атмосфере двуязы-

¹ Об этом подробнее: Агеносов В.В. Категории «свое // чужое» как выражение национальной идентичности в поэтическом сознании русских эмигрантов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Мост через Амур. Вып. 7. Благовещенск, 2006. С. 273–285.

² Андерсен Л. Ларисса вспоминает // Новый журнал. 1995. № 200. С. 318.

³ Петерец Н. Доклад на организационном собрании «Круга поэтов» // Диао Шаохуа. Харбинская «Чураевка» // Рубеж. 2003. № 4. С. 219–229.

чия или многоязычия. Так, поэтесса Нора Крук (в девичестве Кулеш), рожденная в польско-еврейской семье и подчинившая свое творчество трагической судьбе русского еврейства, вспоминает, что в Харбине, где прошло ее детство, их семья жила «русским помещичьим бытом с собаками, кошками, кухаркой либо поваром»¹. И на вопрос о своей национальности она тогда отвечала, что *русская*. Учитывая, что евреи в Харбине не испытывали притеснений, понимаешь, что такой выбор был не вынужденным, а обусловленным сугубо личными ощущениями. Потому-то отъезд из Харбина в Мукден переживался будущей поэтессой довольно болезненно, став «отрывом от русскости»: «Ночью, когда я закрывала глаза, мне чудилось, что я иду по харбинской улице, со мной равняются и меня перегоняют прохожие, и отрывки русской речи мгновенно повисают в воздухе... Я заявила родителям, что хочу продолжать русское образование пусть даже экстерном»².

Не менее любопытный случай приобщения к русской культуре и языку, повлиявший на этническое самоопределение, произошел и с Лидией Хаиндровой, в которой также не было русской крови: отец, Ивлиан Хаиндрава – грузин по национальности, мать – полька. Приехав в шестилетнем возрасте (а по сути, вернувшись) из родового грузинского имения в Маньчжурию, ни России, ни русского языка Хаиндрова не знала³. Но, выучив его «лучше любого русского», Л. Хаиндрова не только стала писать на нем стихи, но и считать родным, позабыв грузинский. В процессе вхождения в русскую культуру – в первую очередь, через овладение языком, – она пришла к осознанию своей принадлежности сразу к двум этническим общностям: грузинской и русской⁴. Об этом красноречиво свидетельствует то, что доставшуюся от отца грузинскую фамилию поэтесса изменила на русский лад. Но в то же время эту русско-грузинскую фамилию как поэтическое имя Л. Хаиндрова сохранила за собой на всю жизнь,

¹ Крук Н. Нам улыбалась Кван Инь // Россияне в Азии. 2000. № 7. С. 151–197.

² Там же.

³ Л. Хаиндрова родилась в Харбине, но в связи с разводом родителей, младенцем была увезена к деду в Грузию.

⁴ По мнению этнопсихологов, этническая принадлежность представляет собой скорее приписываемое, чем наследуемое качество // Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 227.

отказавшись использовать «более русскую» фамилию по мужу – Сереброва. Сделать выбор в пользу России или Грузии она не представляла для себя возможным и надеялась, что он перед ней «никогда не встанет. Потому что тогда это будет трагедией»¹.

Видимо, органичное приобщение к двум культурам позволило Л. Хаиндровой «открыться» и китайской традиции. Правда, китайским языком она не овладела, но это не помешало поэтессе взрастившую землю считать отчим домом и ощущать с ней духовное родство. Даже по прошествии десятилетий, находясь уже в СССР, Хаиндрова подчеркивала: «у меня три Отчизны. <...> Россия – Отчизна, хотя ни капли русской крови во мне нет. Меня породнила с ней вся ее многовековая история, со всеми ее взлетами и падениями. Грузия – Отчизна потому, что это страна моего отца, а Китай – Отчизна, потому что он вскормил и вспоил меня»². Недаром в одном из своих стихотворений она обращается к китайскому земледельцу с наказом беречь дедовские и прадедовские могилы:

Осторожней проходи по пашням:
Мирно спят здесь прадеды твои,
Охраняя твой посев вчерашний
Всем долготерпением любви.

(«Китайская пашня». С. 545).

Влияние этнических представлений поэтической природы на культурную адаптацию в иноземном регионе подтверждается творчеством Марии Визи, которая, по ее собственному признанию, была на «сто процентов русской и сто процентов американкой»³. С самого детства М. Визи была двуязычной, и стихи писала тоже на 2-х языках: русском и английском. Оказавшись в Харбине в 14-летнем возрасте (позднее жила также в Пекине, Шанхае) и органично впитав некоторые черты восточной лирики, она откликнулась на окружавший ее Китай

¹ Хаиндрова Л.Ю. Послешкольные годы. Думы о Родине // Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта... С. 277.

² Там же. С. 275.

³ Письмо М. Визи О. Бакич от 28 сентября 1990 г. // Бакич О. Мария Визи – поэт России, Китая и США. Rev. Etud.slaves. Paris, LXXIII / 2-3, 2001. P. 373–386.

целым рядом поэтических стилизаций – как в «китайский» период творчества: «Китайский пейзаж», «На китайском хуторе» (1937) и др., так и в «американский». Тогда она создает целый цикл на английском языке – «My China», многие стихотворения которого открываются эпитафиями в духе китайской поэзии и каждое дает зарисовку китайской жизни. Заглавие цикла актуализирует, на наш взгляд, не просто субъективное отношение к изображаемой действительности, а родственную, неразрывную связь поэтической души с той страной, о которой она пишет.

Все же – почему далеко не каждый, кто родился или провел детство и юность в Китае, сформировался там как личность, смог духовно сблизиться с этой страной? Отчасти вину за это можно возложить на старшее поколение, которое, в первую очередь, старалось «воспитать русских детей, любящих свою Родину, <...> знающих русский язык и русскую историю» (А. Паркау)¹. В результате того, что Харбин воспринимался как *русский город*, русская провинция, местные реалии воспринимались молодежью тоже как «свои», знакомые «до чертиков»: «Того, что нас окружала огромная, полудикая, прекрасная Маньчжурия, что рядом были Корея, Монголия, Сибирь, не говоря уж о Китае, мы не замечали: раскрыть нам глаза не позаботился никто»², – сетовала спустя многие годы Ю. Крузенштерн-Петерец, ей вторила и Л. Хаиндрова. Обращаясь к своим родным на страницах воспоминаний, она восклицала: «Спасибо Вам, что Вы нас научили так любить свою Родную страну! А вот Маньчжурию, Китай, Вы не учили нас любить...»³ Кроме того, идеализация образа Родины, присутствующая всем эмигрантам (и естественная в условиях чужбины), оборачивалась тем, что окружающие китайские реалии не выдерживали конкуренции, казались «худшими» по сравнению с «подлинными», российскими. «Разве это запахи? Разве в России так пахнут травы, цветы, деревья!» <...> «Разве так поют птицы! Разве такой вкус у яблок, арбузов, дынь!» <...> «А вода, разве такой вкус у во-

¹ Смотр женских литературных сил // Рубеж. 1934. № 47. С. 24–25.

² Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 65.

³ Хаиндрова Л.Ю. Эрцендяныцзы // Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта... С. 292.

ды? А хлеб! Какой он был вкусный, пахучий!»¹ – постоянно слышали от близких и знакомых поэты и их сверстники.

На этом фоне выучившие китайский язык и всемерно обращающиеся к китайской лирике и китайской культуре В. Перелешин, Н. Светлов и немногие другие, действительно, выглядели как исключение из общей тенденции. Но подобный культурный «изоляционизм» молодых харбинцев был только вершиной настоящего айсберга проблем, связанных с их этнической идентификацией и самоопределением. Молодежь понимала, что Харбин – их временное пристанище на трудном пути мытарей-изгнанников. Потому-то просветительской задачей ХСМЛ, выпускниками образовательных учреждений которого было большинство харбинских поэтов, помимо «накопления творческих национальных молодых сил за границей»², была практическая подготовка молодого поколения к дальнейшей жизни в европейских странах и Америке:

Эмиграция! – Да! – Прозябанье в кругу иностранцев,
Это та же тоска, это значит – учить про запас
Все ремесла, языки, машинопись, музыку, танцы...

(Н. Щеголев «Опыт». С. 563).

В результате такого образовательного подхода ориентированная на культуру западного зарубежья, мечтающая о признании их Парижем, творческая молодежь, например, не могла и не хотела понять ачаировские идеи создания Сибирской республики.

Мучительные вопросы национального самопознания и самоидентификации («самотерзанья» – Н. Щеголев) связаны были у европейски образованной молодежи не с проблемой растворения в китайском окружении, а с осознанием неизбежности культурной ассимиляции в европейской среде. Ключом к пониманию такой амбивалентной ментальной установки могут служить следующие признания: *«Художник – я, и, несомненно, русский, / Но не лишенный ино-*

¹ Хаиндрова Л.Ю. Эрцендяныцзы // Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта... С. 291.

² Цит. по: Дiao Шаохуа. Харбинская «Чураевка... С. 221–228.

странных черт» (Н. Щеголев «Русский художник». С. 569). Свой «идеальный» автопортрет русского европейца Н. Щеголев представлял следующим образом:

Мне кажется, что я на возвышеньи,
Вот почему и самый дух мне люб
Французской плавности телодвижений,
Англо-немецкой тонкой складки губ...

Как видно, «русская природа» поэта должна была обогатиться за счет лучших ментальных характеристик других европейских народов, реализованных опять-таки в этнокультурных стереотипах русского сознания:

И как я рад, когда порой
Веду себя, как иноземец, –
Холодный бритт, упрямый немец –
Как горд! Кровь моего народа
Во мне сияет новизной!

Постоянная борьба «полузадушенной» «русской природы» и желания быть «иноземцем» протекает весьма болезненно. В результате победу одерживает... русская *тоска*:

Но иногда я погружен по плечи
В тоску и внутреннюю водоверть, –
И эту суть во мне не онемечит,
Не офранцузит никакая смерть! (С. 569).

И вот тут на помощь поэту-эмигранту приходит «*китайский незатейливый смычок»* (В. Слободчиков), «*безутешная хуцинь»* (В. Перелешин) и – «*живая муза с узкими глазами»* (Н. Щеголев) и т.д. *Покой*, являющийся одной из глобальных ценностей китайской культуры, становится желанным спасением от эмигрантской усталости и тоски. Современные ученые, не обремененные идеологическими клише и расхожими суждениями, обнаруживают в самой материи стиха свидетельства постепенного проникновения инокультурной традиции в сознание «русских китайцев». Как ни странно, первыми в харбиноведении признали это китайские исследователи. Наиболее авторитетной инстанции

ей, подтверждающей наши интуиции, становится мнение профессора филологии Ли Иннань (Университет иностранных языков, Пекин)¹. После знакомства с антологией В. Крейда она утверждает: «китайские мотивы и образ Китая, озвученный в русских рифмах, создают неповторимую "харбинскую ноту", придают своеобразие произведениям даже второстепенных харбинских поэтов» (курсив наш. – *Авт.*)². В этой гипертрофированной медитативности восточной эмигрантской лирики обнаруживается подмеченная классической литературой замечательная способность русского человека – сливаться с окружающим пейзажем. «Когда это происходит со стихом, тогда свершается чудо поэзии. Русская мелодика оказывается восприимчивой к иному мироощущению», – словно вторя И. Ли, отмечают российские филологи³. Например:

Воздух недвижим пропитан тяжелою влагой,
Словно чуть терпким, но приторно-сладким вином,
Хоры лягушек, с заката начавшие квакать,
Вертят гигантской трещоткой маньчжурскую ночь.

(Г. Сатовский «За стеной». С. 458).

Как подчеркивает Ли Иннань, «экзотика Востока, увлекавшая поэтов "серебряного века", теряет на харбинской почве свой идеализированный, абстрактный облик и приобретает вполне осязаемую, ощутимую фактуру»⁴. Среди поэтов, испытавших влияние мощного духовного воздействия Китая, Ли Иннань, помимо «хрестоматийного» В. Перелешина, она указывает и А. Ачаира, Л. Хаиндрову, Б. Волкова, Ю. Крузенштерн-Петерец, М. Волина и др., восклицая: «Вообще удивительно это проникновение в глубины китайского ду-

¹ Ли Иннань (Инна Ли), дочь легендарного китайского революционера и русской дворянки – естественный билингв. С точки зрения этнопсихологии, Ли Иннань обладает бикультурной компетентностью, осознанно становясь посредником между русской и китайской культурами. Конструктивная культурная маргинализация в данном случае дает Инне Ли уникальную возможность органично воспринимать художественное проникновение одной культуры в другую.

² Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения. М., 2002. С. 272.

³ Александров В. Срок годности. Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В. Крейд, О. Бакч. Научный редактор Е. Витковский. М.: Время, 2001. 720 с. // Независимая газета. 2001. 11 октября.

⁴ Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина... С. 274.

ха!»¹. Другой ученый, Ли Янлен, подчеркивает, что традиции древнейшей поэзии Китая проявились как в тематике, тональности и образности «русских» стихотворений, так и в самой их форме. Ли Янлен замечает, что поэзия Харбина испытала влияние философичности и лаконизма китайской поэзии, размывающей грань между настроением и пейзажем и предлагающей краткий философский вывод в заключительных строчках стиха².

Судьба Валерия Перелешина и его творчество позволяют наиболее полно выявить тенденции взаимовлияний русской и китайской культур, явленных в поэзии второго поколения. Поэт провел в Китае 32 года (с 1920 по 1952), выпустил здесь 4 поэтических сборника, объединенных затем в книге «Русский поэт в гостях у Китая. 1920-1952» (Гаага, 1989). Им написаны две книги воспоминаний: одна – в прозе («Русская поэзия и литературная жизнь в Харбине и Шанхае». Амстердам, 1987), вторая – в стихах («Поэма без предмета». Хилкок, 1989), значительная часть которых посвящена Китаю.

С одной стороны, поэт декларирует, что не может жить «без раздумчивых русских песен, / От которых сердце горит». Он признается, что «словно голос долга, / Голос дома поет во мне, / Если вольное слово «Волга» / На эфирной плывет волне», «Я – до костного мозга русский, – резюмирует он, – Заблудившийся аргонавт» («Заблудившийся аргонавт». С. 403).

Поэт не готов, да и не хочет отказаться от «своего», родного. Его стихи о России пронизаны характерными для русского человека образами: *снег, сугробы, вьюги, подснежники, сирень, петухи, босоногое солнце*. Щемящей нотой звучит упоминание о журавлях, приносящих привет с родины («Ностальгия»). В этом же стихотворении он утверждает:

Россия, Россия, отчизна моя золотая!
Все страны вселенной я сердцем широким люблю,
Но только, Россия, одну тебя больше Китая (С. 394).

¹ Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина... С. 278.

² Ли Янлен. Доклад о русской литературе Харбина: Доклад на научной конференции Китайской ассоциации исследователей русской литературы. Харбин, 1999 // Личный архив И. Ли.

Эпитет «золотая» ассоциативно связан в воспринимающем сознании со словом «желтый». Как правило, последний применяется всеми русскими авторами для определения Китая. Перелешин не избегает традиционного словоупотребления, в его стихотворении присутствует и «желтая страна», и «желтые люди». Но «золотая» у него – Россия. Страны как бы объединяются этой *золотистостью, желтизной*.

Лирический герой Перелешина понимает психологическую невозможность для русского человека жить спокойной китайской жизнью. Видимо, этим объясняется то, что перечислив в уже цитированном стихотворении «Заблудившийся аргонавт» все достоинства спокойной, гармоничной жизни китайца, которую лирический герой мог бы обрести, если бы не был русским, Перелешин вставляет иронический пассаж о возможной, но неприемлемой для русского человека судьбе:

Лет пятнадцати, вероятно,
По священной воле отца,
Я б женился на неопрятной,
Но богатой дочке купца.

Так, не зная, что мир мой тесен,
Я старел бы, важен и сыт,
Без раздумчивых русских песен,
От которых сердце горит (С. 403).

С другой стороны, «свое» и «чужое» в поэзии Перелешина скорее сопоставляются, нежели противопоставляются. Пение китайской хуцинь («простой скрипки деревянной») созвучно настроению лирического героя, рождает у него желание поделиться чужой печалью со своей русской музой («Хуцинь»)¹. Пейзаж китай-

¹ Сравним эти строки с характерным прозаическим отрывком: «В соседней комнате раздались звуки музыки, квартирантка-пианистка уверенно провела пальцами по клавишам и из старого, расхлябанного инструмента понеслись легкие и в то же время несколько тягучие звуки какой-то восточной мелодии. Музыка, какая бы она не была, Михаил не мог равнодушно слушать, сразу опускаются руки, ничего не хочется делать, а только сидеть и слушать, впитывать, упиваться звуками мелодии. Вероятно, в этом сказывалось влияние Азии – рож-

ского художника вызывает размышления о характерном для русского человека противопоставлении идиллической картины пастбища в долине – «скалам, что в небо уперлись» и горным пикам. Русский поэт увидел в пейзаже китайского художника безобидный укор тем, кто предпочитает мирные долины «вычурным горам». Душа самого лирического субъекта Перелешина отдана бурной жизни («Картина»).

«Чужое» пленяет героя лирики Перелешина гармонией, возможностью уйти из «тюрьмы» в рай. И поэтому становится «своим». Инна Ли справедливо пишет: «"Тишина" – одно из ключевых слов у Перелешина, который находит ее повсюду: на картине китайского мастера, под белоствольными соснами храма Лазурных облаков, на холмах Сянтаньчэна, у любимых пекинских озер. Здесь он желал бы "обрести прибежище в грозу", "вздыхнуть и успокоиться навек"»¹. С тишиной связаны производные: озера (они у Перелешина «тишайшие»), «сонный павильон на островке», отсутствие «лавров и литавр» (синонимы шума, суеты), «храм пустой и скромный», «тишина тени сосновых рощ» («Поездка в Дунлин», «В Шанхайгуане», «Вид на Пекин из Би-юнь-сы» и др.). Поэт блестяще показывает характерное для Китая слияние малого и великого в природе, в архитектуре, в поэзии: *мостики горбатые и зубчатые стены; лотосы, кудри хризантем и сверчки; сиреневые дали и застенный поселок; ослики*, самые разные описания луны («*похмельная и низкая луна*»; «*месяц лунный*» – как говорят, «*окно полно луной*» и т.п.) – все это создает картину восточной *умиротворенности*, так нужной русскому изгоя.

Стоит отметить, что порой для описания китайских реалий Перелешин использует христианскую лексику, сближая Восток с Западом: «*кущи рая*», «*небо – как синий киворий* [ковчег для освящения хлеба. – Авт.], / *Осенявший*

денный в Китае, всю жизнь проведенный среди китайцев, изучивший их обычаи и привыкший к ним, произвольно принявший в свой характер много китайских характерных черт, одной из которых и была восточная способность часами сидеть, полузакрыв глаза, и упиваться музыкой, не хватая только трубки с длинным аршинным мундштуком в рот, сидеть тихо, посаживать табачок и думать, думать и думать... А мелодия завлекает его все дальше и дальше» // Петров В. Лола. Шанхай, 1934. // Цит. по: Литература русских эмигрантов в Китае: в 10 т. Т. 7. Указ. изд. С. 353.

¹ Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина... С. 277.

утерянный рай [последнее понятие навеивает к тому же воспоминания о книге Мильтона. – *Авт.*]», обращение к Всевышнему и т.д.

Мастер звукописи, Перелешин вводит в стихи китайские названия. Читателю, не знающему китайскую культуру, они ласкают слух своей экзотичностью. Для знатока же Пекин, Чжунхай, Баошан, Чэнду, Сянтаньчэн, Дун-Лин, Би-Юнь-Сы, Шаньхаигуань, Хусиньтин, озеро Сиху, сады Бэйхая, храм Лазурных Облаков, золоченая Гуаньинь, Барабанная Башня, Игольчатая Башня – образцы самых ярких явлений восточной гармонии. Не случайно выбраны и имена поэтов и художников: мудрый Вэньчан, Цюй Юань, седой Ли Бо, художник и монах Чжи Хуа – гордость китайской культуры, их творчество – воплощение мудрости и поэтичности. Знаток китайского языка, Перелешин был первый и единственный, кто использовал в поэтических целях буквальный перевод китайских мужских имен: «Красные листья под инеем», «Свирель Луны», «Утес Дракона», «Луч Тишины».

Знание языка позволило Перелешину дружить со многими китайцами. В статье американской ученой китайского происхождения г-жи Ли Мен, опубликованной в КНР в 2000 г., подробно рассказано о китайских друзьях Перелешина¹. Характерно, что из стихов поэта китайского периода его творчества практически не видно, что дружба эта носила гомосексуальный характер. Стихотворения «Друг» и «Красные листья под инеем» говорят в первую очередь о духовной близости лирического героя и его китайского друга. Каждый приход друга Лю Тянь-шэна лирический герой отмечает «в книжке календарной / И в памяти, навеки благодарной» именно потому, что они сопровождаются совместным приобщением к мировой культуре («Мэйсфильда читаем») и завершается тем, что у поэта-изгоя «не остается и следа / Печальных дум и давних меланхолий: / Мы дышим югом, дышим ветром воли, / И чудится обоим иногда / Веселый привкус горьковатой соли» («Другу»). Позднее Перелешин утверждал: «Китай – любовь, Бразилия – свобода». Как считает г-жа Ли Мен, именно поте-

¹ Li Men. The Chinese «Love» of a Russian Emigre Poet. (In Chinese) // Panorama. Wan Xiang. 2000. № 10.

рей ощущения любви после отъезда из Шанхая в Рио-де-Жанейро вызваны строки стихотворения 1968 г. «Издалека»: «В день, когда я умру, непременно вернусь в Китай».

Мы не касаемся вопроса о перелешинских переводах китайской классики. Традиционно считается (по крайней мере, в русском литературоведении), что они являют высший образец точности и поэтичности. Однако китайские коллеги более осторожны в своих оценках. Проф. Ли Иннань в частных беседах указала В.В. Агеносову на ряд существенных ошибок Перелешина, свидетельствующих о том, что тот не понял подтекст китайского первоисточника. Еще категоричнее оказалась д-р Ли Мэн. В частности, ученая оспаривает утверждение Перелешина, который говорил о «крайней метрической бедности китайской поэзии»¹. «His translation of Chinese poetry, – пишет Ли Мэн, – is another part I discussed in my dissertation. In short, I admitted that it is very rare and uneasy and thus valuable for him to establish this hard task; but, on the other hand, he was not able to do it well due to many difficulties. I tried not to be picky but to prove each of my points. I tried to break the legend that Pereleshin was "the best translator of Chinese poetry", which was made by HIMSELF and spread by many others who don't know Chinese»².

Помимо социокультурных и этнокультурных факторов, определяющих индивидуальный сценарий самопознания русских поэтов-эмигрантов, на этот процесс в некоторой степени оказывала влияние и *гендерная идентичность*. Любопытно, как проблема культурного сообщения с Китаем, и шире – с Востоком, преломляется сквозь «женский» и «мужской» взгляд русских харбинцев. Известно, что именно женщины исполняют роль главного носителя этнокультурных ценностей. К тому же существует мнение, хотя и небесспорное, о том,

¹ Перелешин В. Стихи на веере: Антология китайской классической поэзии. Франкфурт-на-Майне, 1970. С. 3.

² «Его переводы китайской поэзии – другая проблема, которую я обсуждала в моей диссертации. Коротко говоря, я признаю, что это очень нелегкая для Перелешина задача, но с ней не справился из-за многих трудностей. Я старалась доказать мою точку зрения. Я попробовала разрушить легенду, будто Перелешин был "лучшим переводчиком китайской поэзии", легенду, распространенную им САМИМ и многими, кто не знают китайский язык». // Письмо Ли Мэн В.В. Агеносову от 17 марта 2005 г. // Личный архив В.В. Агеносова.

что сам процесс этнического самопознания у женщин носит не такой сложный, как у мужчин, характер. Ведь личностная идентификация у них связана с «земными» реалиями: общением, семьей, бытом, в то время как представители «сильного пола» соотносят свои помыслы с такими категориями, как государство, общество, нация¹.

Несмотря на то, что бывшие россияне чувствовали в Харбине себя уютно, женщины-эмигрантки все же – вольно или невольно – были ориентированы на европейскую «волну». Потому-то большинству из них так и не удалось органично вступить в диалог с восточной культурой. И среди знатоков китайского языка и литературы упоминаются одни лишь мужчины: В. Перелешин, Ф. Камышнюк, В. Март, М. Щербаков, Н. Светлов и др. Именно в «мужских» стихах чаще встречаются элементы восточной поэтики, даже сами названия «мужских» текстов, подзаголовки и эпиграфы к ним щеголяют ориентализмом: «подражание китайскому»; «из китайской философии», «из китайской поэзии». Именно мужчины, генетически «запрограммированные» на расширение территориального и коммуникативного пространства, активно разрабатывают в своем творчестве мотив «пути», «странствия»:

Уехать... Любимое слово –
Его твердить не устану,
Много во мне такого –
Наверно, от предка цыгана», –

признается, например, лирический герой С. Сергина («Стихи об отъезде». С. 488). Мужчины используют в качестве поэтических образов объекты китайской топонимики и ландшафта, а также предметы повседневного быта китайцев:

Не раз задумывался я
Уйти в глубокие края,

¹ Подробнее об этом: Кремнева Н. Гендерные особенности этнической идентификации // Другое поле: Социологические практики. Ульяновск, 2000.

И в фанзе поселиться там,
Где часты переплеты рам;
Бумага в них, а не стекло,
И кана под окном тепло.
На скользкую циновку сесть,
Свинину палочками есть,
И чаем горьким запивать;
Потом курить и рисовать...

(Б. Бета «Маньчжурские ямбы». С. 97).

Извечная мужская жажда новых ощущений, экзотики, подкрепляемая ореолом таинственности Востока, не задерживает надолго собирательного субъекта мужской лирики в Харбине. Этот город *он* прошел от Модягоу до Фудзядяня, где вдыхал запахи жаровен, слушал хуцинь, сидел в лавчонках и харчевнях, «жадно впитывая соки / культуры чуждой <...> страны» (М. Спургот «Сижу с китайцами в харчевнях...» С. 517). Мужская неизбывная тяга к странствиям отправляет *его* в путь, который пролег от хинганского хребта – через Цицикар – на юг – в Шанхай, Ханчжоу, Нин-по, Сянтань. Именно мужская неумность бросает его и в объятия восточной девушки «в кимоно», «из Нин-по», «из Сучжоу»: «Помолчим, сплетем теснее руки. / В поцелуе заглушим тоску. / В радостной, в невыразимой муке / Мы сгорим с тобой, моя Линь-Ху!» (Н. Светлов «Девушке из Сучжоу». С. 479). Восточная женщина, кстати, стала одним из мощных стимулов поэтического вдохновения для мужской части русских литераторов (вспомним о «живой музе с узкими глазами»), а также источником неисчерпаемой образности.

Весьма часто в русской дальневосточной поэзии присутствует восхищение способностью китайских девушек любить. Восторгается восточными девушками и обещает не забыть их любви вовек К. Батурич («Луна»). Один только взгляд на китайскую красавицу – и из-под пера рождаются строки: «Чарует изгибом тела, / Точеностью линии рук – / Чудеснейшая новелла, / Изысканная, как бамбук» («Не-н». С. 89). Любовь юной китайки к Марко Поло одухотворя-

ет лирические откровения Б. Волкова («В китайском павильоне»). Уход возлюбленной делает одиноким лирического героя Н. Светлова («Девушка в кино»).

Это и не удивительно – если опираться на данные психолингвистических исследований, то мужчины вообще чаще выделяют эстетическую, нежели этическую сторону явлений. Замечено также, что мужчинам свойственно изображать мир в большем по сравнению с женщинами разнообразии качественных характеристик, красок и признаков¹. Возможно, поэтому герой Е. Яшнова, признаваясь Маньчжурии в любви, рисует ее через все доступные человеку чувства – осязание, зрение, слух и другие:

Пыль сладковатую дорог,
Цвета и гам **чужого быта**,
Чужой пейзаж, чужой порог,
Восточной девушки ланиты
И речи кружево **чужой**
Люблю бродяжною душой»

(«В Маньчжурии». С. 630, выделено нами. – *Авт.*).

Можно предположить, что мужчин-поэтов привлекали не столько сами девушки, сколько их категориальная принадлежность к «чужому» миру. Поэт акцентирует наше внимание на слове «чужой» в значении «другой», то есть «не европейский», «восточный», и наделяет своего героя еще одной «мужской слабостью» – страстью не просто к новому, а к противоположному. Об этом, кстати, опосредованно упоминала в своих мемуарах Л. Хаиндрова, рассказывая о браке между англичанином и русской. Молодая жена, став по собственной воле «настоящей англичанкой», вдруг заметила, как растет стена отчуждения между нею и мужем. Объясняя свое охлаждение к супруге, мужчина заявил, «что лю-

¹ Горошко Е.И. Мужской и женский стили письма // Словарь гендерных терминов. М., 2002.

бил ее за самобытность, за русскость ее природы, а теперь она стала такой же, как и все его соотечественницы...»¹.

Возможно, поэтому харбинские поэтессы, подстегиваемые традиционным женским «соперничеством», практически не использовали образ восточной женщины, не сумев оценить ее красоты, подметив лишь то, что, «мягко говоря», удивляет: «Вместо ног у них тонкие палочки, / И в прическах прилизан пробор» (О. Скопиченко «Шанхайское захолустье». С. 508). Исключение составили лишь легендарные Ян Гуэй-фей – любимая наложница (с трагической судьбой) одного из китайских императоров, и Цы Си – последняя императрица последней (маньчжурской) династии. Не пристрастились авторы-женщины и к столь любимым мужчинами «путешествиям». Хотя в их сочинениях и есть стихи о Шанхае, Пекине, но увидеть портрет этих городов в лирике практически не удастся. И виной тому во многом – их исключительно восточный облик, пугающий русских эмигранток. Так, проходя мимо китайских торговых рядов в Шанхае, лирическая героиня О. Скопиченко старается сделать это как можно быстрее: «Я пройду, озираясь рассеянно, – / Сквозь толпу, пробираясь скорей» («Шанхайское захолустье». С. 508). С другой стороны, пугает женщин и собственные любому мегаполису суровость существующих законов жизни и жестокость борьбы за выживание. Поэтому Шанхай удостаивается не столько описаний, сколько резких осуждений и даже проклятий:

Ты – неживой, надменный и суровый!

Ты – памятник над склепом красоты!

Тебя не разбудить ни верою, ни словом...

Ты мертвый истукан... Так будь же проклят Ты!

(О. Скопиченко «Каменному Шанхаю», 1929).

Но, как правило, оказавшаяся за пределами Харбина героиня «женских» текстов перемещается исключительно в пределах КВЖД². Ее можно встретить,

¹ Хаиндрова Л.Ю. Послешкольные годы. Думы о Родине // Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта... С. 279.

² Под КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога) здесь подразумеваются все линии железнодорожной магистрали в Северо-Восточном Китае, построенной Россией в 1897–1903 гг.

например, на станции Барим (одной из западных точек дороги) или в порту Дайрен (фактически, ее конечном пункте). И если мужчина «отправляется в дорогу» с «улыбкой в глазах» (С. Сергин), то женщина, которую на окончательный отъезд из Харбина вынуждают не зависящие от нее обстоятельства, испытывает, прежде всего, чувства *тревоги* и *страха*, ведь: «Слепая, жуткая неведомая сила / Несет нас вдаль... Туда – к чужим!» (А. Паркау «Туда – к чужим». С. 370).

Впрочем, и в самом Харбине территория обитания лирической героини строго очерчена центральными («европейскими») районами, преимущественно Пристанью. А это – набережная реки Сунгари, шум и блеск воды которой невольно напоминают российские реки, будоражат воспоминания о родине, и – православные храмы, куда женщина заходит с молитвами о родной стране и семье. Нередко художественное пространство в «женской лирике» ограничено домом: «Хорошо, что дом мой светел, / Двери заперты давно» (Е. Недельская «Наш дом». С. 309), или вообще внутренним миром героини:

Я здесь не по своей вине,
Но тем острее жизни жало
Я лишь стараюсь, чтоб извне
Ничто мой мир не нарушало...

(Е. Рачинская «Баллада сентиментальных вздохов». С. 441).

Такая поэтическая ограниченность была вызвана, вероятно, еще и подсознательной боязнью раствориться в чужеродной среде, а также стремлением авторов-женщин отгородиться от эмигрантской действительности, которое отчасти и подтолкнуло их к художественной деятельности. Но, к сожалению, не всем русским женщинам в Китае удавалось найти выход и преодолеть выпавшие на их долю испытания: «Рождена ведь я все-таки женщиной, / Не под силу мне путь...надорвусь...», – восклицала лирическая героиня М. Колосовой в стихотворении «Лебединые перья» (1930), словно вспоминая о тех самоубийствах

Хотя, например, южная ветка этой дороги после русско-японской войны 1904–1905 гг. отошла к Японии и называлась Южной Маньчжурской железной дорогой (ЮМЖД).

среди русских беженков- дворянок 20-30 лет, пик которых пришелся на конец 1920-х гг.

Несмотря на все разнообразие художественного опыта, отразившего пути этнокультурной самоидентификации русских эмигрантов, не было «другой страны, в которой русская эмиграция могла чувствовать себя в такой степени дома, как в Харбине». В эмигрантской среде не было ни одного человека, «который не вспоминал бы с глубокой благодарностью годы жизни, проведенные в Харбине»¹. В 1931 г. в Харбине выходит в свет литературно-художественный альманах «Багульник». Программная статья харбинских сочинителей, предваряющая это издание, заканчивалась словами: «Мы живем на Востоке. Мы держим направление на Россию...»² По всей видимости, именно в этой фразе и заключалась «гуманитарная утопия» (А.Бенуа) русских харбинцев.

Как бы ни были противопоставлены друг другу этнокультурные установки старших и младших харбинцев, мужчин-поэтов и женщин-поэтесс, надо признать, что к середине 30-х гг. их направление обретает общее русло. «Ах, мы меняемся, не знаем сами», – признается в 1935 г. герой Н. Щеголева («Живая муза». С. 573). «О, как во всем мы разны, / Но сблизила нас странно красота», – словно вторя поэту, спустя десятилетие признается Е. Рачинская («Лотос». С. 435). Уже не существовало «Чураевки», одни поэты погибли (Г. Гранин, С. Сергин), другие уехали в Шанхай (Н. Щеголев, Н. Петерц, Л. Хаиндрова, В. Слободчиков и др.), а сам процесс сближения с культурой принявшего русских беженцев народа продолжался подспудно. Зреющая в недрах харбинской культуры энергия этнокультурного синтеза стала в конце 1930-х гг. искать себе более адекватные формы выражения. Русской литературе не было нужды бояться растворения в великой китайской традиции: переимчивость и «всемирная отзывчивость» русского сознания давала возможность для тематического, сюжетного и жанрового обогащения нашей традиции без угрозы культурной ассимиляции. Однако для того, чтобы «прием» культуры-получателя

¹ Резникова Н. В Русском Харбине // Новый журнал. 1988. № 172–173. С. 384.

² Багульник: Литературно-художественный сборник. Кн. 1. Харбин, 1931.

сменился «передачей» (Ю.М. Лотман), у харбинцев не хватило ни времени, ни сил.

А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева

**ВЕРТИНИАДА РУССКОГО КИТАЯ
(ОБРАЗ А. ВЕРТИНСКОГО В ЛИТЕРАТУРЕ
ВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ)¹**

В 1935 году для Александра Вертинского начался последний, китайский период эмиграции – из Америки он перебрался на Дальний Восток и обосновался в Шанхае. В этом же году прославленный певец появился в центре восточного зарубежья – Харбине.

Харбинские гастроли А. Вертинского – особая страница в культурной жизни этого «русского» города. Концерты «печального Пьеро», которого здесь знали в основном по грамзаписям, вызывали необычайный восторг – в зрительных залах царила атмосфера настоящего большого праздника. Это и неудивительно, ведь Вертинский олицетворял для русских харбинцев родное искусство, был своеобразным символом задержавшейся в эмиграции эпохи «серебряного века», подпитывающей русских изгнанников. Свою роль в моде на Вертинского сыграл и ореол «столичной штучки» – известно, с каким восхищением в «провинциальном» Харбине взирали на Запад и как мечтали о Париже. Настоящим событием для харбинских литераторов становилось любое проявление «европейского» внимания – будь то публикация «восточной» лирики в западных журналах или переписка с «парижскими» поэтами. А тут – звезда парижской сцены... Чего стоили его манеры и фрак темно-синего цвета! Капризный и довольно избалованный, самоуверенный и несколько развязный, этот завсегда с европейскими ресторанами и кафешантанами, казалось, чудом материализовался на

¹ Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2004. № 4. С. 152–162.

харбинских подмостках. «И город это чувствовал, был признателен, исходил аплодисментами...»¹

Появление на харбинской сцене артиста, который не только обладал талантом поэта, композитора и исполнителя, но и «...мастерски владел паузой, искусством выразительного жеста, пленял тонким эротизмом и ностальгической тоской о чем-то далеком – несбывшемся или недоступном и навеки утраченном»², не могло не отразиться в культурном сознании эмигрантов-дальневосточников. Об этом в первую очередь свидетельствуют воспоминания, представляющие «харбинский» образ Вертинского.

Его сценический имидж и манера поведения колоритно запечатлены в воспоминаниях Н. Ильиной «Дороги и судьбы», мемуарах Е. Рачинской «Калейдоскоп жизни», где мы находим отдельные строки о его пребывании в Харбине. Реальным персонажем певец выступает в стихотворении «Вертинский» Л. Энгельгардт, романе «Очарованная даль» Л. Хаиндравы, под именем Джорджа Эрмина образ артиста выведен в романе Н. Ильиной «Возвращение». В последнем, правда, Вертинский намеренно окарикатурен «в соответствии со сложившимся в сталинские времена стереотипом отношения к "распространителям буржуазной пошлости" на эстраде»³. А ведь Вертинский дружил с Ильиной, одним из первых «признал» будущую писательницу сразу после ее репатриации в СССР.

Муза харбинских поэтов, Ларисса Андерсен, которая не написала отдельной книги мемуаров, в газетных интервью охотно рассказывала о своих довольно сложных взаимоотношениях с Вертинским. Он, в свою очередь, также не обошел вниманием женскую половину литераторов. Считая, что в Китае нет настоящей литературы и поэтов, выделил все-таки Андерсен и Колосову, написал теплую рецензию на сборник Л. Андерсен. В своей книге он приводит строки стихотворения этой «шанхайской поэтессы» как слова, что всплывают на

¹ Резникова Н. Об Александре Вертинском // Вертинский А. За кулисами: песни, рассказы, заметки, интервью, письма, воспоминания. М., 1991. С. 205–208.

² Рачинская Е. Калейдоскоп жизни. Париж, 1990. С. 115.

³ Бабенко В.Г. Артист Александр Вертинский. Свердловск, 1989. С. 88.

гребне воспоминаний о ком-то очень дорогом: «Счастье? К счастью надо красться, / Зубы сжав и приглушив огни, / Потому что знает счастье, / Что всегда гоняются за ним!»¹

Противоречивая натура Александра Вертинского, его экстравагантные, а порою одиозные поступки рождали в харбинской культурной среде легенды и кривотолки. Но – как бы то ни было – талант артиста-поэта оказал значительное влияние на многих харбинцев, занимающихся художественным творчеством. Причем увлечение им принимало самые разнообразные формы и жанровые трансформации – от простого подражания внешнему облику, запоминающейся манере исполнения до уже литературных стилизаций «со смыслом», доходящих, наконец, до откровенной пародии – вплоть до памфлета.

Благодатную почву в Харбине нашло, в первую очередь, амплуа Вертинского-мелодекламатора. В то время в столице восточного зарубежья к музыке относились не просто внимательно, можно с полной уверенностью говорить о настоящем расцвете музыкальной культуры в Харбине в 1930-е годы². Кроме того, почти у каждого сочинителя было музыкальное образование, а поэты Н. Щеголев и В. Слободчиков были вообще профессиональными музыкантами. Литературно-музыкальные вечера и мелодекламации превратились в практику культурной жизни русского Китая. Одними из ярких впечатлений харбинцев, хотя бы раз посетивших собрание знаменитой «Чураевки», остались мелодекламации Алексея Ачаира. Е. Рачинская вспоминает, что мелодекламации стихов Ачаира были «главной приманкой» «Вечеров под зеленой лампой»³. Даже те, кто попадал туда случайно, спустя годы не забывали свои первые впечатления: «Звуки фортепьяно. Белые, длиннопалые, худые руки на клавишах, на них падает свет торшера, а лицо играющего и стихи читающего – в тени. Мелодекламировал А.А. Ачаир» (Н. Ильина)⁴. К сожалению, в отличие от Вертинского

¹ Вертинский А.Н. Дорогой длиною... М., 1991. С. 265.

² Ли Шу-Сяо. О музыкальном образовании русской эмиграции в Харбине // Тезисы докладов международной конференции «Париж и русская эмиграция». Харбин, 2001 // Личный архив А.А. Забияко.

³ Рачинская Е. Перелетные птицы. Воспоминания. Сан-Франциско, 1982.

⁴ Ильина Н. Встречи // Октябрь. 1987. № 5. С. 83–109.

Ачаир не оставил хоть каких-либо записей своих мелодекламаций. Судя по воспоминаниям Е.П. Таскиной, его стихи много теряют без музыкального сопровождения.

Харбинский поэт В.А. Слободчиков долго сохранял в памяти одну из лучших, по его мнению, ачаировскую мелодекламаций:

В ночную мглу глядит созвездье Веги,
Горят в лучах узорные хребты,
И вдруг с рассветом в этом человеке
Узнаю я, что человек тот – ты¹.

Повторим, что Слободчиков также увлекался сочетанием музыки и лирики, это ему в юбилейной статье о «Чураевке» А. Ачаир писал: «Мы с Вами, Воля, только вдвоем читаем свои стихи под музыку!»² Исполнительское искусство, эффектно выделяющее поэтов-декламаторов, было характерной приметой литературной среды Харбина, обнажающей близость к художественным поискам «серебряного века».

Именно в те «баснословные года» (1912–1913) взошла звезда и А. Вертинского – исполнителя «томных, меланхолических "песенок-ариевок"»³. «Мое искусство родилось из недовольства старыми формами, которые уже не удовлетворяли аудиторию. Я смело выступил со своими песенками. Я очутился в исключительно тяжелых условиях. Раньше за певца отвечала консерватория, в которой он учился, за его арию отвечал композитор, а за меня... отвечал только я»⁴, – вспоминал впоследствии поэт-декламатор. Ему самому принадлежит определение своего творчества как синкретического, сочетающего музыку, драму и лирику в едином целом: «Я вошел на сцену через другие двери <...> Я не могу причислить себя к артистической среде, а скорей к литературной богеме. К своему творчеству я подхожу не с точки зрения артиста, а с точки зрения

¹ Слободчиков В.А. Интервью А.А. Забияко. Москва, октябрь-ноябрь 2003 г. // Личный архив А.А. Забияко.

² Ачаир А. Наш кружок // Чураевка. 1933. 28 марта. С. 2.

³ Рудницкий К. Мастерство Вертинского // Вертинский А.Н. Дорогой длиною... С. 554–569.

⁴ «Я был застенчив... Вот почему родился костюм Пьеро». А.Н. Вертинский о своем творчестве // Вертинский А.Н. Дорогой длиною... С. 552–553.

поэта. Меня привлекает не только одно исполнение, а подыскание соответствующих слов и одевание их в мои собственные мотивы»¹.

Мода на Вертинского органично влилась в атмосферу харбинской арлекинады, страсть к которой была унаследована от 10-х годов «серебряного века». «Балаганные» образы Пьеро и сопутствующих ему «масок» Коломбины, Арлекина и т.д. просто наводнили харбинскую поэзию, – начиная с алымовского «Я Пьеро-хромой и одноглазый...» с посвящением Д. Бурлюку (1920) и вплоть до «маскарадности» 30-х гг. (А. Паркау «Душа и маска», «Царица маскарада»; И. Лесная – «На маскараде» и т.д.). В харбинском увлечении арлекинадой проявлялась, конечно же, общая ретроспективность эмигрантской поэтики, желание вернуть безвозвратно ушедшее идиллическое прошлое либо творчески создать иллюзию такой возможности. Обаяние личности Александра Вертинского, его артистические маски всемерно усугубляли эти тенденции.

Романсы Вертинского, выражавшие «...существенное чувство неудовлетворенности жизнью, невозможности мириться с ее прозаическим однообразием, с ее безыдеальностью, приниженностью, духовной скудостью»², стали созвучны настроениям русских эмигрантов в самых разных уголках мира. Знакомы были с ними и в Китае, причем задолго до появления в нем самого «певца богемы». В Харбине и Шанхае Вертинского хорошо знали благодаря многочисленным грамзаписям немецкой фирмы «Парлофон» и англо-американской «Колумбии». Его песни были известны также в исполнении певца А.З. Кармелинского (начиная с 1924 г.)³. Кроме того, еще в его парижский и американский периоды эмиграции Вертинского харбинский журнал «Рубеж» регулярно освещал его творчество в своих заметках.

Произведения Вертинского, можно сказать, растворились в культурном сознании восточных русских беженцев, были на слуху, рождали подражателей. В этой связи показательным примером «заочного» присутствия Вертинского на

¹ «Я вошел на сцену через другие двери». Беседа сотрудника «Нового Русского Слова» со знаменитым автором и исполнителем «печальных печенок Пьеро» А. Вертинским // Вертинский А.Н. Дорогой длиною... С. 528–531.

² Рудницкий К. Мастерство Вертинского... С. 558.

³ Бабенко В.Г. Артист Александр Вертинский... С. 83.

харбинском Парнасе является стихотворение Е. Инсаровой (М. Колосовой) «Военком» (1929). Оно обращено к В. Куйбышеву, с которым, по-видимому, поэтессу связывал в прошлом бурный роман. На «вертинскую» волну настраивает, в первую очередь, подзаголовок, сразу привлекающий внимание: «песенка не-Вертинского». Он словно предупреждает читателей: сходство настолько сильное, что автора можно перепутать, иначе зачем поэтессе вообще было упоминать это имя? Так и есть – с первых строк в «песенке» «Военком» слышатся мотивы «Маленького креольчика» вкуче с «Лиловым негром»:

Где вы теперь,
Мой мальчик черноглазый,
Влюбленный паж,
Капризный мой жених?
Вы помните,
Как падали алмазы
Из ваших глаз...
И... из моих...¹

Как видно из процитированного отрывка, поэтесса не ограничилась копированием одного только ритмико-интонационного рисунка. Ею были заимствованы и яркая лексико-грамматическая фактура Вертинского, причем не только из названной «ариетки». М. Колосова активно использует как характерные приметы стиля Вертинского (междометия, восклицательные и вопросительные предложения, инверсии), так и его образы-топосы (*слезы - алмазы*), обращения на «Вы», излюбленную лексику («*капризный*») и даже целые синтаксические клише («*Где вы теперь, мой ...*»), вплоть до текстуальных совпадений.

Песенка самого Вертинского была хорошо знакома харбинцам. Как вспоминает Ю. Крузенштерн-Петерец, она прочно осела на городских эстрадах тех лет. Скорее всего, эта «провинциальная» очарованность романсами Вертинского и способствовала в первую очередь тому, что стихотворение М. Колосовой «Военком» сразу полюбили читатели. Однако популярность «инсаровского»

¹ Инсарова Е. Военком // Рубеж. 1929. № 35. С. 12.

«Военкома» была обусловлена не только одной лишь модой на Вертинского, немалую роль здесь сыграла и загадочная персона самой поэтессы, и новые интонации, которые она привнесла в популярный жанр.

Об истории отношений Колосовой с Куйбышевым в Харбине ходили разнообразнейшие слухи. Из этого стихотворения можно было заключить, что связь эта была рождена пылкой взаимной страстью:

Любовь в сердцах
Была подобна шторму!
Нас даль звала,
И нас манила высь! —

которая оказалась обречена:

Но... «из-за политической
Платформы»
Вы все-таки
Со мною разошлись...

Как видно, инициатором драматической развязки стал сам военком — Куйбышев. Возможно, так оно и было, тем более, что страстная ненависть к большевикам приходит к поэтессе уже после ее разрыва с «пламенным революционером».

С самых первых строк окказиональное жанровое определение стихотворения вводит в действие закон корреляции: «то и не совсем то». И точкой отсчета для совершенно новых смыслов снова становится тень знаменитого исполнителя романсов. Бывший возлюбленный вспоминается М. Колосовой в сентиментальном ключе с ироническим подтекстом: грозного военкома она определяет поначалу всем набором ариеточных эпитетов: «*черноглазый мальчик*», «*влюбленный паж*», «*капризный жених*». Но в последующих строках, сюжетно относящихся к настоящему времени, где дороги лирических субъектов расходятся навсегда, бывший возлюбленный превращается исключительно в «военкома» с соответствующим набором характеристик — «*упрямого*», «*сердитого*», «*маленького*», «*проклятого*». Интересно, что последний эпитет риф-

муется у Колосовой со «штыком», которым, как она думает, повстанцы и закололи Куйбышева. Если же все это время он поджигал родные села, убивал ее друзей, то она сожалеет, что сама (еще т о г д а) не сделала этого. Ничего не зная о дальнейшей судьбе «черноглазого» военкома, поэтесса не исключает ни его причастности к чоновцам, ни возможности его самоубийства, а также возможного «раскаяния» и «прозрения»:

Ах, если вы устали,
Все поняли
И в сторону ушли...

Она ведь помнит, что «у военкома / маленького роста / была большая, / чуткая душа!», поэтому и искренне советует:

Идите к тем,
Кто выкован из стали, –
К заступникам
Родной нашей земли.

В «песенке» М. Колосовой, как и в романсах А. Вертинского, где все зависит от интонации и исполнения, можно одновременно услышать абсолютно противоположные ноты. Практически все тексты Колосовой, так или иначе, отличается «воинственный» настрой. «Военком» в их ряду – не исключение. По словам В. Перелешина, взявшись за поэтическое перо, М. Колосова раз и навсегда запретила своей музе петь о чем-либо, кроме любви к России и ненависти к ее поработителям. И в этом стихотворении, основанном на любовной истории и подписанном псевдонимом «Елена Инсарова» – именем, используемым поэтессой преимущественно для так называемой «женской» лирики, нежное чувство становится лишь поводом для политического обращения. «Сердечная» тема занимает в этом стихотворении всего три восьмистишия из девяти (остальные подчинены все-таки теме Гражданской войны), но и эти «интимные» строфы пронизаны антибольшевистским пафосом, ощущаемым в выборе иронично-насмешливых слов и интонаций, травестирующих узнаваемую стилистику «маэстро».

Жанровая семантика «песенки», ассоциируемой с чем-то детским и наивным, прямые аллюзии на Вертинского придают лирическому высказыванию Колосовой сокровенные интонации, одновременно подчеркивая «несерьезность» юношеского увлечения. Осознание этого, пришедшее лишь с годами (увлечение Куйбышевым настигло Колосову в 17 лет), подкрепляется явными антибольшевистскими настроениями поэтессы. Спустя год раскаленное гражданское чувство заставит ее еще раз обратиться к «тов. Куйбышеву» в стихотворении «Письмо наркомму» и уже более решительно, без романских реминисценций, заявить:

Но я твой след подкараулю
И обещаю, как врагу,
Что в черном браунинге пулю
Я для тебя приберегу.

За то, что многих злобно мучишь,
За то, что многих ты убил, –
Ты пулю смертную получишь
От той, которую любил!¹

В сферу притяжения творческого обаяния А. Вертинского попадали и другие поэты «старшего» поколения. Очень явно, например, следы его влияния обнаруживаются в лирике основателя «Чураевки» Алексея Ачаира, особенно в 40-е гг. («Провинциальный маэстро», «Любовь поэта», «Жеманница», «Спасибо» и др.). Стилистика, поэтический синтаксис, ритмический рисунок, а главное – столь узнаваемые интонации слышатся во многих стихах харбинского поэта, порою достигая трафаретности, например:

Вы ребенок еще; вы хотите романтики;
Ваши щеки не знают румян;
Ваши игры в серсо и наивные фантики,
А на платье у вас, точно бабочки, бантики, –

¹ Цит. по: Колосова М. На звон мечей. Харбин, 1934. С. 34–35.

Одуванчик румяных полян!¹

И невооруженным взглядом заметно, что столь любимые Вертинским тематический мелодраматизм и театрализованность поэтической атрибутики в стихотворении Ачаира, не смущающегося рифмовать «романтики» с «фантики», «бабочки-бантики» и т.д., востребованы с лихвой. Как ни странно, спустя год, практически повторяя ачаировское название и воспроизводя ту же стилизованную манеру, было написано «шанхайское» стихотворение А. Паркау «Кельнерше» (1938). Возможно, дело было не столько в подражательных интенциях Ачаира, но и в самой теме, весьма болезненной для русской культуры в изгнании и очень чутко воспринятой Вертинским.

Русские эмигрантки, зарабатывающие себе на жизнь в ресторане, были распространенным явлением для Харбина, а особенно – Шанхая, крупнейшего восточного мегаполиса тех лет. В 1937 г. на шанхайских подмостках зазвучала песня А. Вертинского «Дансинг герлс», а затем, в 1938 г. – «Бар-герлс», которые не просто вошли в ежевечерний репертуар артиста, а оказали, по воспоминаниям Н. Ильиной, сильнейшее воздействие на русских шанхайцев.

Это бред. Это сон. Это снится...

Это прошлого сладкий дурман.

Это юности Белая Птица,

Улетевшая в серый туман,

Вы в гимназии. Церковь... Суббота.

Хор так звонко весеннее поет...

Вы уже влюблены, и кого-то

Ваше сердце взволнованно ждет...²

Так начиналось песня о той, что теперь «в кабаках пятый год / с иностранцами целые ночи» вынуждена танцевать «пьяный фокстрот» за деньги. Как оказывается, «вертинская» интерпретация темы нелегкой судьбы женщи-

¹ Ачаир А. Кельнерша // Рубеж. 1937. № 37. С. 1.

² Цит. по: Вертинский А. Стихи и песни // Вертинский А. Дорогой длиною... С. 321.

ны-эмигрантки получила в лирике русского Китая более глубокий резонанс. Но подступы к этой теме намечены были Вертинским еще раньше, в «докитайский» период творчества. Реальным текстом-прототипом ставших впоследствии известных песен является стихотворение «Джимми», написанное в 1934 г. Стилистически (и ономастически) оно все еще во власти «экзотических» приемов поэта, придающих звучанию самой темы общечеловеческий смысл:

Я знаю, Джимми, Вы б хотели быть пиратом,
Но в наше время это невозможно.
Вам хочется командовать фрегатом,
Носить ботфорты, плащ, кольцо с агатом,
Вам жизни хочется отважной и тревожной.

И лишь спустя три года тема украденной молодости, растроченных иллюзий молодого поколения приобретает в творчестве Вертинского «национальный» колорит. Сам Вертинский признавался в интервью шанхайской газете: «...На "Дансинг-герл" меня вдохновил Дальний Восток. На эту тему мне давно хотелось написать, и во время моей поездки песня получила окончательное оформление. Я испытывал ее на дансинг-герл из Ханькоу, которые добросовестно посещали мои концерты. Мне хотелось узнать, какова будет их реакция на тему, столь близкую им. В этом отношении я поступал, как Чарли Чаплин, который испытывает свои фильмы на детях и считает их пригодными только в том случае, когда его юная аудитория достаточно смеется»¹. Как видно, образ «dancing girl» был собирательным, отражал типичные настроения многих русских «шанхаек».

Не случайно именно это стало причиной распространенного (и весьма эффектного) суждения о том, что конкретным прототипом героини стихотворения стала никто иная, как Ларисса Андерсен – настоящий миф русского Китая, не только талантливая поэтесса, но и прекрасная танцовщица, зарабатывавшая своим искусством на жизнь. В письме Э. Штейну Ларисса Андерсен написала: «Стихотворение Вертинского мне незнакомо. А – хорошее. По времени могло

¹ Цит. по: Вертинский А. Из интервью и бесед // Вертинский А. Дорогой длиною... С. 548.

бы быть обо мне, но только по времени <...> Я никогда не была "дансинг герл", то есть никогда не танцевала с посетителями <...> Я танцевала и в кабаре, и в клубах, но там, станцевав свой номер, или два, я уезжала <...> Наоборот, пока все веселились, мы работали, причем, как правило, никаких "дринков", ни сигарет, чтобы все успеть и не запутаться в расписании»¹.

В стихотворении Вертинского, касающегося общей для эмиграции темы бездарно растрачиваемой на чужбине молодости, не следует искать буквальных биографических схождений. И первооткрывателем этой темы назвать его можно с большой натяжкой. Однако именно его песенка, получившая огромный резонанс у шанхайской публики, породила последующие стихотворные вариации, например, у А. Ачаира («Кельнерша», 1937) и практически под тем же названием у А. Паркау (1938). Стихотворение Ачаира – и по времени написания, и по общей нейтральности затрагиваемой темы ближе к стихотворению «Джимми». Только у Вертинского «он» – мальчик при буфете, а «она» у Ачаира, как и следует из названия – кельнерша. Мальчишку «обижает метр за выпитый коктейль», «бьет повар за пропавшие бисквиты», но ведь жизнь юной барышни не лучше: «сегодня опять после водки касаются / посетители голой руки; / управляющий зол, – как пантера бросается ...» Обоих героев посещают сходные мечты о житейском реванше.

У Вертинского:

Я знаю, Джимми, если б были Вы пиратом,
Вы б их повесили однажды на рассвете
На первой мачте Вашего фрегата...²

У Ачаира:

О, как часто, склонясь над хрипящей вистролою,
Вы хотели б убить эту жадную, голую
Жизнь поджарок и мокрых котлет!

¹ Штейн Э. Александр Вертинский и Ларисса Андерсен. (К истории стихотворения «Dancing girl») // Побережье. 1997. № 6. С.215-217. Авторы выражают признательность главному редактору журнала И. Михалевичу-Каплану за возможность познакомиться с текстом статьи.

² Цит. по: Вертинский А. Письма // Вертинский А. Дорогой длиною... С. 311.

Не будем останавливаться подробно на композиционном тождестве, на аналогии заключительных сентенций: «Но вот звонок, и вас зовут куда-то... / Прощайте, Джимми, – сказок нет на свете!» и «Но, – увы, – ваша жизнь – не наивные фантики, / одуванчик с помятых полян!». Сквозь призму текстуальных сопоставлений стихотворение Ачаира «Кельнерша» трудно назвать творческой удачей, тем более – лирическим откровением. Правда, не просто отыскать в нем и явные технические изъяны. Курьезность ситуации можно было бы прокомментировать словами самого поэта, прозвучавшими много лет ранее: «Но – повторяемое снова... // не повторяет... новизны!» (миниатюра «Опыт», 1930)¹.

Подобную тягу к художественному опыту знаменитого поэта-декламатора у Алексея Ачаир можно отчасти объяснить и тем, что поэтический мир Вертинского был на самом деле ему соприроден. И не столько художественными приемами и даже мелодекламаторской практикой, сколько глубинным романтизмом, восторженной сентиментальностью. Ведь отмечаемая критиками «слащавость» песенок Вертинского – не только атрибуты его сценического образа, это, по всей видимости, одна из граней его душевного настроения. Стоит почитать его личные письма жене, дочерям, чтобы понять, какие трепетные интонации были свойственны мировосприятию этого «отъявленного циника»: «Бибулечек мой ненаглядный! <...> В день твоего рождения я пригласил на крышу всех воробышков и буду кормить их булочками. Так мы празднуем этот день. Целую тебя, мою старшую любимую доченьку, в глазки, в носик, в веснушечки и в бантики, которые тебе заплетут в косюли»². «Лирическим романтиком» с приставкой «к сожалению» аттестовал себя в интервью и Ачаир³. Он был нежно привязан к юной жене Галли и сыну Ромилу, которым посвятил не одно стихотворение, опекал своих юных собратьев-поэтов, более того, именно его мягкость и в некотором смысле наивность позволили одержать верх «сепаратистским» настроениям в выпестованной им же «Чураевке».

¹ Рубеж. 1930. № 32. С. 11.

² Вертинский А. Дорогой длиною... С. 439.

³ Сентянина Е. Харбинские писатели и поэты // Рубеж. 1940. № 24. С. 4–8.

А. Паркау, безусловно, имела возможность услышать эту песню Вертинского и в первую очередь «вооружилась» его интонацией и композиционными находками, а вот антураж стихотворения, как следует из названия, вероятно, был навеян поэтическим опытом Ачаира.

А. Паркау – вслед за А. Вертинским, а затем и Ачаиром – создает не просто стихотворение, а своеобразную мини-новеллу, в центре которой – не лирическая героиня (духовный двойник автора) со своим внутренним миром, а отдельный персонаж и фрагмент его жизни (хотя у обоих это довольно обобщенный образ). Обе героини – русские дворянки, бывшие гимназистки. И в том и другом стихотворении описывается горький удел эмигранток, прозябающих в удушливой атмосфере портового питейного заведения. У Паркау она – при баре и пишет «серьезно на блокноте / число глотков коктейлей и вина», а у Вертинского – та, что «с иностранцами целые ночи танцует пьяный фокстрот». Родственны стихи и в композиционном плане. Они построены на соотношении двух временных пластов – прошлого, т. е. жизни на родине, и настоящего – жизни на чужбине. Прошлое – это «незабвенные далекие года» (А. Паркау), «лучшая в книге страница» (А. Вертинский). Настоящее – вынужденный ночной образ жизни, угарная кабацкая обстановка, круговерть, наложившие свой одинаково угрюмый отпечаток на лица обеих. Так, у А. Паркау:

Вы знаете шанхайской ночи пьяной
Бесмысленный угар и дикий чад...
Зовут шутя вас **Девой Несмеяной**
И щедро доллара на чай дарят¹.

У Вертинского:

И под дикий напев людоедов,
С деревянной маской лица,
Вы качаетесь в ритме соседа
Без конца, без конца, без конца...¹

¹ Цит. по: Русская поэзия Китая: Антология. М., 2001. С. 378–379.

¹ Цит. по: Вертинский А. Дорогой длиною... С. 322.

Рефренная организация двух стихотворений еще более обнажает их архитектурную близость. Для Вертинского такой прием повтора был обусловлен, в первую очередь, песенной установкой. В «Кельнерше» Паркау рефренное варьирование начала второго четверостишия («Так детски чист ваш завитой затылок, / И кожа рук прозрачна и нежна...») и начала последнего катрена («И так же чист ваш завитой затылок») более нагружено семантически. Оно умножает ощущение беспросветности и обреченности, которое сопровождает жизнь лучших представительниц русского общества, оказавшихся на чужбине.

Произведение А. Вертинского, как видим, повлияло не только на тематико-мотивную, но и на субъектную и структурную организацию «Кельнерше» Паркау. Что касается грамматических и, особенно, ритмических характеристик стихотворения, то и тут не обошлось без влияния романсов и исполнительской манеры А. Вертинского. Известно, что артист паузой, своеобразными звуковыми жестами выделял наиболее важные и кульминационные моменты песни. Так и А. Паркау, посвящая свое стихотворение «княжне», работающей кельнершей, и, обращаясь к ней «по-вертински» исключительно на «Вы», постоянно акцентирует наше внимание на несообразность ситуации, в которой очутилась русская аристократка, игрой на спондеях, пиррихиях и хориямбах. Поэтесса словно не верит своим глазам: *«теперь вы кельнершей во второсортном баре», «вы улыбаетесь загадочно и гордо, / вы подаете деловито счет»* и т.д. Последняя фраза любопытна и иронической корреляцией двух синтаксически однородных предложений, не совместимых по смыслу. В этом соположении действий героини – пропасть между достойным прошлым русской дворянки и ничтожным настоящим кельнерши. В отличие от меланхолической иронии романса Вертинского стихотворение А. Паркау, благодаря патетическим восклицаниям, звучит более пронзительно. Горький удел женщины пропущен поэтессой через личные переживания беженки-дворянки, с лихвой вкусившей последствия изгнания¹.

¹ Подробнее об этом: Эфендиева Г.В. Своеобразие патриотических мотивов в лирике А. Паркау // Миграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2004. С. 378–382.

Не только стилистический рисунок и тематический мелодраматизм романсов Вертинского стимулировали активную поэтическую рефлексию в восточном зарубежье. В самостоятельную «тему для стиха» превращались у лириков русского Китая и образ самого Маэстро, его поведение, возможные переживания. Ачаировское стихотворение «Провинциальный маэстро» (1937), не обнаруживая явных намеков, тем не менее, содержит «про-вертинские» коннотации:

Я держусь как маэстро
на гастролях в уездном
захудалом местечке
среди восторженных дам.
Мне совсем здесь не место,
хоть приятно и лестно, –
как коню без уздечки,
проскакать по лугам...¹

Словесные изыски на стыке возвышенного и тривиального (*робко-прекрасны* по отношению к героине, ее *сердечко в оправе из цветного стекла* и т. д.) близки к излюбленным приемам Вертинского. Ритмический же рисунок стихотворения навевает настоячивые воспоминания о северянинской музе (например, стихотворение И. Северянина «О, моя дорогая...»). В подобном синтезе нет ничего удивительного – известно, что и Вертинский во многом опирался на поэтику Северянина, привнеся в ее «жантильность» трагические интонации.

Только вот настроения Маэстро далеки от эпатирующего лирического «я» «короля поэтов» и образа избалованного кутилы Вертинского – ачаировский герой представляется постаревшим, уставшим, иронизирующим над собой и своей поклонницей. Лексический уровень стихотворения явно разделен на два семантических поля: относящееся к Нему и к Ней. Все, что осталось герою, – это возможность почувствовать себя Маэстро рядом с простодушной, наивной провинциалкой. Именно эта грустная самоирония придает щемящие интонации призна-

¹ Цит по: Харбин. Ветка русского дерева. Проза, стихи. Новосибирск, 1991. С. 235.

нию героя стихотворения, говорит о развитии лирической темы, связанной с рефлексией собственного поэтического образа и раздумьями о судьбе «Маэстро» всех родов:

Но смиряя смущенье,
подчиняясь соблазну,
что, быть может, вы правы:
я – талант, я – скала, –
я плыву по течению,
и как робко-прекрасны
вы с сердечком в оправе
из простого стекла.

Значительно раньше, в 1932 г., образ знаменитого артиста стал поводом к созданию жанра, мало развившегося в харбинской литературе, но уловившего общие литературные тенденции XX в. В «стихотворении в прозе» «Полдень» талантливый и музыкально одаренный поэт Николай Щеголев саркастически охарактеризовал целую генерацию исполнителей «аля-Вертинский»¹. Причем об этом было заявлено с самого начала: «В этот час в столовой сидела квартирантка, **Роза Борисовна, розовощекая пухлая полуполька**, стремительно вспыхивавшая от взглядов мужчин, причем **кровь нескоро отливала от лица**, и, облокотясь о покоробившийся стол, *пренеприятно, с закрытым ртом* напевала **романс, один из тех романсов**, которыми создают слезливое, обманчиво **творческое настроение** публике *откормленные, "упитанные* – как сказал бы Маяковский – *баритоны"*, притворяющиеся **Вертинским**, и, хотя обличье не так легко подделать под **испитого Вертинского**, они, все-таки, **тщатся, стягивают выдающиеся животы**, обводят вокруг глаз синие круги и поют с возможной **тоской**».

Легко заметить, что отрывок состоит из трех звуковых лейтмотивов, которые контаминируются в едином звукообразе, и этот образ – фамилия А.Н. Вертинского: *ра – Роза – рисов – розово – пух – по – по – ре – пых – ри – ро – ро*

¹ Щеголев Н. Полдень // Молодая Чураевка. 1932. 10 июля.

– от – лив – от – ли – ло – ро – ре – рият – рыт – рт – ро – ро – ры – твор – ро – кор – рит – ри – твор – Верт – нит – Верт – тцат – стяг – таск. «Рычащие» фонические комплексы, сопровождающие поющую с закрытым **ртом** розовую **Розу**, переплетаются с «пыхтящими» звукообразами, воссоздающими пухлость «полупольки» (Вертинский, кстати, подчеркивал свое полупольское происхождение) и характерное для ее «мягкой» конституции дыхание.

Кроме того, само имя героини «Роза» и ее «розовость» как воплощение физического здоровья, пышущей плоти становятся комической реализацией образа-лейтмотива одного из самых популярных в это время романсов Вертинского на стихи И. Северянина «Классические розы»:

Но дни идут – уже стихают грозы
Вернуться в дом Россия ищет троп...

Как хороши, как свежи будут розы
Моей страной мне брошенные в гроб!

Сама история стихотворения И. Северянина (1925), написанного по мотивам «Роз» И. Мятлева (1844), непосредственным образом связана и с опытом прозаизации стиха И.С. Тургенева – его «стихотворением в прозе» «Как хороши, как свежи были розы...» (сентябрь 1879). Стихотворение Тургенева (добровольного эмигранта) было навеяно воспоминанием о невозвратимой молодости, любви и осознанием близкой смерти. Топосом воспоминаний лирического субъекта становится дворянская усадьба, идиллические семейные отношения. По всей видимости, смысловое наполнение текста И. Северянина формировалось на основе двух источников, Вертинский же обогатил эти слова пронзительными интонациями реквиема русской эмиграции. А харбинский поэт Щеголев создал на этот текст, перегруженный культурными кодами, не менее сложную пародию, посвященную вечной оппозиции пошлости и метафизики поэтического творчества.

Пренеприятное пение Розы Борисовны и без того мало совпадает с понятием *творчество*, Щеголев же усиливает свою иронию новыми интонациями. Неожиданно состояние творческого подъема (определяемое словами *настрое-*

ние, романс, баритон) становится паронимическим «перевертышем» фамилии *Вертинский*. Правда, речь идет об эпигонах знаменитого салонного певца. Но эпитет «испитой» по отношению к нему и, главное, игровая логика развития звуковой темы подводят нас к мысли о том, что несчастная *Роза Борисовна*, *откормленные баритоны* и сам *Вертинский* в восприятии лирического субъекта явления если не одного, то близкого порядка, – иначе говоря, все то, что притворяется, в чем нет «ни тени проникновенности». Каламбуризация на основе открытой паронимической игры усиливает такое трагикомическое сцепление смыслов: кровь не сразу **отливала от лица**, **гнусила** (блондинка) // **гнусный** (голос), (откормленные баритоны), притворяющиеся **Вертинским**.

В каждом из этих героев – частица души самого поэта: *его* притяжение-отталкивание по отношению к образу Вертинского и его творчеству, *его* лирические «припадки» (определение вдохновения как «припадка» – метатроп Щеголева), его дар постигать все многообразие бытия... От столь странного пересечения и рождается отчаянное признание: «кто знает? – не отсюда ли крыши так золоты, так знойно, такое синее небо и *такая тоска о существовании мира, что хочется броситься в реку, зарыться головой в желтые волны и при этом не уметь плавать*». Тематическое поле произведения (*творчество, вдохновение, любовь* и сопровождающая все это экзистенциальная *тоска*), наполняется философским смыслом в сюжетном развитии, что множится «лиризацией» формы. Все это создает особую жанровую модификацию, действительно позволяющую данному тексту занять промежуточное положение между лирическим и эпическим родом.

Таким образом, Вертинский, его сценический образ, стилистическая манера, с одной стороны, находили единомышленников по стилю и даже собратьев по мелодекламации (Ачаир), с другой – встречали неприятие молодого поколения. Возможно, что щеголевская ирония по отношению к Вертинскому была обусловлена его собственной музыкальностью. Ачаир писал о своем младшем брате по перу: «Щеголев, кроме того, музыкант. Ему – пианисту, пожалуй, – Стравинский ближе Шопена, Прокофьев – роднее Бетховена. Музыка сфер не его стихия, напевность – не его жанр; однако, в старой, быть может, провинци-

альной библиотеке, где на полках лежат труды философов и древних мастеров, мы видим Щеголева, чутко прислушивающимся к голосам прошлого... От этого вслушивания, от полноты восприятия Щеголев впадает иногда в отчаянье, его распирает; он вместить не в силах уже своих впечатлений»¹. Кроме личных ощущений поэта, в небольшом тексте с многосмысленным названием «Полдень» воплотился настоящий манифест нового поколения харбинских лириков. В динамичных, порывистых стихах Н. Щеголева и его единомышленников – Н. Петереца, Г. Гранина, в отличие от Ачаира нет и намека на мелодраматизм или даже легкую сентиментальность, свойственных кумиру последнего – А. Вертинскому.

Не случайно основой эпиграммы, написанной молодыми чураевцами на своего старшего собрата Ачаира, послужила дореволюционная визитная карточка Вертинского – его сенсационная, многократно варьировавшаяся эпитафия В. Холодной «Ваши пальцы пахнут ладаном...» Автором едкой эпиграммы, по одним сведениям, был саркастический Николай Петерец², по другим – харбинский Козьма Прутков (Г. Гранин, Н. Петерец, Н. Щеголев и др.)³. «Злой гений» Ачаира и, по свидетельству В.А. Слободчикова, разрушитель «Чураевки» Н. Петерец (или коллективный автор) весьма остроумно ангажировал вертинскую тему «смерти-избавительницы». В своем «свадебном подарке» Петерец не только осмеял явное увлечение Ачаира Вертинским, но и подверг сомнению целесообразность его поэтических штудий вообще:

Ваши пальцы пахнут ладаном,
Вы совсем скелет на вид.
Не жениться было б надо Вам,
а уйти в сибирский скит.
Собирать сухие веточки,

¹ Ачаир А. Семеро [вступ. ст.] // Семеро: Литературно-художественный сборник. Харбин, 1931. С. 9.

² Слободчиков В.А. Чураевка // Русский Харбин. М., 1998; Волин М. Гибель Молодой Чураевки // Новый журнал. 1997. №. 209. С. 216–240.

³ Перелешин В. Два полустанка (фрагменты) // Литературная учеба. 1989. № 6. С. 110–124.

ворошить седые мхи,
на коре чертить заметочки,
позабить стихи...

Однако влияние Вертинского на молодое поколение нельзя определить только отрицательными коннотациями. Тот же В.А. Слободчиков вспоминает строки, известные в поэтической среде Харбина и принадлежащие Щеголеву:

Вертинский, я опять всю ночь не сплю.
Ведь это Вами про нее пропето:
Не потому, что я ее люблю,
А потому, что с ней не надо света¹.

Образ Вертинского становится поводом для литературных аллюзий – теперь уже на тему известного стихотворения И. Анненского и ставшего одним из ключевых для литературного текста «серебряного века». Лирическое реноме Вертинского-поэта и исполнителя романсов осуществляет роль посредника между литературой «серебряного века» и поэтами-эмигрантами.

Примеры «растворения» текстов Вертинского в лирике русского Китая и наоборот – заимствования Вертинским наиболее удачных поэтических находок – весьма любопытны. Невольно, а иногда намеренно абрис А. Вертинского проступает в стихотворениях, эпиграфом к которым либо ведущим ритмическим и стилистическим клише становятся строки из его романсов. Так, завершающая одно из стихотворений Ю. Крузенштерн-Петерец, заключенная в кавычки и выделенная курсивом фраза *«Я очень спокойна, но только не надо»* заставляет вспомнить «вертинскую» версию стихотворения А. Ахматовой «Чернеет дорога...» С именем «барда ностальгии» связано и другое стихотворение Крузен-

¹ Слободчиков В.А. Интервью А.А. Забияко. Москва, октябрь-ноябрь 2003 г. // Личный архив А.А. Забияко.

штерн-Петерец – «Россия» (1944), с успехом исполнявшееся на концертах Вертинским и долгое время ему «приписываемое».

Это стихотворение с завидным постоянством помещается в его сборники, правда, уже под новым названием «Китеж» («Проклинали... Плакали... Вопили...»). Если сравнить с текстом-первоисточником, то в его «вертинском» варианте мы обнаружим незначительные графические, лексические изменения, иную строфическую организацию, «лишние» восемь строк, а также, что «запутывает» больше всего, датировку 1943 г.

Как видно, сам поэт настолько вживался в исполняемые им стихи, что иногда выдавал их «шутя за свое» (как, например, и в случае с северянинскими «Розами»). С другой стороны, благодаря именно А. Вертинскому, включавшему «чужие» произведения в свой репертуар и исполнявшему их, стихи, по правде говоря, малоизвестных поэтов восточной лиры стали известны широкой публике. Хотя ассоциировались они, конечно, исключительно с творчеством артиста. Способствовали тому и явные тематико-стилистические, ритмико-синтаксические переключки (доходящие порой до полного совпадения) харбинских произведений с «песенками настроений» самого Вертинского. Часто использование романсовых интонаций и лексики Вертинского было преднамеренным шагом поэтов, своеобразной поэтической «индульгенцией», с помощью которой удавалось достичь определенного художественного эффекта.

Своеобразное положение Александра Вертинского между высокой поэзией начала XX в. и эстрадой эмигрантских лет определило особенности рецепции этого культурного феномена в поэтической среде русского Китая. Там не был востребован столь привлекавший «западную» публику «бананово-лимонный» экзотизм его песенок – инонационального колорита в Харбине и Шанхае было и без того предостаточно. В первую очередь русские беженцы Китая стремились к сентиментальной проникновенности лирико-музыкальных произведений Вертинского – во многом это объясняется тем самым «провинциализмом» культурной среды восточной ветви, о котором писал Г. Струве. Однако последующие трансформации жанровых клише песенок Вертинского и

явная полемика с его стилистическими приемами становятся любопытным подтверждением развития литературы восточной эмиграции, ее желанием выйти за рамки серебряновековской поэтики. Сегодня мемуары о Вертинском, лирические стилизации и пародии на него позволяют реконструировать психологическую и культурную атмосферу русской китайской литературы 30-40-х гг. минувшего века, безвозвратно ушедшей в прошлое, как древний Китеж, когда-то вдохновивший поэта-музыканта.

Ли Мэн

ХАРБИНСКАЯ «ЧУРАЕВКА»¹

Как известно, в 1920–1940-х гг. на Дальнем Востоке, особенно в Харбине и Шанхае, существовала активная культурная жизнь русской эмиграции. Помимо многочисленных газет, журналов и книг, публиковавшихся на русском языке, были и различные литературные кружки. Среди них самым известным и долголетним была харбинская «Чураевка». Тот самый факт, что художественный кружок молодежи в условиях эмиграции существовал девять лет и своей деятельностью обращал на себя внимание не только широкой публики в самом Харбине, но и литературных критиков из Парижа, столицы русской культуры за рубежом, доказывает, что «Чураевка» играла важную роль в жизни дальневосточной русской эмиграции и ее вклад в развитие культуры Зарубежья стоит научного исследования.

До конца 1960-х гг. само существование харбинской «Чураевки» оставалось малоизвестным. Первой работой, обратившей внимание читателей на «Чураевку», была статья «Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах)» Ю. Крузенштерн-Петерец в парижском журнале «Возрождение» в 1968 г. Однако автор, будучи чураевцем только «немного»¹, уехала из Харбина в 1930 г. Все, что касается деятельности «Чураевки» после 1930 г, основывалось в этой статье на вторичных источниках, и поэтому в ней немало неточностей.

¹ Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. К 70-летию профессора В.В. Агеносова: Сборник научных работ. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. С. 167–182.

¹ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. 2000. № 7. С. 144.

После опубликования статьи Крузенштерн-Петерец некоторые бывшие чураевцы написали воспоминания о литературе русской эмиграции в Китае, в том числе, и о харбинской «Чураевке». Среди них мемуары Валерия Перелешина «Два полустанка» (Амстердам, 1987), статьи Михаила Волина «Гибель Молодой Чураевки» («Новый Журнал». 1997. № 209), Лариссы Андерсен «На Острове» («Русский Харбин», М., 1998) и Владимира Слободчикова «Чураевка» («Русский Харбин»). Все эти авторы в свое время были активными членами «Чураевки», и их воспоминания содержат богатую и интересную информацию. Однако никто из них не участвовал в деятельности «Чураевки» в течение ее начального периода, и поэтому их повествование о возникновении кружка было также вторичного характера. Раннее название кружка в их изложении предстает в нескольких вариантах¹.

Знакомство с харбинской и шанхайской русской периодикой 1930-х гг., ставшей теперь уже большой редкостью не только в Китае, но и во всем мире, и с архивными материалами предоставляет возможность воссоздать более полную историю «Чураевки», в том числе, и ее начального периода. Но, прежде всего, нужно сказать несколько слов о двух поколениях харбинских русских писателей и поэтов.

К старшему поколению принадлежали те, кто начал писать и публиковать свои произведения еще в России. Среди них – Арсений Несмелов (Арсений Иванович Митропольский, 1889–1945), Всеволод Никанорович Иванов, 1888–1971), Алексей Ачаир (Алексей Алексеевич Грызов, 1896–1960), Леонид Евсеевич Ещин (1897–1930), Василий Степанович Логинов (?–1945), Альфред Петрович Хейдок (1892–1990) и журналист Григорий Сатовский-Ржевский. Все они прямо или косвенно участвовали в «Чураевке»¹. А из-за того, что никто из

¹ Л. Андерсен считает, что в самом начале кружок назывался «Зеленой лампой», а М. Волин и В. Слободчиков вспоминают, что название было «Молодая Чураевка».

¹ Из старших писателей можно назвать Скитальца (1869–1941), который жил в Харбине двенадцать лет. Но он не имел никакого отношения к «Чураевке». Николай Аполлонович Байков (1872–1958) жил в Маньчжурии с первой половины 1920-х гг. по 1956 г., но и его имя не ассоциировалось с «Чураевкой». Жили в Харбине и некоторые другие поэты того же поколения, что и Несмелов и Ачаир, например, Сергей Яковлевич Алымов (1892–1948) и Федор Леонтьевич Камышнюк, но они уехали в СССР в середине 1920-х гг.

них в России не стал известным, они не имели на молодое поколение харбинских поэтов и писателей значительного влияния.

А младшее поколение – это те, многие из которых или родились в России до революции и приехали в Маньчжурию во время гражданской войны детьми, или родились в Маньчжурии, ходили в школу в Харбине, где получили русское образование. Они начали писать во второй половине 1920-х или в 1930-е гг. и публиковали свои незрелые произведения в харбинских газетах и журналах, в том числе и на странице «Юные читатели» в газете «Рупор».

Чураевская организация

С начала 1920-х гг., когда в Маньчжурии оказалось огромное число беженцев из России, в Харбине возникают художественные объединения. Несмотря на трудные условия жизни в эмиграции, поэты, писатели и любители поэзии собирались вместе для того, чтобы обсуждать литературу и искусство. В большинстве случаев эти объединения существовали лишь короткое время. В таких условиях появился и кружок, позднее названный «Чураевкой».

Согласно одному репортажу в известном харбинском журнале «Рубеж», имевшем читателей даже в Европе и в Африке, 20 марта 1926 г. поэт Алексей Ачаир, «старший секретарь ХСМЛ, сгруппировал небольшую кучку молодежи вокруг выходящего тогда юношеского "ХСМЛ Журнала". Целью кружка было знакомство с родной культурой и искусством»¹. Среди первых участников самой молодой была Таня Густова, которой было всего двенадцать с половиной лет². Название кружка было просто «Кружок ХСМЛ Журнала»¹, которое было преобразовано в «Молодую Чураевку» в 1927 г.²

Новое название было выбрано по предложению организатора кружка А. Ачаира, родившегося в Сибири. Как известно, сибирский «писатель Георгий Гребенщиков дал идею об организации в местах рассеяния русской эмиграции кружков содействия и поощрения искусства. По замыслу писателя, каждый из таких кружков

¹ Луганов К. Семь лет Чураевки // Рубеж. 1933. № 12.

² Ачаир А. Наш кружок // Чураевка. 1933. № 3/9. С. 2.

¹ Густов Л. Пути «Чураевки» // Чураевка. 1933. № 2/8. С. 7.

² Луганов К. Семь лет Чураевки. Указ. изд.

должен носить имя Чураевки – русской деревни, фигурирующей в произведении Гребенщикова "Братья Чураевы"¹. Члены харбинского кружка были весьма молоды, и к названию «Чураевка» был прибавлен эпитет «Молодая». О выборе этого названия Ачаир вспоминает так: «И вот Кружок ХСМЛ Журнала превращается в Чураевку. Вы помните, как это было?.. Как-то в июне... Мы сидели в комнате, выходявшей окнами в сад. Окна были открыты... Читали стихи, пили чай с сухими трубочками, похожими на корицу, и фруктовыми вафлями. А от этой мелочи как-то сразу перешли к решению крупного для нас вопроса: как назвать наш кружок? И какая у него должна быть цель? Так появилась "Молодая Чураевка"»².

В первые годы «Молодой Чураевки» молодежь собиралась нерегулярно. Весной 1928 г. по примеру того, что состоялось в кружке в 1927 г., начали устраивать художественные вечера или «чашку чая молодых литераторов». Еще раньше, осенью 1927 г., приняли «Цели и задачи «Молодой Чураевки», в которых было объявлено:

МОЛОДАЯ ЧУРАЕВКА является объединением молодежи и ее старших друзей, посвятивших себя творческой работе – научной, литературной и по искусству.

МОЛОДАЯ ЧУРАЕВКА в Харбине, Северная Маньчжурия, имеет приют – ХСМЛ и преемственность от «Кружка ХСМЛ Журнала», работавшего в течение 1926–1927 гг.

МОЛОДАЯ ЧУРАЕВКА стремится, путем взаимной солидарности и содружества всех своих членов, подготовить культурных работников и укрепить в них мысль о долге каждого способствовать проведению в жизнь идеи Чураевки...

МОЛОДАЯ ЧУРАЕВКА открыта для всех, кто может свой труд, и знания, и творчество разделить в ее общей работе.

МОЛОДАЯ ЧУРАЕВКА составляет сборники, альманахи, ведет студийную работу, устраивает собственные вечера, внутренние и открытые доклады и принимает сотрудничество в печатном органе ХСМЛ в Харбине¹.

¹«Молодая Чураевка» в Харбине // Рубеж. 1930. №10. С. 21. Эпопея Гребенщикова «Чураевы» состоит из двенадцати частей. Название первой части «Братья Чураевы».

²Ачаир А. Наш кружок. Указ. изд.

¹Специальный выпуск «Молодая Чураевка» в «ХСМЛ Журнале». 1928. № 1.

В начале 1930-х гг. члены «Молодой Чураевки» связывались с русскими эмигрантами, жившими в других странах, в том числе и с Георгием Гребенщиковым в США, Николаем Рерихом в Индии и «Объединением писателей и поэтов» в Париже. Постепенно кружок собирал вокруг себя лучших представителей искусства и науки в Харбине. Среди постоянных гостей были профессора, музыкальные деятели, литераторы, журналисты и художники¹.

С 1928 г. чураевцы начали встречаться ежемесячно. А с октября 1930 г. по июнь 1931 г., кроме празднования Рождества, устраивали еженедельные встречи членов кружка и его друзей, так называемые «вторники», и иногда – литературные «чашки чая»². Обычно программы «вторников» открывались докладами по вопросам искусства, а затем следовала беседа «у зеленой лампы» и выступления с чтением, мелодекламацией, пением и музыкальными номерами³. Организатором «вторников» и одним из исполнителей мелодекламаций и музыкальных номеров был сам Алексей Ачаир, наряду с членами музыкальной студии кружка.

Местные журналисты, артисты и художники посещали эти открытые собрания, о которых Ачаир в 1931 г. писал: «Публика заполняла верхний зал, небольшое помещение, для этой цели отведенное ХСМЛ. Заполняла – сказать наиболее уместно, т.к. рассчитанная на 150 человек эта комната, со сценой и роялем, вмещала зачастую до 400, раскрывая двери в смежные коридоры и даже на площадки лестниц»¹. А доклады читали сами чураевцы или их гости. Темы были разнообразные – от обсуждения творчества поэтов и происхождения славян (литературная студия) до дискуссий о жидком воздухе и перспективах Сибири (научная студия)².

¹ Гранин Г. «Молодая Чураевка» в сезоне 1931–1932 гг. // Парус. 1932. С. 179.

² Иногда бывал и летний сезон «вторников», который носил характер закрытых собраний с участием действительных членов «Молодой Чураевки» и гостей по именным приглашениям. См.: Астахов Л. На чураевском вторнике // Заря. 1930. 31 мая. № 147.

³ См.: «Молодая Чураевка» в Харбине. Указ. изд. Согласно воспоминаниям В. Слободчикова, в зале, где собирались чураевцы по вторникам, «на сцену ставилась кафедра для докладчиков, а около сцены – стол, на котором стояла лампа с зеленым абажуром и лежал альбом, в который желающие заносили пожелания, оценки и стихи» (Слободчиков В.А. «Чураевка» // Русский Харбин. М., 1998. С. 68.).

¹ Ачаир А. Предисловие к сборнику «Семеро» // Семеро. Харбин, 1930. С. 6.

² Гранин Г. «Молодая Чураевка» в сезоне 1931–1932 гг. Указ. изд.

Кроме открытых «вторников», члены разных студий «Молодой Чураевки» собирались также и на закрытых встречах. Самыми известными были «пятницы» литературной (а не *поэтической*) студии, на которых обычно сначала прочитывалась проза, затем стихи¹. Молодые литераторы слушали, анализировали и критиковали работы друг друга. О деталях этих встреч по пятницам в 8 часов вечера уже много писали сами бывшие чураевцы. Кроме того, начиная с 1932 г., два раза в неделю начал встречаться художественный сектор, по средам и субботам с 4 до 6 часов вечера. В этих встречах участвовали молодые люди, изучавшие живопись в различных студиях города и желавшие совместно со старшими художниками объединиться для пополнения своих теоретических знаний и для бесед по вопросам искусства².

До 1932 г. в «Молодой Чураевке» было четыре студии: литературная, театральная, музыкальная и общественно-научная³. В 1932 г. театральная студия постепенно прекратила свою работу. В это время в кружке насчитывалось 34 «члена-сотрудника» и 67 «действительных членов»⁴. В начале 1933 г. число секций в «Молодой Чураевке» увеличилось: теперь существовали литературная, музыкально-программная, художественная, общественно-философская и научно-техническая⁵. Неизвестно, какие из этих секций просуществовали до последних дней «Чураевки», но 1933 г. явился временем расцвета кружка.

С 1926 до начала 1933 г. у кружка было четыре председателя⁶. Первым был Николай Кичий, который только что закончил среднюю школу и поступил в Политехнический институт Харбина. Вторым был поэт и один из самых активных членов кружка Николай Светлов (настоящая фамилия Свинын), который, до того как уехал в Шанхай в 1931 г., часто публиковал стихотворения на странице «Юнчит» газеты «Рупор» под псевдонимом «Папин Сибиряк» или «Ваня Сибиряк» и вел разговор в стихах с юными читателями. Из Шанхая он продолжал присылать свои стихи и переводы китайских поэтов в Харбин, в журнал «Рубеж». После отъезда Светлова поэт и председа-

¹ Работа по студиям // Чураевка. 1932. № 1/7. С. 5.

² Работа по студиям // Чураевка. 1932. № 1/7. С. 5.

³ Гранин Г. Указ. соч.

⁴ Там же.

⁵ Луганов К. Семь лет «Чураевки». Указ. изд.

⁶ Там же.

тель литературной студии Николай Щеголев (1910–1975) стал председателем кружка. В середине 1930-х гг. он тоже покинул Харбин и переехал в Шанхай, откуда в 1947 г. добровольно уехал в СССР. Весной 1933 г. молодой инженер Александр Шнапштитс, который был членом кружка с первых дней его возникновения, стал председателем «Чураевки». В настоящее время он живет в Австралии. Последним председателем «Чураевки» был поэт Владимир Слободчиков, который в 1935 г. уехал в Шанхай, а ныне живет в Москве¹ [В.А. Слободчиков скончался в 2007 г. – *Ред.*].

«Чураевка» в харбинской прессе

Первая заметка о «Чураевке» появилась 4 февраля 1930 г. в газете «Рупор», почти через четыре года после того, как кружок был создан. С тех пор харбинская пресса писала почти о каждой открытой встрече «Чураевки». Авторы первых рецензий с удовлетворением отмечали высокий культурный уровень деятельности «Чураевки». Немного позднее наступил период критики. Этот критический период продолжался более двух лет, до начала 1932 г. Чураевцев критиковали, над ними посмеивались, иногда добродушно, а иногда – и не очень².

19 декабря 1930 г. в «Рупоре» появилась статья О. Штерна, в которой автор, обсуждая последний чураевский «вторник», указывает на слабую сторону творчества молодых поэтов – резкое преобладание «формы» над содержанием: «Стихи их почти всегда хороши: рифмы новы, сравнения изысканны, подход оригинален. Но вообще одностороннее увлечение "техникой" в соединении с погоней за оригинальностью не проходит даром. Стихам этим не хватает того последнего и главнейшего, что дает им жизнь: от них веет холодом... Понимаешь, что "сделаны" они неплохо, но ни одно не вызывает яркого образа и не ложится в память»¹.

¹ В. Слободчиков в своих воспоминаниях заявил, что и он был председателем «Чураевки». Но он не сказал, в каком году он стал председателем и был ли он преемником Шнапштитса. В той же статье Слободчиков говорит, что он уже был председателем «Чураевки», когда другой член кружка Николай Петерец предложил создать «Круг поэтов» на базе «Чураевки». Это должно было случиться между мартом и ноябрем 1933 г., так как после семилетней годовщины «Чураевки» в марте Шнапштитс был все еще председателем «Чураевки»; а в ноябре, когда вышел четвертый номер газеты «Чураевка», имя Петереца уже исчезло с ее страниц, значит, он уже уехал в Шанхай.

² Нинарг. Что о нас пишут // Чураевка. № 1/7 (1932. 27 декабря). С. 3–4.

¹ Штерн О. О «Молодой Чураевке» // Рупор. 1930. № 341. С. 3. О. Штерн – один из псевдонимов Григория Сатовского-Ржевского.

В тот же период на чураевских встречах иногда читали пародии, к которым в кружке относились скорее отрицательно. 16 января 1931 г. «Рупор» опубликовал статью Анастигмата¹ «В защиту литературной шутки», в которой автор указывает: «Пишущая стихи молодежь не должна бояться пародирования своих опытов, ибо пародия никогда не убивает ничего истинно живого. Меткая, то есть художественная пародия подчеркивает лишь нездоровые уклоны творчества или его несовершенство. Такая пародия сама становится искусством». Защищая пародию, автор статьи подчеркивает, что чураевцам нужна критика: «Перехвалить молодого поэта всегда хуже, чем недохвалить. Импульс молодежи к творчеству настолько силен, что не может быть никаких опасений на тот счет, что едкое подчеркивание недостатков произведения отбросит автора от искусства».

В другой статье по поводу пятилетнего юбилея «Молодой Чураевки» Анастигмат, обсуждая доклад одного молодого поэта о Блоке, в котором докладчик смешал понятия «поэт-романтик» и «поэт-символист», заявляет, что Блок в самых реалистических стихотворениях все-таки остается романтиком и он же слишком велик для школы; поэтому «не пора ли подумать и о том, что таких поэтов, как Блок или Гумилев, можно уже изучать и вне школ (sic!), к которым они когда-то принадлежали. Иначе мы не выйдем за пределы формальных «Америк» (подсчет определенных согласных, характер эпитетов и пр.) и всем известных истин, пропустив многое, может быть, самое нужное»². Можно считать, что критика литературной активности чураевцев, исходящая от Анастигмата-Несмелова, самого известного в Харбине поэта старшего поколения, была серьезной и полезной.

Помимо «Рупора», другая популярная харбинская газета «Заря» тоже часто давала репортажи о встречах «Чураевки» и ее культурной деятельности. Например, согласно репортажу об одном чураевском «вторнике»¹, хотя публика тепло принимала стихи молодых поэтов, настоящее дарование обнаружилось только в игре одной актрисы: у нее «отличная дикция, оригинальная читка, хо-

¹ «Анастигмат» – псевдоним поэта Арсения Несмелова.

² Анастигмат. Юбилей «Чураевки» // Рупор. № 106 (1931. 24 апреля). С. 3.

¹ Астахов Л. На Чураевском вторнике. Указ. изд. С. 3.

рошее знание роли, выразительная мимика и четкие жесты». Что касается докладов самих чураевцев о русской поэзии, то тон рецензента иногда был ироничен («публика с напряженным вниманием прослушала приятный женский доклад м-ль... о красиво-чутких женских стихах популярной поэтессы "акмеизма" А. Ахматовой»), иногда более критичен: докладчик... «мало сказавший по существу темы и ссылавшийся на "мазохизм" ахматовской эротики, подкрепленный ссылками на никому неведомого советского литературного критика Эйхенбома» (очевидно, Б. Эйхенбаума. – *Л.М.*).

В 1930 г. чураевские поэты опубликовали сборник стихотворений под названием «Семеро». Рецензент «Зари» горячо приветствовал его появление и подчеркивал его значение: «В деловом, сером Харбине появление хорошего сборника стихов – явление отрадное»¹. Тем не менее, рецензент, анализируя стихотворения каждого из авторов сборника – Лариссы Андерсен, Нины Ильнек, Наталии Резниковой, Лидии Хаиндровой, Николая Щеголева, Николая Светлова и Михаила Шмейссера – и высоко оценивая Щеголева, советовал: «Дай Бог юным поэтам нашим побольше ценить культуру и поменьше "мудрствовать лукаво". Остальное – приложится».

В начале 1931 г. на собрании «Чураевки» читали доклад о творчестве Есенина. Рецензент «Зари», с одной стороны, считает, что молодой докладчик-чураевец «искренно и старательно составил свой доклад», с другой стороны, указывает, что, обманутый легкомысленной книгой Анатолия Мариенгофа «Роман без вранья», «докладчик не только лично не знал трагически погибшего рязанского поэта-самородка, но и не был знаком с той "упадочной" предвоенной эпохой (накануне грозного 1914 года), когда петербургская литературная богема... восторженно отметила первые робкие шаги наивного "парнишки" Есенина на пути к его грядущей славе и свирельной "соловьиности"...»¹ Таким образом, критик не только обращал внимание читателей на активность «Чураевки», но и помогал молодежи правильно понять традиции русской литературы. Наличие этих рецензий также показывает, что в начале 1930-х гг. на

¹ Астахов Л. Семеро // Заря. № 357 (1930. 28 декабря). С. 4.

¹ Астахов Л. О Есенине в «Молодой Чураевке» // Заря. № 5 (6 января 1931 года). С. 3.

Дальнем Востоке харбинцы не только пристально следили за литературой на Родине, но и хорошо ее понимали. Именно в такой культурной атмосфере выросла чураевская молодежь.

Однако далеко не все в Харбине относились к чураевцам доброжелательно. Время от времени в газетах их фамилии нарочно писали неправильно, их «зеленую лампу» иногда называли белой или синей. На это сами чураевцы в 1932 г. реагировали таким образом: «А это очень хорошо. Раз нас ругают, значит, о нас думают. Значит, мы уже какой-то определенный фактор харбинской жизни. Потому что, наконец, порицание дает нам самое главное для нашего Кружка – убеждение, что у нас есть какая-то аудитория, на которую мы можем опираться»¹. В начале 1930-х гг. молодые чураевцы уже стали более зрелыми и уверенными в себе. В самом деле, в 1931 г. председатель «Чураевки» Светлов объявил, что к своему пятилетнему юбилею «Молодая Чураевка» уже твердо стала на ноги и из кружка зеленой молодежи, интересующейся литературой, стала художественным объединением всех молодых творческих сил эмигрантского Дальнего Востока².

Вслед за основанием Российской Фашистской Партии (РФП) Константина Родзаевского в Харбине и оккупации Маньчжурии японцами в 1931 г. политическая ситуация осложнилась. Это отразилось и на культурной деятельности «Чураевки». В 1932 г. в харбинских газетах начали упрекать чураевцев «в антирусской работе и даже в борьбе против русского национализма»³. В Харбине наблюдалась сильная вспышка национализма: «Всякое начинание, всякое общественное дело в связи с этим рассматривается прежде всего с точки зрения национализма, с точки зрения полезности этого начинания русскому делу. Не могла избежать этого рассмотрения и Чураевка»¹. Чем был этот национализм и почему «Чураевка» попала в оппозицию?

Одной из целей РФП была «Национальная Революция в России». Лозунг фашистской партии был «Бог, Нация, Труд»². Слова «нация», «национальный» и «наци-

¹ Нинарг. Что о нас пишут. Указ. изд.

² Анастигмат. Юбилей «Чураевки». Указ. изд.

³ Густов Л. Пути «Чураевки». Указ. изд.

¹ Там же.

² Дозоров Н. Только такие! Шанхай, 1936. Николай Дозоров – псевдоним Арсения Несмелова, используемый в фашистской пропагандистской литературе. В 1934 г. Российская Фа-

онализм» широко использовались в пропаганде фашистской партии. В это же время «Молодая Чураевка» была широко известной, но неполитической организацией, и ее активность не сосредоточивалась на национализме. Лишь немногие чураевцы вступили в РФП, поддерживали идею национализма и участвовали в террористических актах РФП. Таким образом, «Молодая Чураевка» стала мишенью атаки фашистской партии. А для большинства чураевцев национализм воспринимался только в контексте русской культуры и литературы: «Подлинными националистами оказались не только Блок и Есенин, но также Брюсов и Маяковский»¹, поэтому «канонизация национализма... ни на шаг не должна приблизить нас к национальной расовой или религиозной нетерпимости, к шовинизму ура-патриотов»². Говоря о своей деятельности, чураевцы подчеркивали только «скромную работу в плоскости служения родной культуре»³.

Итак, при обсуждении темы русского национализма и позиции чураевцев нельзя забывать о политической ситуации в Харбине в начале 1930-х гг.

Чураевские конкурсы и газеты

Одним из способов привлечения молодежи к поэзии были конкурсы, периодически организовывавшиеся в Харбине местными газетами. Некоторые юные поэты и поэтессы, которые впоследствии стали членами «Чураевки», участвовали в этих конкурсах, получали премии. В октябре 1927 г. «Рупор» объявил конкурс на лучшего юного поэта. Среди 88 стихотворений, полученных редакцией, 65 были слабы и сняты с конкурса. А лучшие 23 стихотворения были напечатаны в «Рупоре», и юные читатели могли голосовать за «Короля юных поэтов Харбина» и двух «Юных принцев Музы»¹. На основе 567 голосований одна «королева» и две «принцессы» были выбраны. Среди них была Ирина Лесная, которая стала достаточно известной поэтессой в Харбине.

В 1930 и 1931 гг. «Молодая Чураевка» два раза объявляла конкурсы стихотворений. В первом участвовали почти все члены литературной студии кружка; но второй

шистская Партия Родзаевского и Всероссийская Фашистская Организация (ВФО) Анастасия Вонсяцкого из США объединились и сформировалась Всероссийская Фашистская Партия.

¹ Штерн О. Последний вечер «Молодой Чураевки» // Рупор. № 153. С. 3.

² Чураевка. 1933. №. 4/10. С. 1.

³ Там же.

¹ Конкурс на лучшего юного поэта // Рупор. 1927. 12 ноября. С. 4.

был неудачным: из присланных стихотворений всего два «были формально удовлетворительными, остальные же оказались ниже среднего уровня версификационной грамотности». Дело в том, что конкурс был на лучшего поэта Северной Маньчжурии, а не на лучшее стихотворение; избрание в жюри ряда поэтов старшего поколения превратило конкурс в соревнование молодых чураевских поэтов, которые хорошо знали свое место среди других поэтов группы и поэтому потеряли интерес к конкурсу¹.

Весной 1931 г. чураевцы собирались издавать собственную литературную газету. Однако газета под названием объединения вышла только летом следующего года, причем была только двухстраничным приложением к русской версии американской газеты «Харбинские ежедневные новости» (Harbin Daily News). «Молодая Чураевка» выходила еженедельно с 3 июля по 6 августа 1932 г., было издано шесть номеров. Печатались стихи, рассказы, рецензии, репортажи, авторами которых главным образом были члены литературной студии. Среди них были Николай Щеголев, Георгий Гранин (настоящая фамилия Сапрыкин), Сергей Сергин (настоящая фамилия Петров), Аркадий Упшинский, Ларисса Андерсен, Николай Светлов, Николай Петерец², Михаил Волин (настоящая фамилия Володченко), Матвей Сукеник, Сергей Агмадов, Наталия Резникова, Петр Лапикен, Алексей Ачаир, В. Песчанский, Юрий Томан и Арсений Несмелов. В начале 1930-х гг. многие из них стали сотрудниками журнала «Рубеж».

После этой первой попытки чураевцы убедились в своей литературной силе и решили основать независимый орган кружка. С 27 декабря 1932 г. они начали нерегулярно издавать восьмистраничную газету «Чураевка» (Литературная газета Кружка искусств, науки и литературы Чураевка ХСМЛ в Харбине). С тех пор из официального названия кружка было убрано прилагательное «Молодая»¹. В тот же период создатель

¹ Неудачный конкурс // Рупор 1931. 8 мая. С. 3.

² Крузенштерн-Петерец в своих воспоминаниях много писала о своем муже Николае Петереце. См.: Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. №6–7.

¹ Николай Щеголев считал, что название «Чураевка» «было чистой случайностью и осталось за объединением лишь по инерции. Ничего общего с идеями Гребенщикова объединение не имело: "Чураевка" представляла собой литературную школу для молодых поэтов, где... преобладало внимание к литературной технике, к "лабораторной" стороне литературного творчества, к чисто внешнему уменью». См.: предисловие Н. Щеголева к сборнику стихотворений «Остров» (Шанхай, 1946).

объединения Ачаир отметил, что «"Чураевка" лишь теперь встала на ноги»¹. Тем не менее, первый номер «Чураевки» ввел двойную нумерацию 1/7 как продолжение «Молодой Чураевки». К октябрю 1934 г. вышло семь номеров газеты². В каждом из них были напечатаны стихи, рассказы, статьи, рецензии, хроника и объявления. Среди сотрудников, кроме вышеупомянутых, были Виктор Ветлугин (настоящая фамилия Салатко-Петрище, младший брат В. Перелешина), Виктория Янковская, Владимир Рамбаев, А. Розовский, Владимир Слободчиков, Владимир Померанцев³, Валерий Перелешин, Мария Кареева (один из псевдонимов В. Перелешина), Лидия Хаиндрова⁴ и Елена Жемчужная. В 1930-х гг. все они часто публиковали свои произведения в «Рубеже»⁵.

Газета «Чураевка» играла значительную роль в литературной жизни Харбина. Прежде всего она предоставляла молодым писателям и поэтам возможность развивать свой талант. В одной рецензии в «Рубеже» о «Чураевке» отмечалось: «Своя газета дает возможность проявлять свою индивидуальность, подхлестывает к творчеству, ободряет»¹. Будучи членом объединения, автор рецензии также указал на недостатки газета: «Правда, все немного "играют", немного позируют и мудрят...» В самом деле, сотрудники «Чураевки» как литераторы были еще незрелыми. Тем не менее, они отно-

¹ Чураевка. 1933. № 3/9.

² Даты издания этих номеров были: 27 декабря 1932 г., 7 февраля 1933 г., 28 марта 1933 г.; 14 ноября 1933 г.; февраль 1934 г.; май 1934 г.; октябрь 1934 г.

³ О биографии В. Померанцева см.: Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. 2000. № 7. С. 139–140.

⁴ О жизни Л. Хаиндровой см. в кн.: Дземешкевич Л. Харбинские были. Омск, 1999. С. 161–222.

⁵ Хотя имя прозаика Бориса Михайловича Юльского (1912–?) никогда не появилось в «Чураевке», он тоже участвовал в литературной студии и опубликовал более 80 рассказов и повестей в харбинских журналах и газетах. По мнению редактора «Рубежа» М.С. Рокотова, Юльский был самым талантливым писателем младшего поколения Харбина (см. письмо М.С. Рокотова В.Ф. Перелешину от 8 марта 1973 г., ВРЛ3256/157 Архива Библиотеки Лейденского университета). Согласно выданной официальной записи, Юльский, житель станицы Ново-Покровской в Маньчжурии, был арестован 22 сентября 1945 г. 16 ноября того же года за антисоветскую деятельность он был приговорен Военным трибуналом Приамурской Армии ПВО к 10 годам лишения свободы. После этого Юльского отправили в Севвостлаг Магаданской области, откуда он бежал 13 августа 1950 г. Его дальнейшая судьба неизвестна. Он не реабилитирован (см. письмо от Регионального управления по Иркутской области ФСБ РФ от 18 ноября 1999 г.).

¹ Н.Р. Книжные новинки // Рубеж. 1933. № 8. Н.Р. – член «Чураевки» Наталия Резникова.

сились к литературе сердечно и серьезно. Именно этим «Чураевка» обратила на себя внимание литературных критиков русского Парижа.

Реакция Парижа на «Чураевку»

Весной 1934 г. в Париже получили сразу пять номеров «Чураевки». До тех пор русские эмигранты в Европе плохо знали литературу соотечественников из далекого Харбина и мало обращали на нее внимание. Георгий Адамович, известный русский поэт и литературный критик, был первым, кто тепло приветствовал «Чураевку». Познакомившись с газетой, он отметил свежесть чураевцев и их верность традициям русской культуры: «...чураевцы служат России и ее культуре дельно, искренно, спокойно и умно: это одно из немногих зарубежных изданий, дающих право сказать, что "русская литература продолжается"»¹. Хотя Адамович не соглашался с чураевскими оценками некоторых классических русских писателей, как, например, Гоголя, Достоевского, Бунина и Белого, хотя ему не понравились некоторые стихи и проза, но в своей рецензии он все же признал, что «журнал действительно говорит о литературе, действительно проникнут заботой о ней, пониманием ее, любовью к ней. А это – главное». Положительная рецензия известного парижского критика ободрила и поддержала харбинскую молодежь, и они почувствовали, что, хотя живут далеко от культурных центров русской эмиграции, они все-таки принадлежат к «России за рубежом».

Такое чувство четко выразилось в одной статье в «Чураевке»: «Мы, наверное, ничего нового не скажем, новую школу создавать не беремся – но дело не в этом. Для нас важнее всего то, что мы осознали культурное единство эмиграции, в котором видим залог ее будущего, осознали и то, что мы частица этого единства»¹. Помимо отзыва Адамовича, чураевцы также получили отклик от председателя парижского «Объединения писателей и поэтов» Юрия Мандельштама, который сообщил своим дальневосточным коллегам о литературной жизни Парижа и пообещал прислать в Харбин сборники стихов членов Объединения.

¹ Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1934. № 4753.

¹ В.П. Ближе к Западу! // Чураевка. 1934. № 6/12.

Чураевцы почувствовали, что «первые шаги на пути единения сделаны»¹. Поддержка из Парижа «вливает в душу кружка новую энергию и уверенность, еще надежнее утверждает нас на нашем пути и делает лозунг "Ближе к Западу" еще более родным и дорогим для каждого из нас»². Признание Парижа помогало противостоять разным порицаниям: «теперь, когда мы больше, чем когда-либо, убеждены в своей правоте, подобными упреками и истерическими взвизгами нас никто не остановит»³.

Однако не все рецензии, появившиеся на Западе, были положительными и благожелательными. Несмотря на теплый отзыв Адамовича, большинство русских парижан все-таки мало знало харбинскую литературу. Осенью 1934 г. в парижском журнале «Числа» появилась статья об объединении «Чураевка», а также рецензия на ее газету. Рецензент писал с большой небрежностью; торопливо прочитав газету, он отметил, что «в стихах чураевцев чувствуется главным образом влияние поэтов петербургского периода XX века»⁴, хотя, согласно воспоминаниям чураевца В. Слободчикова, «характерной особенностью работы студии было попеременное увлечение поэтами разных направлений, становившимися на время нашими кумирами. Всеобщими мэтрами признавались Валерий Брюсов и Андрей Белый»⁵, имена которых тесно связаны и с Москвой. Рецензент «Чисел» два раза ошибочно написал фамилию одного чураевца и перепутал созданную в 1933 г. шанхайскую «Чураевку» с харбинской. В свое время В. Перелешин под псевдонимом «Сигма» дал ответ парижским «Числам» в харбинской «Чураевке»¹ и выразил недовольство провинциальных поэтов, презираемых столицей.

Харбинские чураевцы, живя в глухой провинции, относились к русской литературе на Родине и за рубежом с большим вниманием и пониманием. Они

¹ Сергин С. Отклик из Парижа // Чураевка. 1934. № 6/12.

² В.П. Указ. соч.

³ Там же.

⁴ Ю.Т. «Чураевка», литературная газета. Номера 3,4,6,7,8 // Числа. 1934. Кн. X. См. ВРЛ 3264/1 Архива Библиотеки Лейденского университета.

⁵ См.: Русский Харбин. Указ. изд. С. 72.

¹ Перелешин В. Два полустанка. Указ. изд. С. 65–66.

обращали особое внимание на русскую периодику, издаваемую в Европе и различных городах Китая. В одном из номеров «Чураевки», вышедшем в ноябре 1933 г., они напечатали рецензии на журнал «Числа», шанхайский журнал «Парус» и литературную страницу харбинской фашистской газеты «Наш путь».

Чураевская рецензия на «Числа» заняла почти целую страницу восьми-страничной газеты. Она обсуждала каждый отдел парижского журнала в деталях. Если эта рецензия была положительной, то рецензия на шанхайский «Парус» была критической. Рецензия на литературную страницу «Нашего пути», среди сотрудников которой были некоторые чураевцы, читается как острая критика. С точки зрения рецензента, участие чураевцев «не спасло листок от общего духа халтуры и скандальности, так как наряду с серьезными, истинно художественными вещами печатаются неостроумные анекдоты о литераторах "другого лагеря"... В целом, впечатление такое: страница кого-то громит, кому-то мстит, кого-то пугает... Благодаря такому отсутствию элементарного такта, не говоря уже об академичности, хорошее по мысли начинание превращается в жалкий безвкусно размалеванный плакат»¹. Если мы примем во внимание тот факт, что «Наш путь» являлся органом Российской Фашистской Партии, то станет понятно, что откровенный конфликт с членами фашистской партии в 1933 г. при японском режиме был рискованным. На самом деле этот конфликт был главным образом между бывшим чураевцем Георгием Граниным², который был исключен из «Чураевки» и вступил в фашистскую партию, и его бывшими друзьями, которым он мстил на страницах «Нашего пути». Хотя конфликт сначала носил личный характер, он, в конце концов, привел «Чураевку» к разрушению.

Финал «Чураевки»

В последнем номере «Чураевки», вышедшем в октябре 1934 г., было объявлено, что в ноябре 1935 г. «Чураевка» соберется праздновать свой десятый юбилей и издаст альманах произведений членов кружка. Как ядро «Чураевки»,

¹ Сигма. Лит. страница «Нашего пути» // Чураевка. 1933. № 4/10.

² С номера 4/10 имя Г. Гранина больше не появилось в «Чураевке». Значит, он был исключен из «Чураевки» между мартом, когда номер 3/9 газеты вышел, и ноябрем 1933 г.

литературная студия существовала дольше, чем другие студии. Однако этот альманах никогда не был издан¹, так как сама «Чураевка» не дожидаясь весны 1935 г. Основными причинами распада «Чураевки» были следующие. Во-первых, в середине 1930-х гг., после того как японцы заняли Маньчжурию, многие русские, в том числе и чураевцы, уехали в Шанхай или другие города Китая, и, таким образом, число членов кружка сократилось. Во-вторых, конфликт между некоторыми чураевцами и создателем кружка Ачаиром стал более интенсивным и привел к расколу. В-третьих, самоубийство двух чураевцев, Георгия Гранина и Сергея Сергина, в харбинском отеле «Нанкин» в декабре 1934 г. принудило ХСМЛ принять решение о закрытии «Чураевки»².

Вторая причина нуждается в детальном обсуждении. Как уже сказано, Ачаир играл роль не руководителя, а скорее, организатора группы. За много лет культурная деятельность «Чураевки» была частью его жизни, и он относился к молодым чураевцам с уважением и заботой. В 1931 г., когда сборник стихотворений «Семеро» вышел в свет, он в предисловии к нему сердечно приветствовал новые произведения молодежи: «Все семеро – как семь цветов радуги... Новая радуга каждый раз является символом начала обновления природы. Как семеро поэтов в их исканиях обновления души молодого стиха и его приближения к действительной, простой и мудрой, в конце концов, жизни»³. А о своем отношении к чураевцам он так писал осенью 1933 г.: «С вами, Чураевцы, со многими из вас, мне приходилось быть вместе и делить ваши отроческие радости и искания, горечи и надежды. Я буквально счастлив, что сейчас, на восьмом году жизни, ваше окрепшее ядро признало своим долгом нести всю ответственность за бытие и деятельность кружка. Таким образом, мы соединяем наши общие силы. Таким образом мы увеличиваем возможности планомерного и непрекращающегося развития. Я очень рад, что в этом деле могу быть с вами, и ваши вопросы и запросы ко мне, и беседы наполняют меня чувством удовле-

¹ Вместо альманаха в 1935 г., после того, как «Чураевка» была закрыта, некоторые чураевцы опубликовали коллективный сборник «Излучины» (Харбин, 1935).

² В. Перелешин, М. Волин и В. Слободчиков в своих мемуарах описали эту трагедию в деталях. В некоторых случаях информация в их воспоминаниях противоречивая или неточная.

³ Ачаир А. Предисловие к сборнику Семеро. Указ. изд.

творения»¹. Однако некоторые чураевцы, особенно наиболее талантливые поэты, не хотели оставаться даже и под формальным руководством Ачаира. В 1933 г. во главе с Петерецем и Щеголевым они объявили об основании своей организации «Круг поэтов». Петерец писал эпиграммы на Ачаира, намекая, что тому не следует писать стихи. Согласно воспоминаниям В. Слободчикова, «Петерец добился того, что Ачаир перестал бывать в "Чураевке"»².

Из-за того, что все больше и больше молодых поэтов и писателей покидало Харбин, и из-за конфликтов между самими чураевцами в 1934 г. число участников сильно уменьшилось. С начала февраля до начала мая состоялось 7 собраний, на которых присутствовало всего 16 человек, и на каждом в отдельности по 6–7 человек³. Летом 1934 г. Щеголев, Сергин, Волин и Перелешин, который стал председателем литературной студии в феврале, собирались отдельно, обсуждали литературу и собственные стихи⁴. А зимой случилось двойное самоубийство Гранина и Сергина, ставшее шумным скандалом в Харбине. После этого события деятельность «Чураевки» практически прекратилась.

Хотя «Чураевка» не дожидая своего десятилетнего юбилея, ее значение в культурной жизни русской колонии Харбина трудно переоценить. В эмиграции, где бедность была самой серьезной проблемой, было особенно трудно поддерживать деятельность культурной организации. За свое девятилетнее существование «Чураевка» собирала вокруг себя различные русские культурные силы Харбина и, помимо газет, издала три сборника стихов: «Лестница в облака» (1929)¹, «Семеро» (1931) и «Излучины» (1935), в которых были напечатаны

¹ Ачаир А. Перед началом // Чураевка. 1933. № 4/10. С. 1. Эту статью Ачаир написал после появления «Круга поэтов», что особенно ясно показывает доброжелательное отношение Ачаира к чураевцам.

² Слободчиков В.А. «Чураевка» // Русский Харбин. Указ. изд. Однако в последних двух номерах «Чураевки» указывается, что Ачаир не забывал посещать «Чураевку». Кажется, «Круг поэтов» существовал недолго, потому что в конце 1933 г. Петереца уже не было в Харбине.

³ Аврелий. Отчет литературной студии // Чураевка. 1934. № 6/12. С. 5.

⁴ Перелешин В. О литературной студии // ВРЛ326I/6 Архива Библиотеки Лейденского университета.

¹ Лестница в облака: Стихи. Харбин: Издание Литературного Кружка АКМЭ, 1929. В этом сборнике собраны стихотворения шести молодых поэтов и поэтесс. Возможно, что в течение раннего периода чураевцы называли свою литературную студию «Литературным Кружком АКМЭ».

стихи 16 авторов. Можно сказать, что целое поколение харбинских поэтов и писателей выросло в «Чураевке», что на открытых собраниях и закрытых студийных встречах молодежь узнавала о русских поэтических школах, философии и культуре. Своим литературным органом «Чураевка» привлекла внимание русских литературных критиков в Париже и положила начало воссоединению с литературными силами русской эмиграции на Западе. Все это показывает, что «Чураевка» достигла тех целей, которые она сформулировала в 1927 г. Правда, чураевцы не создали собственной поэтической школы; не было у них и сильной литературной критики. Тем не менее они остались верны традициям русской культуры и литературы, и через много лет, уже живя в других странах, некоторые из них продолжали писать и публиковать стихи и прозу по-русски. А уехавшие в Шанхай в 1930-х и 1940-х гг. организовали там шанхайскую «Чураевку» и, таким образом, продолжили среди русских шанхайцев традицию не только харбинской «Чураевки», но и русской культуры.

Впервые опубликовано: Новый журнал. 2001. № 224. С. 209–227.

А.А. Забияко

**ДЕЛО О ЧУРАЕВСКОМ ПИТОМНИКЕ»
(НОВЫЕ ШТРИХИ К ИЗВЕСТНОЙ ИСТОРИИ
ХАРБИНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ)¹**

В отечественной харбинистике одним из «общих» мест является история возникновения, творческой деятельности и распада литературно-художественного объединения «Чураевка», считающаяся чуть ли не хрестоматийной. Выходящие в последнее время в немалом количестве энциклопедии, словари, антологии, монографические исторические и литературоведческие исследования, мемуары самих харбинцев, так или иначе, касаются этого вопроса. И это не случайно – роль «Чураевки» в культурной атмосфере дальневосточного зарубежья трудно переоценить. Она действительно была «замечательной по-

¹ Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 170–186.

этической школой», «питомником для многих талантов»¹, «определившей, по сути, лицо всей китайской группы» поэтов русского зарубежья².

Как известно, это литературно-художественное объединение возникло в 1926 году под покровительством ХСМЛ и охватило на литературное поприще многих харбинских поэтов – Николая Щеголева, Николая Петереца, Валерия Перелешина, Владимира Слободчикова, Лариссу Андерсен, Лидию Хаиндрову, Георгия Гранина, Николая Светлова и др. Просуществовала «Чураевка» практически до 1935 года³. По единодушным воспоминаниям бывших чураевцев (В. Слободчиков, Н. Резниковой, М. Волина, Е. Рачинской и др.), объединение возникло из домашних салонов любителей поэзии и поначалу именовалось «Вечера под зеленой лампой». Организатором и идейным вдохновителем образования «Чураевки» был, как известно, Алексей Ачаир (Грызлов)⁴. В.А. Слободчиков так воссоздает обстоятельства зарождения «Чураевки»: «Однажды после очередной встречи у Александры Паркау группа молодежи, не желая расходиться, еще долго толковала на улице возле ее дома. Как передавали, к группе подошел поэт Алексей Ачаир (Грызлов) и предложил продолжить дискуссию в помещении гимназии Христианского союза молодых людей (ХСМЛ), где он был секретарем и администратором гимназии. Встреча состоялась в ближайший вторник за чашкой чая, организованной самими гостями. Здесь было решено организовать объединение молодых любителей русской словесности, и Ачаир предложил название «Молодая Чураевка». <...> Название понравилось присутствовавшим и было единогласно принято. Была создана инициативная группа под непосредственным руководством самого Ачаира»¹. Сам Ачаир вспоминал об этом событии более романтично: «Вы помните, как это было? Как то в июне... Мы сидели в комнате, выходящей окнами в сад... Окна были откры-

¹ Линник Ю. Сольвейг (наброски к портрету Лариссы Андерсен) // Грани. 1995. № 177. С. 150.

² Волин М. Гибель Молодой Чураевки (воспоминания) // Новый журнал. 1997. №. 209. С. 218.

³ Крейд В. Словарь поэтов русского зарубежья. Спб., 1999.

⁴ Подробнее об этом: Забияко А.А. Тропа судьбы Алексея Ачаира. Благовещенск, 2005. С. 67–96.

¹ Слободчиков В.А. «Чураевка» // Русский Харбин. М., 1998. С. 65–68.

ты... Читали стихи, пили чай с сухими трубочками, похожими на корицу, и фруктовыми вафлями... А от этой мелочи как-то сразу перешли к решению крупного для нас вопроса: Как назвать наш кружок? И какая у него должна быть цель? Так появилась Молодая Чураевка. Так появились чураевские поэты»¹.

Почему «Чураевка»? Столь непонятное для современного читателя название было дано поэтическому объединению по аналогии с возникшей в 1925 г. в США деревней Чураевкой, ставшей важным культурным центром проживавшей там русской диаспоры. Основана американская Чураевка была Г. Гребенщиковым – автором широко известного на Дальнем Востоке романа «Братья Чураевы», любимого Ачаиром. Позднее, в 1933 г. сам А. Ачаир в своем докладе «Опыт Чураевки» так объяснял причины выбора названия: «За границей существует маленькая культурная колония – деревня Чураевка, где учатся русскому языку и истории дети в русской школе, где они знакомятся с родным бытом, родной культурой. Они на время уходят как бы в родную страну, хотя бы в миниатюре, и черпают там из нее национальные соки для работы в международном обществе, в большом международном и, во всяком случае, иностранном масштабе. Мы руководились именем Чураевки – как символом накопления творческих национальных молодых сил за границей»². По мнению М. Волина, Ачаир, «создавая свою "Чураевку", делал ее символическим островком русской культуры в Китае»¹. Помимо пропагандирования идей сибирского регионализма², «Чураевка» стала духовным прибежищем для находящейся на распутье молодой эмигрантской поросли³. «Странная это вещь, – пишет В. Слободчиков, – в годы всеобщей разрухи и переживаемых тягот множество людей, в особенности молодежь, тянулось к поэзии, находя в ней живительную замену хлебу

¹ Ачаир А. Наш кружок // Чураевка. 1933. 28 марта // Личный архив В.А. Слободчикова.

² Дiao Шаоуа. Харбинская «Чураевка» // Рубеж. 2003. № 4 (866). С. 219–220.

¹ Волин М. Гибель Молодой Чураевки... С. 216–240.

² Об этом: Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003; Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток, 1998.

³ Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // Возрождение. 1968. № 204. С. 45–70.

насущному. По всей видимости, именно этому феномену обязана "Чураевка" своим возникновением и небывалым всплеском¹. В «Чураевке» был избран некий средний путь: «исключались богемность, авангардизм, гражданская тема, политика, ориентация на литературную моду <...>. Увлечения попеременно сменялись: Блок, Брюсов, Белый, Пастернак, а также Г. Иванов, Ходасевич, Цветаева, Адамович и другие парижане»². Члены кружка выпускали свои сборники («Излучины», «Семеро») и даже издавали газету для юношества «Молодая Чураевка», которая впоследствии с 1932 по 1934 гг. стала также называться просто «Чураевка».

Но уже в марте 1933 г., после 8-й годовщины своего образования, в «Чураевке» наступает раскол (об этом написано в словаре В. Крейда, в библиографии Дяо Шаохуа и др.). И вот здесь в истории харбинского литературно-художественного объединения, являющегося неотъемлемой частью истории харбинской и, шире, дальневосточной зарубежной литературы, начинаются разногласия. В справочной литературе эти события описаны кратко: в декабре 1932 г. в объединении свершилась своеобразная «революция». Молодые поэты Н. Щеголев, Н. Петерец, Г. Гранин, П. Лапикен образовали «Круг поэтов», заочно избрав своим духовным вождем Н. Гумилева³. В декабре 1934 г. произошло трагическое событие: загадочное двойное самоубийство молодых и талантливых поэтов – Георгия Гранина и Сергея Сергина¹. Началась кампания против «Чураевки», инспирированная японцами. В результате ХСМЛ был вынужден закрыть кружок².

Безусловно, самым достоверным источником в данной ситуации являются свидетельства непосредственных участников событий. Но «каноническая» версия распада «Чураевки» принадлежит Ю. Крузенштерн-Петерец³ – талант-

¹ Слободчиков В.А. «Чураевка»... С. 67.

² Крейд В. Все звезды повидав чужие... // Русская поэзия Китая. Антология. М., 2001. С. 21.

³ Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник... С. 63; Дяо Шаохуа. Харбинская «Чураевка»... С. 226.

¹ Волин М. Гибель Молодой Чураевки... С. 238.

² Дяо Шаохуа. Литература русского зарубежья в Китае: Библиография. Харбин, 2001.

³ Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник... С. 45–70.

ливой харбинской, а затем шанхайской журналистке, писательнице, неплохой поэтессе, впоследствии – супруге Николая Петереца, главного зачинщика раскола. На воспоминания Крузенштерн ссылается В. Крейд, и, отчасти, с его легкой руки, большинство современных исследователей (Б. Кодзис, О. Бузуев, В. Печерица и др.). Остальные участники событий либо не написали воспоминаний вообще (А. Ачаир), либо деликатно обошли многие острые углы (Л. Андерсен, Н. Резникова, Е. Рачинская).

Надо отдать должное Крузенштерн-Петерец – ее воспоминания с трогательным и метким названием «Чураевский питомник» написаны ярким языком, портреты участников событий живы и остроумны, в повествовании уделено место и лирическим отступлениям, и ироническим опусам, и трагическим интонациям, и все это парадоксально соединено в едином целом. Мемуаристка предстает в качестве умудренного человека, в равной степени снисходительно относящегося ко всему описываемому, – такая позиция «объективного всеведения» вселяет доверие к интерпретации событий. К тому же воспоминания Крузенштерн-Петерец появились в 1968 г., на два, а то и на три десятилетия опередив мемуары В. Перелешина (1987), М. Волина (1997) и В. Слободчикова (1998, 2005), поэтому их версии литературной жизни в Харбине, и в частности, чураевских событий, долгое время выступали в качестве дополнительного материала. Чураевские события 1932 г. Ю. Крузенштерн-Петерец представляет как настоящую «революцию», борьбу двух поколений поэтов. Николай Петерец в этом контексте выступает идеологом прогрессивного литературного движения: «Между тем в Харбине, уже занятом японцами, находившемся в преддверии японо-фашистского террора, Чураевка развивала серьезную работу. *Работе этой не помешал, а наоборот, способствовал устроенный группой молодежи переворот* (курсив мой. – А.З.). Во главе этой группы стояли Николай Петерец и Николай Щеголев, считавшие, что для роста поэтов недостаточно одних открытых вечеров с аплодисментами дружественно настроенной публики, и что *необходимы серьезные студийные занятия* (курсив мой. – А.З.). Было много споров и относительно направления. Почему именно – Чураевка? Сибиряками

молодые поэты себя совсем не чувствовали, имя Гребенщикова их вовсе не влекло. Но за кем же идти? За футуристами? За символистами? За акмеистами? Во всем этом заплеталось слишком многое – Маяковский с его большевизмом, Блок с его вопросами, никогда не разрешенными, либо задушенными смертью, – выбор языка – у кого учиться – у "московской просвирни" или у "блистательного Санкт-Петербурга"? В конце концов, остановились на Петербурге и на акмеистах – поэзия для поэзии, строгая школа, мужественное стремление к "акмэ", пусть недостижимому, – все равно, чем труднее, тем лучше. Так в Чураевке создалась литературная студия "*Цех поэтов*", с Гумилевым – духовным вождем и императором, управлявшим, из-за гроба, крошечной монархией внутри либеральной республики» (курсив мой. – А.З.)¹.

Крузенштерн-Петерец вторит В. Перелешин: «Большой переполох вызвало создание Петерецем параллельной "Чураевке" организации – Круга поэтов, которая собиралась там в те же часы, что и "Чураевка", но имела другое руководство. В этот момент "Чураевка" окончательно вырвалась из-под благосклонной опеки Ачаира, фактического основателя, устроившего для нее приют в помещении ХСМЛ и всячески ей помогавшего»².

Обратим внимание на следующие строки Крузенштерн: «А еще через год в жизни Чураевки произошло событие – ее заметили на Западе»³. Далее Крузенштерн приводит выдержки одной из майских статей, в которой молодые «чураевцы» излагали свое идейно-эстетическое кредо: «В ходе рассеяния русской интеллигенции по странам всех широт и долгот нам выпала незавидная участь провинциалов. С этим фактом приходится считаться. Культурная столица наша (политической у нас нет) – Париж, а здесь глухое захолустье, как это ни грустно <...> Немалого труда стоило нам поэтому осознать принадлежность к тому миру – к Западу, почувствовать свое родство и неразрывную связь с ним <...> И все-таки мы обрели себя <...> Мы наверно ничего нового не скажем, новую школу создавать не беремся, но дело не в этом. Для нас важнее всего то,

¹ Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник. Указ. изд. С. 63.

² Перелешин В. Два полустанка (фрагменты) // Литературная учеба. 1989. № 6. С. 114.

³ Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник. Указ. изд. С. 63.

что мы осознали культурное единство эмиграции <...>, осознали и то, что мы – частица этот единства». Из реплик Крузенштерн и из передовой статьи, которую писал, очевидно, Н. Щеголев, следует, что признание чураевцев парижанами стало следствием как раз той «революции», что устроил Н. Петерец (хотя, насколько известно, среди «замеченных» поэтов были как младшие, так и старшие – А. Несмелов, А. Ачаир, Н. Щеголев, В. Перелешин, но об этом ни Крузенштерн, ни Перелешин не упоминают). Из воспоминаний Перелешина также можно сделать вывод о том, что образовавшийся как противовес «Чураевке» «Круг поэтов» имел *решающее значение* на развитие поэтического мастерства начинающих литераторов: «Гумилевское знамя обязывало к добросовестной работе над стихом, к серьезности тона, к ясности и последовательности...»¹ И еще: «Под консервативным руководством Н. Петереца и В. Перелешина [?! – А.З.] Чураевка стала школой поэтического ремесла»².

Здесь возникает как минимум, две неясности. Первая: почему именно Гумилев был выбран как противовес поэтическим ориентирам «Чураевки» и ее руководителя А. Ачаира? Известно, что лирика Ачаира была во многом соприродна гумилевской музе³. Ачаир участвует в «Гумилевском сборнике» (1937), сам цитирует Н. Гумилева в программных чураевских статьях: «Что создадим мы впредь / на это власть Господня, / Но что мы создали, / то с нами по сегодня»¹. Курьезную ситуацию несколько объясняют слова Перелешина – Гумилев для «канонизации» подходил как нельзя лучше: «Акмеизм, адамизм, беззаветная храбрость, мученическая кончина от большевистской пули»². На самом деле – хотя «революция» в «Чураевке» и проходила «под знаком» Гумилева, ее идеолог Н. Петерец (по воспоминаниям В. Перелешина) «по секрету признавался», «что лично ему был более созвучен Георгий Иванов)». Сам Перелешин «бредил» А. Ладинским, С. Сергин – М. Цветаевой, а если судить по лирике Н.

¹ Перелешин В. Два полустанка. Указ. изд. С. 114–115.

² Перелешин В. Русские дальневосточные поэты // Новый журнал. 1972. № 107. С. 258.

³ Забияко А.А. Тропа судьбы Алексея Ачаира. Указ. изд. С. 67–96.

¹ Ачаир А. Перед началом // Молодая Чураевка. 1932. 3 июля // Личный архив В.А. Слободчикова.

² Перелешин В. Два полустанка. Указ. изд. С. 114.

Щеголева, то ему, в общем, были близки «монпарнасские» интонации русских парижан и русская классика.

Вторая неясность – разговор о якобы назревшей необходимости серьезной студийной работы (здесь мы опускаем момент о «консервативном руководстве» Перелешина – кроме него самого, об этом никто не упоминает). Судя по воспоминаниям В.А. Слободчикова, его брата, Н.А. Слободчикова, М. Волина и того же В. Перелешина, студийная работа была одной из магистральных линий работы «Чураевки» и до возникновения «Круга поэтов», ею они регулярно занимались по пятницам. Такие вечера обычно открывались докладом или чтением прозы, а во второй части программы проходил «парад» чураевских поэтов и поэтесс. Весьма живописно воссоздает эти встречи М. Волин: «Подчеркнуто четко, с прекрасной дикцией читал свои холодноватые стихи Николай Щеголев. Как-то боком выскочив на сцену, робея и заикаясь, читал свои удивительные стихи скромный Сергей Сергин. Совсем юный Георгий Гранин стремился поразить слушателей чем-то необычным. Исключительным успехом пользовался Алексей Ачаир со своими мелодекламациями. С чтением своих стихов выступали: тихая Лидия Хаиндрова, миниатюрная Наташа Резникова, красавица Ларисса Андерсен, в которую были влюблены все молодые поэты. Пользовались успехом поэты Михаил Волин и Владимир Слободчиков. Как бы разряжая романтическую атмосферу, дурачился чураевский присяжный шут Мурочка Лапикен, который сам стихов не писал, но имел богатый репертуар, главным образом, из Дон Аминадо и Саши Черного [он не был поэтом, а впоследствии проявил себя как критик и прозаик. – А.З.]»¹. Добавим, что Лапикен был и весьма талантливым пародистом, его пародии даже становились поводом для бурной внутрестудийной и газетной полемики².

На этих заседаниях выступали и представители старшего поколения (Арсений Несмелов, Всеволод Иванов, Василий Логинов и др.). Лейтмотивом студийных встреч был вопрос поэтического мастерства. Надо сказать, что теорети-

¹ Волин М. Гибель Молодой Чураевки. Указ. изд. С. 219–220.

² Дяо Шаохуа. Харбинская «Чураевка». Указ. изд. С. 224.

ческая подготовка чураевцев заслуживает филологического восхищения: судя по словам В.А. Слободчикова, «Чураевка» являла собой настоящий прообраз Литинститута. Там изучались труды В. Брюсова («Основы стиховедения»), Б. Томашевского («Теория литературы»), В. Жирмунского («Теория стиха» и «Рифма, ее история и теория»), А. Белого («Символизм») и практическое руководство Н. Шульговского («Теория и практика поэтического творчества»). «Объем знаний, которые стремились приобрести члены студии, значительно превосходил содержание соответствующих курсов филологических факультетов университетов», – отмечает В. Слободчиков¹. И он же, когда речь заходит о версификационном мастерстве чураевцев, снисходительно замечает, что для начала исследователям было бы полезно самим перечитать все эти книги². Дальнейшая судьба самого Владимира Александровича подтверждает сказанное им: после возвращения в СССР он стал автором популярнейшего семитомного учебника французского языка и до сих пор поражает собеседников своей эрудицией, филологической глубиной и стиховедческими познаниями.

Чураевские пятницы становились настоящими уроками литературной учебы, во время которых «поэты критиковали друг друга и буквально жили стихами» (М. Волин). Вероятно, кто-то из самих же чураевцев и запечатлел обстановку чураевских пятниц в газетной заметке: «Благодаря порядку, выработавшемуся в течение ряда собраний, автор получает почти исчерпывающую оценку своих произведений присутствующими членами студии. Прочитываемые стихи подвергаются подробному персональному разбору. Мнения присутствующих не всегда бывают лестными для авторов, но здоровая атмосфера дружеской, хотя подчас и суровой, критики почти никогда не нарушается»¹. Постепенно число участников росло, к кружку присоединились В. Ветлугин, Г. Гранин, В. Иевлева, М. Коростовец, Е. Недельская, И. Орлова, В. Перелешин, Н. Петерек, В. Померанцев, С. Сергин, Г. Соболева, О. Тельтофт, В. Янковская,

¹ Слободчиков В.А. «Чураевка». Указ. изд. С. 70–72.

² Слободчиков В.А. Интервью А.А. Забияко. Москва, октябрь-ноябрь 2003 г. // Личный архив А.А. Забияко.

¹ Редакторская статья // Чураевка. 1932. 27 декабря // Личный архив В.А. Слободчикова.

жившая, правда, в Корее и бывавшая наездами в Харбине. Некоторые поэты приходили от случая к случаю: Т. Андреева, М. Визи, М. Колосова, Ю. Крузенштерн, В. Логинов, А. Несмелов, Е. Рачинская, Г. Сатовский, А. Упшинский, Е. Яшнов и др... Приходили и прозаики – «исключительно талантливый» Б. Юльский, А. Хейдок, В. Рамбаев¹. Кстати, сама Ю. Крузенштерн-Петерец впервые попала в «Чураевку» только в 1930 г. и была там, по ее собственным словам, уже «перестарком»².

Михаил Волин, по всей видимости, во многом был не согласен с Ю. Крузенштерн-Петерец, но открыто об этом он не заявлял. Не избегая вопроса о противоречиях в «Чураевке», Волин утверждал, что *причиной ее распада* «послужило двойное самоубийство молодых и талантливых поэтов – Георгия Гранина и Сергея Сергина»³. В воспоминаниях «Гибель Молодой Чураевки» М. Волин делает акцент на *мелодраматической основе* этой истории, определяя его как «классический любовный треугольник с сексуальным вывертом»: «Завязка и развязка чураевской драмы были, по существу, весьма просты, хотя и заключали в себе некоторые необычные для того времени детали. События развивались следующим образом: <...>. Образовался "любовный треугольник": Ларисса Андерсен – Николай Петерец – Георгий Гранин. Петерец, видевший в Гранине счастливого соперника, жестоко его возненавидел. Беспринципный и злой человек, он стал систематически травить Гранина, распускал о нем клеветнические слухи, писал злые эпиграммы, стараясь ударить в самое болезненное место – гранинский комплекс неполноценности, – издевался над его простым происхождением и настоящей фамилией... Вдобавок ко всему к травле Гранина присоединились Перелешин и чураевский присяжной шут Лапикен-Лapidус. Все знали, что лишь недавно Перелешин был "без памяти" влюблен в Гранина, а тут неожиданно его возненавидел»¹. Основными участниками событий стали, по свидетельству Волина, шесть человек: «Николай Петерец, Валерий Переле-

¹ Крейд В. Все звезды повидав чужие... Указ. изд. С. 21.

² Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник. Указ. изд. С. 61.

³ Волин М. Гибель Молодой Чураевки. Указ. изд. С. 217.

¹ Там же. С. 231–232.

шин и Петр Лапикен-Лapidус сыграли главную роль в развязавшейся трагедии, в то время как Ларисса Андерсен и две жертвы – Гранин и Сергин – были лишь пешками в игре темных сил». Но подчеркнем – трагедия в гостинице «Нанкин» произошла намного позже «чураевской революции», в 1934 г. «После происшедшей трагедии "Чураевка" прекратила свое существование. Около 1935 г. начался "великий исход" русских из Харбина в Шанхай», – подчеркивает Волин¹.

В.А. Слободчиков, в своих подробнейших и наиболее поздних воспоминаниях о Чураевке (1998), касаясь событий, связанных с расколом, старался быть максимально объективным и не акцентировал внимание на сомнительной подоплеке событий: «На одной из "Пятниц" Петерец и Щеголев объявили, что они создают новую организацию поэтов на базе "Чураевки", и предложили назвать ее "Круг поэтов". Они тут же зачитали заранее подготовленную "Декларацию Круга поэтов". Это было неожиданным, и никто не возразил». Далее он подчеркивал: «Создание "Круга поэтов" было направлено против руководителя "Чураевки" Алексея Ачаира. Создание этой новой организации, тем не менее, почти не отразилось на "Чураевке", и жизнь ее шла, как прежде, в особенности на "Вторниках". Мне хочется сразу отметить, что все, что говорится о "Чураевке" этого периода в известной статье Ю.В. Крузенштерн-Петерец, и в особенности о создании "Круга поэтов", который автор статьи называет ошибочно "Цехом поэтов", полностью искажает действительность и представляет случившееся в желаемом для Петереца виде. Сама Крузенштерн никогда не бывала на студии и пишет явно со слов Петереца, за которого она вышла замуж значительно позже»¹. В. Слободчиков обращает внимание на непомерную амбициозность Н. Петереца, который устроил настоящую травлю Ачаира и «добился того, что Ачаир перестал бывать в "Чураевке"». Действительно, к этому времени относится ряд едких эпиграмм, которые Петерец писал на Ачаира.

Как отреагировал на происходящие события руководитель «Чураевки»? Крузенштерн-Петерец пишет: «Будь на месте Ачаира человек себялюбивый и

¹ Волин М. Гибель Молодой Чураевки. Указ. изд. С. 234.

¹ Слободчиков В.А. «Чураевка. Указ. изд. С. 79.

менее выдержанный, он пошел бы на разрыв, предоставив *новорожденной студии* искать себе другое пристанище. – Вместо этого он скромно *стушевался*, отступил, дал своим *буйным питомцам* возможность трудиться по-своему, а сам остался лишь рядовым членом Чураевки»¹. Обратим внимание на покровительственно-снисходительный тон этих слов. Дело представляется так, и это никоим образом не противоречит распространенным характеристикам Ачаира («Нечто дон-кихотовское есть в его облике» – Е. Сентянина), что-де, Ачаиру и не оставалось ничего делать, как «стушеваться» перед напором молодой силы, признав свое поражение, но он остался верен себе и повел себя в этой ситуации весьма достойно. Действительно, «в начале марта 1933-го А. Ачаир, прочитав доклад "Опыт Чураевки", заявил о том, что он слагает с себя обязанности руководителя, после чего *Н. Щеголев и Г. Гранин вышли из состава руководства*»². Но почему и сподвижники Петереца вдруг вышли из состава руководства? Этот факт мемуаристка никак не комментирует, зато нам он может многое объяснить в ее дальнейшем неприязненном отношении к Щеголеву и в отношении Петереца к Гранину.

На том заседании Ачаир подробно проанализировал деятельность кружка за прошедшие восемь лет и подчеркнул, что свою задачу – подготовить собственных лидеров из кружка молодежи – «Чураевка» выполнила. Возможно, именно в то время произносил он слова, позднее оплотнившиеся на бумаге: «я считаю, что всякая попытка найти общий язык и начало дороги к Истине – уже плодотворна. Можно идти рядом, параллельно, или расходясь (не лучше ли сходясь), но – к одной цели»¹. Любопытна реакция слушавших его отчетный доклад. «На непосвященных эти слова произвели впечатление разорвавшейся бомбы: "Чураевку" невозможно представить без А. Ачаира»². Вероятно, именно эта щекотливая ситуация заставила порывистого (подозреваю – совестливого) Н. Щего-

¹ Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник. Указ. изд. С. 63.

² Там же.

¹ Ачаир А. К одной цели // Литературный однодневник харбинской группы писателей – динамических реалистов. Харбин. 1941. 21 июля. С. 6.

² Дяо Шаохуа. Харбинская «Чураевка». Указ. изд. С. 227.

лева и романтического Г. Гранина сложить с себя полномочия председателя «Круга поэтов»...

Очевидно, что роль Николая Петереца во всех перечисленных событиях была весьма активна и, мягко говоря, не завидна. Но Волин смещает акценты в истории распада с момента возникновения «Круга поэтов» на период травли и самоубийства Гранина (1934), а Крузенштерн-Петерец вообще не связывает последнее с чуроевскими событиями. Однако после прочтения воспоминаний Слободчикова и Волина, в которых они пишут о жуткой травле Г. Гранина Н. Петерецем, следующая реплика Крузенштерн вызывает, мягко говоря, недоумение: «Был в этом цехе *триумvirат дружбы*: Гранин, оставшийся у фашистов, Петерец, ушедший к легитимистам, и Сергин, о котором, о котором говорили (повидимому, правду), что он состоял в отмольской организации»¹. По всей видимости, спустя годы Крузенштерн решила с ног на голову перевернуть ситуацию, представив все в выгодном для Петереца идеолого-политическом свете. Но столь одиозные сентенции становятся поводом к сомнению в достоверности ее воспоминаний в целом. Помимо всего прочего, мы видим, что в чуроевских событиях, правда, с другой неблагоприятной стороны, отчасти был замешан и Валерий Перелешин. Следовательно, его единодушие с Крузенштерн-Петерец может быть объяснено не только тем, что он, словами Э. Штейна, «писал не по записям, а по памяти» – этот упрек можно было бы адресовать всем мемуаристам. По всей видимости, и ему хотелось максимально дистанцироваться от тех «чуроевских бевсов», к которым он, наряду с Петерецем и Лапикеном, был причислен Волиным.

Многие недоразумения в перечисленных выше фактах можно прояснить последним свидетельством В. Слободчикова, которое он прислал в ответ на книгу автора этой статьи, сделавшего попытку проанализировать все произошедшее¹. По-видимому, повышенный интерес сегодняшних исследователей к литературному процессу русского Харбина и настойчивое желание потомков

¹ Отмол (отряды молодежи) – просоветская организация молодежи по типу комсомольской, действовавшая в Харбине // Крузенштерн-Петерец Ю. Чуроевский питомник. Указ. изд. С. 67.

¹ См. ниже рецензию В.А. Слободчикова на монографию А.А. Забияко «Тропа судьбы Алексея Ачаира».

разобраться в случившемся заставило этого деликатнейшего человека назвать некоторые вещи «своими именами».

Казалось бы, многие вопросы, возникавшие в пору написания книги «Тропа судьбы Алексея Ачаира», снимаются прямолинейными и даже категоричными ответами самого участника событий – В. Слободчикова. История с «Кругом поэтов», столь подробно описанная, неожиданно оказывается «фикцией». В организации, придуманной Петерецем, по словам Слободчикова, не было членов, заседаний в ней не проходило. Получается, во всем были виноваты личные амбиции заговорщиков, от которых вскоре отделились весьма различные между собою Щеголев, Перелешин, Гранин и др., а камнем преткновения стала либо чья-то неуживчивость, либо – элементарная борьба амбиций, либо, что еще деликатнее, сложные пересечения личных чувств.

Современный историк харбинской литературы вдруг оказывается в почти самгинской ситуации: «А был ли мальчик-то?..» В таком понимании чураевские события, действительно, вовсе не заслуживают отдельного разговора. Не случайно Е.П. Таскина пишет: «Все же не следует уж такое внимание, на мой взгляд, уделять "расколу" в "Чураевке". Какие уж особенные последствия были у этого, в общем, просто *банального столкновения характеров и личных отношений?!*» (курсив мой. – А.З.)¹.

И все-таки мы позволим себе усомниться в однозначности решения проблемы, которое предлагает сегодня уважаемый В.А. Слободчиков, и не будем низводить чураевскую историю до «банального» скандала. Мы видим, что при внимательном прочтении воспоминаний, погружении в контекст эпохи, знакомстве с документами и художественными текстами чураевцев в объяснениях распада Чураевки появляются противоречия – некоторые из них, как видно, замешаны на личной неприязни кого-то из чураевцев друг к другу, другие, напротив, имеют целью сгладить болезненные вопросы, давно отошедшие в прошлое. В собрании Л. Андерсен хранится газета «Страница Круга поэтов» (*под ред. Л. Андерсен*), в которой, наряду со статьей Н. Щеголева, помещена статья Н.

¹ Письмо Е.П. Таскиной А.А. Забияко от 6 мая 2004 г. // Личный архив А.А. Забияко.

Петереца «Наше кредо»: «мы не хотели и не могли быть эмиграцией в специфическом смысле слова, мы стремились стать частью России Зарубежной, духовно преодолев не только кордоны красных штыков, но и тот духовный недуг, который глубоко проник в сердце родной страны, но не достиг, не мог достичь ее души живой, сильной и великой»¹. Выходит, что поначалу, какое-то время (а не только в момент объявления Петерцем создания Круга), в «Круге» все же были участники, работа в организации проходила – иначе каким бы образом появилась на свет эта газета?

История, как известно, движется не только тектоническими потрясениями, но и такими вот подводными течениями личных отношений, борьбой амбиций, жадой лидерства креативных личностей. А Николай Петерек, несмотря на противоречивость натуры и сложное, вполне заслуженное отношение к нему чуроевцев, по всей видимости, таким характером обладал. Судя даже по его едким, но остроумным эпиграммам, по способности организовать вокруг себя людей, Петерек вполне мог увлечь на первых порах за собой чуроевскую молодежь, которая к тому же в то время *уже выросла и осознала себя*. На мой взгляд, за историей образования «Круга поэтов» и его первоначального и последующего восприятия чуроевцами, скорее всего, скрывается закономерный финал истории сложных взаимоотношений *двух поколений харбинских поэтов*. И в стороне от этого не может остаться ни эпатажирующая «революционная» выходка Петереца и его тогдашних, пусть кратковременных, единомышленников, ни глубоко личная, но вскормленная на тех же настроениях трагедия Гранина и Сергина.

К началу 30-х гг. в Харбине выросло поколение тех, кто не знал России, будучи либо вывезенными отсюда в нежном возрасте – Н. Щеголев, В. Перелешин, Н. Петерек и др., либо рожденными на чужбине – Г. Гранин, В. Петров и др. Экзистенциальная тоска этих детей эмиграции была совсем иного свойства, нежели их старших братьев (Ачаира, Несмелова, Иванова и др.). Родину у них

¹ Круг поэтов // Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии. Владивосток, 2002. С. 128.

не отбирали, ее у них просто не было. «А вдруг и – вправду была Россия, / Россия: пламя, вихрь, огонь!» – с сомнением вопрошал Георгий Гранин. Они не понимали драматизма ностальгических настроений поэтов старшего поколения. Их размышления о России носили исключительно литературный характер. Не случайно в своих стихотворениях Н. Щеголев, Н. Петерец, Г. Гранин столь часто обращаются к Достоевскому, Гоголю, Пушкину, представляя золотой век русской литературы как последнее духовное прибежище:

Яд ностальгии вновь, как много лет назад,
Овладевает мной: я зол и резок в споре,
Насмешлив, суховат, язвителен в укор,
И в мыслях у меня сомненье и разлад.

Встают сквозь мутный бред властей во много крат
Россия Белого – пылающее море,
Россия Тютчева – смирение и горе,
Россия Гоголя – смятение и ад¹.

Кроме того – ориентированные на литературу западного зарубежья, мечтающие о признании их Парижем – как могли понять они ачаировские идеи создания Сибирской республики? Не случайно ко времени возникновения так называемого «Круга поэтов» относится еще одна эпиграмма Николая Петереца:

Вторники чураевские – гроб,
Где всегда прославленный в народе
Ачаир, американский поп,
Ныне областничество разводит¹.

Благодаря харбинской периодике, а также хорошо функционировавшим библиотекам Коммерческого собрания и Христианского союза молодых людей, чураевцы имели непосредственный доступ к новинкам западной эмигрантской литературы. Молодые поэты буквально «бредили» «парижской нотой». Михаил

¹ Петерец Н. Россия // Цит. по: Русская поэзия Китая... Указ. изд. С. 424–425.

¹ Волин М. Гибель Молодой Чураевки. Указ. изд. С. 221.

Волин писал: «Молодые харбинские поэты находились под сильным влиянием своих старших парижских братьев. Стихи Георгия Иванова, Георгия Адамовича, Бориса Поплавского, Владимира Смоленского, Анатолия Штейгера, Лидии Червинской и других переписывались и заучивались наизусть»¹. «Нам казалось тогда, что парижские поэты – сплоченная группа, что все они пишут в одном тоне (и как прекрасно!), что Ладинский в отличных отношениях с Цветаевой, Адамович запросто бывает у Ходасевича, Поплавский на "ты"» с Георгием Ивановым и что "телесная" Екатерина Бакунина кормит пельменями Эйснера и обожаемого (нами) Анатолия Штейгера:

Синеватое облако,

И еще облака...

И это было бесподобно. Лучше и Ахматовой, и Гумилева, и Блока. Я не соглашался только, что кто-нибудь может быть лучше "моего" Ладинского», – вспоминает свое тогдашнее восприятие парижских «авторитетов» В. Перелешин².

У увлечения парижанами, правда, была и обратная сторона. Молодые поэты хотели новых впечатлений и новых способов для их выражения. «"Комплекс самоубийства" как составная часть "Парижской ноты" стал неким "психическим микробом", хорошо привившимся на харбинской почве. Идея самоубийства овладела многими молодыми поэтами. Для большинства это была лишь трагическая поза, но для некоторых она стала реальностью. Самоубийство стало модной темой для стихов и разговоров. Тень брюсовского "Демона самоубийства" постепенно обретала плоть и кровь»¹. Об этом спустя несколько лет после трагедии напишет А. Несмелов в «Однодневнике динамистов-реалистов»². Много позднее разумная Ларисса Андерсен скажет о том, что Граница убила поэзия, имея в виду, очевидно, неумеренное «вливание» литератур-

¹ Волин М. Гибель Молодой Чураевки. Указ. изд. С. 221.

² Перелешин В. Два полустанка. Указ. изд. С. 115.

¹ Волин М. Гибель Молодой Чураевки... С. 221.

² Несмелов А. Что такое динамичность искусства (из записной книжки) // Литературный однодневник харбинской группы писателей – динамических реалистов. Указ. изд. С. 3–5.

ности в жизненную практику¹. Сомнения в собственных трепетных чувствах, в смысле любви, действительно, почти преследовали юного поэта:

День пройдет, и потом темнота
Подкрадется сторожко и хмуро,
И поверишь – а если не та,
Если все это литература?

(«Как трамваи, бегут поезда»)².

Алексей Ачаир, как известно, относился к Парижу довольно прохладно, выступая за самоценность регионального материала. Кроме того, он всегда следовал не новым веяниям, а собственным – возможно, с точки зрения молодых – устаревающим представлениям. В том же «Однодневнике», где была напечатана полупрограммная статья Несмелова, были опубликованы строки и из письма Ачаира, где тот определял свой *метод*: «мне ближе **надреализм** (иными словами: реализм плюс еще что-то, от сказочной **живой** воды)»³. Немудрено, что в определенный момент «старшие» – в лице тех же Ачаира и Несмелова – перестали отвечать духовным и интеллектуальным запросам чураевской поросли. «Кусать грудь кормилицы оттого, что зубки прорезались», – эти пушкинские слова привел Е. Эткинд для характеристики постсимволистского отношения к наследию символизма⁴. Но таков, видимо, удел всех, идущих на смену своим предшественникам. «Новые» чураевские силы отвергли «казачьи мотивы и северянинские ноты», которые, видимо, «инкриминировались» Ачаиру. Повторимся – и с А. Несмеловым отношения молодежи складывались не идиллически, а порою – были просто натянутыми. Так, весьма сдержанная в своих суждениях Л. Хаиндрова вспоминает: «Арсений Несмелов стал посещать занятия "Круга поэтов", но очень скоро наметился разрыв между ним и наиболее агрессивными поэтами из "чураевцев". Собственно, этого могло бы и не произойти, если бы его "дети" в лице трех Николаев: Петереца, Светлова и Щеголева, а

¹ Андерсен Л. Ларисса вспоминает // Новый журнал. 1995. № 200. С. 321.

² Георгий Гранин. Стихотворения. Рассказы // Россияне в Азии. 1996. № 3. С. 3–45.

³ Ачаир А. К одной цели... Указ. изд. С. 6.

⁴ Эткинд Е. Единство «серебряного века» // Звезда. 1989. № 12. С. 185–194.

также Валерия Перелешина (поэты способные и сильные) не стали относиться иронически к стихам того самого поэта, перед которым еще так недавно благоговели и кого, – вполне справедливо, – считали своим учителем. Теперь же появление новых стихов или очередного сборника Несмелова они встречали резкими и далеко не всегда справедливыми отзывами. Все, что появлялось из-под пера Арсения Несмелова, встречалось в штыки. Стихи его разбирались по строчке, по слову. Неточная рифма, спорный отзыв, малейшая стилистическая погрешность – действительная или мнимая – вызывали ожесточенные нападки. Несмелов почувствовал перемену к себе и стал все реже и реже появляться на занятиях, а потом и совсем отошел от нас»¹. Обратимся к высказываниям самих «революционеров»: «Наши поэты выросли. В них проснулась потребность в национальном служении. Потребность жертвенно работать для России. Потребность стать поэтами русскими. Идеалом мы представляем себе героя-мученика Николая Гумилева. Он отныне становится знаменем. Он будет образцом. По его "цеху поэтов" и станет равняться новая деятельность. **Чураевцы освободились от вредного влияния Несмелова и несмеловщины.** Нам надоело фамильярное отношение этого "мэтра"» к святыням национализма. Нельзя снисходительно потрепывать по плечу Родину. Не люди типа Несмелова, а люди типа Гумилева должны вдохновлять национально мыслящих юношей и девушек...»² Позднее, в письмах Л.Ю. Хаиндровой, А. Несмелов писал о «молодой шпане»: «Жизнь пошла куда-то в другую сторону. Я это очень чувствую. Мне стало трудно печататься, меня не понимают, уже, пожалуй, не любят, а только еще побаиваются, как старика с каким-то "именем". Не думаю, чтобы я утратил чувство жизни. Скорее всего, это происходит оттого, что общий уровень нашей молодежи поэтической – понизился. Молодежь эстетизирует, пошла по дороге прихорашивания. Ведь это уже племя, которое России не знало. Оно ничем не болеет, желает жить в какой-то, хоть в какой-нибудь, красавости, не зная красоты. Много в них мещанского, звериного. <...> Если этим людям

¹ Хаиндрова Л.Ю. Арсений Несмелов // Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. Калуга, 2003. С. 169.

² Дiao Шаохуа. Харбинская «Чураевка». Указ. изд. С. 226.

суждено подрасти, они вспомнят о нас с вами. А если не вырастут, то на что они нам»¹.

Из этих высказываний следует, что дело было не только в личной неприязни Петереца к Ачаиру, Петереца к Гранину, или еще кого-либо к кому-либо. И сколь бы не была лукава и необъективна Ю. Крузенштерн-Петерец, как ни пыталась бы она представить вопреки всему и всем в выгодном свете Н. Петереца, все-таки в ее интерпретации событий была своя правда (как и в остальных мемуарных свидетельствах): новое поколение искало себя, страдало от беспочвенности, рвало с опекой старших.

Но парадокс состоял в том, что победа «новых сил» одновременно стала и началом конца: во-первых, большинство молодых чураевцев, по всей видимости, осознало, что революционность Петереца замешана на *личных неблагоприятных мотивах*, неприязни к Ачаиру, к которому они относились очень тепло: Щеголев и Гранин, Резникова и Андерсен всегда находили у Ачаира поддержку и одобрение, да и Перелешин не мог пожаловаться на руководителя «Чураевки», о чем сам же и писал. Наверное, поэтому, да и в силу неуживчивости Петереца, в руководстве начались беспорядки, а тяжелые условия жизни в Харбине заставили многих литераторов искать себе более легкую жизнь в Шанхае.

Но самое главное – падение «Чураевки» было исторически обусловлено наступлением японского террора, подавлением гражданской свободы, до этого присущей русскому Харбину, а также общим ощущением «заката Европы» перед надвигающейся военной угрозой. Понимание этого пришло ко всем чураевцам много позже. Вот почему рассеянные по разным континентам, до конца своих дней бывшие чураевцы не перестали себя таковыми считать, отдавая дань благодарности и уважения своему учителю и учителям, воздавая хвалу «чураевскому братству», возникшему на островке русской культуры в рассеянии под названием «Русский Харбин».

¹ Письмо А. Несмелова Л. Хаиндровой от 2 ноября 1943 г. // Солодкая М.Б. «Бессмертна вещь созвучность» (Письма А.И. Несмелова к Л.Ю. Хаиндровой) // Четвертые Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2003. С. 37–67.

**«ОБМАНЧИВО НЕСЛОЖНАЯ» ПОЭТЕССА
(О ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ ЛАРИССЫ АНДЕРСЕН)¹**

Имя Лариссы Андерсен среди других поэтических имен русского Китая – одно из самых известных. При этом сама поэтесса была исключительно скромной девушкой и предпочитала оставаться в тени. Стихов писала мало, и в печати они появлялись редко. За все годы дальневосточной эмиграции у Л. Андерсен вышла только одна тоненькая книжка, вместившая чуть более пятидесяти лирических произведений («По земным лугам», 1940).

Чем же объяснить популярность Лариссы Андерсен? «Ларисса, Лара, Ларочка – так называли ее друзья – была личностью во всех отношениях выдающейся. Красивая, умная и разнообразно талантливая...»². С юных лет Ларисса не только сочиняла стихи, но придумывала и исполняла танцы, увлекалась живописью. Ее выступления на «чураевских» вечерах со стихами и характерными танцами перед началом киносеансов, в клубах и оперетте всегда оставляли незабываемое впечатление. Современники как один утверждали: *«На сцене она была великолепна; каждый номер был у нее отделан до малейшего жеста, до последней детали в костюме, тонко, умно, со вкусом и чувством меры»* (курсив здесь и далее мой. – Г.Э.)³. Н. Ильина так вспоминала о своем первом впечатлении от встречи с поэтессой: *«...К эстраднему возвышению подошла Лариса. Вряд ли она была единственной женщиной в литературном кружке, но других юных поэтесс я не видела и не слышала, а эту – увидела. Потому ли, что она, синеглазая и темноволосая, была очень красива? И стихи ее услышала»*⁴. Зрителей притягивала не только эффектная внешность молодой девушки – «пыш-

¹ Русский Харбин, запечатленный в слове. Сборник научных работ, посвященный 95-летию Л.Н. Андерсен / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – 180 с. С. 123–136.

² Волин М. Гибель «Молодой Чураевки»: Воспоминания // Новый журнал. 1997. № 209. С. 229.

³ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // Возрождение. 1968. № 204. С. 53.

⁴ Ильина Н. Встречи: Из автобиографической прозы // Октябрь. 1987. № 5. С. 87-88.

ные каштановые волосы, словно нарисованные брови, фиалковые глаза, чуть вздернутый носик, ослепительная улыбка»¹, но и огонь, жар ее души. «Вижу в этой девочке много света», – сказал однажды по поводу написанного Л. Андерсен Николай Рерих².

Ларисса была кумиром и музой многих харбинских и шанхайских сочинителей, на некоторых из них оказала серьезное влияние. В нее были влюблены поэты Г. Гранин и Н. Петерец, она полностью очаровала А. Вертинского, а много позднее произвела сильное впечатление на молодого Е. Евтушенко. Александр Вертинский, кстати, очень высоко ценил поэтическое дарование Л. Андерсен и всячески способствовал выходу сборника ее стихов. «Ваши стихи – это лучшее, что мне пришлось прочитать здесь, – признавался знаменитый автор и исполнитель. – Если мои слова представляют для Вас хоть маленькую ценность – я прошу Вас писать, писать и писать. У Вас для этого есть все данные и все права»³. Позднее (когда поэтесса уже переехала во Францию) подобный совет ей давала и Ирина Одоевцева. В одном из писем к Лариссе Андерсен она писала: «Мне Ваши стихи очень и очень нравятся – у Вас редко встречающаяся "личность". Вы <...> "киплинговская" кошка, которая ходит сама по себе и по своим дорогам»⁴.

Каждый из поэтов-дальневосточников считал за честь написать хотя бы одно стихотворение в ее рукописный альбом, впоследствии изданный отдельным томом – «Остров Лариссы» (с факсимильным воспроизведением страниц). Многие лирические посвящения в этой книге представляют *мифопоэтический образ* Лариссы и воссоздают атмосферу всеобщего обожания, окружавшую молодую поэтессу. Фигура Л. Андерсен, ставшей первой юношеской любовью В. Янковского, появляется в нескольких его «корейских новеллах» («Три Ча-

¹ Янковский В. Три чаши // Янковский Ю., Янковский В. Нэнун. Дальневосточная одиссея. Владивосток, 2007. С. 521.

² Письмо Л.Н. Андерсен Ю.В. Линнику от 19 января 1995 г. // Андерсен Л.Н. Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма. М., 2006. С. 352. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страниц в скобках.

³ Письмо А.Н. Вертинского Л.Н. Андерсен от 14 марта 1936 г. // Одна на мосту... С. 380.

⁴ Письмо И.В. Одоевцевой Л.Н. Андерсен от 6 декабря 1959 г. // Одна на мосту... С. 400.

ши», «Дальневосточный Вавилон»). О ней охотно и всегда тепло рассказывали друзья-поэты на страницах автобиографий и литературных мемуаров (М. Волин, Н. Ильина, Ю. Крузенштерн-Петерец, В. Перелешин, В. Слободчиков). Правда, зачастую фрагменты, посвященные в этих воспоминаниях Л. Андерсен, – перечень общих мест, связанных с мифологизированным именем: красивая внешность, роль «чураевской» королевы, тотальная и безнадежная влюбленность в нее харбинских поэтов, дружба с «самим» А. Вертинским.

А между тем Ларисса Андерсен – не только очаровательная женщина, но и как справедливо заметила Нора Крук – «сложный и интересный человек и обманчиво несложный поэт».

Ларисса Андерсен родилась 25 февраля 1914 года в семье потомка скандинавов, дворянина и офицера царской армии Николая Михайловича Андерсена. Мать поэтессы – урожденная Евгения Иосифовна Кондратская – была дочерью польского помещика. «Первые годы жизни, – вспоминала Ларисса, – война, революция и бесконечные переезды. Поезда, теплушки, корзинки, узлы – сумбур. С отцом познакомилась, когда он пробрался с фронта к моей матери и ко мне в Хабаровск, где раньше стоял его полк, в котором я и родилась»¹. В ее памяти этот город почти не сохранился: «Овраги какие-то, снег в оврагах, и сухой стебель посвистывал на зимнем ветру... И телеграфный столб гудел. А потом вдруг все разрезалось пополам с треском: поезд промчался. И исчез»².

В 1920 г. семья Андерсен переехала во Владивосток, а спустя два года вынуждена была покинуть Россию (как оказалось, навсегда). В конце октября 1922 г. на одном из кораблей адмирала Г.К. Старка они эмигрировали в Китай. Поселившись в Харбине, родители Лариссы, как и многие русские эмигранты старшего поколения, поначалу не думали долго оставаться в Маньчжурии. Все жили ожиданием того, что скоро двинутся дальше, и надеждой на возвращение домой. Поэтому училась Ларисса спешно, проходила по два класса за год. Она

¹ Андерсен Л.Н. «На острове» // Русский Харбин. М., 2005. С. 88–89.

² Письмо Л.Н. Андерсен Вс.Н. Иванову от 27 февраля 1970 г. // Одна на мосту... С. 331.

«ждала тоже какой-то счастливой перемены», утешаясь *сказочным миром воображения*, – как и многие дети, для которых мир окружающей действительности кажется неуютным и невыносимо скучным. Погрузиться в иную, счастливую и веселую среду часто помогала игра. «Мы играем "в зебры", и как это изумительно радостно! – пишет она в одном из мемуарных очерков. – Почему именно "в зебры" – не знаю. Настоящих зебр из нас никто не видел, разве только на картинке, и новое слово сразу понравилось. И запомнилось на всю жизнь. Так было сладко прятаться в пахучих зарослях бурьяна и вдруг выскакивать из зеленой "засады". Прятаться и... выскакивать, прятаться и... выскакивать – больше ничего не было в этой игре. Но была радость!»¹.

Интересно, что многие игры Л. Андерсен и, в частности, ее театрализации собственных историй, танцевальные импровизации были тесно связаны с миром природы. В детстве всем, кому было не лень слушать, она *рассказывала сказки, которые тут же придумывала и изображала всех героев, включая животных и деревья (мимикой и движениями)*². «Девочкой я *выплясывала, забираясь в рощу. Распускала волосы*», – вспоминает Ларисса³. «*Вот ночью елки так танцуют в лесу, а дубы – эдак...*»⁴. Возможно, что эти *игры-фантазии* с вживанием в тот или иной образ были не просто проявлением детской эмпатии или драматического инстинкта, присущего природе ребенка, а *исток*ом ее сценического и литературного творчества.

В эссе «Как я пишу стихи» Ларисса Андерсен признается, что первым побуждением к творчеству была *дикая скука* и отсутствие всякой возможности просто *встать, уйти, побегать* и не слушать, о чем целый час гнусавит учитель географии. И что если бы вдохновение явилось к ней во время перемены, она бы предложила ему вооружиться бумагой и карандашом, *а сама бы играла в прятки*. «Болезнь, скучная служба – все это более всего способствовало приходу так называемого вдохновения. Если бы меня посадили в тюрьму, смею

¹ Андерсен Л.Н. Зебры // Одна на мосту... С. 245–246.

² Андерсен Л.Н. «На острове»... С. 89.

³ Сентянина Е. Харбинские писатели и поэты // Рубеж. 1940. № 24. С. 5

⁴ Письмо Л.Н. Андерсен Ю.В. Линнику от 21 сентября 1994 г. // Одна на мосту... С. 351.

утверждать, вдохновения бы было хоть отбавляй»¹. Похожая мысль высказана и в ее очерке «Цветы сакуры», написанном после поездки в Японию: «Природу, как самую жизнь, надо вдыхать и чувствовать, а писать об этом можно позже, когда сидишь в четырех стенах или когда неотложно требуются построчные»².

Привычка «увиливать от скучных обязанностей, смотреть *невидящими глазами* и слушать *неслышащими ушами*», как и правило писать тогда, «когда событий-то и нет, когда мысль не расходится на все четыре ветра» осталась у Л. Андерсен на всю жизнь.

На эту особенность творчества она косвенно указывала и в одном из своих поэтических произведений, в котором художественно отрефлектирована ее собственная душевная и литературная жизнь:

А стихи пишу в печали, от безмолвия пишу,
Затоскую и вначале говорю карандашу:
– Карандаш... – Он понимает, он и сам расскажет мне,
Отчего тетрадь немая оживает в тишине.
Оживают все предметы, все предметы – как друзья,
С ними я веду беседы о превратностях житья...
Больше всех болтают книги, и притом – наперебой:
Смех, рыданья, споры, крики. Кто – свирелью, кто – трубой.
В их крикливом, шумном мире чуть слышна тетрадь моя:
Где уж тут писклявой лире роз, ката и воробья...

(«А стихи пишу в печали, от безмолвия пишу...». С. 167).

В этом стихотворении реконструируется игровое поведение и эмоциональная атмосфера, с детских лет сопровождавшие ее «сочинительства»: в самой ситуации беседы с карандашом и окружающими предметами, в совмещении условного и реального мира, в особой метафоричности произведения, его ритмико-интонационном и стилистическом рисунке. Свою лирическую героиню

¹ Андерсен Л.Н. Как я пишу стихи // Одна на мосту... С. 248–249.

² Андерсен Л.Н. Цветы сакуры // Одна на мосту... С. 297.

ню Л. Андерсен наделяет качествами собственной мечтательной и по-детски впечатлительной натуры, открытым и непосредственным восприятием мира, даже манерой речи, которая, по словам Н. Крук, напоминала и все еще напоминает высказывания ребенка.

На литературный путь Ларисса Андерсен вступила пятнадцатилетней девочкой под руководством опытного поэта Алексея Ачаира, организовавшего при Христианском Союзе Молодых Людей (ХСМЛ) поэтический кружок. Там, по воспоминаниям поэтессы, читались вслух и разбирались русские книги, и можно было уютно и интересно провести вечера. Вскоре кружок перерос в довольно требовательную литературно-художественную студию, впоследствии легендарную «Молодую Чураевку», где робкие, конфузливые юноши и барышни эмигрантского Харбина, помимо серьезной филологической базы и поэтической практики, находили *«незабываемый мирок, счастливое убежище от тревог о будущем»*. Творческая атмосфера «вечеров у зеленой лампы» (как именовали тогда занятия в студии) и опыт публичных выступлений помогали ребятам раскрепоститься и занять свое место в эмигрантском сообществе. «Мы становились поэтами, писателями, художниками. Нас начинали печатать», – отмечала в мемуарах Л. Андерсен. В то время, конечно, мало кто из молодых поэтов воспринимал свое творчество как жизненное призвание и настоящее искусство. Недаром в памяти Лариссы по поводу ее первой публикации стихов на страницах «Рубежа» осталось только то, как на свой гонорар она наелась китайских сладостей – «липучек». По замечанию Ю. Крузенштерн-Петерец, даже слово *«поэт»* они тогда понимали двояко. «Так, когда мы говорили о Гумилеве, Блоке, Брюсове и т.д., то мы это слово произносили с уважением, но когда дело шло о самих себе, то оно становилось чуть ли не стыдным»¹.

Как бы то ни было, но участие девушек и юношей в литературной студии было важной частью их жизни. Занятия сочинительством предоставляли уникальную возможность найти и испытать в воображаемом мире то, что им не было доступно в действительности. Это способствовало стремлению молодых

¹ Цит по: Бакич О. Остров среди бушующего моря... С. 182.

авторов вносить в свои стихотворные тексты автобиографические мотивы, проецировать на литературу личный опыт чувствования и в то же время мифологизировать реальную жизнь, моделировать ее по образцам и законам литературной деятельности.

Неудивительно, что когда на горизонте романтически настроенных поэтов появилась красивая, голубоглазая Ларисса с фамилией, навевавшей образы датского сказочника Андерсена и норвежского драматурга Ибсена, стали возникать ассоциации со скандинавской мифологией, национальным героическим эпосом, североевропейским пейзажем:

Скандинавского синего неба
Головокружительная высота –
Над землею простертый невод,
Завораживающий навсегда;
Манят петли его фиорды,
Оброненные Господом среди скал.
В ледяной их глазури – гордость
Викинг сумрачный закалял.

А когда медведем косматым –
Дыбился ураган,
Глухо шли медные латы
И ловили их зов снега.

Близость смерти бойцу не редкость –
Через кровь судьба повела,
А тебе что дано от предка,
Кроме синих фиордов глаз?..

(Н. Петерек «Скандинавского синего неба...», 1933)¹.

¹ Остров Лариссы: Антология стихотворений поэтов-дальневосточников. Орендз, 1988. С. 90–91.

Автор этих строк – Николай Петерец – отличался необычайно насыщенным внутренним миром. Поэтому он совсем не обращал внимания на свою внешность, зачастую выглядел помятым, ходил с растрепанной шевелюрой и длинными ногтями. Когда окружающее его не интересовало, был очень рассеян. Его жена – Юстина Крузенштерн – рассказывала, как однажды Николай вернулся с базара, крепко держа в кулаке ручки от корзинки: корзинку со всем содержимым обрезали воры, но он этого даже не заметил¹.

В начале 1930-х гг. он влюбился в Лариссу и половину всех стихов посвящал ей – своей Сольвейг. Этого было достаточно, чтобы, как писал В. Перелешин, *создать моду на Лариссу*. «Скандинавскими образами полнились все головы и сердца, со всех перьев лились вдохновенные строки о Сольвейг, Сольвейг...»². Молодым поэтам отчасти подыгрывала и сама Ларисса. Среди ее произведений 30-х гг. есть несколько стихотворений, связанных с этой темой. Одно из них ориентирует на «автобиографическое» прочтение уже своим названием – «*Северное племя*». Другое – «*Заклятье*» – сопровождается эпиграфом: «...и прокляла девушка лодку его и весла и снасти... *Норвежская сказка*».

Но возможно, что Ларисса сравнивалась с ибсеновской героиней не только благодаря своему скандинавскому происхождению, но и мечтательности, романтичности натуры. Недаром образ Сольвейг – девушки, которая не очень нуждается в реальном мире и живет не ощущениями, а своим духом, – в психологии стал одной из литературных иллюстраций аутистического характера. Чураевские поэты в мемуарах отмечали, что на студийных вечерах Ларисса говорила мало, и ее лицо «всегда имело несколько *отрешенное выражение*» (курсив здесь и далее мой. – Г.Э.)³ Сама она говорит, что всегда «*витала в облаках, не отдавая отчета в зависимости от обстоятельств*». Вспоминая одно из своих первых стихотворений («*Яблони цветут*»), поэтесса утверждает, что оно вполне

¹ Письмо Л.Н. Андерсен Я.-П. Хинриксу // Одна на мосту... С. 370.

² Перелешин В. Два полустанка (фрагменты) // Литературная учеба. 1989. № 6. С. 110–119.

³ Якобсон Е.А. Пересекая границы. Революционная Россия – Китай – Америка. М., 2004. С. 79.

могло быть написано какой-нибудь *романтической девушкой прошлого века* в благополучном уединении поместья и в нем не обязательно видеть эмигрантскую трагедию: может быть, девушку просто не пригласили на бал¹. Стоит упомянуть и о том, что Ларисса с детства вела дневники, но они, по ее словам, «*очень слабо отражали происходящие события*». «Моя память, – признается Ларисса Николаевна, – часто больше удерживает пустяки, может быть, поэтому она больше пригодна для поэзии, чем для серьезной "писанины"». Ей важнее было описать закат или какое-нибудь чувство. Когда кто-то на нее производил впечатление, она запоминала, какой цвет любит человек или какую музыку, но никогда не знала, что он делают, где служит. Вот что она пишет о Н.К. Рерихе, выступавшем с публичной лекцией в ХСМЛ в 1934 г.: «...лицо Рериха было немного странным: очень гладкое, бледно-желтоватое, как воск, слегка восточное. Не помню, как он был одет, но не в костюме, как все люди. Это все»².

Опираясь на мемуарные высказывания харбинцев, мы привыкли считать, что вектор художественных поисков и мифопоэтического восприятия образа Лариссы в «Чураевке» задал влюбленный в нее Николай Петерец. Именно он призывал поэтов сочинять «скандинавские» стихи в честь Лариссы (Ю. Крузенштерн-Петерец) и «лучше всех писал в этом жанре» (В. Перелешин). Но, на наш взгляд, сюжет «Лариссы-Сольвейг» мог «подсказать» Н. Петерецу и другим молодым авторам их старший брат по перу – руководитель студии Алексей Ачаир. В 1930 г. этот поэт написал и опубликовал в журнале «Рубеж» стихотворение под названием «Сольвейг». В нем он обратился к знаменитому ибсеновскому образу, воспетому еще А. Блоком, и к другим поэтическим образам и мотивам, позаимствованным из сборника поэт И. Северянина «Соловей» (1923). В поэтическом репертуаре А. Ачаира выделяется и посвященное Лариссе Андерсен стихотворение «Кошка» (1944), которое, начиная с заглавия, целиком пронизано цитатами из ее собственных текстов («Кошка», «Зеркало», «Гадание» и др.). Образ Лариссы также угадывается в его стихотворении «Муза»:

¹ Андерсен Л.Н. Самовар на Садовой // Одна на мосту... С. 254.

² Письмо Л.Н. Андерсен Ю.В. Линнику от 19 января 1995 г. // Одна на мосту... С. 352.

Мой дом – золотистая келья.
Сам строил и бревна возил.
Сегодня я на новоселье
Любимых друзей пригласил.

И ввел тебя вечером ярким
В свой тихий и замкнутый круг
Ты всем нам явилась подарком,
Ниспосланным юностью вдруг.

<...>

– Ура! – мы вскричали подруге:
ты – песня сама, не тужи;
твои молчаливые руки –
на струнах поющей души...¹

В строках этого лирического произведения легко прочитываются отдельные факты истории «Чураевки». Художественно воссоздается эмоциональный эффект, вызванный появлением Л. Андерсен среди молодых поэтов, и практически дословно воспроизводится реальная ачаировская реплика по поводу выступления Лариссы со своим стихотворением «Яблони». Ее приводит в своих мемуарах В. Слободчиков: «Лариса прочитала как-то:

Лучшие песни мои не спеты,
Лучшие песни мои со мной.

Ачаир улыбнулся и сказал: "*Ее лучшая песня – это она сама*"» (курсив мой. – Г.Э.)².

В стихотворении также содержится косвенный намек на то, что юную сочинительницу «открыл» именно Ачаир. Как вспоминает Л. Андерсен, Алексей Алексеевич сказал ей однажды: «Вот придешь домой и напиши стихотворение». Тогда совсем еще юная Ларисса, обожавшая своего учителя, добросо-

¹ Рубеж. 1938. № 51. С. 1.

² Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной...Харбин. Шанхай. М., 2005. С. 156.

вестно взялась за поручение. Она старалась сочинить так, чтобы было похоже «на такое, как пишут». Желание начинающей поэтессы вполне понятно, тем более что следование примеру, образцу соответствуют самой природе ребенка, доставляют ему чувство удовлетворения и радости. А. Ачаир посмотрел ее произведение и терпеливо объяснил все его недостатки. Затем он попросил Лариссу снова взяться за работу и посоветовал написать о том, что она видела, о чем думала. И тогда она сочинила стишок о своем детском воспоминании. «Ачаир его, как ни странно, похвалил, – пишет Л. Андерсен, – помню, ему приглянулась одна рифма: "Клекотала перепелка у молдавского поселка"». Потом это стихотворение напечатали в газете «Молодая Чураевка»¹. Необходимо сказать, что историю написания своего первого стихотворения поэтесса рассказывала не раз. Правда, связывала ее не с этим текстом «про перепелку», а с другим – про маленькую девочку, под названием «Колыбельная песенка»². Это стихотворение, кстати, тоже понравилось А. Ачаиру. И вместе еще с двумя произведениями поэтессы оно было опубликовано в коллективном сборнике «Семеро» (1931).

В «Колыбельной песенке» лирическая героиня «поет» маленькой девочке о наступлении ночи и об устройстве мира в целом:

У тебя глаза удивленные – синие, синие,
но сама ты в беленьком – как веточка в инее.
Тихой поступью ходит Бог *по путям стени,*
Подойдет и скажет тебе: – Детка, спи!..

*Вот над нами стоит умное, темное дерево,
толстое-претолстое – попробуй-ка смерть его!..
Прибежал к нам ветер вон с тех холмов
перекинуться с деревом парой-другой слов...*

¹ Андерсен Л.Н. От автора // Одна на мосту... С. 5–6.

² Андерсен Л.Н. «На острове»... С. 89.

*Посмотри! – на западе два ангела бьются крыльями, –
один – **темный**, другой – **светлый**, но светлый бессильнее.
А **востоке** тихо крадется синий мрак,
и кто-то черный угрюмо ползет **в овраг...***

***Вдалеке** расцвел огонек-цветок **в глубине сапфирности**;
заповедал Бог своим ангелам **по всей степи** мир нести.
Даже ковыль стал тихим и послушно прилег
У твоих маленьких, умытых росой **ног...***

***Скоро** ночь расскажет нам с тобой интересные сказки:
Видишь, **высоко** в небе зажглись две звезды-алмазки?
Маленькие звезды-костры, дрожащие **в синеве!**..
Дай руку – **пора** брести **по росистой траве!**..*

*Я тебя буду на руках нести, – хочешь, моя девочка?
В такой большой степи нам укрыться некуда и не во что...
Ты не спрашивай глазами синими о своей судьбе!
Хочешь песенку колыбельную я спою тебе?*

(курсив и жирный шрифт мой. – Г.Э.)¹.

Создавая свою космогонию, поэтесса благодаря поэтической интуиции обращается к универсальной мифологической модели мироздания и образу мирового древа, который в традиционной культуре является основополагающим символом упорядоченности мира. Известно, что мировое древо выступает не только центром и опорой Космоса, но и посредствующим звеном между Вселенной и человеком, является местом их пересечения. В «Колыбельной песенке» Л. Андерсен образ мирового древа объединен с деревом познания. В образе

¹ Цит. по: Семеро... С. 11–12. В сборнике «По земным лугам» и книге «Одна на мосту» это стихотворение дано в других вариантах.

«умного, темного, толстого-претолстого дерева» космологические мотивы соединяются с мотивом высшего знания. Конкретным воплощением этого образа выступает старый дуб, помещенный в центре мифопоэтического пространства – посреди «*большой стети*», по путям которой ходит Бог-Творец. Под деревом находится лирическая героиня и именно от него выстраивает пространственно-временную «систему координат» окружающего мира.

Стихотворение «Колыбельная песенка» переключается с лирическим эссе Л. Андерсен «По весенней земле. *Из раннего*» о ее мистических детских переживаниях. По своему идейно-тематическому и образному строю этот текст вообще связан со многими произведениями поэтессы, и в частности, с теми, которые вошли в ее первую книгу стихов (с похожим названием) – «По земным лугам». Он не только свидетельствует о том, что поэтическое ощущение жизни и интерес к тайнам мироздания у Л. Андерсен присутствовали с ранних лет, но и помогает понять природу ее образно-метафорической системы:

«**Дерево...** Большое и *нахмуренное...* Спокойное, как мудрец, которому уже ничего не надо. *Дышит, стоит...* И совсем не думает. Ему и не надо думать. Оно просто знает, что надо только одно: Быть.

<...>

Мелкий бисер тумана повисает на прядях волос... *Большая, настороженная тишина выходит* ко мне из глубины леса. Я останавливаюсь. **Тишина обступает меня, обступает вплотную...** *Дотрагивается до меня... Дышит...*» (С. 249–251, курсив и жирный шрифт мой. – Г.Э.).

Из этого психоаналитического экскурса в детство видно, что в творческом сознании Лариссы Андерсен природа живет самостоятельной жизнью. Явления природы, времена года и суток, атрибуты природного мира, пространство (земля, небо, солнце, луна, море, ветер, ночь, сумрак, тишина, лес, деревья и т.п.) в стихах этой поэтессы обладают зрением, слухом, способностью говорить, двигаться, творить, испытывать физические состояния, вступать с человеком в контакт как с частью мира:

Море лезет к нам за борт, шипя и рыча,

Парусом вздулась моя рубашка,
И взволнованный ветер, о чем-то крича,
За кормою плывет вразмашку.

(С. 75, курсив здесь и далее мой. – Г.Э.).

Дышит сумрак близостью сирени,
Глухо, дремно *шепчут тополя...*
О безумье летних откровений
Видит сны согретая земля (С. 59).

Простившись нежно с синеглазым маем,
На грудь полянки выплакав печаль,
Покинутые яблони *вздыхают,*
Обиженно и робко лепеча (С. 61).

Метафоры живого мира, занимающие в поэтическом языке Лариссы Андерсен большое место, отражают ее особое мировосприятие и пантеистическое отношение к природе. Об этом свидетельствуют признания поэтессы в других эссе 1930-х гг.: «Вот навстречу мне бежит ручей. Я спускаюсь на своих городских каблуках, приникаю лицом к холодной воде и захлебываясь пью. И я уже понимаю, о чем говорит ручей. Весна дала мне свое причастие... Я полна такого смирения. Я так радостно взволнована. Весь лес говорит мне о чем-то понятном, но только забытом, как детство...»¹.

Обнаженные в ранних эссе особенности индивидуальной философско-эстетической концепции мира Л. Андерсен сохранит на протяжении всей своей творческой биографии. Так, уже в поздний период своей жизни поэтесса писала:

Я верю в тишь и дальние кочевья,
Вот почему в тот вечер голубой
Я вышла в сад молиться на деревья,

¹ Андерсен Л.Н. Цветы сакуры... С. 298–299.

Чтоб помирить себя с собой (С. 207).

Люблю ли я жизнь? Ну конечно! И как!
Вот эти деревья, вот эта река –
А больше всего я люблю синеву,
И тучи, и дождик, и эту траву.

Босыми ногами в зеленом ковре!
Отнимутся ноги – я буду смотреть.
Глаза помутятся – дотронусь рукой.
Вот так – неотступной любовью такой (С. 192).

Неотступная влюбленность Лариссы Андерсен в жизнь стала ее спасением от тяжких невзгод эмиграции. Это редкое чувство жизненности, помноженное на притягательность облика молодой женщины, скрашивало суровую жизнь и ее спутников. Достаточно вспомнить об участии поэтессы в шанхайском литературном кружке «Пятница» (в последствии он носил название – «Остров»; 1943–1945), в котором, по словам Ю. Крузенштерн-Петерец, все было *необычным*, и вместо уныния, как можно было бы ожидать, вызывало *веселье*¹. В 1946 г. у «осторовитян» вышел коллективный сборник. Включенные в него поэтические тексты представляют своеобразную «дальневосточную *робинзонаду*», отражающую романтическое стремление уйти от мира настоящего в прошлое, в мир вымысла и воспоминаний. Достаточно посмотреть на темы стихов (названия): *Дым, Карусель, Кольцо, Камея, Светильник, Море, Химера, Пустыня, Ангелы, Феникс, Сквозь цветное стекло, Кошка, Достоевский, Россия, Дом, Зеркало, Колокол, Мы плетем кружева, Поэт, Джуоконда*.

В одном из стихотворений Лариссы Андерсен, опубликованных в этой книге, лирическая героиня утверждает:

Мы никого не впустим в нашу жизнь.

Мы даже радость не всегда выпускаем.

¹ Крузенштерн-Петерец Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. 2000. № 7. С. 145.

<...>

Живем в густой стесненной пустоте –
Наш хрупкий мир наполнен ею туго...
Мы – только я да книги, и затем –
Она – моя подруга.
Она – моя певучая тоска,
Мое ни с кем не деленное счастье.

(«Химера». С. 107).

Источником поэтических фантазий Лариссы становился сказочный мир фольклора, пропущенный сквозь призму блоковского мифа о Царевне:

Царевне плакать нельзя –
Царевна от слез умрет.
То знает и дворня вся,
То знает и весь народ.
А царевнин терем высок!
А красив царевнин наряд!

(«Сквозь цветное стекло». С. 106).

Обращалась поэтесса и к навсегда ушедшему счастливому детству:

Есть и солнце, и прохлада,
И коробка шоколада,
Все, чего хотеть на свете
Могут праздничные дети.
Папа скажет: в карусели
Никакой не видно цели.
Ну и что ж, раз карусель
Есть сама сплошная цель?
Мимо няня, мимо ель,
И поляна, и качель,
Серый слон и красный дом –

Все забегало кругом.
Пляшут свет и тени
Радужных видений...
<...>
Если б можно так всю жизнь!
Светлый мир, кружись, кружись...
Ну зачем, скажи на милость,
Карусель...ос –

та –

но –

ви –

лась?

(«Карусель». С. 97–98).

И образ родной страны, ставшей для эмигрантов ее поколения еще более далекой и недостижимой, чем самые экзотические моря и города, также повод для поэтического раздумья:

Манила, Адриатика, Гренада...
Экзотика, лазурь, сиянье льда...
Как были мы взволнованны, как рады
Попасть хотя бы мысленно туда.
Как мы водили по цветистой карте
Смешными пальцами в следах чернил.
<...>
Манила, Адриатика, Гренада –
Нам не нужны. Не нужен целый свет...
Одну страну, одну страну нам надо,
Лишь ту – куда нам въезда нет (С. 129).

Китай Ларисса Андерсен покинула позже всех других «островитян» – в 1956 г. Вместе с мужем – французом, сотрудником судоходной компании Морисом Шезом – ей еще немало пришлось поехать по свету: Мадрас (Индия),

Джибути (Африка), Сайгон (Вьетнам), Таити... Только в начале 1970-х гг. супружки обосновались на родине Мориса. «После многих переездов, но уже не бегств по разным странам, судьба оставила меня во Франции, – пишет Л. Андерсен в своей новой книге. – В маленьком городке [Иссанжо. – Г.Э.], среди чудесных лесов, не хватает только моря... И не хватает старых друзей ...»¹. Поэтому и стихи сейчас «пишутся все реже и реже. Давно нет Ачаира, которого я так слушалась, Петереца, который заманил меня в "Остров" игрой в "заданные темы", и только в письмах к оставшимся друзьям, которым стихи интересны, я могу их писать...»².

В последние годы Ларисса Николаевна очень внимательно следит за новостями о друзьях-поэтах, с большим интересом встречает материалы о русском Харбине и необыкновенно радуется гостям из России. В одном из ее писем читаем: «Огромное спасибо за все присланное! Еще не успела (с моими глазами) прочитать много, но знаю, что все очень интересно и дорого для меня. И как хорошо, что я еще жива и могу порадоваться этому и даже похвастаться перед моими французскими друзьями <...>».

Друзья тоже порадуются. Не могу пожаловаться: и среди французов я получаю немало теплоты и реальной заботы. Но откуда, я удивляюсь, все эти фотографии, которых у меня даже не было никогда!? Одна из них – я польщена – на одной странице с фотографией Несмелова! Жаль только, что нет фотографии А. Ачаира <...>».

Извините, что я пишу не о том, что касается литературы, но наш кружок "Молодая Чураевка" сблизил всех нас, и за каждого я переживаю.

Еще раз благодарю Вас за Ваше внимание и за Ваше посещение, и за цветочек <...>, который вполне здоров и цветет, надеюсь, что Вы его еще посетите...»¹.

¹ Андерсен Л.Н. Самовар на Садовой... С. 258.

² Андерсен Л.Н. «На острове»... С. 93.

¹ Письмо Л.Н. Андерсен Г.В. Эфендиевой от 11 февраля 2007 г. // Личный архив Г.В. Эфендиевой.

**ГЕНЕЗИС ВОЕННОЙ ПРОЗЫ А.И. НЕСМЕЛОВА:
ОТ «ВОЕННЫХ СТРАНИЧЕК» К «ОКОПНОЙ ПРАВДЕ»¹**

1915 г. стал для России, втянувшейся в войну, временем нелегких испытаний. До той трагической поры война все еще оставалась делом военных – разорению, как правило, подвергались исключительно территории боевых действий. В Первую мировую все изменилось. Война стала символом общероссийской катастрофы. Именно в это время усугубилась отчужденность народа и власти, вылившаяся чуть позже в кровавые события 1917 г. Острее всего почувствовали это писатели.

Война стала магистральной темой большинства писателей и поэтов, однако реакция на нее была неоднозначной: от резкого неприятия до восторженного приветствия. На страницах периодической печати развернулась бурная литературная полемика о путях обращения к военной тематике. Вся творческая интеллигенция разделилась на два лагеря. Первые откликнулись на призыв Л. Андреева: «Пусть не молчат поэты». Это были писатели и поэты-фронтовики, свидетели и прямые участники военных событий, для которых тема существования человека в условиях военных будней определила сюжетно-тематическое пространство художественной рефлексии. Другая часть, которую составили ведущие поэты Серебряного века, призывала уйти от военной темы. Не случайно З. Гиппиус в «Злобных стихах» (1915), разделяя умонастроения модернистски настроенных поэтов, писала:

Просили мы тогда, чтоб помолчали
Поэты о войне;
Чтоб пережить хоть первые печали
Могли мы в тишине.
Куда тебе! Набросились зверями:
Война! Войне! Войны! («Тогда и теперь»)¹.

¹ Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. К 70-летию профессора В.В. Агеносова: Сборник научных работ. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. С. 148–166.

Критик Е. Тиняков в одной из статей высказал мысль о неуместности фронтовой литературы: «Потребности в художественной литературе, посвященной текущей войне, сейчас у большинства людей нет. Призывать сейчас людей к художественному созерцанию, к "литературе", как это делает Л. Андреев, – значит совершенно не понимать текущего момента. Предаваться же исключительно литературному творчеству в наши дни можно только в том случае, если совершенно уйти от военных событий и впечатлений»². Все же авторов, писавших о войне, с каждым годом становилось все больше.

Именно в это сложное для России время, в 1915 г., в издательстве А.П. Гамова выходит книга никому не известного писателя А. Митропольского «Военные странички: стихи и рассказы»³. Интерес уже не юного сочинителя к теме войны был продиктован, в первую очередь, личным жизненным опытом: Митропольский сам прошел фронтовые дороги⁴.

В сборник вошли двенадцать рассказов («Дети», «Сторожевка», «Подпоручик Маратов», «Денщики», «Номер второй», «Атака», «Шпион» и другие) и пять стихотворений («Там», «Над полем», «Австриец», «Скоро утро. Над люнетом...», «В походе»). Тематика обозначена в заглавии: произведения, отражающие впечатления молодого, начинающего офицера; «странички» войны и военных буден.

Сборник не просто ознаменовал начало творческого пути, он стал своеобразной лабораторией, в которой формировалось сюжетно-тематическое, стилевое и дискурсивное своеобразие несмеловского творчества. Соединяя в едином художественном целом стихи и прозу, «Военные странички» не только отражают авторское стремление автора к совмещению стихового и прозаического начал, но и попытку к передаче военного сюжета сквозь призму своего журналистского опыта. Стихотворения, включенные в сборник, и рассказы переключи-

¹ Гиппиус З.Н. Чертова кукла. Стихотворения. М., 1989. С. 129.

² Цит. по: Слободнюк С.Л. Н.С. Гумилев: Проблемы мировоззрения и поэтики. Душанбе, 1992. С. 176.

³ Митропольский А. Военные странички: Стихи и рассказы. М., 1915.

⁴ Об этом: Витковский Е. Формула бессмертия // Несмелов А. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. Владивосток, 2006.

каются не только тематически, но и сюжетно. Перед нами – то лирические, то эпические странички. Так, например, фабульно скреплены стихотворение «Скоро утро. Над люнетом...» и рассказ «Сторожевка», повествующие о страшных тяготах военных дней, о физических и духовных переживаниях русских солдат на австрийской земле. Отчасти картина вечернего отдыха солдат, описанная в рассказе, повторяется в стихотворении «Над полем». Тема детских страданий, изображение трагического военного детства реализуется в рассказе «Дети» и в стихотворении «Там». Трагедия детей, волею судьбы оказавшихся в центре боевых действий – маленького Яна («Там») и поплатившегося за свое любопытство Владека («Дети»), невинных жертвы кровавых военных событий, передается через контраст наивного детского сознания, натуралистических описаний смерти в рассказе и поэтики неполной определенности в стихотворении, скрещенной с «телеграфностью стиля».

Мотив смерти становится магистральным для всего сборника в целом. Данный лейтмотив – символ некоего мистического наваждения, постоянно преследующего героев. Скорее всего, в этом сказывается влияние прозы Л. Андреева, метафорически отразившего в образе «красного смеха» безумие человеческой бойни. Так, весьма символичен образ мертвеца, догоняющего денщиков («Денщики»). Убитый австриец представляется убегающим денщикам некой химерой. Мертвец, чья лошадь не встала на дыбы, а продолжала бежать за русскими денщиками, становится олицетворением смерти, неожиданно наступающей каждого участника военных событий. Смертью насквозь пропитан тревожный воздух описываемых событий, и в то же время она предельно ощутима и наглядна, как, например, в изображении убитого Владека («Дети»): «...что-то похожее на черный столб выросло в двух шагах и подняло ребенка. А потом все исчезло... Скоро выстрелы стихли, через деревню повели солдат в серо-синих шинелях. Они отворачивались от ямы,

вырытой снарядом, на краю которой лежало что-то маленькое, кровавое и наполовину засыпанное землей»¹.

Хотя в заглавии к сборнику сам автор обозначил жанр прозаических произведений как «рассказы», все-таки вопрос о жанровой природе произведений сборника остается спорным. Исходя из специфики малых эпических форм, определяемой современными литературоведами, жанр «рассказа» в меньшей степени приемлем для «Военных страничек», так как во всех прозаических произведениях сборника отсутствует установка на особую форму повествования, образ рассказчика не явно выражен. Автор в сборнике предельно дистанцирован, его «точка зрения» сведена к минимуму.

В построении сюжета и повествовательной стратегии своих первых произведений Митропольский близок к новелле и очерку. От новеллы он взял, прежде всего, характер построения конфликта, острую, отчетливо выраженную фабулу, композиционную строгость. Действие во всех произведениях «Военных страничек» развивается стремительно, события резко достигают кульминации, и наступает неожиданная развязка. Например, в упомянутых выше «Денщиках» уже в самом начале повествования автор дает очень лаконичную, сжатую характеристику героев, не погружаясь в их внутренний мир. Затем следует завязка сюжета: трое денщиков – Терентий, Кузьма и Гришка «сейчас догоняют полк, следуя за фурманкой, нагруженной офицерским скарбом» (С. 15). Кульминацией сюжета служит неожиданная встреча денщиков с австрийскими солдатами, а развязкой всего происходящего является эпизод перестрелки с австрийцами и побег от мертвеца. От новеллы Несмелов унаследовал объективизацию повествования через отсутствие описательности.

В некоторых рассказах описательность, наоборот, заменяет сюжет. Так, рассказе «Номер второй» нет четкого событийного ряда, в центре повествования – пушка с табельным «номер вторым», которая непроглядной ночью

¹ Митропольский А.И. Военные странички: Стихи и рассказы. Указ изд. С. 18. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страниц в скобках.

спасла солдат от верной гибели. Привычный для предшествующих произведений лаконичный стиль сменяется здесь вкраплением элементов публицистического стиля, ослабленной сюжетной схемой, что весьма характерно для очерковых жанров.

Итак, первые прозаические опыты Несмелова балансируют между жанровыми формами полевых заметок и дневниковых записей. Но это – не дневник в его интимном содержании и хронологической последовательности, это – именно «странички», фрагменты военных будней. Об этом свидетельствуют стилевые особенности «рассказов»: лаконичность авторского повествования, а иногда и чрезмерная публицистичность, отсутствие развернутой характеристики персонажей (описаний деталей портрета, поступков, внутреннего мира), фрагментарность повествования и малая форма произведений. В стилевом и дискурсивном многообразии «страничек» заложена метасюжетная и метажанровая основа всей военной прозы Несмелова.

Квинтэссенцией развития данного метажанра стал рассказ «Полевая сумка», открывающий сборник «Рассказы о войне» (1936). Это сборник, принесший А. Несмелову славу и звание «самого одаренного писателя» среди своих собратьев по перу. Сюжет рассказа весьма прост: рассказчик знакомит читателя с дневниковыми записями, найденными им в полевой сумке, которую он купил в Харбине, в ларьке китайца-старьевщика. Повествование, построенное в виде прочитанной истории из «военных страничек» дневника некоего прапорщика Мпольского, младшего офицера 16-ой роты 11-го гренадерского Фанагорийского полка¹, отсылает нас к структурной модели первого сборника. Избирая специфическую форму повествования с установкой на «дневниковость» и фрагментарность, Несмелов моделирует и особую форму авторской субъектности. Он практически исключает себя из основного сюжета, кроме вводной части. Рассказ в композиционном отношении строится как «рассказ в рассказе». Во вводной части Несмелов от своего лица указывает и причины, побудившие его опубликовать эти записи: «...я чувствую

¹ Название полка, в котором служил сам Несмелов в годы Первой мировой войны.

нежность (иного выражения не нахожу) к первым, громокипящим годам войны, вдруг освободившим эпоху от необходимости думать, жить и поступать так, как думали, жили и поступали многие ряды предыдущих поколений. Всякое свидетельство об этих годах я принимаю с радостью, автор же записок был наделен зорким взглядом, чуткой душой и видел многое»¹.

Авторский комментарий можно с полным основанием считать «эстетическим манифестом» всей «военной прозы» Несмелова, так как он является своеобразным ключом к пониманию изображаемых им событий. Несмелов обосновывает метасюжетную основу своей военной прозы: ее автобиографизм тесно связан с острой фабульностью и психологизацией. Отсылка к «дневниковым записям» при этом создает иллюзию авторской остротности от повествования.

«Громокипящие годы» войны в прозе Несмелова – прелюдия к дальнейшим потрясениям, которые еще предстояло пережить России. Создавая свои рассказы в 1930-е гг., автору имеет возможность оценить все случившееся позднее, установить причинно-следственные связи в событиях 1910–1920-х гг., хотя он и не стремится делать какие-то конкретные выводы, приближаясь в некоторых местах к публицистическому повествованию или к жанру полевых заметок.

Одной из важнейших черт повествовательной организации рассказа «Полевая сумка» является его фрагментарность, сближающая прозу Несмелова с ранними романтическими повестями А.А. Бестужева-Марлинского, М.Ю. Лермонтова, «Севастопольскими рассказами» Л.Н. Толстого, «Конармией» И. Бабеля.

Внутренний мир главного героя «Полевой сумки» Мпольского в ходе боевых действиях кардинально меняется. В начале рассказа Мпольский знает войну лишь литературно, война представляется ему в сугубо романтическом ключе: «Грохот пушек, визг пуль, люди с перекошенными лицами, с ан-

¹ Цит. по: Несмелов А. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. Владивосток, 2006. С. 93. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страниц в скобках.

дреевским: – А-а-а!» (С. 96). Он по-юношески укверен, что война помогает приобрести славу и романтическое геройство, в отличие, например, от Орешина, который предпочитает не говорить о войне, она знакома ему не понаслышке. На вопрос, адресованный Мпольским Орешину: читал ли тот «Красный смех» Л. Андреева, Орешин отвечает с досадой: «Все врет!» (С. 96). Со столкновения литературных штампов и реальных впечатлений начинается дегероизация представлений о войне в сознании «книжного мальчика».

К финалу рассказа сознание Мпольского меняется: он начинает ощущать в себе внутреннюю силу, набирается походного опыта: изменяется его речь и его отношение к войне: «Раньше я боялся промочить ноги, не пил сырой воды, купаясь в летний день. Прежде чем войти в воду, "остывал", мочил голову и под мышками. Теперь же я перехожу реки вброд и остаюсь весь день в мокром платье. Я пью из луж, после похода, потный, бросаюсь в воду, ругаюсь самыми скверными словами и иногда бью гренадеров. И это все оттого, что я начинаю понимать, что жизнь моя и чужая, вовсе не стоит того, чтобы ею следовало уж слишком дорожить...» (С. 101). Духовные переживания героев «Полевой сумки» в сложном сочетании характеристик и случайных реплик выражают всю гамму чувств, которые испытывает человек на войне, независимо от того, идет он на нее «с энтузиазмом», как Немечек, «неохотно», как Орешин и «офицеры, побывавшие на русско-японской войне», или с романтическим любопытством, как Мпольский.

В последующих рассказах из цикла «окопной правды» Несмелов продолжает исследовать сознание человека на войне, уделяя особое внимание внутреннему миру молодого человека, постепенно постигающего военную жизнь. Ю. Иванов отмечал, что «военная проза А. Несмелова – это честная, бесстрашная попытка разобраться в том, как война меняет человеческую душу, каковы последствия этих необратимых перемен. То есть, в конечном счете, рассказы русского офицера исследуют глубинное течение истории,

крупным планом высвечивая нравственные аспекты национальной жизни...»¹.

Прежде чем говорить о специфике воплощения темы войны в других рассказах Несмелова, необходимо обратиться к так называемым «кадетским историям»² («Второй Московский», «Герр Тицнер», «Встреча», «Кадетское восстание»). По идейно-тематическому содержанию рассказы о жизни кадетских корпусов можно считать своеобразным прологом к рассказам из цикла «военной правды». В них меняется и авторская парадигма рефлексии военной жизни: он решает вернуться к истокам формирования офицерского сознания. Правда, следуя хронологии творческого пути А. Несмелова, следует подчеркнуть, что «кадетские истории» писались автором одновременно с «Рассказами о войне». Следовательно, в сознании автора параллельно развивались две сюжетные линии, связанные с военной темой – прошлое и настоящее тех русских мальчиков, на чьи плечи и была возложена ответственность за судьбу России.

В цикле «кадетских рассказов» еще нет прямого описания суровых военных будней. Центральной сюжетной схемой этих произведений является воспроизведение быта кадетских корпусов, воссоздание характеров юных кадетов. Не случайно сам автор в предисловии к сборнику 1936 г. «Рассказы о войне» тематически разграничивал эти две группы произведений: «*Рассказ "Второй Московский" не о войне. Особые соображения заставили меня включить этот рассказ в книгу... Большинство моих героев – офицеры, питомцы кадетских корпусов. Их души формировались именно в той обстановке, в которой развивается действие этого рассказа и где тоже происходит маленькая, детская война, в каких-то долях, однако, тоже требующая героизма. И, может быть, этот рассказ психологически дополнит остальные*» (курсив наш. – *Авт.*)³. В этом авторском замечании важна установка на раскрытие

¹ Иванов Ю. Близость к человеку // Дальний Восток. 1992. №1. С. 156.

² Предлагаемая классификация военной прозы А. Несмелова, к которой прибегают авторы статьи, обоснована авторскими комментариями к текстам.

³ Несмелов А. К читателям // Несмелов А. Рассказы о войне. Шанхай, 1936. С. 4.

психологии поступков героев военной прозы и стремление показать, при каких обстоятельствах формировались будущие офицерские типы характеров.

В рассказе «Второй Московский», казалось бы, совершенно нет места романтизации действительности. Автор отказывается от идеализации своих героев. В строгой реалистической манере, восходящей к прозе А.И. Куприна, которому и посвящен рассказ¹, Несмелов повествует о событиях, произошедших во Втором Московском кадетском корпусе. Типологически близки купринской манере и художественные приемы в изображении быта и нравов военного заведения, способы раскрытия характеров. Главное – рассказы соотносимы по идейному содержанию: для купринского Ромашова и несмеловского Ртищева вызов на дуэль оборачивается «поединком» с самим собой. Но пафос Несмелова – совсем иной.

Внимание автора в рассказе «Второй Московский» сосредоточено на характере главного героя рассказа – «лопоухого» Ртищева. Писатель вскрывает психологические переживания юного Ртищева, продуцируемые постоянным чувством страха. Динамику чувств юного кадета автор раскрывает через описания пейзажа ночной Москвы. Перед глазами Ртищева, боящегося опоздать в корпус, передают практически кинематографические приемы: перед его глазами (и глазами читателя) стремительно мелькают здания церкви, Елизаветинского женского института, «громада корпусов дворца Анны Иоанновны» (С. 4), военная госпиталь, холмы, парк, зажженные столбы фонарей и т.д. Быстрая смена пейзажных картинок соответствует метанию чувств в душе Ртищева. Герой пытается убежать от своих переживаний, но его не отпускает постоянное чувство страха. Он понимает, что он трус, потому что в кадетском корпусе он выступает в роли «загнанного зверька»: он постоянно подвергается унижениям со стороны других кадетов, то и дело придумывающих ему разные клички и прозвища, среди которых самой уни-

¹ Автор не случайно посвятил рассказ Куприну. Действие рассказа разворачивается во Втором Московском кадетском корпусе, где некогда обучался сам Несмелов, а до него с 1880 г. здесь же учился и А.И. Куприн. Об этом: Комментарии // Несмелов А.И. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. Указ. изд. С. 710.

зительной и обидной сам для Ртищева становится прозвище «лопоухий». Но главный «страх и позор» Ртищева связан с тщеславным немцем Кунцендорфом, которого Ртищев боится больше всех остальных и не может «вызвать на драку-поединок, чтобы отстоять свое достоинство» (С. 8).

Ртищев преодолевает свой собственный страх и вызывает «силача-второгодника» на дуэль, одерживая над ним победу. Описывая историю маленьких побед молодого человека, Несмелов обращается к традициям русской реалистической прозы рубежа веков: к творчеству Л. Толстого, А. Куприна, И. Бунина, М. Горького, В. Вересаева. В натуралистических тонах передана автором атмосфера и быт кадетского корпуса. Подробно описывая все бытовые и физиологические подробности кадетской жизни, Несмелов отказывается от идеализации действительности. Так, например, спальня, в которой ночевал Ртищев, была всегда очень «темная и неприятно пахнувшая... с тускло горящей керосиновой лампой» (С. 6); кровать Ртищева была в непосредственной близости «от "нужного места" – ...трех кроватей, от которых шел тонкий и острый запах. Мальчишек, вынужденных в силу своего детского греха спать на этих койках, кадеты презирали и поколачивали» (С. 6).

В отличие от реалистических красок описания кадетского быта образ князя Константина Константиновича Романова, главного начальника военно-учебных заведений, подернут романтическими оттенками. Глядя «своими внимательными и ласковыми» глазами, он мирит Ртищева с Кунцендорфом. Писатель подчеркивает, что подобное восприятие облика Великого князя «К.Р.» создавалось самими кадетами, для которых он являлся некой иконой, образцом доблестного офицера: «Десятки веселых мальчишеских глаз, десятки улыбающихся лиц искали глаз Великого князя, и вот-вот могло случиться, что кадеты сорвутся со своих мест и бросятся к любимому ими Константину Константиновичу...» Но «точка зрения» автора не совпадает с представлениями его юных героев: авторское описание внешности князя содержит явные иронические коннотации. Так, Несмелов упоминает, что «добрый» и «светлейший» князь «К.Р.», воспринимаемый всеми кадетами как

идеал всего офицерства, «картавил» и обращался к кадетам вовсе не по имени, а по прозвищу. Е. Витковский указывает, что в написанном ранее автобиографическом очерке «Великий князь Константин Константинович и кадеты. Воспоминания одного из них»¹, сюжет которого повторяет сюжет «Второго Московского», Несмелов усиливает иронический подтекст и придает образу Великого князя более реалистические черты, таким образом, развенчивая расхожий романтический облик поэта «К.Р».

В рассказе «Герр Тицнер» продолжается история духовных поисков молодых офицеров. Здесь Несмелов воспроизводит весьма комические ситуации: сюжетобразующим звеном рассказа становятся школьные шутки и проделки кадетов, в частности, их отношение к герру Тицнеру. Комичной является и фигура кадета Карачьянца, который то и дело попадал в нелепые ситуации на уроках. Раскрывая внутренний мир персонажей, Несмелов обращается к теме любви, вводя в повествование образ Мурочки, «дочки старшего корпусного врача, знаменитого Касторки» (С. 24). Увлечение Мурочкой оборачивается для несчастного кадета-второгодника Карачьянца истинной драмой, так как Мурочка является объектом почитания четвероклассника Альбокринова, которому она и отдает предпочтение, а Карачьянец постоянно подвергается осмеянию со стороны своих сокурсников².

И только в рассказе «Встреча» повествование о кадетской жизни и проделках молодых офицеров сменяется натуралистическим повествованием о военных действиях на передовой. Несмелов развенчивает романтическое мировосприятие барона Пфейлицера фон Франка, который в недавнем прошлом увлекался астрономией и передал свою привязанность к неизведанным планетам, загадочному миру Космоса кадету Мпольскому. С ним биографический рассказчик встречается спустя несколько лет в австрийском городке Развадове. Повествователь замечает, что, будучи совершенно юным, Франк

¹ Комментарии // Несмелов А.И. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. Указ. изд. С. 710.

² Любовная коллизия рассказа опять же вызывает ассоциации с купринским «Поединком». Схожие черты проявляются и в описании женских образов, и в поэтике имен героинь (Шурочка у Куприна и Мурочка у Несмелова).

не замечал унылой атмосферы кадетской жизни, он мечтал о другом: «Что лучше – стать моряком, мичманом на подводной лодке или астрономом, профессором и открыть новый спутник Земли?» (С. 78). Но все романтические мечтания Франка разбивает война. При этом герой не растерял своих юношеских увлечений, он по-прежнему наблюдает за звездным небом, по-прежнему «строит планы о том, как после окончания войны поступит в университет на физико-математический факультет, окончит его и посвятит себя всецело астрономии» (С. 79). Но война заранее предопределила его судьбу, потому что «утром барон Пфейлицер фон Франк был на куски разорван тяжелым снарядом... Но душа его раньше срока улетела туда, куда всегда стремился его ум: к звездам» (С. 83). Трагический финал повествования развенчивает романтическое восприятие войны.

В идейно-тематическом плане «Встреча» является переходным рассказом от цикла «кадетских историй» к циклу рассказов об «окопной правде» войны. В целом же все «кадетские истории» Несмелова можно охарактеризовать как эмоционально-психологическую прелюдию автора к военной тематике. Именно в «кадетских историях» Несмелов показывает становление характеров будущих офицеров. Быт кадетских корпусов мыслится Несмеловым как своеобразная колыбель, в которой возвращены были те духовные качества будущего офицера, которые ценились самим автором – это, в первую очередь, доблесть, отвага, смелость и безграничный патриотизм. Отдельные черты характеров Ртищева («Второй Московский»), Мпольского («Встреча»), барона Франка («Встреча»), Карачьянца («Герр Тицнер»), Стивы («Кадетское восстание») отчасти отразятся в образах полковника Афонина («Полковник Афонин»), поручика Мпольского («Полевая сумка»), Янушевича («Короткий удар»), Колесниченко («Тяжелый снаряд»), Быстрицкого («Золотой зуб») и других.

Непосредственному воссозданию суровых военных будней, описанию военных событий на передовой посвящены рассказы, тематически объединяемые нами в цикл рассказов «окопной правды» («Полевая сумка», «Короткий

удар», «Полковник Афонин», «Мародер», «Богоискатель», «Трудный день поручика Мухина», «Поручик Тахакаси», «Золотой зуб» и другие), которые активно печатались в разных периодических изданиях (прежде всего, в «Рубеже» и «Сибирских огнях»), публиковались в коллективных сборниках, а в 1936 г. вышли отдельной книгой¹.

В этих рассказах Несмелов продолжает исследовать сознание человека на войне, уделяя особое внимание внутреннему облику молодого человека, постепенно постигающего воинское искусство. Значительно трансформируется повествовательная техника автора. Публицистичность и фрагментарность отступают на второй план, усиливается натурализм и детальное воспроизведение военных будней.

Предельной натуралистичностью отличается описание боя в рассказе «Короткий удар». Основная проблематика рассказа разрешается в экзистенциальном ключе: герои «Короткого удара» должны выбрать смерть, потому что другого выбора нет. Рядовой приказ генерала Нилова «во что бы то ни стало» добыть пленного австрийца из-за колючей проволоки оборачивается приговором для солдат. «Короткий удар» обречен на неудачу, и это осознают все участники событий и, в большей степени, солдаты полуроты прапорщика Янушевича, которым выпало пройти триста двадцать шагов до немецкой проволоки.

Автор усиливает идею безвыходности человека перед лицом войны: первый раз, отказавшись от наступления, солдаты Янушевича (Климов, Скелбовицкий, Рябов и Бойко) были расстреляны, второй раз Нилов выдвинул приказ о наступлении целой роты, но «короткий удар», конечно, был обречен на гибель. В итоге большая часть раненых осталась за австрийской проволокой. В финале автор рисует страшную картину сжигания мертвых тел: «Там, где пять минут тому назад в трехстах двадцати шагах от русских солдат висели на проволоке скорченные оснеженные трупы крестьян Сибири, Великороссии и Украины <...>, – теперь гудело, грохотало и бросало

¹ Несмелов А. Рассказы о войне. Указ. изд.

дымом, землей, колями красное пламя тротила. И вместе с ним в голубое, бледное зимнее небо летели руки, ноги и головы» (С. 216). Солдаты «с пустотой дикого ужаса в глазах», взирающие на страшную картину всепоглощающей смерти, еще больше понимают свою безвыходность перед ликом войны. Глубинные психологические переживания солдат подаются Несмеловым через их физиологические ощущения. В рассказе отсутствуют внутренние монологи персонажей, передающие их самые глубинные страхи, волнения, мысли, что свойственно, например, прозе Л. Толстого, от которого Несмелов, безусловно, унаследовал повествовательную стратегию военного рассказа.

Несмеловские герои не пытаются анализировать свои переживания. Войну они воспринимают, в какой-то мере, как игру в рулетку: «Повезет – выживем!» (С. 210) – говорит солдатам Янушевич. Солдаты и офицеры понимают, что на войне велика роль случая. В описании образов простых солдат Несмелов сближается с Л. Толстым. На наш взгляд, для военной прозы Несмелова в некоторой мере характерна толстовская «мысль народная»: идея о том, что победа в войне принадлежит исключительно народу. Несмелов подтверждает эту идею в мыслях Нилова о том, что «людишки – подлая слизь!» (С. 226). Нилов зачитывается «Войной и миром», совершенно не понимая основной мысли романа. В этом образе автор обличает идею «маленьких Наполеонов». По мысли Несмелова, именно генералы и комкоры виноваты в гибели миллионов невинных солдат и офицеров, которым и принадлежит настоящая победа.

Натуралистическое изображение суровой «окопной правды» развивается и в рассказе «Тяжелый снаряд». Неразорвавшийся немецкий снаряд становится символом затаившейся смерти. Как и в предыдущих произведениях, Несмелов изображает войну в мельчайших деталях: звук летящего снаряда, «почти мгновенно перешедший в вой и визг», заставляет каждого солдата думать: «Не смерть ли моя летит?» (С. 134). Образ снаряда уподобляется образу хтонического чудовища. Не случайно рассказчик, увидев снаряд, «по-

думал о страшной силе, запертой в этом чугунном чудовище вроде огромного паука, но с маленькой человеческой головкой, чудовищем, которое упирается всеми частями своего членистого тела в мертвый чугун...» (С. 138). Олицетворение смерти, которая видится в образе «чудовища», поедающего приносимые ему войной жертвы, помогает автору раскрыть всю гамму человеческих чувств, отражающих неимоверное нервное напряжение, переживаемое на фронте. События и переживания героев «Тяжелого снаряда» проецируются на переживания всего русского народа.

Мотив смерти варьируется в рассказе от ее «вещественного» воплощения (образа тяжелого снаряда) до попытки самоубийства одного из героев. Ефрейтор Колесниченко, вагоновожатый московского трамвая, «человек нежный, интеллигентный», узнав об адюльтере, пытается повеситься. Идея суицида в условиях фронтовой реальности кажется офицеру совершенно нелепой. Автор подчеркивает, что в условиях войны самоценной является лишь человеческая жизнь. Свообразным провозвестником смерти в произведении является образ «мертвяка», найденного в перекрытии офицерской землянки, который воспринимается солдатами как некий посланник смерти¹. Простые солдаты, копая яму для поручика Лихоноса, подытоживают: «Неспроста он над Лихоносом поместился, в соседи его выбрал, намекивал» (С. 139). Так, Колесниченко вид «мертвяка» поверг в состояние, близкое к помешательству. «Неврастения окопника», – как впоследствии определит привыкший уже ко всему командир батальона.

Несмелов исследует, прежде всего, духовное состояние солдата, пытаясь понять причины «окопной» тоски, утраты чувства радости жизни. Он постоянно воссоздает экзистенциальную ситуацию богооставленности, брошенности русских солдат. Офицеры в рассказе предстают в облике загнанных зверьков, невинных жертв войны: «лишенные возможности любить фи-

¹ Не случайным в данном рассказе является упоминание романа А. Франса «Восстание ангелов», который читал Смолянинов телефонистам. Отсылка Несмелова к роману Франса, в первую очередь, подчеркивает мотив крушения веры, утраты религиозности перед ликом смерти.

зически, пленники молодой чувственности» (С. 136), они не радуются даже письмам из дома.

Противоположным по идейному содержанию является рассказ «Полковник Афонин», в котором авторская романтизация образов офицеров подавляет натуралистические эпизоды кровавых событий. Главный герой рассказа – полковник Афонин – отчетливо противопоставлен кашафельдебелю Нилову из «Короткого удара». Герой-рассказчик сам является очевидцем и участником описываемых событий. Несмелов отмечает трагичность положения русских войск, когда на изрытом снарядами пространстве скопились сотни трупов и много сотен раненых и когда «Н-ский полк, после двух атак почти переставший существовать» (С. 234), был заменен новым, сибирским, командиром которого и был полковник Афонин.

Избегая нарочитой идеализации Афонина, автор отмечает основное качество офицера – его глубокую религиозность. Религиозность Афонина – врожденная и воспитанная в любом белогвардейском офицере вера в Бога, которая спасает жизнь во имя исполнения гражданского долга. Ведь в своих молитвах Афонин не просил у Бога сохранить ему жизнь, а каждодневно повторял: «Дай мне, Боже, послужить Родине моей всем разумом моим и всей кровью моей!» (С. 236). При этом сам Афонин противопоставляет свою религиозность вере любого начальника или генерала: «Как, думал полковник Афонин, может молиться о сохранении своей жизни начальник, ежедневно посылающий на смерть несколько тысяч единокровных людей? Ведь смерть скачет вдоль цепей их на своем вороном жеребце, и каждое мгновение ее окровавленный клинок срубает чью-нибудь голову. О своей голове не молился полковник Афонин» (С. 237). Не случайно и уподобление Афонина облику Николая Гумилева, который для многих харбинских писателей был поэтической иконой, образцом офицерской чести и поэта-воина¹. Поэтически кано-

¹ Об этом: Забияко А.А., Дябкин И.А. Неомифологические тенденции в раннем творчестве Арсения Несмелова // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 3. Благовещенск, 2009. С. 39–48.

низируя облик Гумилева, автор прибегает к романтизации образа Афонина: «... Как и Гумилев, он смело мог сказать о себе:

Золотое сердце России

Мерно бьется в груди моей!

Такое сердце не могло ощущать трепета ни при свисте пуль. Ни при грохоте артиллерийского огня» (С. 234).

Очевидно, что на становление образа полковника Афонина наложил отпечаток и образ адмирала Колчака, в отрядах которого служил сам Несмелов и который также являлся для писателя воплощением идеала служения дворянской России. Иллюстрацией служит образ адмирала, воссозданный автором в стихотворении «В Нижнеудинске» (1940)¹.

Гражданский пафос и героическую патетику в рассказе усугубляют многочисленные псевдо-лирические отступления на патриотическую тему: «Маленькое сердце каждого, павшего за родину, вечно будет биться в бессмертном сердце Нации» (С. 234). В подобных инсинуациях автор отдает дань фашистской риторике ВФП. В идейно-содержательном плане такие лирические отступления чрезвычайно близки к «фашистской поэзии» Несмелова, которой также свойственны чрезмерный гражданский пафос, мотивы национального единства и т.д.²

Мотив героической смерти является сюжетобразующим мотивом в произведении. На первый план выходит геройский поступок Афонина – спасение немецкого солдата. Афонин становится идеалом справедливого и храброго офицера. Не случайно в финале рассказа, действие которого относится уже к 1918 г., полковника находит тот самый «рыжеголовый фриц» и благодарит его за спасение: «Немецкий солдат осторожно пожал руку, и на

¹ Несмелов А. В Нижнеудинске // Луч Азии. 1940. №12. С. 6. О мифологизации Несмеловым образа «белого адмирала» см.: Дябкин И.А. Мифологизация истории в творчестве Арсения Несмелова // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. Вып. 8. Благовещенск, 2009. С. 426–433.

² Об этом: Аблова Н. Е. Российская фашистская партия в Маньчжурии // Белорусский журнал международного права и права международных отношений. 1999. № 2. С. 55–59; Стефан Д. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945 гг. М., 1992; Витковский Е.В. Арсений Несмелов. Из литературного наследия // Новый журнал. 2003. № 230. С. 58–67.

голубых глазах были слезы» (С. 243). Описанному героическому эпизоду Несмелов противопоставляет картину, ярко иллюстрирующую безразличие новых солдат к происходящим событиям: «А русские солдаты, изуродованные революцией, стояли рядом и сплевывали на боевую шинель генерала подсолнечную шелуху» (С. 243).

Изображение войны Несмеловым соединило самые разные историко-философские концепции и самый разный батальный опыт: от толстовской «мысли народной» к литературе «потерянного поколения», а затем и к шолоховскому натурализму¹. В уже упомянутом обращении «К читателям» Несмелов указывал на то, что его проза о войне появилась значительно раньше литературы «потерянного поколения». «Работая над этой *беллетристикой*, – отмечал автор, – я не сгущал красок и не мудрствовал лукаво. Я хотел лишь правдиво рассказать о том, что происходило в душе человека, неожиданно вырванного из мирной обстановки, поставленного перед лицом ежеминутно угрожающей ему смерти с этой угрозой постепенно свыкающегося» (курсив наш. – *Авт.*)². В этом авторском признании заключается та самая творческая задача, которую он перед собой ставил как писатель и непосредственный участник всех описываемых событий. Именно поэтому читатель верит Несмелову, который даже в немногочисленных лирических отступлениях не отступает от правды жизни, пытаясь художественно исследовать психологию поступка, состояние души человека на войне.

Очевидный психологический подтекст военной прозы Несмелова позволяет читателю полнее понять характеры героев, их душевное состояние в пограничной ситуации между жизнью и смертью³.

Тема духовных и религиозных исканий русской интеллигенции также является магистральной темой всего прозаического и поэтического творчества в целом. Она очень тесно соприкасается и с проблемой этнической

¹ Об этом: Голенищев-Кутузов И.Н. Русская литература на Дальнем Востоке // Русский Харбин. М., 2005.

² Несмелов А. К читателям. Указ. изд. С. 3.

³ Об этом: Агеносов В.В. «Прошедший все ступени»: Арсений Несмелов (Митропольский), (1889–1945) // Русская словесность. 1996. №5. С. 35–38.

идентификации (см. рассказы «Ламоза», «Драгоценные камни»)¹, и особенно с темой войны, так как война в понимании Несмелова обнажает основы человеческой духовности, усиливает либо, наоборот, уничтожает его религиозные искания. Ярким примером может послужить рассказ «Богоискатель», в котором генетическая связь прозы А. Несмелова с творчеством Л. Толстого коррелирует с религиозно-философскими поисками рубежа XIX–XX вв..

Заглавие рассказа, с одной стороны, содержит несколько иронический подтекст, но, с другой стороны, вписывает рассказ Несмелова в философские традиции эпохи. Ницшеанская идея «смерти бога» активно пропагандировалась и развивалась среди русских философов, писателей и поэтов рубежа столетий. Но кажущийся кризис религиозности, наоборот, усилил мотивы богоискательства и богостроительства в русской культуре (творчество Д. Мережковского, Ф. Сологуба, А. Блока, М. Горького, С. Есенина)².

«Богоискатель» отражает весьма сложную религиозно-философскую концепцию самого автора. Очевидно, что Несмелов отвергает столь популярное в культуре конца XIX в. явление почвенничества, представление о русском народе как народе-богоносце, ведущее корни от философской концепции Ф.М. Достоевского. В рассказе противопоставлены друг другу два героя – разочаровавшийся в жизни, но философствующий о Боге и русском народе-богоносце штабс-капитан Ржещевский и подпоручик Бубекин, вызывающий раздражение командира «семинарской ограниченностью» и отсутствием веры. Начинается рассказ довольно гротескной (по-чеховски) сценой, когда Ржещевский заставляет своего денщика Власа отвечать на вопрос «Кто ты есть?» заученной фразой: «Я есть, ваше высокоблагородие, богоносец

¹ Об этом: Забияко А.А. «Ламоза лайла!»: проблема этнокультурной идентичности в осмыслении писателя-беженца // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров. Русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009. С. 144–159.

² Об этом: Чепкасов А.В. Неомифологизм в творчестве Д.С. Мережковского 1890–1910 гг. Томск, 1999; Горнфельд А.Г. Мотивы богоискательства в творчестве Ф. Сологуба // Горнфельд А.Г. Избранные статьи. М., 1990. С. 294–321; Львов-Рогачевский В. На пути в Эммаус (о романе М. Горького «Мать») // Максим Горький: pro et contra. М., 1991. С. 733–768; Гельрот М. Ницше и Горький // Максим Горький: pro et contra. М., 1991. С. 381–412; Долгополов Л.К. А. Блок: личность и творчество. Л., 1980; Марченко А. Сергей Есенин. М., 2004.

Тарского уезда Омской губернии, деревни сухие Пеньки <...> Это значит, ваше благородие, что я есть зерно великого русского народа, который даст миру настоящего Бога» (С. 161). На вопрос же штабс-капитана «Кто так учил?» Влас отвечает: «Так учил штабс-капитан инженерных войск Федор Михайлович Достоевский. Сочинений их благородия я, по малограмотности, не читал...» (С. 161).

Сослуживец Ржещевского поручик Бубекин воспринимает все происходящее как издевательство. Ржещевский презирает русского интеллигента. Не случайно он обращается к Бубекину со своими псевдофилософскими размышлениями: «Скажем так: если в нашем отечестве класс образованных людей называется интеллигенцией и вы, например, образованный человек. То имею я полное право называть вас интеллигентом?..» Соглашаясь с собственными доводами, он, наконец, приходит к совершенно абсурдному умозаключению: «Если русский народ – богоносец, а Влас – народ, то, стало быть, и Влас богоносец, то есть – богоносец Тарского уезда, какой-то там губернии...» (С. 162). Бубекин предпочитает не вмешиваться в спор, потому что знает, что все рассуждения Ржещевского сведутся к мысли о том, что «русская – ядовито – так называемая "интеллигенция" ничего не стоит, не знает ни мужика, ни солдата и вообще никому и ни на что не нужна» (С. 162; курсив наш. – *Авт.*).

Ржещевский – тип героя-мизантропа, обозленного на весь мир, который видится ему несовершенным. Типологически близок несмеловскому Ржещевскому образ Ипполита из романа Ф.М. Достоевского «Идиот», который также представлял собой «философствующего эгоиста», ненавидевшего окружающий мир. Не случайно генеральша Епанчина называет его «злючкой чахоточной, которая всех ненавидит, а себя-то в первую очередь»¹. Антигармоничное существование больного чахоткой Ипполита в романе Достоевского весьма точно олицетворяет образ страшного тарантула, являющегося к Ипполиту во снах.

¹ Достоевский Ф.М. Идиот. М., 2005. С. 391.

Доходящие до абсурда размышления Ржещевского о русской интеллигенции весьма не случайны. Ненависть к образу русского интеллигента, потерявшего, по его мнению, духовные основы существования, обусловлена его биографическим прошлым: штабс-капитан «всего-навсего неудавшийся интеллигент; господин, провалившийся на экзамене в какую-то там академию и на всю жизнь этим обстоятельством уязвленный...» (С. 162). Но в них есть и несмеловский взгляд на русскую интеллигенцию и ее вину.

По ходу повествования философские споры Ржещевского распространяются и на так называемое «толстовство»: «Вот вы восхищаетесь разными там Платонами Каратаевыми, – обращается Ржещевский к Бубекину, – а нынешние Каратаевы – вот они!.. Ведь они до сих пор еще не делают разницы между полом и писсуаром... А как они злы, тупы, ужасны... Вы думаете, что наш современный землячок – Каратаев не прикалывал раненых? Не обирают их, даже своих наши санитары? Я застрелил одного...» (С. 162).

Критикуя концепцию почвенничества, Несмелов не осуждает философию «толстовства». Писатель высмеивает претензии Ржещевского к народу и к «платонокаратаевым», которыми он командует, но в душе презирает, называя их, с точки зрения почвенничества, «христолюбивым и победоносным воинством». Толстовские идеи, его концепция истории и особой роли народа как ее вершителя, оказались близки поэтологическим и философским установкам Несмелова. Не случайно Бубекин выражает совсем иное отношение к солдатам. Наблюдая за жизнью простых солдат, он именует их «мучениками»: «Месяцами – мокрая обувь, мокрая одежда, вещевой мешок под голову, твердая от грязи шинель вместо одеяла. И так год за годом...» (С. 163).

Не менее резкой критике автора подвергаются рассуждения о Боге Ржещевского, его так называемое «богоискательство». В самом тексте есть прямые отсылки к роману «Христос и Антихрист» Мережковского, который Ржещевский держит под подушкой. Религиозные взгляды Мережковского оказываются близки Ржещевскому, однако автор отвергает их устами Бубекина: «Не люблю Мережковского – <...> Однажды он пристал к Чехову с

бессмертием души, верит ли, мол, Чехов, а тот ему: "Поменьше, батенька, пейте водки!"» (С. 164).

Истинная же причина неудовлетворенности жизнью «богоискателя» Ржещевского кроется, видимо, в том, что ко всему происходящему он относится слишком умозрительно («мудрость наша – липкость книжной пыли», как скажет поэт Несмелов в одном из стихотворений сб. «Без России»). Он пытается обрести веру, но его «богоискательство» мнимое. Герой рассказа считает, что, прочитав Евангелие, он обретет веру. Однако в Библии ему видятся одни слова, он не ощущает «никакого животворного действия»: «Я ищу веры, думаю, читаю. Может быть, чтобы найти в себе Бога, нужен длительный срок? Конечно, он нужен, нужна и другая жизнь, а ведь мне Бог необходим сейчас, вот теперь... Ах, если бы я мог верить в Бога, как все эти несчастные Мышкины, Платоны Каратаевы, все эти христосики! За что они получили этот дар, а я его лишен? И как я ненавижу всех этих обовшивевших счастливицев!» (С. 167–168). Бубекину же, наоборот, духовно близка повседневная религиозность русского солдата. Он поддерживает веру солдат в то, что присланный на фронт образок, ставший предметом солдатского торга, может спасти в бою. Хотя он и не религиозен, однако подобное проявление веры у простого солдата вполне разделяет. Наблюдая за ненавистью солдат к Ржещевскому-Журавлю, как они его называли, Бубекин приходит к выводу: «Пожалуй, так и есть: Ржещевский завидует даже самому наивному проявлению веры... Ах, несчастный богоискатель!.. "Но неужели так больно без Бога? – с удивлением подумал он. – А я? Почему у меня нет ничего этого и мне оно совершенно не нужно?"» (С. 173).

Темой войны, безусловно, далеко не исчерпывается сюжетно-тематический репертуар прозы А. Несмелова, однако военная тематика является магистральным сюжетным комплексом прозаического творчества писателя. Последующие сюжетные линии, развивающиеся в рассказах А. Несмелова, так или иначе, сопрягаются с военной тематикой. Проза А. Несмелова – это «летопись» горькой судьбы «детей восемнадцатого года», отражение

«громокипящих лет» ушедшей в прошлое дворянской России. Однако его военные рассказы – начиная с «Военных страничек» – обладают самоценным значением.

«Вероятно, ни с одной из великих войн, – писал А.П. Лиферов, – в которых Россия участвовала в последние несколько столетий, не связано такое же молчание и сознательное искажение народного самосознания, как с войной 1914–1918 гг. Несмотря на огромное количество исторической литературы по этому периоду, изданной за последние десятилетия, Первая мировая война в исторической памяти россиян до сегодняшнего дня остается "белым пятном", несмотря на огромный всплеск литературы и публицистики, наметившийся в те годы...»¹. Военная проза Арсения Несмелова, вплетенная органично в отечественную литературную традицию и перекликающаяся с прозой западноевропейских авторов помогает современному читателю устранить эти «белые пятна», несправедливо возникшие на истории Великой Войны.

А.А. Забияко

**«ЛЕДЯНАЯ ГИБЕЛЬ» АРСЕНИЯ НЕСМЕЛОВА: МЕЖДУ
«МОЛОТОМ» ПРОПАГАНДЫ И «НАКОВАЛЬНОЙ» ИСКУССТВА²**

Но все же вылезу из плана
Экранно-модного романа:
Мне музой в выполнении дан
Реалистический роман...
(А. Несмелов «Нина Гранина»)³.

Ни «экранно-модного», ни «реалистического» романа в художественном наследии Арсения Несмелова нет. Да и писал ли он роман?

¹ Цит. по: Костюков Л. Холод пути: о человеке, который отказывается делать то, что дается легче всего. Николай Гумилев // Первое сентября. 1996. №2. С. 5.

² Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. К 70-летию профессора В.В. Агеносова: Сборник научных работ. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. С. 132–148.

³ Рубеж. 1944. № 12–13.

В письмах харбинский беллетрист неоднократно касается этой темы. Например, в письме к Л. Хаиндровой: «Я закончил вторую часть своего романа и даже уже перепечатал в трех экземплярах. Остается последняя, которая в черновике уже есть. За нее сейчас и засяду. Работается не очень хорошо, потому что много газетной муры»¹. Но о каком конкретно произведении идет речь, неизвестно.

В разные годы Несмелов все же обращался к крупным формам. В нашем распоряжении, например, два так называемых «отрывка из романа» «Продавцы строк» (так обозначено при первой публикации): «Удачный заголовок» (1929), «Ленка Рыжая» (1935). Неоднократно приступая к роману, Несмелов, очевидно, так и не понял, что «дар новеллиста не гарантирует успеха в больших формах»². Чехов тоже долго не мог смириться с тем, что его уникальность – как раз в новеллистике, и сама эпоха уже выбрала малую форму в качестве жанрового приоритета³. Возможно, поэтому «повесть в стихах» «Нина Гранина», предполагающая статью «энциклопедией харбинской жизни», тоже не была завершена⁴.

Тем не менее, именно в ней явно обозначилась метапоэтическая установка: балансирование между двумя жанрово-стилистическими полюсами – клише «экранно-модного» и «реалистического» романа. В эпиграфе, строки которого из повести заимствованы, проявляется несмеловская способность не только афористически запечатлеть веяние эпохи, но и выражать свое к тому отношение. Очевидно, что под «бульварно-модным романом» разумеется клише популярного в 10-20-е годы образчика массовой беллетристики, приобретшего необыкновенную популярность в 1910–1920 гг. и активно востребованного кине-

¹ Письмо А. Несмелова Л. Хаиндровой от 25 ноября 1940 г. Цит. по: Солодкая М.Б. «Бесмертна вещая созвучность...» (Письма А.И. Несмелова к Л. Ю. Хаиндровой) // Четвертые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2003. С. 37–67.

² Несмелов А. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. Владивосток, 2006. С. 722.

³ Об этом: Бройтман С.Н., Магомедова Д.М., Приходько И.С., Тамарченко Н.Д. Жанр и жанровая система в русской литературе конца XIX – начала XX века // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX вв. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М., 2009. С. 5–77; Чудаков А.П. Ароморфоз русского рассказа (к проблеме малых жанров). Там же. С. 365–397.

⁴ О таком намерении свидетельствует и ритмический рисунок «повести» (4Я), и ее бытописательный характер, и установка автора на пушкинскую ироническую «романность». – А.З.

матографом; ему противопоставлен жанр традиционного, классического романа XIX столетия.

Кинематограф, до конца 30-х гг. остающийся немым, делает ставку на расхожие сюжеты бульварной литературы, в свою очередь, эксплуатирующей традиции классической литературы (романы Е. Нагродской, А. Каменского, А. Вербицкой и др.). В «повести в стихах» «Нина Гранина» Несмелов играет с читательским ожиданием. Предполагая его разные эстетические и интеллектуальные запросы, он потрафляет приемам «бульварной» литературы, но и заявляет о верности традиции, а может – о приверженности «эталону».

Несмотря на «строгие суждения» об уровне его образования, Несмелов, выросший в семье надворного советника, был неплохо начитан; кроме того, его брат, И.И. Митропольский, уже до войны был известным журналистом¹. Очевидно, что Несмелов следил за новинками литературы (до войны читал альманахи «Шиповник» и «Северные цветы», газету «Русское слово» и толстенный иллюстрированный журнал «Нива», а также журналы «Женское дело», «Живое слово» и т.д.). Его герои (правда, зачастую смущенно) цитируют то Блока, то Брюсова, то Куприна, то Андреева... В рассказах Несмелова в редуцированной форме то и дело упоминаются популярные в те годы книги: «Единственный и его достояние» М. Штирнера, «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше (например, «Исповедь самоубийцы»). Учеба в Психоневрологическом институте (им. В.М. Бехтерева), очевидно, способствовала специфической начитанности Несмелова в области новейших психологических и психоаналитических теорий – например, У. Джемса и М.В. Вундта (рассказ «Волки»), З. Фрейда (инскрипт на книге, подаренной П. Лапикену) и др.

Но, конечно, «громокипящим» источником для писателя стала собственная биография, давшая богатый материал для дальнейшей художественной рефлексии и творческого развития.

¹ Об этом: Резвый В.А. Несколько военных страничек прапорщика Митропольского (Арсений Несмелов в 1912–1917 гг.) // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5. Проблемы текстологии и источниковедения. Благовещенск, 2012.

Как известно, писатель Митропольский появился в середине 1910-х гг. В перерыве между военными буднями в издательстве Гамова под именем А. Митропольского выходят «Военные странички. Повести и рассказы» (1915). К этому времени в русской литературе закончился первый этап перестройки жанрово-стилевой иерархии¹. Слава Санина и его последователей вроде бы уже отгремела, а жизнь предъявляет писателям иные требования. Война провоцирует тягу к новым способам самовыражения – с одной стороны, породив у бывших фронтовиков «особый тон» «потерянного поколения», а с другой – стимулируя интерес к жанрам и темам легким, развлекательным, дающим забвение от окопных фантомов². 26-летний поручик оказывается между жерновами традиций русской классики и всеми теми новациями, что сегодня определяются понятиями с приставкой *нео-*: неонатурализмом, неореализмом, неоромантизмом.

А дальше – понеслось...

Только в 1924 г. он окунется в «сумбурность Харбина» (М. Колосова), на двадцать лет обретя пусть не комфортное, но оседлое бытие, столь нужное для сочинительства³. Попробуем представить себе творческую ситуацию, в которой оказался прошедший не один фронт, проживший четыре года то в красном, то в белом Владивостоке, Несмелов.

Его «случай» можно соотнести с метаниями вернувшегося с фронта М. Зощенко – на предшествующей, образцовой литературе «налет обветшалости», но где искать источники новых стратегий? Пока торжествовали революционная неразбериха и постреволюционная сумятица, культура русского Харбина тоже словно выпала из исторического времени почти на десятилетие. Те веяния, что определяли развитие культуры России в 1910-е гг., законсервирова-

¹ Об этом: Бройтман С.Н., Магомедова Д.М., Приходько И.С., Тамарченко Н.Д. Жанр и жанровая система в русской литературе конца XIX–начала XX века // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX вв. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. Указ. изд. С. 5–77.

² Об этом: Забияко А.А., Девочкин А.Н. Проблема «натуралистического текста» в творчестве Арсения Несмелова // Вестник АмГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 52. С. 148–157.

³ Даже там, задавленный поденными заработками, он будет жаловаться на «ужасности нашей работы, моей работы, требующей по самому существу своему, вдумчивости, т.е. времени. Это везде и всегда» // Письмо А. Несмелова Л. Хаиндровой <б.д.>. Указ. изд. С. 54–56.

лись в ней на определенном этапе¹, а затем, словно с «чистого листа», стали всемерно развиваться – в переключках с литературными новациями метрополии.

Влияли ли на становление жанрово-тематической и жанрово-стилевой стратегий Несмелова стремительные революционные потрясения, а затем его участие в Белом движении, Ледяном походе, феерическая жизнь во Владивостоке и, наконец, эмиграция? Безусловно. Важно и то, что, проходя свой горький путь от Москвы через Омск и Нижнеудинск в столицу Приморья, а затем в Харбин, Несмелов постоянно работает в газетах: омских, владивостокских, харбинских. Репортерское ремесло наложило несомненный отпечаток на жанровую природу его текстов. «Газетный человек», он привык фиксировать злободневные темы, писать быстро и хлестко, закрывая глаза на неизбежные погрешности стиля...

Но все же две повести (так обозначенные самим автором) у Несмелова есть – это «Ледяная гибель» (1929) и «Драгоценные камни» (1940). В двухтомнике произведений Несмелова первая повесть не вошла – по той простой причине, что ее не было у составителей издания на тот момент².

Повесть была опубликована в 1929 г. в нескольких номерах «Рубежа»³. Ее появлению в печати предшествовал многообещающий анонс, подзаголовок которого гласил: «Со следующего номера в журнале "Рубеж" начнет печататься исключительно интересная по замыслу повесть Арсения Несмелова "Ледяная гибель"». Попробуем (если это вообще возможно) уподобиться харбинцу, купившему этот номер, и прочитаем анонс до конца:

«Искусно связав реальную жизнь современной России со смелыми, фантастическими, но научно возможными построениями, автор рисует любовь последней человеческой пары – женщины, в борьбе за право наслаждаться не останавливающейся перед любым преступлением, ибо самое слово "преступле-

¹ Об этом: Забияко А.А. Тропа судьбы Алексея Ачаира. Благовещенск, 2005.

² Несмелов А. Собр. соч.: в 2 т. Владивосток, 2006 / Сост. Е. Витковский, А. Колесов, Ли Мэн, Вл. Резвый.

³ Рубеж. 1929. № 35–39.

ние" уже стало бессмысленным в обстановке близкой гибели земли, и мужчины, который все же не в силах перешагнуть за последнюю черту морали. Ряд жутких картин гибели огромного города, веяние ледяной смерти и над всем этим – черные крылья последней испепеляющей любви.

Арсений Несмелов, известный, как один из наиболее талантливых поэтов Зарубежья, сумел и в области беллетристики создать сильную, яркую вещь, – его повесть "Ледяная гибель" читается с исключительным интересом»¹.

Объявление о новом произведении Несмелова для издателей «Рубежа», заинтересованных в широком круге читателей и его стабильности, было хорошим рекламным ходом. Читающая публика наверняка сразу же испытала нетерпеливое волнение от предвкушения интереснейшего произведения.

Вернувшись в исследовательское пространство сегодняшнего дня, рассмотрим текст объявления сквозь источниковедческую призму. Несмотря на предписанную жанром лапидарность, анонс «Ледяной гибели» весьма содержателен. Из него мы получаем сведения и о том месте, которое занимал Несмелов в 1929 г. в литературном процессе русского Китая, и о том, каким образом складывался круг чтения подписчиков «Рубежа», и о концептуальном осмыслении повести узким кругом читателей (редакционной коллегии), а вполне возможно – и об оценке произведения самим Несмеловым (следуя редакторской политике «Рубежа», логично предположить, что анонс был заказан ему же). Кроме того, ясно, что в эти годы беллетристика начинает занимать лидирующие позиции в харбинском литературном контексте. И, несмотря на гневные инвективы Вс. Иванова², харбинским сочинителям было что предъявить своему читателю в качестве чтения не просто развлекательного, но и «раздумчивого».

В контексте же литературной жизни Харбина анонс «Ледяной гибели» одновременно становится и анонсом признания теперь уже «беллетристического» таланта поэта Несмелова. Надо сказать, что в 1927–1929 гг. он опубликовал

¹ Рубеж. 1929. № 34.

² Иванов Вс.Н. Об эмигрантской литературе // Иванов Вс. Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М., 1991. С. 239–243.

не так уж и мало прозы: 8 рассказов в газете «Рупор»¹, «Короткий удар» в журнале «Сибирские огни» (1928. № 5), «отрывок из романа» «Удачный заголовок» (Рубеж. 1929. № 3). Однако в «Рупоре» Несмелов прошел под псевдонимами Н.А. Арсеньев и А. Арсеньев, а публикация в советских «Сибирских огнях» вряд ли попала в руки широкого круга харбинских читателей.

Не замедлившее вслед за анонсом появление самой повести «Ледяная гибель», надо полагать, оправдало ожидания читателей. В ней было все: и фантастическая ситуация, и душераздирающие перипетии, и волнующие описания эротических сцен, и настоящая поэзия, и фельетонность стиля, и политические рекламации. Повесть публиковалась не частями, а порциями (столько, сколько предполагалось выделить для прозаического произведения на журнальных полосах); при этом издатели выдерживали интригу: каждая такая «порция» заканчивалась на самом интересном месте. Например, первый отрывок: «Солнце исчезло; может быть, земля через несколько дней превратится в стальной от мороза кусок льда, но пока в городе ничего не изменилось и, следовательно, надо было подумать об обеде. Улицы принимали нормальный вид; казалось, наступил обыкновенный вечер, *и только башенные часы на здании комхоза, словно издеваясь, показывали половину второго часа дня*» (курсив мой. – А.З.)².

Событийное время в повести – декабрь 1922 г. Место действия – Владивосток, город, в котором Несмелов провел почти четыре года своей предизгнаннической жизни. Сама по себе ситуация – архетипична: конец света. Земля по неизвестным причинам выходит из солнечной орбиты. Мир стоит на грани «*ледяной гибели*». В людях просыпаются звериные инстинкты, недавней революцией подогретые, но на время забытые: «вспомнилась вражда, еще не изжитая в сердцах». Обратим внимание на фактографизм повести. В отличие от авторов революционной неоромантической повести, Несмелов не случайно выбирает конкретное место и дату для своего повествования, увидевшего свет в

¹ Факт // Рупор. 1927. 25 сентября; Три ночи // Рупор. 1927. 9 октября; Тени // Рупор. 1927. 30 октября; Комаровка // Рупор. 1929. 1 января; Истерика // Рупор. 1928. 27 мая; Барышни // Рупор. 1928. 10 июня; Под звездами // Рупор. 1928. 19 августа; Коса на камень // Рупор. 1928. 11 ноября.

² Рубеж. 1935. № 35. С. 4.

1929 г. 1922 год – переломный момент в несмеловском бытии (несмотря на то, что эмигрантом он стал в 1924 г. после бегства в Китай). В октябре Красная армия под командованием Уборевича вступила во Владивосток. Бывший белопоходник, укrywшийся в редакции «Владиво-Ниппо» – газеты прояпонского толка – не мог рассчитывать на долгое отсутствие внимания к себе со стороны большевиков. Он мог только ждать, и только плохого. Тому были все основания.

1922 год стал роковым годом для русской культуры и русской интеллигенции, еще питавшей иллюзии по отношению к новой власти. «Философский пароход», предшествующие его отправлению изнурительные аресты ученых, писателей, философов; антирелигиозные процессы, суд над патриархом Тихоном, начало тотального наступления власти на литературу... В мае 1922 г. Политбюро принимает решение «О белогвардейской литературе», Л. Троцкий разворачивает масштабную работу по организации, контролю и регулированию литературного и читательского процесса¹. Выражаясь словами М. Пришвина, начинается «время садического совокупления власти с литературой»².

Дан старт поискам писателей самых разных ориентиров нового сюжета новой литературы. По мнению исследователей, в 1920-е гг. одним из распространенных жанров советской литературы становится повесть³. С «возрождением русской повести» советская критика связывает развитие литературы⁴. Популярность жанра у писателей новорожденной республики объясняется становлением их «эпического сознания»¹. Именно возрождение «эпины» будет предчувствовать в своей взвешенной рецензии на сборник «Без России», а шире – в

¹ Об этом: Корниенко Н.В. «Нэповская оттепель»: Становление института литературной критики. М., 2010. С. 9–71.

² Пришвин М.М. Дневники. 1920–1922. М., 1995. С. 260.

³ Великая Н.И. Особенности художественного сознания и модификация жанра повести начала 1920-х гг. // Русская повесть как форма времени. Сб. статей. Томск, 2002. С. 281–292.

⁴ Оксенов И. Художественная литература и история литературы // Книги и революция. 1923. № 1. С. 15.

¹ «Это тип художественного сознания отличается восприятием событий во взаимосвязи с "целостным бытием", бытием природы и общества, "миром нации и эпохи". Человеческая личность осмысливается в широких связях с жизнью народа и воспринимается как выражение субстанциональных сил народа» // Великая Н.И. Указ. соч. С. 282.

отзыве на творчество Несмелова и пражский критик И.Н. Голенищев-Кутузов: «Возрождение эпоса совпало с сумерками лирики. Упадок лирической поэзии вызван не только оскудением творческих сил, но и всеми бедствиями, которые нас преследовали и преследуют. Война и революция иссушили ключи душевного мира, ожесточили сердца, сократили досуги. <...> Кажется иногда, что спасти лирику возможно лишь духовными силами (религией, мистическим опытом), ибо дух в наши дни ослабел, но окреп в борьбе с низшими материалистическими силами <...> Эпика по своей сущности связана с общественно-социальным планом, с историческими событиями, следовательно, не чужда практической жизни, предъявляющей свои права на поэтическое творчество, незаинтересованное, автономное»¹. Правда, в критике западного зарубежья «миг сознания» по отношению к эпике наступит гораздо позднее.

В литературном процессе метрополии облик «новой русской повести» начала 1920-х гг. определяет тема революции, воплощаемая с точки зрения еще двух противоположных мировоззренческих полюсов. Эсхатология и космогония – так в обобщенном виде можно охарактеризовать эти полярные «видения» продолжающихся в стране и мире социально-нравственных потрясений. Но, невзирая на разность мироощущения, писатели того и другого лагеря ищут новые формы для самовыражения. Их уже не может устроить бытовой реализм «знаньевской» прозы, хроникально-описательный способ организации сюжета («пешеходность фантазии», по определению Е. Замятина)². Меняется и отношение к повествованию – либо голос повествователя и голос народа сливаются и возникает сказ, либо появляется орнаментальная проза (ср., например, «Падение Даира» А. Малышкина; «Ветер. Повесть о днях Василия Гулявина» Б. Лавренева; «Солнце мертвых» И. Шмелева; «Былье», «Голый год» Б. Пильняка; «Пещера», «Рассказ о самом главном» Е. Замятина и т.д.).

Но на фоне борьбы с культурным наследием прошлого и влиянием буржуазной литературы рождается и призыв дать «красного Пинкертона». Начина-

¹ Голенищев-Кутузов И.Н. Русская литература на Дальнем Востоке // Возрождение. 1932.

² Замятин Е. Новая русская проза (1923) // Замятин Е. Сочинения. М., 1991. С. 420–433.

ется дискуссия об авантюрной литературе. Владивостокский приятель Несмелова Н. Асеев к этому времени вернется в Москву и начнет печатать политически ангажированные рецензии – в частности, на «Серапионовых братьев»¹, выделяя такие черты их «эклектизма», как «анекдотичность фабулы», «вялость языка» и «явную эротоманию, исступленно выпирающую через каждые пять-шесть страниц»². Как подытоживает Н.В. Корниенко, «авантюрный роман, можно сказать, стал масштабным социальным заказом новой власти – литературе и критике <...> Начинается бум авантюрной, фантастической и приключенческой прозы»³. Возвращаясь к повести Несмелова, подчеркнем, что она, действительно, соединила в себе все признаки вышеперечисленных жанровых образований.

Так, обращение Несмелова к *повести* весьма органично для его художественного мира, предстоящего на стыке с литературой метрополии.

Повесть «Ледяная гибель» соединила в себе искания, присущие самым разным писателям метрополии – Пильняку («Голый год»), Шмелеву («Солнце мертвых»), Замятину («Мы», «Пещера», «Рассказ о самом главном»), Булгакову («Роковые яйца»), даже – Чуковскому («Краденое солнце»), чьи произведения к этому времени уже были написаны и многие могли быть доступны Несмелову. «Ледяная гибель» Несмелова предстает на стыке всех этих сюжетообразующих и стилевых тенденций, но не укладывается ни в одну из сложившихся форм. Переключки харбинского беллетриста с перечисленными авторами носят разный характер: от сугубо литературного «перекликанья» (мол, читал и читаю, мне все это близко) до глубинной, не до конца самому ясной, типологии художественного осмысления недавнего прошлого и настоящего.

Наиболее прозрачна аллюзия в повести на «Краденое солнце» К. Чуковского (1927). Название этой детской сказки, сюжет которой практически реализует архетипический мотив борьбы со змеем, почти буквально всплывает в «Ледяной гибели»: «Лобастый и широкоскулый Зыбин, в резиновом дождевике,

¹ Асеев Н. Художественная литература // Печать и революция. 1922. № 7. С. 73–74.

² Цит. по: Корниенко Н.В. Указ. соч. С. 84.

³ Там же. С. 99.

несмотря на декабрь..., уже пьяный до покраснения глаз, декламировал стихи "Об украденном солнце"» (кстати, портрет владивостокского поэта полностью совпадает с портретом Ленина из стихотворения «Две тени», сб. «Без России», 1931). Плакатно-шаржевая «крокодиловость» Ленина, возможно, не была столь ясна современникам Несмелова, но становится очевидна для нас, имеющих возможность соотнести разные его тексты и дискурсивные формы выражения.

Сама апокалипсическая *ситуация* повести «Ледяная гибель» соотносима с «Рассказом о самом главном» (1923) Е. Замятина. Этому рассказу, как и многим другим произведениям Замятина той поры, присущи, по мнению критика-современника, «крайний импрессионизм, символизм, полустихийная орнаментальная проза», «крайнего предела разорванная, полубредовая, полная скрытых смыслов новая манера письма»¹. Мифологический мотив конца света подан Замятиным в высоко-трагедийном ключе. Надвигающаяся катастрофа (падающая звезда) неизбежна потому, что друга убивает друг – комиссар белогвардейца². Это – словно кара Провидения за попрание человеческих законов, однако ее наступление остается за рамками сюжета. Крушение микрокосма для писателя важнее макрокосмических катаклизмов.

У Несмелова нарушение нормального течения жизни – завязка сюжета. Фабульное время повести необыкновенно уплотнено – всего четыре дня. Поступательно и детально описывая надвигающийся холод, писатель показывает и убыстряющееся разложение, озверение общества. Повествователь лаконичен и деловит. Его стиль лишен мифологических аллюзий и высокой трагедийности. В ярких, порой грубо-натуралистических красках он рисует постепенное наступление «бездыханной тишины ледяной смерти»: «На улице было достаточно светло от мигающих зарев, настолько светло, что путники не спотыкались о валявшиеся вокруг трупы замерзших. Мертвецы лежали в самых неожиданных позах, как застала их смерть. Те, что погибли от пули, были особенно страшны. Поднятые и сжатые в кулаки руки говорили о бессильной злобе; от-

¹ Горбачев Г. Современная русская литература. М.–Л., 1931. С. 27.

² Замятин Е. Рассказ о самом главном // Замятин Е. Избранные произведения. М., 1989.

крытые рты словно не вытолкнули последнего крика и одеревенели в судороге»¹.

Каждый борется за свою жизнь, как может. Действительность предстает как «обезбоженный» мир, в котором царит абсурд, а не логика божественной гармонии. Чтобы спастись от наступающего холода, люди создают «дома-термосы», мародерствуют, убивают друг друга ради еды и угля.

Антиутопические мотивы сближают повесть Несмелова с другим замаятинским произведением – романом «Мы» (1920) и повестью Булгакова «Роковые яйца» (1925). Несмотря на то, что природная катастрофа поразила всю Землю, ее чудовищные следствия мы наблюдаем в «отдельно взятой стране», и даже – городе. Виновником «светопреставления» народ считает советскую власть: «– Какой там переворот! Светопреставление! *Довели большевики... богохулили, церковь Божию позорили*, вот, оно и отпелось, – солнышко-то сегодня и не вошло?!»² Воззвание Совнаркома «Пусть рабоче-крестьянская власть покажет вселенной свою железную волю к жизни» – пустой звук для людей, когда в комнате «градусник показывал –26°»; в данной ситуации оно звучит гротескно. Ожидаемой «героической борьбы пролетариата» с последствиями катастрофы Несмелов противопоставляет всеобщий хаос и анархию, когда перед лицом гибели человек забывает все нравственные законы, все идеологические установки. Несмелов обнажает несостоятельность любой утопической идеологии с ее рецептами спасения от социальных и нравственных бед. В мире невозможно «равенство и братство» – люди, завладевшие «домами-термосами», убивают других ради спасения своей жизни.

В центре всех этих событий судьба *художника* Александра Петровича Сормова и его спутницы Раисы Николаевны. Сормов знакомится с женщиной случайно, в кабачке «Утиная голова», куда она зашла погреться в самом начале трагических событий. Эта *роковая встреча* во многом определит судьбу художника. Раиса завладевает сознанием и волей Сормова, это – настоящая Леди

¹ Рубеж. 1929. № 37. С. 4.

² Рубеж. 1929. №. 35. С. 4.

Макбет советского разлива. Сначала они пытаются жить по определенной системе, ведь «даже здесь, в подвале, жизнь требовала определенной организованности, иначе подземелье грозило превратиться в зловонную звериную конуру»¹. Но деградация людей, однажды преступивших черту, неизбежна.

Спасаясь от холода, герои идут на первое преступление, затем – на второе. Именно женщина сначала ради получения мехов и грелок толкает Сормова на убийство соседа-бухгалтера. А затем – уже по инерции преступлений и следуя инстинкту самосохранения – на убийство грузина Сократия Димитрадзе, хозяина кабачка «Утиная голова», где герои нашли себе приют и спасение от холода.

Последней ступенью к уничтожению всего человеческого в героях становится убийство Сократия. Сормов пытается возразить, когда женщина настаивает на убийстве грузина:

«– Но, Раиса, мы же перестанем быть людьми.

– Неправда! Мы без него забудем то, что превращает нас в животных, – страх перед гибелью».

Образ женщины утрированно демонизирован: «женщина, любящая и безжалостная, как дьявол». Явленными признаками этого демонизма становится ее гипертрофированная сексуальность: «Раиса Николаевна казалась Сормову ведьмой: но черные глаза, уже глубоко запавшие в синеву, приближались, нагое, красное в отблесках печи, тело двигалось нежными округленностями, и страсть, казалось, утоленная, опять требовала того, что казалось до дна не исчерпанным». Она, «как инкуба, глотала зеленое пламя ликера, чтобы быть опять неутомимой». Подобный образ женщины – дьяволицы-искусительницы – возвращает к архетипическим представлениям о женской природе, вновь актуализируя мысль об особом отношении Несмелова к психоанализу и аналитической психологии. Но, возможно, в таком сугубо эротизированном образе, лишенном каких-либо этических табу, Несмелов запечатлел и свою психосексуальную установку.

¹ Рубеж. 1929. № 38. С. 2.

«Женщины живут, как прежде, телом» (одноименное стихотворение, сб. «Без России») – несмеловская формула женской природы. В женском образе для Несмелова доминантой становится телесность, понимаемая как *хтоническое, темное* начало, несущее в себе разрушающую силу. В такой трактовке «женского» (неоднократно воспроизводимой в прозе) Несмелов (помимо, конечно, собственного – мужского опыта) более ориентирован на западноевропейскую культурную традицию. Издревле ей присуще видеть в женщине соблазняющего начало, в отличие от русской, где женщина – это в первую очередь мать, помощница, подвижница. Демоническое начало присуще женским образам во многих антиутопиях, рожденных в европейской литературы. По мнению Б. Ланина, греховное начало в женских образах обусловлено жанровой природой антиутопий¹. Женщины «сбивают героев с равновесной устойчивости в антиутопическом мире. Но именно благодаря женщинам герой антиутопии начинает свой центробежный путь из ритуализированного мира антиутопии»². Вспомним «хищный облик» I-330 из романа «Мы» Замятина, воплощающей все запретное: она пользуется косметикой, меняет одежды, пьет дурманящие напитки. I-330 одновременно и отталкивает, и прельщает Д-503. Своей сексуальной активностью I-330 побуждает героя к полнокровной телесной и духовной жизни. Она толкает героя на нарушение запретов Единого Государства. Но если в антиутопии Замятина телесность, эротичность пробуждают в человеке возроденческую жажду гармонии, то у Несмелова, наоборот, сексуальность и провокативная активность женщины разрушают духовные импульсы, приводят героя к утрате человеческого облика. Раиса Николаевна толкает Сормова на преступления, своей безудержной страстью сводит его с ума: «Он верит в Бога, а я – ведьма. Он не догадывался об этом...»

Страсть, провоцируемая неутомимой женщиной, затмевает все остальные чувства: «Два тела, крутятся, полетели в лишенный времени провал. В нем – ис-

¹ Ланин Б. Мир без женщины, или Целомудренность разврата // *Общественные науки и современность*. 1994. № 2. С. 150–158.

² Там же. С. 154.

пепеляющие ощущения, острые, как глубоко вонзающиеся иглы; и – душная тьма.

А потом что?..»

В данном фрагменте проявляется еще одна, уже литературная грань, концепции страсти – любовь несмотря ни на что, любовь вопреки всему. Различные проявления страсти, в том числе, и любовь как пытка, любовь среди палачей, костров, смертей отразились в поэзии «серебряного века» – особенно ярко в творчестве Брюсова. Недаром строки из его стихотворения о помпеянке, в объятиях возлюбленного забывшей о гибели города, неточно цитируются в повести: «Пусть не угаснет память во вселенной о страсти, перешедшей за пределы».

Эти строки «своей жестокой приложимостью» соответствуют и сюжету самой повести: «Перед великолепием наслаждения – чем была эта глупая гора с ее огнем и пеплом?»¹. Ненасыщаемое влечение становится спасением, единственным противостоянием смерти. Именно Брюсов, в отличие от других символистов, сопрягает любовь с миром не божественным, а демоническим, миром Дьявола (роман «Огненный ангел», 1907–1908 гг.). Но если для Брюсова страсть immoralна, вне добра и зла, то для Несмелова страсть без духовных оснований разрушительна. Художник сходит с ума, превращается в зверя («волчий взгляд его был жалок и затравлен»), а Раиса находится на грани безумия. Таким образом, концепция телесного вбирает у харбинского писателя и символистские, и неонатуралистические, и традиционно-реалистические мотивы. И при этом – содержит индивидуально-авторскую трактовку.

Если апокалипсические настроения рубежа веков были вызваны ощущением неизбежности социального кризиса, «чрезвычайности» времени, то в произведении Несмелова ситуация «конца света» вызвана именно последствиями перемен, произошедших в обществе после революции. Умозрительные апокалипсические пророчества Серебряного века сопрягаются у Несмелова с апокалиптикой реальности, которой он был живой свидетель и участник. В повести

¹ Рубеж. 1929. № 39. С. 1.

выражается вся противоречивость послереволюционной эпохи: экзистенциальные ощущения, эсхатологические чувства, связанные с кризисом религиозно-духовных оснований, одновременно уживаются в ней с надеждами на глобальное обновление жизни, началом новой эры человечества. Автор стремится к постижению природно-зоологического («звериного»), инстинктивно-бессознательного начала в человеке и в жизни, вскрытого экстремальной ситуацией, грозящей гибелью всей цивилизации. В этом отношении ему ближе Б. Пильняк, в 1920-е гг. осмысливающий революцию как бунт, вскрывающий недра стихийных сил. Кровь, насилие, жертвы, разруха и распад – все это для него неминуемая данность, порыв долго сдерживаемой органической силы жизни, торжество инстинктов. Но, в отличие от Пильняка, который радуется распаду, гротескно рисуя уходящий дворянский мир и ожидая, что из этой огненной, вихревой, метельной купели появится на свет иная, «корневая», «изначальная» Русь, Несмелов отнюдь не оптимистичен. Мысль о новом человеке, о мирном будущем существовании остается за пределами повествования. В этом смысле фраза «Ледяная гибель» коррелирует с уже ставшим реальностью бесславным и гибельным «Ледовым походом», участником которого был и поручик А. Митропольский.

Правда, Несмелов в повести спасает свою землю: «Земля, пролетев огромное пространство, нашла новое солнце и уже вращалась вокруг него... Лето ли было, или зима, спасшиеся еще не знали, но светило правильно восходило и заходило; только сутки стали теперь короче»¹. Однако у его героев, спасшихся от «ледяной гибели», нет перспектив – катастрофа, вскрывшая в людях все самое темное, бессознательное начало, не прошла бесследно. Неизвестно, к чему приведет «естественный отбор», так безжалостно распорядившийся человеческими судьбами.

Обратим внимание на авторское именование жанра – ведь это Несмелов определил его как «повесть». При этом ни хроникальность, ни описательность

¹ Рубеж. 1929. № 39. С. 8.

не являются характерными признаками «Ледяной гибели»¹. Сюжет в «Ледяной гибели» развивается стремительно, а сама композиция событий выстроена необыкновенно кинематографично, с применением приемов монтажа. В произведении два пуанта: неожиданное избавление полуобезумевших любовников и «превращение» событий в «выдуманную» историю. Сомнению может быть предан и «эпический дух» события, ограничившего «бытие» двух преступников забвением всех мыслимых законов. Можно сказать, что перед нами – один из образцов новеллистического жанра, где «эмпирика события» (Н.Д. Тмарченко) обобщается выдумавшим его рассказчиком. Лишь в самом конце мы узнаем, что жуткие события «глобального похолодания», оставившие в живых нескольких человек – это онейрические фантомы журналиста с весьма узнаваемым «харбинским именем» Алеша Грызин².

Такова повествовательная рама, погружающая читателя в мир реального Владивостока 1922 г., с присущей ему культурной и общественной жизнью, соцзаказом в литературе, стремлением к «литературе факта», холодными ветрами и вечными тайфунами. Грызин читает свою неопубликованную рукопись, и она подвергается двойной (вслух и «про себя») оценке со стороны слушателя, его же – главного героя написанной повести, художника Сормова. Их диалог (параллельно с внутренней речью и несобственно-прямой речью) – еще одна композиционная форма, носящая явный метапоэтический характер. Редактор «Красного знамени», которому Грызин показал свое сочинение, забраковал повесть: «Вы, говорит, центром повествования сделали эротические переживания этой дамы и Сормова... <...>, а о героизме рабочих, об их организованности,

¹ Например: Кожин В.В. Повесть // Краткий словарь литературных терминов. М., 1972. С. 271–272.

² Любовь к настоящим именам в отношении своих персонажей, зачастую мало привязанным к конкретным характеристикам – отличительная черта «гиперреалистической» поэтики Арсения Несмелова. В его текстах многократно фигурируют его однофамильцы, однофамильцы его матери, Леонид Ещин и др. «Алеша Грызин» – почти буквальное совпадение с именем Алексея Грызова (Алексея Ачаира). Кроме указания на его «бездарность» (известно, что Несмелов невысоко ценил способности организатора «Чураевки»), образ не содержит никаких биографических сходжений с реальным Ачаиром, кроме того, что Ачаир работал в одной из владивостокских газет. Более того, Несмелов «дарит» Ачаиру авторство действительно талантливой повести.

несомненно, проявленной в эти минуты, вы почему-то ни слова не сказали»¹. Сормов, несмотря на свою скупую похвалу, «Грызина считал бездарным, и рассказ ему не понравился». А сам Грызин, получивший пусть небольшое, но признание своего приятеля-художника, просто счастлив: «повесть его уже не интересовала, да и знал он, что не сумеет ее переделать так, как ему советовали».

И все-таки перед нами – именно повесть в ее первоначальном бытовании как «поведание», «повествование», «душеполезное чтение». Искусство писателя состоит в том, что он не отделяет событие рассказывания от повествовательной рамки. Дух «эпического сознания» эпохи также сближает «Ледяную гибель» с самыми разными формами повестей начала 1920-х гг., особенно – с «российскими фантазмагориями» с их «фантастикой, врастающей в быт» (Е. Замятин о М. Булгакове)². Несмотря на игру композиционными формами, основным содержательным компонентом «Ледяной гибели» остается фантазмагорическая история «ледяной гибели» и ее неординарная трактовка автором. С композиционной точки зрения это – «повесть в рассказе». По своему пафосу, несмотря на синтез разных жанровых признаков и их низведение повествовательной игрой – повесть-притча, близкая к апологу³. Начавшись с анекдота («А представь себе, что солнце завтра не взойдет, – сказал Сормов, карабкаясь на обледенелые камни»), повесть развивается как ряд испытаний героя демонической силой. Испытаний, которых он не выдерживает. Но обратим внимание на финал «повести Грызина»: «И все-таки земля была пустынна. Погибли звери и птицы: уцелело лишь несколько пар овец и коров. Они спаслись в глубокой каменно-угольной шахте, в 20 верстах за городом, куда их затащили люди. Шахта сохранила жизнь большей половине спасшихся».

Впрочем, остались и птицы, – голубь и голубка: *ребенок на своей груди пронес их в шахту*» (курсив мой. – А.З.). Библейские реминисценции, заканчи-

¹ Рубеж. 1929. № 39. С. 8.

² Ковский В. «Ирреальное, полуфантастическое, дьявольски русское...» // Российские фантазмагии: Русская советская проза 20–30 гг. М., 1992. С. 3–16.

³ Тюпа В.И. Новелла и аполог // Русская новелла: проблемы теории и истории. СПб., 1993; Кузнецов И.В. Жанровая модель притчи и тип героя в русской литературе XVII–XVIII вв. // Молодая филология. Вып. 2. Новосибирск, 1998.

вающие повесть Грызина, легитимируют ее притчевый характер и одновременно обуславливают ее невозможность быть напечатанной в большевистском «Красном знамени».

Возвращаясь к инвективам Вс. Н. Иванова, обращенным к харбинским сочинителям, подчеркнем, что именно 1929 г. становится для Несмелова временем отсчета жанрово-стилистических исканий в прозе. Их границы сопрягаются с самыми распространенными в это время в Европе беллетристическими жанрами – фантастикой, детективом и фельетоном-анекдотом. Кстати, именно эти литературные жанры Ц. Тодоров определит много позднее как «жанры в чистом виде», так как они наиболее формализованы с точки зрения сюжетики, образной системы и т.д.¹

«Ледяная гибель» не была первым эмигрантским произведением Несмелова, но в ней ярко запечатлелись характерные черты жанрологии его прозы: сюжетный динамизм, метаморфность жанра анекдота и притчи, автобиографичность повествования (несмотря на фантастические события). Жанрообразующим стержнем несмеловской прозы становится *событие рассказывания*, особая организация которого позволяет писателю балансировать на разных уровнях художественной иерархии: от сенсационного или «экранно-модного» сюжета до трагедии античного масштаба (например, рассказ «Золото»)². Естественность, с которой Несмелов это осуществляет, объясняется органичным сцеплением его индивидуального стиля и основных тенденций русской прозы 1920–1930-х гг.

«Ледяная гибель» – именно «новая повесть», которую так ждали советские критики: с установкой на фантастику, авантюренность и приключение, относительно благополучно завершившееся, с фактографичностью, использованием публицистических, пропагандистских и плакатных форм. Только воплотилась такая повесть не в советской России, а вышла из-под пера эмигранта-антисоветчика со всеми вытекающими отсюда последствиями для ее героев:

¹ Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М., 1997. С. 4.

² Рубеж. 1932. № 2.

пропагандистский запал повести был нацелен на ее эстетических вдохновителей¹. Но и пропагандистская подоплека не стала главной для писателя.

В повести Несмелова Земля не умерла, выжили герои, в которых мы угадываем биографические черты. Катастрофой стала сама продолжающаяся жизнь – ясно, что стало с тем художником и писателем в советском Владивостоке, если они своевременно, как сам Несмелов, не пересекли границу соседнего Китая. Наверное, потому так скомкан финал повести самого Несмелова. Метафора ледяной гибели реализовалась для Несмелова своей реальной жизненной трагедийностью.

Жун Цзе

ПУШКИН В СЕРДЦАХ РУССКИХ ХАРБИНЦЕВ²

1937 год – столетие со дня гибели А.С. Пушкина. Этот юбилей отметили все русскоговорящие, в том числе и русские харбинцы, эмигрировавшие из России по разным причинам в период строительства КВЖД, после октябрьской революции 1917 г., после разгрома белогвардейцев во главе с Колчаком в начале 20-х гг. XX в.

Находясь на чужбине, русские харбинцы старались сохранить родную культуру, держать духовную связь с Родиной. Они читали, изучали русских классиков: Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова, – воспитывали у своих детей чувство любви к родной литературе. Чтобы чтить память своих любимых писателей, поэтов, композиторов, художников, они организовали своеобразный праздник – Дни русской культуры.

Для русских харбинцев Пушкин был вершиной русской классики. Юбилейный день Пушкина – дорогая и важная дата. Еще в 1912 г. русские харбинцы торжественно отметили 75-летие со дня гибели поэта. 29 января было проведено «Юбилейное утро» памяти поэта. Для учащихся всех городских школ в театре

¹ Николаев Д.Д. Художественная литература как пропаганда: установка и восприятие // От Бунина до Пастернака: Русская литература в зарубежном восприятии: К юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям: Сборник материалов. М., 2011. С. 30–53.

² Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. К 70-летию профессора В.В. Агеносова: Сборник научных работ. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. С.195–203.

Данилова давался спектакль «Борис Годунов». 12 февраля в «Харбинском вестнике» была опубликована статья «75-летие смерти Пушкина».

А в 1937 г., во время японской оккупации Маньчжурии, несмотря на суровые условия, русские харбинцы еще торжественнее отмечали столетие со дня гибели Пушкина, чтя память великого поэта. Почти все календари, журналы, иллюстрированные сборники, напечатанные в 1937 г., были тесно связаны с Пушкиным. В школах были организованы конкурсы чтецов пушкинских произведений, а Христианский союз молодых людей в Харбине организовал пушкинские вечера и выставку, где показывали все, что имелось в Харбине и относилось к творчеству Пушкина и литературе о нем¹. На вечерах учащиеся ХСМЛ играли отрывки из «Сказки о рыбаке и рыбке», «Полтавы», «Русалки», «Бориса Годунова» и других произведений Пушкина. Вечера обычно заканчивались выступлением хора, исполнявшего ряд песен на стихи поэта, и прославлением Пушкина.

Кроме того, русские харбинцы организовали много мероприятий, например, были показы спектаклей, поставленных по мотивам произведений Пушкина («Евгений Онегин», «Пиковая дама»), было переиздано немало произведений поэта, подготовлен том «Избранных произведений» (Харбин, 1937), в котором была опубликована вступительная статья профессора К.И. Зайцева², знаменитого пушкиниста дальневосточного зарубежья, автора статей «Пушкин как учитель жизни»¹, «Смерть Пушкина»² и других³. Состоялись торжественные Пуш-

¹ См.: Пушкинские дни. Выставка в Харбине ХСМЛ // Иллюстрированная Россия. 1937. № 22. С. 15; Памяти Пушкина: Иллюстрированный сборник. Харбин, 1937. Здесь и далее ссылки на источники и примечания – Ред.

² Зайцев Кирилл Иосифович (1887–1975) – философ, богослов, историк литературы, критик, публицист, профессор Юридического факультета в Харбине. Член Центрального Пушкинского Комитета в Харбине, один из организаторов Пушкинских торжеств и юбилейной выставки в городе в 1937 г.; 12 февраля выступил с докладом на вечере памяти А.С. Пушкина в Большом зале Железнодорожного собрания. В 1945 г. в Шанхае был рукоположен в священники; впоследствии переехал в США, принял монашеский постриг с наречением Константином (1949). После Второй мировой войны создал ряд новых работ о Пушкине.

¹ Опувл.: Русская мысль. 1927. № 1. С. 32–44. С докладом на эту тему автор впервые выступил 12 июня 1924 г. на торжественном собрании в зале «Мещанской беседы» в Праге.

² Опувл. в кн.: Пушкин А.С. Избранные произведения. Харбин, 1937. С. VIII–XXVIII.

³ См., например: В сумерках культуры // Русская мысль. 1921. № 1–2. С. 100–117; Куда ведет нас Пушкин // День русской культуры. Харбин. 1937. 7 июня. С. 9–11.

кинские чтения, были изданы книги и сборники статей («Пушкин и его время»¹, «Россия и Пушкин»²).

Сборник «Россия и Пушкин» (под ред. Н.И. Никифорова) занимал важное место в этих торжествах. В предисловии к нему сказано: «Настоящий сборник составлен и издан Академической группой в Харбине по согласованию с Пушкинским комитетом, организованным при бюро по делам российских эмигрантов. Дальневосточная эмиграция приносит этим сборником свою скромную дань памяти великого национального поэта»³.

В сборнике было опубликовано 14 статей – «Идеалы А.С. Пушкина и современная действительность» (Г.К. Гинс), «Религиозная проблема Пушкина» (К.И. Зайцев), «Русский народный дух в поэзии Пушкина» (О.Е. Еварестов), «Исторический облик А.С. Пушкина» (О.В. Голубцова), «Пушкин и русский язык» (С.В. Кузнецов) и другие. Надо признаться, что авторы данных статей очень тонко проанализировали многие важные мотивы в творчестве Пушкина, о чем не могли бы написать советские пушкинисты. Например, своеобразное отношение Пушкина к царю и монархии, религиозное сознание поэта, его отношение к книжной цензуре и понимание поэтом свободы человека и общества.

Известный харбинский пушкинист, профессор Г.К. Гинс⁴ написал для сборника предисловие и 4 статьи¹, и представил в них оригинальные взгляды о

¹ Пушкин и его время: Альбом автотипий с сопроводительным текстом / Сост. К.И. Зайцев, П.А. Казаков, П.И. Савостьянов. Харбин, 1938. 216+85 с.

² Россия и Пушкин. 1837–1937: Сборник статей. Харбин, 1937. 139 с.

³ Гинс Г.К. Столетие со дня смерти А.С. Пушкина // Россия и Пушкин. 1837–1937. Указ. изд. С. V–VIII.

⁴ Гинс Георгий Константинович (1887–1971) – юрист, общественно-политический деятель, публицист, профессор Юридического факультета в Харбине; позднее, после переезда в США (1941), профессор Калифорнийского университета, член Русской Академической группы в США, редактор газеты «Русская Жизнь» (Сан-Франциско). Член Центрального Пушкинского Комитета в Харбине, неоднократно выступал в харбинских аудиториях с докладами и лекциями о поэте. Автор целого ряда публикаций о Пушкине. См., например: А.С. Пушкин и русская нация // День русской культуры. Харбин. 1937. 7 июня. С. 11–14; Пушкин и наша родина // Рубеж. 1937. № 6. С. 1–2; А.С. Пушкин – русская национальная гордость. Речь, произнесенная на акте Юридического факультета 1 марта 1937 г. // Право и культура: Сборник в ознаменование 18-летнего существования Юридического факультета в г. Харбине. 1920–1937. Харбин, 1938. С. 91–114.

¹ Столетие со дня смерти А.С. Пушкина; Гений и творчество А.С. Пушкина; Идеалы А.С. Пушкина и современная действительность; Русское прошлое в произведениях

поэте и его творчестве. В статье «Идеалы А.С. Пушкина и современная действительность» Гинс раскрыл отношение Пушкина к закону, к царю, к монархии: «Ни в какой мере не склонен был сам Пушкин осмеивать закон, Правительство и нравы... Пушкин меньше всего склонен был отрицать государственную власть и принуждение, необходимые для поддержания порядка в обществе»¹. Гинс считал, что Пушкин больше верил в реформы сверху, чем в насильственные перевороты. Он привел в пример стихотворения Пушкина «Наполеон», «Андрей Шенье» и задал ряд вопросов. Будут ли читать эти стихи в Москве в день Пушкинской годовщины, и как воспримут их кремлевские тираны и исполненный гнева, и волнуемый слухами русский народ? Не вспыхнут ли народные страсти, когда коснется чуткого слуха призыв поэта: «Исчезни, краткий наш позор». Будут ли допущены к чтению стихи: «Вострепещи, тиран. Уж близок час паденья! / Ты в каждом ратнике узришь богатыря, / Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья...»; «Он сердцем почитать привык алтарь и трон; / Но мнений не теснит и разум терпит он. / Закону преданный, отечество любя, / Принять ответственность умеет на себя; / <...> / Он друг писателю, пред знатью не труслив, / Благоразумен, тверд, свободен, справедлив».

В данной работе Гинс коснулся также понимания поэтом свободы человека и общества: «Естественное право человека – право на свободу. Но свобода обеспечена и неопасна лишь там, где ее охраняет закон», – говорит он, цитируя Пушкина: «Лишь там над царскою главой / Народов не легло страданье, / Где крепко с Вольностью святой / Законов мощных сочетанье; Где всем простерт их твердый щит, / Где сжатый верными руками / Граждан над равными главами / Их меч без выбора скользит».

Занимает автора и вопрос, связанный с осмыслением поэтом проблемы свободы и его отношением к царю. По словам Гинса, Пушкин был убежденным сторонником свободы, но поэт понимал, что при народной темноте свобода ве-

А.С. Пушкина; Явное и сокровенное в произведениях А.С. Пушкина; А.С. Пушкин и русское национальное самосознание.

¹ Гинс Г.К. Идеалы А.С. Пушкина и современная действительность // Россия и Пушкин. 1837–1937. Указ. изд. С. 10–18.

дет к распущенности, и грозный признак пугачевщины заставлял его бояться революции. Ему казался возможным путь к прогрессу и свободе, путь реформ, идущих сверху. Пушкин обращается, прежде всего, к эпохе Петра, который «самодержавною рукою» смело сеял просвещение. От царя он ждет в будущем освобождения крестьян, «рабство, павшее по манию царя».

В статье «Столетие со дня смерти А.С. Пушкина» Гинс рассказывает о ссылке поэта в Бессарабию. Он считает, что она пошла на пользу Пушкину, так как благодаря этой ссылке он столкнулся с подлинной жизнью, познал все ее трудности, а после задал горький вопрос: «К чему стадам дары свободы?»¹

Работа Г.К. Гинса «Русское прошлое в произведениях А.С. Пушкина» поднимает такие темы, как «роль случая», «судьба», «предчувствие», «драма русской интеллигенции», «народность»². Автор считал, что русский народ верит «случаю». Пушкин знает «русское авось» и уделяет большое внимание случайным обстоятельствам, в которых проявляются черты характера русского человека. Могучий Олег погибает от змеи, ужалившей князя. Борис Годунов умирает внезапно в самый роковой момент своего царствования. Вся история Гринёва в «Капитанской дочке» – сплетение случайностей, начиная с его встречи с Пугачевым во время метели и кончая встречей капитанской дочки с императрицей Екатериною II в царскосельском парке.

Говоря о проблеме «судьбы» в творчестве Пушкина, Гинс утверждает, что у поэта случай и судьба тесно связаны. Эту проблему он исследует на материале повести «Метель». По его мнению, в то время, когда Пушкин писал эту повесть, в Болдино не могло быть метели (осень 1830 г.). Гинс полагает, что в это время «метель» была у поэта на душе. Наслаждаясь счастливым чувством, поэт испытывал и страдание. Он страдал от клеветы родственников и друзей, от ссоры с будущей тещей, страдал от нехватки денег и от многого другого. Эти чувства нашли отражение и в стихотворении «Бесы». Очевидно, что была связь между «Бесами» и «Метелью». Как подметил Гинс, метель и бесы – это игра судьбы,

¹ Гинс Г.К. Столетие со дня смерти А.С. Пушкина. Указ. изд. С. V–VIII.

² Гинс Г.К. Русское прошлое в произведениях А.С. Пушкина // Россия и Пушкин. 1837–1937. Указ. изд. С. 19–30.

на которую надо в известный момент доверчиво положиться. Вера в судьбу – одна из основ мировоззрения Пушкина, находившего в этом своем доверии к таинственным силам жизни мудрую безмятежность и бесстрашие.

Касаясь предчувствия в творчестве Пушкина, Гинс отмечал, что героев Пушкина часто посещают сны. Эти сны отчасти отражают их настроения, отчасти открывают их будущее. Героиня рассказа «Метель» засыпает накануне бегства из дома в страхе за будущее и видит во сне своего жениха окровавленным; Алеко, герой поэмы «Цыган», видит во сне «смутное виденье», которое заставляет его проснуться в момент измены жены; Руслан видит во сне судьбу найденной им Людмилы. Пророческий сон видит Гринев, которому снится, что в постели его батюшки лежит мужик с черной бородой, который требует, чтобы он подошел под его благословение, а потом бросается на него с топором. Этим мужиком оказывается потом Пугачев.

Гинс считал, что Пушкин верил в возможность пророческих сновидений, его чуткая душа была способна так глубоко проникать в действительность, что фантазии его становились как бы естественным продолжением действительности и из произвольного воображения превращались в подлинное предвиденье грядущего. Таков, например, чудный сон Татьяны: «Ей снится, будто бы она / Идет по снеговой поляне, / Печальной мглой окружена...» Наверное, этим и начинается изображение жизненного пути Татьяны. Она не знает теплой ласки родных, она одинока и окружена холодной мглой. На ее пути ручей, через который ее переводит «большой взъерошенный медведь». Он неотступно следует за нею, пока она не попадает в хижину, где среди страшных чудовищ видит Онегина. Медведь, неотступно следующий за Татьяной, – это судьба, сталкивающая ее с человеком, который резко выделяется среди всех окружающих ее людей. Судьба толкает ее, и не в ее власти вернуться. Все это во сне отражение того, что Татьяна уже пережила. Но дальше начинается пророчество. Внезапное появление Ленского вызывает его ссору с Онегиным, и Онегин убивает Ленского: «...нестерпимый крик / Раздался... хижина шатнулась... / И Таня в ужасе проснулась...» Каким-то подсознательным чутьем Татьяна угадала и то, что в душе

Онегина осталось зерно его пресыщенного чувства, и тем же подсознательным чутьем Татьяна угадывает, что Онегин и Ленский друзья только по виду, но в действительности чужды друг другу.

У самого Пушкина была необычайная способность проникновения не только в тайны прошлого, которые он воспроизводил так, как будто был свидетелем чуждых ему времен и событий, но и способность угадывать свою судьбу и судьбу других. В 1836 г. за полгода до смерти Пушкин бродит по кладбищу и описывает преимущество деревенского кладбища, где «Близ камней вековых, покрытых желтым мохом, / Проходит селянин с молитвой и со вздохом; / На место праздных урн и мелких пирамид, / Безносых гениев, растрепанных харит / Стоит широко дуб над важными гробами, / Колеблясь и шумя...» Тогда же он сам себе воздвигает нерукотворный «Памятник», который так и останется величественным монументом великого гения. Здесь сила предчувствия переходит почти в ясновиденье. Это ясновиденье распространялось не только на личную судьбу, но и на судьбы русской интеллигенции.

Размышляя над драмой русской интеллигенции, Гинс погрузился в раздумье о смерти Ленского и сделал вывод, что дуэль Онегина и Ленского – это прообраз смертельных схваток идейных врагов, той внутренней розни, которая столь характерна для русской интеллигенции. Касаясь народности в творчестве Пушкина, Гинс подчеркнул, что русским эмигрантам особенно дорога подлинная, коренная народность, которой проникнуты его лучшие произведения. Для эмигрантов ближе и понятнее все те созданные Пушкиным образы, которые насыщены русским духом. В конце статьи Гинс выразил важную мысль, значение которой оказывается актуальным даже в наши дни: «Народ не поймет наносной иноземщины», ему не нужны «слова, слова, слова», но он оценит и поймет самоотверженный труд и деловую полезную работу. Ему нужны такие люди, как Петр Великий, который «на троне вечный был работник».

В этом сборнике заслуживают внимания также работы профессора К.И. Зайцева¹. В статье «Религиозная проблема Пушкина» Зайцев размышлял над религиозно-нравственным стержнем Пушкина. По мнению автора, необходимо разрешить религиозную проблему Пушкина, чтобы его понять. Зайцев ссылаясь на слова митрополита Антония перед панихидою в день столетия рождения поэта, за литургией в церкви Казанского университета, которые вскрывают всю возвышенность пушкинской поэзии. Он находит в ней неиссякаемый источник духовного назидания: «Стих Пушкина заставляет сердце наше расширяться, сладостно трепетать и воспроизводить в нашей памяти и в нашем чувстве все доброе, все возвышенное, когда-либо пережитое нами»².

Зайцев считал, что духовным здоровьем дышит поэтическое творчество Пушкина, а духовное здоровье, по словам Зайцева, является органической целостностью сознания, неким целомудрием духа, даром легкой и радостной духовной поступи той полжизни, которая позволяет пройти по морю греха и безнадежно не погрузиться в него. Духовное здоровье – неутрачиваемое сознание Божьей близости, которое позволяет в минуту грозящей гибели по-детски воззвать: «Господи, помоги мне, утопаю!»

В данной статье Зайцев раскрыл три аспекта в творчестве Пушкина: аспект душевного переживания, аспект художественного вымысла, творчески преображающего это душевное переживание, аспект исторического, в широчайшем смысле этого понятия.

Рост пушкинской души сливается с ходом познания им истории мира. Пушкин на «делах» своего словесного творчества переживает историю мира, поскольку она раскрывается его духовному взору, и в этом процессе он выковывает свое мировоззрение, свой характер, свою веру. Зайцев считал, что Пушкин прошел свой личный путь, который нельзя оторвать от его художественного творчества. Это – путь человеческих соблазнов, падений, грехов и путь преодоления их христианской душой.

¹ Религиозная проблема Пушкина // Россия и Пушкин. 1837–1937. Указ. изд. С. 42–57; Пушкин и музыка. Там же. С. 88–99.

² Зайцев К.И. Религиозная проблема Пушкина. Указ. изд. С. 42–57.

Зайцев определил, что отношение Пушкина к христианству было характерным для его времени, для тогдашнего светского общества. Пушкин не оторвался от церкви, но был достаточно далек от нее, чтобы с шуткой отзываться о благочестии любимой няни. Зайцев разделил духовный рост Пушкина на несколько периодов. В юные годы Пушкин взял на душу страшные грехи против церкви. В своем гласном творчестве он был корректен, но пользовался подчас аналогиями из Священного писания, которые не звучат кощунством только в силу изумительного совершенства формы, составляющей соблазнительный смысл.

В зрелые годы Пушкину приходилось говорить всерьез на темы, связанные с верой. Речь его принимала характер твердый и уверенный. Он и чувствовал себя христианином и отдавал себе отчет в истинном значении христианства. Зайцев уверял, что искра церковно-художественной веры никогда не угасала в Пушкине, она тлела в его душе подспудно.

Помимо вышесказанного, Зайцев подметил еще один важный мотив в творчестве Пушкина – поэт многократно описывал демонов, которые стерегли его и искушали. В стихотворении «Воспоминание» и другом стихотворении, написанном через год, Пушкин говорил о своем устремлении к Богу, вызванном видом монастыря на Казбеке. А в последние годы жизни мысль поэта все с большей отчетливостью носит след глубокого раздумья о мифе нездешнем, чаще и чаще является ему образ Спасителя на древе. Чем ближе трагическая развязка, тем успокоеннее звучит лира поэта, как, например, в стихотворении к жене: «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит, – / Летят за днями дни, и каждый день уносит / Частицу бытия, а мы с тобой вдвоем / Предполагаем жить, и глядь – как раз умрем. / На свете счастья нет, но есть покой и воля. / Давно завидная мечтается мне доля – / Давно, усталый раб, замыслил я побег / В обитель дальнюю трудов и чистых нег» (1834).

Для русских харбинцев Пушкин оставался одной из нитей, тесно связывающих их с далекой Родиной, был одним из символов культуры России. В тяжелые минуты жизни эмигрантов веселили жизнерадостные произведения его

юности. Они оживляли их, как бокал искрящегося вина, как легкая беседа приятного собеседника. У Пушкина русские харбинцы воспринимали художественные образы, знакомящие их с обширной и разнообразной Родиной. Для эмиграции произведения Пушкина представляли особый интерес во многих отношениях: это русское прошлое, описания и характеристики которого проникнуты у Пушкина ярким национальным сознанием, образы не тех русских людей, которых называли «лишними», а тех, которые были и остались героями, великими в одних случаях, незаметными в других, но всегда действовавшими во благо своей страны. Русские харбинцы воспринимали в них все то, на чем печать русского народного духа. Эмигрантам были дороги у Пушкина его народный язык, образы русской природы, русского быта. Немало русских эмигрантов в трудные минуты обращались к Пушкину, черпая в его творчестве силу, чтобы жить.

Для русских харбинцев Пушкин был еще и пророком. Они пытались найти отражение своих чувств в произведениях поэта. Профессор Гинс отмечал: «Мы замечаем в "Борисе Годунове" строки, которые раньше не останавливали на себе такого внимания. Мы ждем момента, когда сможем повторить слова Курбского на русской границе: "Вот, вот она! Вот русская граница, / Святая Русь, Отечество! Я твой! / Чужбины прах с презреньем отряхаю / С моих одежд – пью жадно воздух новый: / Он мне родной!.."»

И правда, в произведениях Пушкина отразились почти все свойства русского духа, и каждый человек находит в них то, что более соответствует его настроениям. Один и тот же читатель может воспринимать Пушкина по-разному в зависимости от того, в каком возрасте и в каких условиях он его читал. По-разному воспринимают Пушкина сменяющиеся поколения. Да будет же позволено и русским харбинцам, по-своему воспринимать Пушкина, и не бояться находить у него то, что более всего отвечает пережитому в годы зарубежной жизни и мечтам о служении Родине. Пушкин умер, но он «бессмертен, он живет в нас и с нами» – писал Г.К. Гинс. И мы вполне разделяем его мнение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
Энциклопедии, монографии, статьи
по истории, культуре и литературе русской эмиграции

1. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). – М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. – 432 с.
2. Агеносов В.В., Дябкин И.А. Генезис военной прозы А.И. Несмелова: от «военных страничек» к «окопной правде» // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. К 70-летию профессора В.В. Агеносова: Сборник научных работ/ под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой; пер. на кит. Ли Иннань; пер. на англ. О.Е. Пышняк. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2012. – С. 148–166.
3. Аргудяева Ю.В. В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф: Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева: материалы, комментарии. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2007. – 272 с.
4. Диао Шаохуа. Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография. – Харбин: Изд-во «Бейфан Вен-и», 2001. – 221 с.
5. Диао Шаохуа. Харбинская «Чураевка» // Рубеж. – 2003. – № 4. – С. 219–229.
6. Жилевич Т. (Мирошниченко Т.) В память об усопших в земле маньчжурской и харбинцах. – Мельбурн, 2000. – 1005 с.
7. Забияко А.А. «Дело о Чураевском питомнике» (новые штрихи к известной истории харбинского поэтического объединения) // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 6. – С. 170–186.
8. Забияко А.А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. – 2011. – № 2. – С. 154–170.
9. Забияко А.А. «Мои это годы, моя это жизнь и судьба!» (Жизнь и творчество поэта Николая Щеголева в контексте судьбы «взыскующих поэтов» дальневосточного зарубежья) // Щеголев Н. Сочинения / Сост. Вл. Резвый,

А.А. Забияко/ Под ред. Вл. Резвого. Послесловие А.А. Забияко. – М.: Водолей, 2014. – С. 238–310.

10. Забияко А.А. На проселочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. Ч. 1. Проза / Хрестоматия. – Благовещенск: Амурский гос. университет. 2013. – С. 3–37.

11. Забияко А.А. Ремифологизация в художественном сознании эмигранта-харбинца // Религиоведение. – 2006. – № 3. – С. 161–179.

12. Забияко А.А. «Дикари под боком у Харбина»: религиозная жизнь эвенков Северной Маньчжурии в периодической печати дальневосточной эмиграции // Религиоведение. – 2014. – № 4. – С. 185–192.

13. Забияко А.А. Архив Н. Щеголева как источник реконструкции жизни русской эмиграции в Харбине // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11 / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на кит. и англ. Е.В. Сенина. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2015. – С. 221–234.

14. Забияко А.А. «Слово мое – разящий меч»: феномен религиозно-художественного радикализма // Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 158–172.

15. Забияко А.А. Тропа судьбы Алексея Ачаира: Научное издание. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2005. – 286 с.

16. Забияко А.А. Юродство как форма литературного поведения // Религиоведение. – 2008. – № 2. – С. 166–178.

17. Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. – Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – 447 с.

18. Забияко А.А., Дябкин И.А. Трансформация сюжетов китайской мифологии в творчестве дальневосточных писателей 20-40 гг. XX в. // Религиоведение. – 2013. – № 4. – С. 139–157.

19. Забияко А.А., Землянская К.А. Теософская утопия в культурной жизни дальневосточной эмиграции // Религиоведение. – 2013. – № 3. – С. 187–210.
20. Забияко А.А., Забияко А.П. Исторический опыт Гражданской войны в произведениях писателей-эмигрантов русского Харбина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 5. – С. 123–131.
21. Забияко А.А., Левченко А.А. Художественная этнография В. Марта: дальневосточный период // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4. – С. 150–165.
22. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии (монография) // Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. – 361 с.
23. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (художественный мир лирики русского Харбина). – Научное издание. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. – 434 с.
24. Забияко А.А., Забияко А.П., Лешко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта (монография). – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2015. – 462 с., илл.
25. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Прозаическая Арсениана: забытый архив русской жизни // В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии: Научное издание: В 3-х томах. Т. 1. Проза: В 2-х частях. Ч. 1 / Сост. и комментарии А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой; подгот. текстов Е.Е. Бибик, И.А. Дябкина, А.А. Забияко, К.А. Землянкой, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой.
26. Забияко А.А. Художественная этнография в литературе дальневосточной эмиграции: творчество Н.А. Байкова и религиозные традиции народов Северной Маньчжурии // Литературное зарубежье как культурный феномен: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения; Отв. ред. Петрова Т.Г.; Ред.-сост. Жулькова К.А., Петрова Т.Г. – М.,

2017. – **Ошибка! Закладка не определена.** с. – (Сер.: Теория и история литературоведения). Москва, 2017. – С. 220–236.

27. Забияко А.П. Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2010. – Вып. 9. – С. 5–10.

28. Забияко А.П. Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII – начала XX вв. // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / А.П. Забияко, Р.А. Кобызов, Л.А. Понкратова / под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2009. – С. 9–35.

29. Забияко А.П. Русские и китайцы на Дальнем Востоке: двадцать пять лет жизни в условиях открытой границы // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Этнокультурные процессы в политическом контексте. Вып. 10 / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2013. – С. 15–30.

30. Крадин Н.П. Харбин – Русская Атлантида. – Хабаровск: Издатель Хворов А.Ю., 2001. – 352 с.

31. Лешошко С.С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века: Научное издание / Российская академия архитектуры и строительных наук и др.; отв. ред. Н.П. Крадин. – Хабаровск: Частная коллекция, 2003. – 176 с.

32. Лешошко С. С. К истории архитектурного отделения Русского культурно-исторического музея в Праге (1936–1944) // Межд. научно-практ. конференция «Рериховское наследие». – Том VIII: Н. К. Рерих и его современники. Архитекторы и архитектура. Восток глазами Запада. – СПб., 2011. – С. 224–234.

33. Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения: Сборник научных трудов, посвященных 60-летию проф. В.В. Агеносова. – М.: Советский спорт, 2002. – С. 271–285.

34. Ли Мэн. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. – 1999. – № 1. – С. 96–103.

35. Линник Ю. Сольвейг. наброски к портрету Лариссы Андерсен // Грани. – 1995. – № 177. – С. 149–167.
36. Линник Ю. Валерий Перелешин // Новый журнал. – 1992. – № 189. – С. 227–193.
37. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. – М.: Русский путь, 2003. – 440 с.
38. Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собрания библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета / предисл., пер. с англ. и науч. ред. А.А. Хисамутдинова. – М.: Пашков Дом, 2002. – 204 с.
39. Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 1. Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. – Вып. 1. – 228 с.
40. Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 2. Литературоведческая россика: Сборник научных статей памяти В.А. Слободчикова / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. – 228 с.
41. Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 3. Сборник научных работ, посвященных 95-летию Ларисы Андерсен / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – 176 с.
42. Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 4. К 70-летию профессора О.И. Федотова: Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. – 244 с.
43. Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5. Проблемы источниковедения и текстологии: Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – 270 с.
44. Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. К 70-летию профессора В.В. Агеносова. Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Пер. на кит. Ли Иннань; пер. на англ. О.Е. Пышняк. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – 354 с.

45. Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 7. Культура и литература дальневосточной эмиграции в архивах, письмах, воспоминаниях. Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой; пер. на кит. Е.В. Сениной; пер. на англ. О.Е. Цмыкал. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017. – 330 с.
46. Стефан Дж. Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. – М.: Изд-во Советско-Британского совместного предприятия «Слово», 1992. – 440 с.
47. Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. – М.: Прометей, 1994. – 192 с.
48. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 360 с.
49. Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния: Монография: В 2 ч. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000. – 360 с.
50. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиографический словарь. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 384 с.
51. Хисамутдинов А.А. Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбков» // Известия Восточного института. – 1996. – № 3. – С. 150–160.
52. Эфендиева Г.В. В пространстве харбинской моды (по материалам журнала «Рубеж») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2009. – С. 142–153.
53. Эфендиева Г.В. Судьбы еврейской диаспоры в Китае (по материалам «Бюллетеня Игуд Иоцей Син») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Сборник материалов международной научной конференции / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2002. Вып. 3. – С. 469–475.
54. Эфендиева Г.В. «Обманчиво несложная» поэтесса (О поэтическом мире Лариссы Андерсен) // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 3.

Сборник научных статей, посвященных 95-летию Ларисы Андерсен / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2009. – С. 121–135.

55. Эфендиева Г.В. Образ русской женщины в творчестве поэтесс русского Китая // Русский Харбин, запечатленный в слове. – Вып. 2. Литературоведческая россика. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. – С. 55–66.

56. Эфендиева Г.В. О последнем поколении харбинских лириков // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2009. – С. 35–44.

57. Эфендиева Г.В. Поэтическая религиозность русских поэтесс-эмигранток (по страницам харбинской лирики) // Религиоведение. – 2006. – № 4. – С. 109–119.

58. Эфендиева Г.В. «Что читал русский Харбин?» (О литературных пристрастиях русского восточного зарубежья 1920–1930 гг.) // Русский Харбин, запечатленный в слове. – Вып. 6. – Благовещенск, 2012. – С. 182–195.

**Художественные произведения, публицистические тексты,
литературно-критические работы, письма, мемуары, антологии**

1. Андерсен Л. Ларисса вспоминает... / Публ. Э. Штейна // Новый журнал. – 1995. – № 200. – С. 315–326.

2. Андерсен Л. Одна на мосту. Стихотворения. Воспоминания. Письма / сост., вступ. ст. и примеч. Т.Н. Калиберовой; предисл. Н.М. Крук; послесл. А.А. Хисамутдинова. – М.: Русский путь. Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2006. – 472 с.

3. Андерсен Л. По земным лугам: Стихи. – Шанхай: Изд-во журнала «Современная женщина», 1940. – 56 с.

4. Балакшин П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. – Сан-Франциско; Нью-Йорк; Париж: Изд-во Сириус, 1958–1959. – 352 с.

5. Байков Н.А. Великий Ван: Повесть; Черный капитан: Роман. Владивосток: Рубеж, 2009. – 528 с.
6. Байков Н.А. В горах и лесах Маньчжурии: очерки; Тигрица: повесть / Ком. и прилож. Е. Ким. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 736 с.
7. Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею Кио-Ва-Кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. – Харбин: Издание Харбинского симфонического общества, 1942. – 65 с.
8. Волин М. Гибель «Молодой Чураевки»: Воспоминания / публ. Э. Штейна // Новый журнал. – 1997. – № 209. – С. 216–240.
9. Волин М. Русские поэты в Китае // Континент. – 1982. – № 34. – С. 337–357.
10. В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Научное издание: В 3-х томах. Т. 1 (в 2-х ч.) Материалы к творческой биографии / Сост. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой; подгот. текстов И.А. Дябкина, А.А. Забияко, К.А. Землянкой, Г.В. Эфендиевой; комментарии А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2015.
11. Голенищев-Кутузов И.Н. Арсений Несмелов // Возрождение. – 1932. – 8 сентября.
12. Голенищев-Кутузов И.Н. Русская литература на Дальнем Востоке // Возрождение. – Париж. – 1932.
13. Ещин Л. Собрание стихотворений. – М.: Водолей Publishers, 2005. – 80 с.
14. Иванов Вс.Н. Об эмигрантской литературе // Огни в тумане. Рерих – художник и мыслитель. – М.: Советский писатель, 1991. – 384 с.
15. И.Ф. Эмигрантские писатели на Дальнем Востоке // Русские записки. – Париж, Шанхай. – 1937. – № 1. – С. 322–330.
16. Ильина Н. Встречи: Из автобиографической прозы // Октябрь. – 1987. – № 5. – С. 83–109.

17. Ильина Н.И. Возвращение: Роман: В 2 кн. – М.: Советский писатель, 1957, 1966.
18. Ильина Н.И. Дороги и судьбы: Автобиографическая проза. – М.: Советский писатель, 1985. – 560 с.
19. Ильина-Лаиль О. Восточная нить. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. – 288 с.
20. Крузенштерн-Петерец Ю. «У каждого человека есть своя родина...»: Воспоминания // Россияне в Азии. – 1994. – № 1. – С. 17–132.
21. Крузенштерн-Петерец Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. – 1997. – № 4. – С. 124–210; 1998. – № 5. – С. 25–83; 1999. – № 6. – С. 29–104; 2000. – № 7. – С. 93–149.
22. Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // Возрождение. – 1968. – № 204. – С. 45–70.
23. Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. В 3-х ч. Проза / Хрестоматия / Сост. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2013.
24. Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. / собиратель оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен. – Пекин: Изд-во «Китайская молодежь», 2005.
25. Несмелов А. Собрание сочинений: В 2 т. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006.
26. Перелешин В. Дальний Восток в Якоря // Новый журнал. – 1973. – № 111. – С. 298–299.
27. Перелешин В. Дваполустанка. Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930 – 1950. – Amsterdam, 1987. – 160 с.
28. Перелешин В. Русские дальневосточные поэты // Новый журнал. – 1972. – № 107. – С. 255–262.
29. Перелешин В. Русские поэты – друг другу // Новый журнал. – 1988. – № 172–173.

30. Перелешин В. Поэма без предмета / под ред. и с предисл. С. Карлинского. – Холиоук: Нью Инглант Паблшинг К., 1989.
31. Петров В.П. Город на Сунгари. – Вашингтон: Изд-во «Русско-Американское историческое общество», 1984. – 289 с.
32. Петров В.П. Литературная жизнь в Харбине и Шанхае // Вопросы литературы. – 1985. – № 8. – С. 276–281.
33. Петров М. Шанхай на Вампу. Очерки. Рассказы. – Вашингтон: Изд-во «Русско-Американское историческое общество», 1985. – 272 с.
34. Рачинская Е.Н. Калейдоскоп жизни: Воспоминания. – Париж: YMCA-Press, 1990. – 429 с.
35. Рачинская Е.Н. Перелетные птицы: Воспоминания. – Сан-Франциско: Глобус, 1982. – 262 с.
36. Русская поэзия Китая: Антология / сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. – М.: Время, 2001. – 720 с.
37. Русские поэты Китая о Китае и Японии // Россияне в Азии. – 1995. – № 2. – С. 3–47.
38. Русский Харбин / сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. – М.: Изд-во МГУ; Наука, 2005. – 352 с.
39. Семеро: Литературно-художественный сборник / Л. Андерсен [и др.]. – Харбин: Изд-во ХСМЛ, 1931.
40. Сентянина Е. Харбинские писатели и поэты // Рубеж. – 1940. – № 24-25. – С. 5–8.
41. Серебренников И.И. Великий отход. Рассеяние по Азии Белых армий, 1919-1923. – Харбин, 1933.
42. Серебренников И.И. Мои воспоминания: В 2 т. – Тяньцзинь: тип. «StarPress», 1937–1940.
43. Сигма (В. Перелешин). Работа литературной студии // Чураевка. – 1934. – № 5.
44. Скопиченко О. Автобиография // Русская жизнь. – 1983. – 28 октября.

45. Скопиченко О. О героике прошлых дней: Памяти поэтессы Марианны Колосовой // Русская жизнь. – 1964. – 24 декабря.
46. Слободчиков В.А. Земля отцов. – Владимир: Маркарт, 2003. – 85 с.
47. Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 431 с.
48. Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // Рубеж. – 1934. – № 47. – С. 24–25.
49. Устрялов Н.В. Образы Пекина // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 1-2.
50. Устрялов Н.В. Россия из окна вагона. – Харбин, 1924. – 154 с.
51. Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. – Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ», 2003. – 416 с.
52. Харбин. Ветка русского дерева: Проза, стихи / сост. Д.Г. Селькина, Е.П. Таскина. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1991. – 400 с.
53. Харбин – очаг русской культуры: На доклад академика Рериха в христианском союзе // Заря. – 1934. – 4 июня.
54. Хейдок А. Звезды Маньчжурии: Рассказы. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 336 с.
55. Шкуркин П.В. Китайские легенды и предания. – Харбин, 1921.
56. Штерн О. О дальневосточных писателях // Багульник: Литературно-художественный сборник. – Харбин, 1931. – Вып. 1. – С. 183–189.
57. Щеголев Н. Что такое «Молодая Чураевка»? // Парус. – 1931. – № 1. – С. 82.
58. Щеголев Н. Победное отчаянье / Сост. А.А. Забияко, В.А. Резвый. Послесловие А.А. Забияко. Комментарии В.А. Резвого. – Москва: Водолей, 2014. – 352 с.
59. Щеголев Н.А. Тетрадь № 1. Рукопись. Черновик романа «Перекресток» (1957–1962) // Архивный фонд литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточного зарубежья» Амурского государственного университета.

60. Щеголев Н.А. Тетрадь № 2. Рукопись, машинопись. Лекции, стихи, заметки // Архивный фонд литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточного зарубежья» Амурского государственного университета.

61. Щербаков М. Одиссеи без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы / Сост., комм. и вступит. ст. А. Колесова. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 480 с.

62. Юльский Б. Зеленый легион: повесть и рассказы / Сост. и комм. А. Колесова; Сост и вст. ст. А. Лобычева. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 560 с.

Теоретические работы и словари

1. Арутюнян Ю.В. и др. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 271 с.

2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступит. ст. Г.К. Косикова. – М.: Согласие, 1989. – 616 с.

3. Библийская энциклопедия. – М.: Терра, 1990. – 1060 с.

4. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. – М.: Республика, 1996. – 334 с.

5. Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины. – М.: Academia, 1999. – С. 141–153.

6. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

7. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1940. – 284 с.

8. Гаспаров М.Л. Избранные работы. – М.: НЛЮ, 1995. – 477 с.

9. Гаспаров М.Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. – М.: РГГУ, 2000. – 298 с.

10. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. – М.: Фортуна Лимитед, 2001. – 287 с.
11. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строрфика. – М.: Фортуна Лимитед, 2000. – 352 с.
12. Гинзбург Л.Я. О лирике. – Л., 1974. – 367 с.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1989–1991.
14. Дарвин М.Н. Художественная циклизация лирики // Теория литературы. – Т. III. Роды и жанры (Основные проблемы в историческом освещении). – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 467–516.
15. Дзусева Н.В. Женская лирика 20-х гг. и споры вокруг нее // Метод и стиль писателя. – Владимир, 1976.
16. Дмитриев Г.В. О псевдонимах и их классификации // Филологические науки. – 1975. – № 5.
17. Долгополов Л. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века. – Л., 1985. – 351 с.
18. Еремина В.И. Ритуал и фольклор. – Л.: Наука, 1991. – 203 с.
19. Жизнь человека в русском фольклоре. – Вып. 1. Младенчество. Детство / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. Аникиной. – М.: Художественная литература, 1991. – 530 с.
20. Жирмунский В.М. Поэтика русской поэзии. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 496 с.
21. Забияко А.А. Синэстезия: метаморфозы художественной образности. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т., 2004. – 214 с.
22. Забияко А.П. Богини-Матери культ // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академия, 2006. – С. 120.
23. Забияко А.П. Земли культ // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академия, 2006. – С. 359.

24. Забияко А.П. Категория святости: сравнительное исследование лингво-религиозных традиций. – М.: Издательский дом «Московский учебник – 2000», 1998. – 250 с.
25. Забияко А.П. Конфуцианство // Религии мира. Энциклопедия. – М.: «Академический проект», 2007. – С. 305.
26. Забияко А.П. Мифологизирование истории // Культурология. XX век. Энциклопедия: В 2 т. – Т. 2. – СПб.: Университетская книга, 1998. – С. 54-55.
27. Забияко А.П. Ремифологизация // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Академический проект», 2006. – С. 400.
28. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сборник статей. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
29. Здравомыслова О.М. «Русская идея»: Антиномия женственности и мужественности в национальном образе России // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 109–115.
30. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1993. – С. 90-136.
31. Зигмунд Фрейд. Психоанализ и русская мысль / сост. и автор вступ. ст. В.М. Лейбин. – М., 1994. – 384 с.
32. История русской литературы: XX век: Серебряный век / под ред. Жоржа Нива [и др.]. – М.: «Прогресс» – «Литера», 1995. – 704 с.
33. К.Г. Юнг о современных мифах: Сборник трудов. – М.: Практика, 1994. – 252 с.
34. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / пер. с фр. и вст. ст. С.Н. Зенкина. – М.: ОГИ, 2003. – 296 с.

35. Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX в. – М.: Наука, 1986. – 280 с.
36. Корман Б. О. Литературоведческие термины по проблеме автора. – Ижевск, 1982. – 325 с.
37. Кормилов С.И. Маргинальные системы русского стихосложения. – М.: МГУ, 1995. – 158 с.
38. Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Устное народное поэтическое творчество. – М.: Высшая школа, 1983. – 397 с.
39. Кремнева Н. Гендерные особенности этнической идентификации // Другое поле: социологические практики / под ред. Е.Л. Омельченко, С.А. Перфильева. – Ульяновск: Изд-во Средневолжского научного центра, 2000. – 363 с.
40. Культурология. XX век. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Алетейя, 1998.
41. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1981. – 214 с.
42. Ли И. Танская поэзия // Литературная энциклопедия для школьников. – М.: Изд-во «Дрофа», 2005.
43. Литературная энциклопедия образов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 ст.
44. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 1994. – 400 с.
45. Максимов Д.Е. Поэзия и проза А. Блока. – Л.: Советский писатель, 1981. – 590 с.
46. Малявин В.В. Китайская цивилизация. – М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»; ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 1020 с.

47. Мартынов А.А. Конфуцианство. «Лунь Юй»: В 2 т. – Т. 1. / Пер. А.С. Мартынова. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 907 с.
48. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: «Восточная литература» РАН; Школа «Языки русской культуры», 1995. – 408 с.
49. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1988.
50. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: Азбуковник, 1999.
51. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация. – М.: Наука, 1990. – 400 с.
52. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. – М.: Наука, 1993. – 306 с.
53. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. – М.: Наука, 1994. – 298 с.
54. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Образные средства языка и их трансформация. – М.: Наука, 1995. – 256 с.
55. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыты описания идиостилей. – М.: «Наследие», 1995. – 287 с.
56. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – М.: Ин-т рус. языка РАН, 1995. – 491 с.
57. Павловский А. Анна Ахматова. Жизнь и творчество. – М.: Просвещение, 1991. – 289 с.
58. Переломов Л.С. Конфуций. Лунь Юй / исслед., пер. с кит., коммент. факсимильный текст «Лунь Юя» с коммент. Чжу Си. – М.: «Восточная литература» РАН, 1998.

59. Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев: Радуница, 1993. – 190 с.
60. Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 640 с.
61. Рабинович В. «Красивое страдание» (заметки о русском романсе) // Русский романс / сост., вст. ст. и коммент. В. Рабиновича. – М.: Правда, 1987. – 640 с.
62. Религиоведение. Энциклопедический словарь / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова [и др.]. – М.: Академический проект, 2006. – 1256 с.
63. Рифтин Б. Литература Древнего Китая // Поэзия и проза Древнего Востока. – М.: Художественная литература, 1973. – С. 251–260.
64. Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения: Сборник научных трудов, посвященных 60-летию проф. В.В. Агенова. – М.: Советский спорт, 2002. – 440 с.
65. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920 годов). – Кн. I. – М.: ИМЛИ РАН, 2000. – 960 с.
66. Русские / отв. ред. В.А. Александров [и др.]. – М.: Наука, 2005. – 828 с.
67. Русский литературный авангард: Материалы и исследования. – Ун-т Тренто, 1990. – 485 с.
68. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – М.: Изд-во «Наука», 1987. – 783 с.
69. Сергеева А.В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М.: Флинта; Наука, 2005. – 234 с.
70. Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник. – М.: Интрада – ИНИОН, 1996. – 320 с.

71. Соловьев В.С. Смысл любви. Избранные произведения / сост., вступ. ст., коммент. Н. И. Цимбаева. – М.: Современник, 1991. – 525 с.
72. Степанов Г.В. О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста // Известия АН СССР. Сер. «Литература и язык». – 1980. – С. 195–204.
73. Стефаненко Т. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН; Академический проект, 1999. – 320 с.
74. Тань Аошуан. Модель этического идеала конфуцианцев // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 46–54.
75. Тань Аошуан. Ментальность срединного пути // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред Н.Д. Арутюнова [и др.]. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 31-46.
76. Тань Аошуан. О модели времени в китайской языковой картине мира // Логический анализ языка: Язык и время / отв. ред. Н.Д. Арутюнова [и др.]. – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – С. 96–107.
77. Теория литературы: В 4 т. – Т. 3. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 592 с.
78. Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XX века. – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – 456 с.
79. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс; Культура, 1995. – 624 с.
80. Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.
81. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Советский писатель, 1977. – 437 с.

82. Тынянов Ю.Н. Проблемы стихотворного языка. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
83. Фатеева Н.А. Семантические преобразования в поэзии и прозе одного автора и в системе поэтического языка. Очерки истории языка русской поэзии XX века. – М.: Наука, 1995.
84. Федотов О.И. Катрены охватной рифмовки в стихотворениях О. Мандельштама 1908-1909 гг. // Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика: Материалы международной конференции. – М.: Языки славянской культуры; Наука, 2001. – С. 285–300.
85. Федотов О.И. «Китайские стихи» Николая Гумилева (версификационная поэтика цикла) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002. – Вып. 3. – С. 494–501.
86. Федотов О.И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха: В 2 кн. – М.: Флинта; Наука, 2002.
87. Чудакова М.О. Избранные работы: В 2 т. – Т. 1. Литература советского прошлого. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 472 с.
88. Эткинд Е.Г. Проза о стихах. – СПб.: Знание, 2001. – 448 с.
89. Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии. – Л., 1986. – 340 с.
90. Эйдлин Л. Китайская классическая поэзия // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. – М.: Художественная литература, 1977. – 926 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА	6
ПРИМЕРНЫЕ ПЛАНЫ ЛЕКЦИОННЫХ ЗАНЯТИЙ.....	8
ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЛЕКЦИЙ.....	12
ПРИМЕРНЫЕ ПЛАНЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ.....	82
САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА.....	88
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ.....	98
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	298

Учебное издание

Забияко Анна Анатольевна

История литературы дальневосточного зарубежья

Учебное пособие

Техн. ред. К.А. Землянская